И 8к/1019
801-18
436

А. Токвиль.

Старый порядокъ и революція.

Переводъ д-ра В. К. ПАНЧЕНКО.

Подъ редакціей профессора Э. Д. ГРИММА.

С.-Петербургъ.
Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.
1906.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
11238-49

2014029272

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга, которую я выпускаю теперь въ свѣтъ, вовсе не представляетъ исторіи революціи, исторіи, которая уже такъ блестяще была составлена другими, что я и не помышляю составлять ее наново. Книга моя является лишь этюдомъ о революціи

Французы въ 1789 году употребили величайшее усиліе, къ какому еще никогда не прибѣгалъ никакой другой народъ, съ цѣлью разрубить, такъ сказать, на-двое свою судьбу и создать пропасть между тѣмъ, чѣмъ они были, и тѣмъ, чѣмъ они стремились сдѣлаться въ будущемъ.

Съ этой цѣлью они приняли всѣ предосторожности, чтобы не перенести въ свои новыя условія жизни чего-нибудь изъ прошлаго; они всячески принуждали себя быть иными, чѣмъ были ихъ отцы. Словомъ, они ничего не упустили изъ виду, чтобы стать неузнаваемыми.

Я всегда считалъ, что въ этомъ необычайномъ предпріятіи они достигли гораздо меньшаго, чѣмъ объ этомъ думали внѣ Франціи и чѣмъ имъ самимъ это казалось вначалѣ. Я былъ убѣжденъ, что, сами о томъ не вѣдая, они удержали отъ стараго порядка большую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, при помощи которыхъ они провели революцію, которая разрушила этотъ старый порядокъ, и что они помимо своей воли

пользовались его обломками для построенія зданія новаго общества. Такъ что для того, чтобы уяснить себѣ толкомъ французскую революцію и ея результаты, нужно было на минуту забыть Францію въ ея современномъ видѣ и обратиться къ ея могилѣ, къ той Франціи, которой уже не существуетъ. Вотъ это именно я и пытался сдѣлать въ своей книгѣ, но мнѣ пришлось потратить гораздо больше труда на это дѣло, чѣмъ я могъ думать, принимаясь за него.

Первые вѣка монархіи, средневѣковый періодъ, эпоха возрожденія вызвали цѣлый рядъ капитальныхъ работъ и сдѣлались предметомъ основательнѣйшихъ изслѣдованій, которыя привели насъ не только къ знанію совершавшихся тогда событій, но и къ познанію законовъ, обычаевъ, духа правительства и націи въ эти различныя эпохи. Никто до сихъ поръ не далъ себѣ труда разобрать такимъ образомъ исторію XVIII вѣка и близко ознакомиться съ этой эпохой. Намъ кажется, что мы очень хорошо знакомы съ французскимъ обществомъ того времени, потому что мы ясно видимъ, что блестѣло на поверхности, потому что мы до тонкостей изучили исторію знаменитостей, жившихъ въ тѣ времена, и потому что остроумные или краснорѣчивые критическіе труды закончили наше знакомство съ произведеніями великихъ писателей, украсившихъ эту эпоху. Но что касается способа веденія дѣлъ въ тѣ времена, дѣйствительной практики существовавшихъ тогда учрежденій, истиннаго положенія различныхъ слоевъ общества и ихъ взаимныхъ отношеній, условій жизни и мнѣній тѣхъ, которые еще молчали и не высказывались, и даже самыхъ основъ взглядовъ и обычаевъ той эпохи, то наши идеи на этотъ счетъ весьма сбивчивы и зачастую совершенно ошибочны.

Я поставилъ себѣ задачей проникнуть въ самую душу этого стараго порядка, столь недалекаго отъ насъ по времени, но заслоняемаго революціей.

Чтобы разрѣшить эту задачу съ успѣхомъ, я не только перечелъ тѣ знаменитыя сочиненія, какія дало намъ XVIII столѣтіе, я рѣшилъ изучить многія менѣе извѣстныя и даже достойныя такой печальной участи сочиненія, которыя, однако, въ

безыскусственной формѣ отражаютъ, быть можетъ, съ бо́льшей ясностью истинные инстинкты того времени. Я постарался основательно изучить всѣ тѣ публичные акты, въ которыхъ французы передъ приближеніемъ революціи могли высказать свои взгляды и вкусы. Протоколы провинціальныхъ штатовъ, а позднѣе провинціальныхъ собраній дали мнѣ въ этомъ отношеніи много матеріала. Я особенно много пользовался наказами, составленными тремя сословіями въ 1789 г. Эти наказы, оригиналы которыхъ составляютъ длинный рядъ рукописныхъ томовъ, сохранятъ свое значеніе навсегда какъ завѣтъ стараго французскаго общества, какъ высшее выраженіе его желаній, какъ неподдѣльное обнаруженіе его послѣдней воли. Онѣ являются единственнымъ въ своемъ родѣ документомъ въ исторіи. Но и такой матеріалъ мнѣ казался еще недостаточнымъ.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ государственная администрація уже стала могущественной, возникаетъ мало идей, желаній, скорбей, рѣдко сталкиваются такіе интересы и страсти, которые рано или поздно не обнаруживаются во всей своей наготѣ передъ этой административной властью. При посѣщеніи архивовъ пріобрѣтается не только весьма точное понятіе о пріемахъ власти, но тутъ познается и вся страна во всей ея совокупности. Какой-нибудь иностранецъ, въ распоряженіе котораго предоставили бы нынѣ всю конфиденціальную переписку, заполняющую картоны министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуръ, вскорѣ пріобрѣлъ бы лучшія свѣдѣнія о насъ, чѣмъ мы сами о себѣ знаемъ. Въ XVIII вѣкѣ государственная администрація представляла уже, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, весьма централизованное, весьма могущественное и крайне дѣятельное учрежденіе. Она безпрестанно то содѣйствовала, то препятствовала, то разрѣшала. Она имѣла возможность много обѣщать, много и дать. Эта администрація на тысячу ладовъ могла оказывать вліяніе не только на общее веденіе дѣлъ, но и на судьбу семей и частную жизнь каждаго человѣка. Кромѣ того она дѣйствовала не гласно, а потому никто не боялся обращаться къ ней даже по поводу самыхъ интимныхъ дѣлъ. Я очень долго

изучалъ то, что намъ осталось отъ этого порядка какъ Парижѣ, такъ и во многихъ провинціяхъ *).

Какъ я и ожидалъ, я увидѣлъ старый порядокъ такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ со всѣми его идеями, страстями, предразсудками и способами дѣйствія. Каждый человѣкъ говорилъ здѣсь свободно, не стѣсняясь и раскрывая свои самыя сокровенныя мысли. Такимъ путемъ мнѣ удалось пріобрѣсть много такихъ свѣдѣній о старомъ порядкѣ, какими не обладали современники, потому что у меня передъ глазами было то, чего они никогда не могли видѣть.

По мѣрѣ того какъ я подвигался въ изученіи этого матеріала, меня удивляло то, что во Франціи того времени я подмѣтилъ много чертъ, бросающихся въ глаза и въ современной намъ Франціи. Я нашелъ тамъ массу такихъ настроеній, которыя я считалъ выросшими революціей, массу идей, которыя до тѣхъ поръ казались мнѣ возникшими на ея почвѣ, наконецъ, много такихъ обычаевъ, которые принято считать прямо результатомъ революціи. Словомъ, повсюду я находилъ корни современнаго общества, глубоко вросшіе въ старую почву.

Чѣмъ больше я приближался къ 1789 году, тѣмъ яснѣе я познавалъ тотъ духъ, который вызвалъ, породилъ и вырастилъ революцію. Мало-по-малу передо мной развертывалась вся физіономія этой революціи. Она уже проявляла свой темпераментъ, свой геній. Это была уже сама революція. Я понялъ не только смыслъ ея первыхъ проявленій, я нашелъ здѣсь, пожалуй, еще болѣе ясныя указанія на ея конечные результаты. Въ революціи слѣдуетъ различать два рѣзко различныхъ фазиса: первый,

*) Я особенно много пользовался архивами нѣкоторыхъ большихъ интендантствъ, особенно Турскимъ, который содержитъ весьма разносторонніе данные, относящіеся къ очень обширному округу, расположенному въ центрѣ Франціи и населенному милліономъ жителей. Я долженъ выразить здѣсь свою благодарность молодому, свѣдущему архиваріусу, завѣдующему этимъ архивомъ, г. Grandmaison'у. Изученіе другихъ большихъ архивовъ, между прочимъ архивовъ Иль-де-Франса, привело меня къ заключенію, что положеніе дѣлъ было одинаково въ большей части королевства.

когда французы, казалось, хотѣли уничтожить все прошлое, второй, когда они уже стараются удержать что-нибудь изъ прошлаго. Многія законоположенія и политическіе обычаи стараго порядка сразу исчезаютъ въ 1789 году и спустя нѣсколько лѣтъ вновь выступаютъ на сцену, подобно тому какъ нѣкоторыя рѣки поглощаются почвой съ тѣмъ, чтобы опять появиться на поверхности, показывая тѣ же воды новымъ берегамъ.

Главнымъ предметомъ моего настоящаго труда является уясненіе причинъ, почему эта великая революція, которая въ одно и то же время подготовлялась почти на всемъ континентѣ Европы, вспыхнула у насъ раньше, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ, почему она вышла какъ бы сама собой изъ того общества, которое она должна была уничтожить, и какъ, наконецъ, могла пасть старая монархія такъ окончательно и внезапно.

Предпринятый мною трудъ не долженъ, однако, остановиться на этомъ. Мое намѣреніе, если у меня на то хватитъ времени и силъ, заключается въ томъ, чтобы прослѣдить черезъ всѣ стадіи длиннаго революціоннаго періода этихъ самыхъ французовъ, съ которыми я такъ сроднился при изученіи стараго порядка, французовъ, которыхъ создалъ этотъ старый порядокъ, прослѣдить, какъ они преобразовались и мѣнялись соотвѣтственно ходу событій, не измѣнивъ, однако, своей сущности, и какъ они непрерывно вновь являются передъ нами хотя съ нѣсколько различной, но все-таки легко узнаваемой физіономіей.

Прежде всего я вмѣстѣ съ ними переживу эту первую эпоху 1789 года, когда сердца ихъ наполнены любовью къ свободѣ и равенству, когда они хотятъ создать учрежденія не только демократическія, но и свободныя, когда они не только желаютъ уничтожить всякія привилегіи, но и признать и освятить извѣстныя права. Это было время юности, энтузіазма, гордости, эпоха великодушныхъ и искреннихъ чувствъ, о которомъ, несмотря ни на какіе недочеты, у людей вѣчно сохранится воспоминаніе и которое еще долго будетъ нарушать сонъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ развратить или поработить людей.

Слѣдя за ходомъ революціоннаго движенія, я постараюсь указать, подъ вліяніемъ какихъ событій, ошибокъ и недоразу-

мѣній, тѣ же французы наконецъ отказались отъ своего первоначальнаго плана и, забывая о свободѣ, впослѣдствіи пожелали лишь сдѣлаться равноправными слугами властителя міра. Я укажу, какъ правительство болѣе сильное и болѣе абсолютное, чѣмъ то, какое низвергло революція, вновь завладѣваетъ и централизуетъ всю власть, упраздняетъ всѣ свободы, купленныя такой дорогой цѣной, и на ихъ мѣсто ставитъ лишь ихъ блѣдный обликъ, называя народовластіемъ голосованіе избирателей, которые не могутъ ни объясниться, ни придти къ соглашенію, ни производить настоящихъ выборовъ, называя свободнымъ вотированіемъ налога одобреніе безгласныхъ или раболѣпствующихъ собраній и отнимая у французскаго народа право на самоуправленіе, основныя гарантіи права, свободу мысли, слова и письма, т.-е. все то, что было самаго дорогого и благороднаго въ побѣдахъ 1789 года это правительство продолжало украшать себя великимъ воспоминаніемъ революціонной эпохи.

Я остановлюсь на томъ моментѣ, въ который революція, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе закончила свое дѣло и создала новое общество. Тогда я обращусь къ изученію этого новаго общества.

Я постараюсь разобрать, въ чемъ оно похоже на предшествовавшее ему общество и въ чемъ оно отличается отъ послѣдняго, что мы потеряли въ этомъ колоссальномъ переворотѣ и что мы выиграли отъ него, и, наконецъ, сдѣлаю попытку предугадать то, что ожидаетъ насъ въ будущемъ.

Часть моей второй работы уже начата, но я считаю ее пока недостойной вниманія публики. Удастся ли мнѣ довести ее до конца? Кто знаетъ? Судьба отдѣльныхъ личностей еще загадочнѣе судьбы народовъ.

Я надѣюсь, что написалъ настоящій трудъ безъ предубѣжденія, но не претендую на то, что онъ написанъ безстрастно. Врядъ ли простительно было бы французу оставаться хладнокровнымъ, когда онъ говоритъ о своей странѣ и вспоминаетъ свое время.

Я долженъ, такимъ образомъ, признаться, что, изучая наше старинное общество во всѣхъ его частяхъ, я никогда не терялъ

совсѣмъ изъ виду и новое общество. Я желалъ знать не только то, отъ какой болѣзни умеръ больной, но и то, какъ онъ могъ бы избавиться отъ смерти. Я поступаю, какъ тѣ врачи, которые въ каждомъ погибшемъ органѣ стараются открыть законы жизни. Цѣлью моей было представить вполнѣ точную картину, но которая въ то же время могла бы быть и поучительной. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось встрѣчать у нашихъ предковъ какія-либо изъ тѣхъ мужественныхъ добродѣтелей, которыя намъ были бы крайне необходимы и которыя мы почти утратили, какъ, напр., истинный духъ независимости, влеченіе къ великимъ дѣяніямъ, вѣра въ себя и въ святость своего дѣла, тогда я старался выставить эти добродѣтели въ рѣзкихъ чертахъ. Такъ же точно, когда я находилъ въ тогдашнихъ законахъ, въ идеяхъ, въ обычаяхъ того періода слѣды какого-нибудь порока, который, деморализуя старое общество, живетъ въ насъ и понынѣ, я старался пролить больше свѣта на всѣ эти условія съ тѣмъ, чтобы, оцѣнивъ причиненное пороками зло, можно было бы лучше уяснить себѣ то зло, какое подобные пороки могли бы причинять намъ еще и теперь.

Чтобы добиться этой цѣли, я не останавливался передъ опасностью, сознаюсь въ этомъ, кого-нибудь этимъ обидѣть, будь то отдѣльныя лица или сословія, будь то чьи-либо взгляды или воспоминанія, какъ бы они ни были почтенны. Я часто продѣлывалъ эту работу со скорбью въ душѣ, но не испыталъ никогда угрызеній совѣсти. Пусть тѣ, кому такой мой образъ дѣйствій не нравится, простятъ мнѣ его, принимая во вниманіе ту безкорыстную и благородную цѣль, какую я преслѣдовалъ.

Быть можетъ, многіе обвинятъ меня въ томъ, что въ этой книгѣ я обнаружилъ совершенно неумѣстную любовь къ свободѣ, о которой, какъ меня увѣряютъ, теперь во Франціи никто почти и не заботится.

Въ такомъ случаѣ я попрошу тѣхъ, которые ко мнѣ обратятся съ подобнымъ упрекомъ, принять въ соображеніе, что это стремленіе къ свободѣ во мнѣ очень давнее. Уже больше 20 лѣтъ тому назадъ, говоря о другомъ обществѣ, я почти дословно писалъ слѣдующее.

Среди мрака, окружающаго будущее, можно открыть три истины, вполнѣ очевидныя. Первая заключается въ томъ, что всѣ люди нынѣшняго вѣка увлечены невѣдомой силой, которую, можно надѣяться регулировать и замедлить, но одолѣть которую невозможно. Сила эта толкаетъ ихъ то медленно, то быстро къ уничтоженію аристократіи.

Вторая истина состоитъ въ томъ, что, среди всѣхъ обществъ міра, тѣ изъ нихъ, которымъ труднѣе всего избѣгнутъ надолго абсолютизма, будутъ именно такими обществами, въ которыхъ аристократіи нѣтъ и не можетъ уже быть. Наконецъ, третья истина—въ томъ, что нигдѣ деспотизмъ не дастъ столь губительныхъ результатовъ, какъ именно въ этихъ обществахъ; больше чѣмъ какой бы то ни было иной образъ правленія, деспотизмъ содѣйствуетъ въ такой средѣ развитію всѣхъ пороковъ, какимъ спеціально подвержены эти общества, и влечетъ ихъ туда, куда они и безъ того уже клонятся по самому своему существу.

Люди, не связанные здѣсь между собой никакими кастовыми, сословными, корпоративными или семейными связями, очень склонны къ тому, чтобы заботиться только о своихъ личныхъ интересахъ, и впадаютъ въ узкій индивидуализмъ, заглушающій всякія общественныя добродѣтели. Деспотизмъ, вмѣсто того, чтобы бороться противъ такихъ стремленій, наоборотъ, еще болѣе укрѣпляетъ ихъ; онъ отнимаетъ у гражданъ всякую общую имъ страсть, всякія взаимныя потребности, всякую необходимость соглашенія, всякіе поводы къ объединенію. Деспотизмъ, такъ сказать, замуравливаетъ гражданъ въ ихъ частную индивидуальную жизнь. Если граждане и безъ того стремятся къ разъединенію, то деспотизмъ ихъ разъединяетъ въ еще большей мѣрѣ. Если они охладѣваютъ только другъ къ другу, то деспотизмъ ихъ совсѣмъ замораживаетъ.

Въ такого рода обществахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего прочнаго, каждый членъ общества находится въ вѣчномъ страхѣ опуститься внизъ и прилагаетъ всю энергію, чтобы подняться выше. А такъ какъ деньги, послѣ того какъ они стали главнымъ признакомъ, раздѣляющимъ и отличающимъ людей другъ отъ друга,

пріобрѣтаютъ въ такомъ обществѣ необычайную подвижность, переходя непрерывно изъ рукъ въ руки, измѣняя общественное положеніе отдѣльныхъ лицъ, обогащая и разоряя семьи, то въ подобномъ обществѣ трудно найти человѣка, который не прилагалъ бы постоянныхъ и отчаянныхъ усилій къ тому, чтобы сохранить или увеличить свои капиталы. Поэтому въ такомъ обществѣ самыми обычными страстями являются: жажда къ наживѣ, любовь къ коммерческимъ предпріятіямъ, страсть къ выигрышу, стремленіе къ благосостоянію и матеріальнымъ утѣхамъ. Эти страсти легко распространяются тамъ во всѣхъ классахъ общества, проникаютъ даже въ такіе общественные слои, которымъ раньше онѣ были чужды, и въ концѣ концовъ эти страсти могли бы совершенно разслабить и развратить націю, если къ свободному развитію ихъ не является какого-нибудь препятствія. Но уже по существу дѣла для деспотизма прямой интересъ поддерживать и развивать эти страсти.

Эти ослабляющія общественный организмъ страсти являются надежнѣйшимъ оплотомъ деспотизма. Онѣ отвращаютъ вниманіе людей отъ общественныхъ дѣлъ и приводятъ ихъ въ трепетъ при одной мысли о революціи. Только деспотизмъ даетъ ходъ этимъ страстямъ, окутывая ихъ мракомъ тайны и открывая просторъ стремленію къ безчестной наживѣ, избавляя ее отъ позора. Страсти эти сильны и сами по себѣ, но при деспотическомъ режимѣ онѣ становятся господствующими.

Только свобода можетъ дѣйствительно побѣдить въ подобныхъ обществахъ тѣ пороки, которые имъ свойственны, и удержать общества отъ угрожающаго имъ паденія. Дѣйствительно, только одна свобода можетъ вырвать гражданъ изъ той обособленности, которая создается самымъ фактомъ ихъ матеріальной обезпеченности, и можетъ заставить ихъ сблизиться другъ съ другомъ. Она одна подымаетъ ихъ настроеніе и соединяетъ ихъ каждый день, принуждая ихъ вступать въ соглашенія, убѣждать другъ друга и добиваться взаимнаго признанія при рѣшеніи общихъ дѣлъ. Только свобода можетъ оторвать гражданъ отъ поклоненія золотому тельцу, избавить отъ излишней суетности и мелочности и заставить ихъ постоянно думать о

родинѣ, стоящей надъ ними и окружающей ихъ; она время отъ времени отвлекаетъ ихъ отъ излишняго пристрастія къ матеріальному благосостоянію, внушая имъ болѣе благородныя и возвышенныя стремленія, ставя имъ болѣе высокія задачи, чѣмъ накопленіе богатствъ. Свобода же даетъ и тотъ свѣтъ, благодаря которому является возможность лучше видѣть пороки и добродѣтели людей и вѣрнѣе ихъ оцѣнивать.

Демократическія общества, не пользующіяся свободой, могутъ быть, конечно, богатыми, утонченными и даже великолѣпными, они могутъ быть могущественными, благодаря вѣсу своей однородной массы. Въ этихъ обществахъ можно встрѣтить и частныя добродѣтели, добрыхъ отцовъ семействъ, честныхъ коммерсантовъ, уважаемыхъ собственниковъ. Среди нихъ попадаются даже истинные христіане, такъ какъ отечество ихъ не отъ міра сего и слава ихъ религіи заключается въ томъ, что они появляются среди наибольшей порчи нравовъ и при самомъ дурномъ управленіи. Римская имперія во время полнаго своего упадка была переполнена христіанами. Но только вотъ чего не будетъ въ такихъ демократическихъ обществахъ, это я осмѣливаюсь утверждать: въ нихъ не будетъ великихъ гражданъ и великаго народа. И я даже не боюсь утверждать, что общій уровень умственнаго и нравственнаго развитія будетъ въ нихъ непрерывно понижаться, пока тамъ будетъ царить равенство и деспотизмъ.

Вотъ что я думалъ и высказывалъ 20 лѣтъ тому назадъ. И сознаюсь, что съ тѣхъ поръ въ мірѣ не произошло ничего такого, что могло бы заставить меня мыслить и говорить иначе.

Указавъ на свое хорошее мнѣніе о свободѣ въ то время, когда она была въ почетѣ, я полагаю, не сочтутъ предосудительнымъ, что я держусь о ней того же мнѣнія и теперь, когда свобода впала въ немилость.

При этомъ надо имѣть въ виду, что даже и въ этомъ отношеніи я меньше отличаюсь отъ большинства моихъ противниковъ, чѣмъ они сами думаютъ.

Можно ли себѣ представить человѣка, который былъ бы по природѣ столь низокъ, чтобы, даже признавая за своимъ

народомъ необходимыя для разумнаго пользованія свободой способности, тѣмъ не менѣе предпочесть зависѣть отъ капризовъ себѣ подобнаго вмѣсто того, чтобы слѣдовать законамъ, въ созданіи коихъ онъ самъ участвовалъ? Я думаю, что такихъ негодяевъ не существуетъ. Даже сами деспоты не отрицаютъ, что свобода—прекрасная вещь, но, къ сожалѣнію, они желаютъ ее только для себя самихъ и утверждаютъ, что всѣ остальные совершенно недостойны свободы. Слѣдовательно, мнѣнія расходятся не по отношенію къ самой свободѣ, но по отношенію къ большему или меньшему уваженію къ людямъ. На этомъ основаніи можно предложить слѣдующую точную формулу: любовь къ абсолютизму даннаго лица прямо пропорціональна его презрѣнію къ его родинѣ. Поэтому пусть мнѣ позволятъ немного подождать, пока я доживу до такихъ чувствъ.

Я, кажется, могу сказать, не желая хвастать, что книга, которую я выпускаю, является продуктомъ очень большого труда. Въ ней встрѣчаются короткія главы, которыя дались мнѣ путемъ болѣе чѣмъ годового труда. Я бы могъ переполнить выносками нижнюю часть моихъ страницъ, но я предпочелъ привести лишь небольшое число ихъ и приложилъ ихъ къ концу книги, съ указаніемъ на страницы текста, къ которымъ онѣ относятся. Въ этихъ выноскахъ указаны примѣры и доказательства. Я бы могъ привести и многія другія замѣтки, если бы кто-нибудь нашелъ, что эта книга стоитъ того, чтобы ихъ потребовать.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ и РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Противоположныя мнѣнія, высказанныя по поводу революціи при ея возникновеніи.

Ничто не можетъ внушить философамъ и государственнымъ людямъ больше скромности, чѣмъ исторія французской революціи, потому что никогда еще не было въ исторіи болѣе великихъ событій, которыя такъ давно назрѣвали, были такъ хорошо подготовлены и наступленіе которыхъ въ то же время такъ мало ожидалось.

Самъ Фридрихъ Великій, несмотря на свой геній, не предчувствуетъ революціи. Онъ соприкасается съ ней, но не видитъ ея. Мало того, онъ дѣйствуетъ въ ея духѣ еще до ея наступленія; онъ является ея предтечей и уже, такъ сказать, исполнителемъ ея идей и въ то же время онъ совершенно не узнаетъ революціи при ея приближеніи, и, когда она, наконецъ, наступаетъ, новыя и необычныя черты, отличающія ее отъ другихъ революцій, вначалѣ ускользаютъ отъ взоровъ.

Внѣ Франціи она является предметомъ всеобщаго любопытства. Повсюду она вызываетъ въ умахъ народовъ нѣчто вродѣ неяснаго представленія о наступленіи новыхъ временъ,

смутныя надежды на перемѣны и реформы, но еще никто не подозрѣваетъ, чѣмъ она должна быть. У государей и ихъ министровъ отсутствуетъ даже то смутное предчувствіе, которое волнуетъ народъ при видѣ революціи. Они считаютъ ее вначалѣ однимъ изъ тѣхъ періодическихъ недуговъ, которымъ подвергаются учрежденія всѣхъ народовъ, недугомъ, послѣдствіемъ котораго является лишь открытіе новыхъ путей политикѣ сосѣднихъ странъ. Если они случайно высказываютъ правду о революціи, то это помимо ихъ вѣдома. Главные правители Германіи, собравшись въ 1791 г. въ Пильницѣ, дѣйствительно возвѣщаютъ, что опасность, угрожающая королевской власти во Франціи, является общей для всѣхъ старинныхъ властей Европы и что она всѣмъ имъ угрожаетъ, но въ сущности они ничего подобнаго не думали. Секретные документы того времени доказываютъ, что это въ ихъ глазахъ былъ лишь удобный предлогъ, маскировавшій ихъ замыслы или придававшій имъ извѣстную окраску въ глазахъ толпы.

Что касается ихъ самихъ, то они прекрасно знаютъ, что французская революція событіе мѣстное и временное, изъ котораго слѣдуетъ извлечь какую-нибудь выгоду. Исходя изъ этой мысли, они замышляютъ разные планы, дѣлаютъ приготовленія, заключаютъ тайные союзы; ссорятся между собой въ виду будущей добычи, разобщаются, снова соединяются и пр. Кажется, будто ужъ нѣтъ ничего такого, къ чему бы они не подготовились, если не считать того, что на самомъ дѣлѣ случилось.

Англичане, которымъ ихъ историческія воспоминанія и продолжительное обладаніе политической свободой внушили больше знаній и опыта, уже усматриваютъ какъ бы сквозь густую пелену нарожденіе великой революціи; но они не могутъ еще различить ея формы, а то вліяніе, которое революція вскорѣ должна была оказать на судьбу міра и на ихъ собственную судьбу, отъ нихъ скрыто.

Артуръ Юнгъ, путешествовавшій во Франціи непосредственно наканунѣ самой революціи и считавшій ее неизбѣжной, настолько плохо понималъ значеніе ея, что даже задался во-

просомъ: не будетъ ли результатомъ революціи увеличеніе существующихъ привилегій. „Что касается дворянства и духовенства“, говоритъ онъ, „то если революція дастъ этимъ сословіямъ нѣсколько больше вѣса, то она, по моему мнѣнію, принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы“.

Бёркъ, душа котораго съ самаго начала горѣла ненавистью къ революціи, Бёркъ самъ нѣкоторое время недоумѣвалъ при видѣ ея. Онъ предвѣщаетъ, что благодаря революціи Франція будетъ обезсилена и какъ бы уничтожена. „Нужно полагать“, говоритъ онъ, „что воинственныя способности Франціи погибли надолго и, быть можетъ, даже навсегда, такъ что люди ближайшаго поколѣнія могутъ сказать подобно древнимъ: gallos quoque in bellis floruisse audivimus (мы слышали, что галлы когда-то славились воинственностью).

Сужденіе о событіяхъ оказывается не лучше вблизи, чѣмъ издали. Во Франціи, наканунѣ того дня, когда вспыхнула революція, еще не имѣли точнаго представленія о томъ, къ чему она приведетъ. Среди массы наказовъ я нашелъ только два, въ которыхъ обнаруживается нѣкоторое опасеніе относительно народа. Больше всего опасаются, какъ бы королевская власть или, какъ также выражаются, дворъ не сохранилъ своего преобладанія. Безпокоятся по поводу слабости и кратковременности генеральныхъ штатовъ, опасаются насилій надъ ними. Особенно заразилось страхомъ дворянство. „Швейцарскія войска“, какъ сказано въ нѣкоторыхъ его наказахъ, „должны дать клятву никогда не поднимать оружія противъ гражданъ, даже въ случаѣ бунта или возстанія“. Лишь бы генеральные штаты дѣйствовали свободно, и тогда всякія злоупотребленія легко будутъ устранены. Предстоящая реформа громадна, но ее не трудно осуществить.

Тѣмъ временемъ революція идетъ своимъ чередомъ, и по мѣрѣ того, какъ показывается голова чудовища, какъ обнаруживается ея особенный и страшный обликъ, когда, уничтоживъ политическія учрежденія, она устраняетъ и учрежденія гражданскія, измѣнивъ законы, измѣняетъ нравы, обычаи и даже языкъ, по мѣрѣ того какъ, разрушивъ государственный механизмъ, она

потрясаетъ устои общества и, повидимому, готовится объявить войну самому Богу; по мѣрѣ того, какъ революція разгорается все больше и больше и выходитъ изъ границъ, какъ создается новая тактика, убійственные принципы, вооруженныя идеи, какъ выражался Питтъ, и неслыханная мощь этого движенія уничтожаютъ всякія преграды власти, сбрасываетъ короны, топчетъ народы и, что удивительно, въ то же время привлекаетъ ихъ на свою сторону, по мѣрѣ того какъ совершаются всѣ эти событія, мѣняется и точка зрѣнія на революцію. То, что вначалѣ казалось государямъ Европы и государственнымъ людямъ обычнымъ явленіемъ въ жизни народа, то оказывается теперь фактомъ настолько новымъ, настолько противорѣчащимъ всему тому, что донынѣ творилось въ мірѣ, и тѣмъ не менѣе фактомъ столь общимъ, столь чудовищнымъ и непонятнымъ, что умъ человѣческій теряется и недоумѣваетъ. Одни думаютъ, что эта невѣдомая мощь, которую ничто, повидимому, не питаетъ, ничто не ослабляетъ и не останавливаетъ и которая сама собою не остановится, что эта сила повлечетъ человѣческія общества къ полному и окончательному разложенію. Многіе считаютъ эту революцію видимымъ земнымъ дѣяніемъ самого дьявола. „Французская революція имѣетъ сатанинскій характеръ“, говоритъ де-Мэстръ въ 1797 г. Другіе, наоборотъ, видятъ въ ней благое предначертаніе Бога, которому угодно обновить не только Францію, но и весь міръ и который предполагаетъ создать какъ бы новую расу людей. У многихъ писателей того времени находится нѣчто вродѣ религіознаго ужаса, который испытывалъ Сальвіанъ при видѣ варваровъ.

Бёркъ, возвращаясь къ своей мысли, восклицаетъ: „Лишенная своего прежняго управленія или, вѣрнѣе, какого бы то ни было управленія, Франція, казалось, сдѣлается предметомъ оскорбленій и состраданія, а не бичемъ и ужасомъ человѣческаго рода. Но изъ могилы этой убитой монархіи возстало существо безформенное, громадное, болѣе страшное, чѣмъ все то, что до сихъ поръ давило и угнетало человѣческое воображеніе. Это гнусное и странное существо идетъ прямо

къ своей цѣли, не пугаясь никакой опасности, не сдерживаемое никакими угрызеніями совѣсти. Презирая всякіе общепринятые принципы и обычныя средства, революція поражаетъ тѣхъ, которые даже не могутъ понять, какъ она существуетъ".

Спрашивается: дѣйствительно ли революція представляетъ столь необычайное явленіе, какъ это казалось ея современникамъ? Неужели французская революція явленіе столь неслыханное, была ли она дѣйствительно такой разрушительной и обновляющей, какъ думали о ней люди того времени? Какой же былъ истинный смыслъ, каковъ истинный характеръ и каковы тѣ прочные результаты, какихъ добилась эта страшная и необычайная революція? Что она на самомъ дѣлѣ уничтожила и что она создала?

Мнѣ кажется, что теперь пришло время изслѣдовать и рѣшить этотъ вопросъ и высказаться, и что мы именно въ данную минуту находимся въ такомъ положеніи, что мы лучше, чѣмъ когда-либо, можемъ понять и обсудить это великое явленіе. Живя въ довольно отдаленную отъ революціи эпоху и чувствуя вслѣдствіе этого лишь въ слабой степени тѣ страсти, которыя волновали тѣхъ, кто ее создавалъ, мы, однако же, достаточно близки къ ней, чтобы проникнуться духомъ, вызвавшимъ это событіе, и понять его.

Вскорѣ уже трудно будетъ совладать съ этой задачей,— вѣдь тѣ великія революціи, которыя оканчиваются удачно, уничтожаютъ вызвавшія ихъ причины и именно благодаря своему успѣху становятся уже для насъ непонятными.

ГЛАВА II.

Цѣль революціи не заключалась, какъ это думали, въ томъ, чтобы уничтожить религіозную власть и ослабить власть политическую.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ французской революціи было нападеніе на церковь, и среди страстей, возникшихъ благодаря ей, первой возгорѣвшейся и послѣдней потухшей страстью

была страсть антирелигіозная. Даже тогда, когда уже энтузіазмъ свободы исчезъ, послѣ того какъ дѣло свелось къ покупкѣ спокойствія цѣною самопорабощенія, люди продолжали возставать противъ авторитета церкви. Наполеонъ, которому удалось побѣдить свободный духъ французской революціи, тщетно старался побѣдить ея противохристіанскій духъ. Даже и понынѣ мы встрѣчаемъ людей, которые считаютъ возможнымъ искупить свое раболѣпіе передъ самыми мелкими представителями политической власти своимъ дерзкимъ отношеніемъ къ Божеству и которые, отказываясь отъ всего носящаго наиболѣе яркій отпечатокъ свободы, отъ наиболѣе благородныхъ и возвышенныхъ ученій революціи, утѣшали себя тѣмъ, что они остаются вѣрными революціи, если остаются невѣрующими.

Между тѣмъ въ настоящее время уже не трудно убѣдиться въ томъ, что война, объявленная религіи, была лишь случайнымъ фактомъ въ великой французской революціи, яркой, но въ то же время преходящей чертой ея облика, временнымъ продуктомъ тѣхъ идей, страстей и отдѣльныхъ событій, которыя ей предшествовали и подготовили ее, но не была спеціальнымъ выраженіемъ революціоннаго духа.

Не безъ основанія философія XVIII вѣка считается одной изъ главныхъ причинъ революціи. Вполнѣ вѣрно также и то, что эта философія глубоко нерелигіозна. Но въ ней нужно тщательно отличать двѣ совершенно различныя и вполнѣ раздѣлимыя части.

Въ одной изъ нихъ содержатся всѣ новыя или обновленныя мнѣнія, относящіяся къ условіямъ быта обществъ и къ принципамъ законовъ гражданскихъ и политическихъ, какъ, напр., естественное равенство людей и вытекающіе отсюда уничтоженіе всякихъ привилегій, кастъ, сословій, профессій, народовластіе, всемогущество государственной власти, единообразіе законовъ...

Всѣ эти ученія являются не только причинами французской революціи, но составляютъ, такъ сказать, ея сущность. Ученія эти представляютъ все, что есть наиболѣе фунда-

ментальнаго, наиболѣе прочнаго, наиболѣе истиннаго въ созданіяхъ революціи.

Въ другой части своихъ ученій философы XVIII вѣка набрасываются съ нѣкотораго рода яростью на церковь. Они нападаютъ на духовенство, на церковную іерархію, на ея учрежденія, на догматы церкви, и, чтобы легче было все это опрокинуть, они вздумали даже вырвать съ корнями самыя основы христіанства. Но этотъ отдѣлъ философіи XVIII вѣка, возникнувъ изъ фактовъ, которые сама же революція уничтожила, долженъ былъ мало-по-малу исчезнуть вмѣстѣ съ ними и сказаться какъ бы похороненнымъ въ ея побѣдѣ. Я прибавлю [illegible] немногое, чтобы меня вполнѣ поняли, такъ какъ къ этому [illegible]ному вопросу я вернусь въ другомъ мѣстѣ. Теперь же [illegible]ду, что христіанство вызвало всю эту страстную не[illegible]висть не столько какъ религіозное ученіе, сколько какъ учрежденіе политическое. Недоброжелательное отношеніе къ христіанству было вызвано не тѣмъ, что священники имѣли претензію приводить въ порядокъ дѣла „того свѣта“, но тѣмъ, что они были помѣщиками, господами, сборщиками десятины и администраторами въ области земной жизни.

Не потому нападали на Церковь, что она не могла бы занять мѣсто въ новомъ обществѣ, которое предполагалось создать, а потому, что въ тѣ времена она занимала самое привилегированное и самое прочное мѣсто въ томъ старомъ обществѣ, которое революція должна была обратить въ прахъ.

Обратите вниманіе на то, какъ время выяснило эту истину и какъ она становится все болѣе очевидной: по мѣрѣ того какъ крѣпло политическое дѣло революціи, разрушалась ея антирелигіозная тенденція; по мѣрѣ того какъ всѣ старыя политическія учрежденія, которыя громила революція, погибали, какъ власти, вліянія, сословія, особенно ненавистныя новому порядку, безвозвратно были уничтожены и какъ—послѣдній знакъ ихъ паденія—даже внушаемая ими ненависть ослабѣла,—по мѣрѣ того какъ духовенство само стало въ сторонѣ отъ всего того, что пало вмѣстѣ съ нимъ, постепенно возвышалась и упрочивалась въ умахъ сила вліянія церкви.

И не думайте, что такое зрѣлище наблюдалось исключительно только во Франціи. Во всей Европѣ нѣтъ ни одной христіанской церкви, которая не была бы обновлена со временъ французской революціи.

Думать, что демократическія общества естественно враждебны по отношенію къ религіи—это значило бы впасть въ величайшее заблужденіе. Ничто ни въ христіанствѣ, ни даже въ католицизмѣ безусловно не противорѣчитъ духу этихъ обществъ, и многое, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ демократическому строю. Да, наконецъ, и опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, что именно въ народной душѣ наиболѣе могуче и жизненно вкоренялся религіозный инстинктъ. Всѣ исчезнувшія религіи всегда находили въ душѣ народа послѣднее убѣжище, и было бы странно, если бы учрежденія, стремящіяся дать преобладаніе идеямъ и страстямъ народа, имѣли бы постояннымъ и необходимымъ послѣдствіемъ обращеніе человѣческой души къ безбожію.

То, что я сейчасъ сказалъ по поводу могущества религіи, въ еще большей степени относится къ силѣ государственной власти.

При видѣ того, какъ революція разомъ опрокинула всѣ учрежденія и обычаи, которые до того поддерживали въ обществѣ іерархію и удерживали людей отъ беззаконій, можно было подумать, что въ результатѣ этого явится разрушеніе не только даннаго строя общества, но и вообще уничтоженіе всякаго порядка, не только даннаго правительства, но самой государственной власти, и что эта революція по существу своему анархична. А между тѣмъ, я смѣю утверждать это, такъ только казалось.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ начала революціи Мирабо секретно писалъ королю слѣдующее: „Сравните новое положеніе дѣлъ со старымъ порядкомъ. Отсюда именно возникаютъ утѣшеніе и надежды. Одна часть дѣйствій національнаго собранія, и притомъ наиболѣе значительная, очевидно благопріятна для монархическаго правленія. Развѣ устраненіе парламентовъ, провинціальныхъ штатовъ, духовнаго сословія, привилегій и дворянства ничего не значитъ? Идея образовать лишь

одинъ классъ гражданъ очень бы понравилась Ришелье,—такое уравненіе всѣхъ значительно облегчаетъ дѣйствіе власти. Царствованія многихъ неограниченныхъ государей не могли бы сдѣлать такъ много, какъ сдѣлано въ одинъ годъ революціей въ смыслѣ укрѣпленія королевской власти". Такое пониманіе революціи свидѣтельствовало о способности руководить ею.

Такъ какъ французская революція имѣла задачей не только измѣнить старое правительство, но и уничтожить прежнюю, старинную форму общества, то ей пришлось объявить войну сразу всѣмъ установленнымъ властямъ, уничтожить всякія признанныя вліянія, всякія традиціи, обновить нравы и обычаи и очистить до нѣкоторой степени человѣческій умъ отъ всѣхъ тѣхъ идей, на которыхъ до того времени было основано уваженіе и послушаніе. Отсюда и вытекаетъ необычайно анархическій характеръ этого движенія.

Но устраните эти обломки: тогда передъ вами явится громадная центральная власть, которая привлекла къ себѣ и поглотила всѣ частицы власти и вліянія, какія раньше были разсѣяны среди цѣлой массы второстепенныхъ властей, сословій, профессій, семей и индивидуумовъ и какъ бы разсыпаны во всемъ соціальномъ организмѣ. Подобной власти еще не было въ мірѣ со времени паденія Римской имперіи. Революція создала эту новую силу, или, скорѣе, она выросла какъ бы сама собой изъ развалинъ, нагроможденныхъ революціей. Правительства, которыя она создала, правда, болѣе хрупки, но они во сто разъ могущественнѣе какой бы то ни было изъ властей, которыя она опрокинула, хрупки и могущественны вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ, какъ объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Эту-то простую, правильную и грандіозную форму Мирабо уже провидѣлъ сквозь прахъ старинныхъ учрежденій, наполовину разрушенныхъ. Самый объектъ, несмотря на свою громадность, былъ еще невидимъ тогда для глазъ толпы, но мало-по-малу время показало его всѣмъ. Въ настоящее время его особенно оцѣнили государи. Они смотрятъ на эту новую организацію власти съ удивленіемъ и съ завистью, все равно, обязаны ли они своей властью самой революціи или остались они ей чужды и враждебны. Всѣ они хотятъ уничтожить въ своихъ областяхъ всякія льготы, отмѣнить всякія привилегіи. Они сближаютъ сословія, уравниваютъ положеніе, замѣняютъ аристократовъ чиновниками, мѣстнымъ вольностямъ противопоставляютъ равенство передъ закономъ, передъ разнообразіемъ властей выставляютъ единство государства. Они исполняютъ эту революціонную работу съ непрерывной энергіей, и если они встрѣчаютъ на своемъ пути какія-либо препятствія, то иногда имъ случается заимствовать у революціи ея тактику и правила. Нерѣдко они возстановляютъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, разночинца противъ дворянина, крестьянина противъ помѣщика. Словомъ, французская революція была для нихъ одновременно и бичемъ, и наставникомъ.

ГЛАВА III.

Какъ и почему революція, будучи политической, по своимъ пріемамъ походила на религіозную.

Всѣ революціи гражданскія и политическія имѣли мѣстомъ дѣйствія собственное отечество и имъ ограничивались. Французская же революція не имѣла собственной территоріи. Мало того, однимъ изъ ея результатовъ было то, что она въ нѣкоторомъ родѣ стерла съ карты всѣ старыя границы. Она сближала или разъединяла людей вопреки всякимъ законамъ, традиціямъ, характерамъ и языку, поселяя иногда вражду между земляками и дѣлая братьями лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ племенамъ, или, вѣрнѣе, революція создала общее интеллектуальное отечество, стоявшее выше всѣхъ отдѣльныхъ націй, отечество, въ которомъ могли сдѣлаться гражданами люди всѣхъ націй.

Переройте всѣ лѣтописи исторіи, и вы не найдете въ нихъ ни одной политической революціи, носящей характеръ, подобный революціи французской: нѣчто подобное можно отыскать лишь въ нѣкоторыхъ революціяхъ религіознаго характера. Вотъ почему французскую революцію слѣдуетъ сравнивать съ революціями религіозными, чтобы уяснить себѣ ея значеніе путемъ аналогіи.

Шиллеръ, въ своей „Исторіи тридцатилѣтней войны“, справедливо замѣчаетъ, что послѣдствіемъ великой реформы XVI вѣка явилось сближеніе между собой народовъ, дотолѣ едва знавшихъ другъ друга, и единеніе между ними, происшедшее путемъ возникновенія новыхъ симпатій. И въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ времена французы сражались съ французами, а англичане являлись къ нимъ на помощь. Люди, родившіеся у береговъ Балтійскаго моря, проникли въ самое сердце Германіи, чтобы помочь нѣмцамъ, о которыхъ они до тѣхъ поръ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Всѣ войны между иностранными народами приняли оттѣнокъ гражданскихъ войнъ. Во всѣхъ гражданскихъ войнахъ проявилось вмѣшательство постороннихъ народностей. Старые интересы каждой изъ воюющихъ націй были забыты ради новыхъ интересовъ. Взамѣнъ вопросовъ территоріальныхъ явились вопросы принципіальные. Всѣ принципы дипломатіи оказались спутанными и сбитыми съ позиціи къ великому изумленію и скорби тогдашнихъ политиковъ. Такое же точно событіе произошло въ Европѣ послѣ 1789 года.

Значитъ, французская революція является политическимъ переворотомъ, который совершился по примѣру и до нѣкоторой степени принялъ обликъ переворота религіознаго. Посмотрите, какими особыми и характерными чертами довершается ея сходство съ религіознымъ движеніемъ. Она не только, подобно религіознымъ революціямъ, распространяется на далекое разстояніе, но она, подобно религіозному движенію, еще и проникаетъ повсюду путемъ проповѣди и пропаганды. Политическая революція, внушающая прозелитизмъ, революція, которую съ такой же горячностью проповѣдуютъ иностранцамъ,

съ какой страстью насаждаютъ у себя дома,—что за новое зрѣлище! Изъ всѣхъ невѣдомыхъ дотолѣ явленій, какія французская революція открыла міру, эта сторона дѣла несомнѣнно должна быть признана наиболѣе новой. Этимъ замѣчаніемъ, однако, нельзя довольствоваться. Постараемся проникнуть немного поглубже и попытаемся изслѣдовать, не имѣетъ ли это сходство по результатамъ чего-либо общаго со сходствомъ, скрытымъ въ причинахъ революціи.

Общій характеръ всѣхъ религій заключается въ томъ, что онѣ разсматриваютъ человѣка въ самомъ себѣ, не останавливаясь передъ тѣмъ, какія особенности въ эту общую основу могли быть внесены законами, обычаями и традиціями данной страны. Главная цѣль религій заключается въ томъ, чтобы регулировать общія отношенія человѣка къ Богу, установить общія права и обязанности людей въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, независимо отъ формы тѣхъ или иныхъ обществъ. Правила поведенія, указываемыя религіями, меньше относятся къ человѣку данной страны или эпохи, чѣмъ къ сыну, отцу, слугѣ, господину, ближнему. Заимствуя, такимъ образомъ, свои основы изъ самой природы человѣка, религіи могутъ одинаково быть восприняты всѣми людьми и окажутся повсюду примѣнимыми. Отсюда вытекаетъ, что религіозныя революціи большей частью всегда имѣли широкое поле дѣйствія и рѣдко, подобно революціямъ политическимъ, ограничивались лишь территоріей одного народа или даже одной только расы. Если вникнуть въ этотъ вопросъ еще глубже, то окажется, что чѣмъ больше религіи носили этотъ отвлеченный и общій характеръ, на который я указалъ, тѣмъ больше онѣ находили распространенія, вопреки различію законовъ, климатовъ и народностей.

Языческія религіи древности, которыя всѣ были болѣе или менѣе связаны съ политическимъ устройствомъ или общественнымъ строемъ каждаго народа и сохраняли въ своихъ догматахъ нѣкоторый національный и даже муниципальный оттѣнокъ, обыкновенно ограничивались извѣстной территоріей, изъ предѣловъ которой далѣе не распространялись.

Эти религіи иногда порождали нетерпимость и преслѣдованіе, но духъ пропаганды былъ имъ почти совершенно чуждъ. Вотъ почему не наблюдались большіе религіозные перевороты въ старой Западной Европѣ до введенія христіанства. Христіанство же, легко одолѣвъ всѣ преграды, останавливавшія развитіе языческихъ религій, въ короткое время побѣдило большую часть человѣческаго рода. Я полагаю, что это не будетъ выраженіемъ непочтенія къ святой христіанской религіи, если я скажу, что она обязана своимъ торжествомъ отчасти тому обстоятельству, что она, больше чѣмъ всякая другая религія, была свободна отъ всего, что могло быть свойственно лишь опредѣленной народности, формѣ правленія, общественному строю, эпохѣ или особенностямъ расы.

Французская революція, по отношенію къ этому міру, дѣйствовала совершенно такимъ же образомъ, какъ религіозныя революціи дѣйствовали по отношенію къ иному міру. Французская революція разсматривала гражданина какъ нѣчто отвлеченное, абстрактное, внѣ всякихъ особыхъ обществъ, подобно тому какъ и религіи принимаютъ во вниманіе человѣка вообще, независимо отъ его страны и эпохи. Французская революція не занималась лишь изслѣдованіемъ того, въ чемъ заключалось особое право французскаго гражданина, но работала надъ тѣмъ, чтобы установить, каковы вообще должны быть общія обязанности и права всѣхъ людей въ политическомъ отношеніи.

Восходя постоянно къ тому, что было наименѣе особеннымъ и спеціальнымъ и, такъ сказать, наиболѣе естественнымъ въ дѣлѣ общественнаго и государственнаго строя, французская революція могла сдѣлаться понятной для всѣхъ и служить образцомъ для подражанія для многихъ.

Такъ какъ она стремилась какъ бы къ возрожденію человѣческаго рода въ еще большей степени, чѣмъ къ реформѣ французской жизни, то она такъ разожгла страсти, какъ это не удалось сдѣлать до тѣхъ поръ никакимъ самымъ ожесточеннымъ революціямъ. Она внушила прозелитизмъ и породила пропаганду. Этимъ самымъ она, наконецъ, могла принять обликъ

религіознаго движенія, который такъ устрашалъ ея современниковъ. Или, вѣрнѣе, она сама по себѣ стала новой религіей, правда, религіей несовершенной—безъ Бога, безъ культа и загробной жизни, но такой тѣмъ не менѣе, которая, подобно магометанству, наводнила весь міръ своими воинами, своими апостолами и своими мучениками.

Впрочемъ, мы не должны думать, что тактика, которой пользовалась французская революція, была вполнѣ новой, безъ прецедентовъ, и что всѣ идеи, которыя она распространила, были до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстны. Во всякія времена и даже въ средніе вѣка всегда появлялись агитаторы, которые, съ цѣлью преобразовать мѣстные обычаи, взывали къ общимъ законамъ человѣческихъ обществъ и противопоставляли устройству своей страны естественныя права человѣчества.

Но всѣ эти единичныя попытки заканчивались неудачей. Пламя, озарившее своимъ свѣтомъ Европу XVIII столѣтія, было легко потушено въ XV вѣкѣ. Чтобы подобнаго рода аргументы могли вызвать революцію, нужно, чтобы извѣстныя преобразованія, на самомъ дѣлѣ уже наступившія въ общественныхъ условіяхъ, обычаяхъ и правахъ людей, подготовили человѣческій умъ къ воспріятію ихъ.

Бываютъ времена, когда люди такъ значительно отличаются другъ отъ друга, что идея создать одинъ и тотъ же законъ, примѣнимый ко всѣмъ имъ, является для нихъ непонятной. Въ другіе же періоды исторіи достаточно людямъ только намекнуть на подобный законъ, хотя издалека, чтобы они немедленно признали его и устремились ему навстрѣчу.

Не то удивительно, что французская революція прибѣгла къ извѣстнымъ пріемамъ, которые она пустила въ ходъ, и породила новыя идеи. Великая новость заключается въ томъ, что столько народовъ доразвилось до того, что эти пріемы могли быть ими съ выгодой использованы и новыя идеи легко усвоены.

ГЛАВА IV.

Какъ почти вся Европа имѣла совершенно однородныя учрежденія и какъ эти учрежденія повсюду исчезли.

Народы, которые разрушили Римскую имперію и съ теченіемъ времени создали новыя націи, отличались между собой расовыми признаками, условіями прежняго ихъ мѣстожительства и языкомъ. Они представляли сходство лишь какъ варвары. Утвердившись на почвѣ Римской имперіи, они долго сталкивались среди общаго хаоса, и когда, наконецъ, пріобрѣли осѣдлость, то оказались отдѣленными другъ отъ друга даже тѣми развалинами, которыя они сами создали.

Такъ какъ въ то время цивилизаціи почти не существовало и общественный порядокъ былъ разрушенъ, то взаимныя отношенія людей стали затруднительными и рискованными, и великое европейское общество распалось на тысячу мелкихъ отдѣльныхъ, враждебныхъ другъ другу обществъ, жившихъ порознь. И тѣмъ не менѣе изъ среды этой несвязной массы вдругъ возникли одни и тѣ же совершенно однородные законы.

Возникшія учрежденія нисколько не подражали римскому законодательству. Наоборотъ, они настолько ему противорѣчили, что пришлось воспользоваться именно римскимъ правомъ, чтобы ихъ преобразовать и отмѣнить. Они носили вполнѣ оригинальный оттѣнокъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ законовъ, какіе когда-либо составлялись людьми. Они симметрически соотвѣствуютъ другъ другу и въ совокупности составляютъ, такъ сказать, тѣло, состоящее изъ столь тѣсно связанныхъ частей, что статьи нашихъ современныхъ кодексовъ оказываются не болѣе тѣсно связанными между собой. Это какъ бы сознательно разработанные законы для полудикаго общества.

Какимъ образомъ такое законодательство могло образоваться, распространиться и, наконецъ, обобщиться по всей Европѣ? Не въ моихъ цѣляхъ изслѣдовать этотъ вопросъ. Вѣрно лишь то, что въ средніе вѣка мы находимъ его болѣе или менѣе повсюду въ Европѣ и что во многихъ странахъ ему принадлежитъ исключительное господство.

Я имѣлъ возможность изучить политическія средневѣковыя учрежденія во Франціи, Англіи и Германіи и, по мѣрѣ того какъ я углублялся въ эту работу, я приходилъ все въ большее и большее изумленіе, замѣчая удивительное сходство всѣхъ этихъ законодательствъ, и былъ пораженъ тѣмъ, что столь различные народы, имѣвшіе между собою такъ мало общенія, могли создать столь сходные законы. Это не значитъ, что указываемыя законоположенія не разнообразятся почти до безконечности въ своихъ подробностяхъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, но основа ихъ вездѣ одна и та же. Когда я открывалъ въ старинномъ германскомъ законодательствѣ какое-нибудь политическое установленіе, правило или полномочія, я зналъ заранѣе, что, разслѣдуя дѣло съ большимъ вниманіемъ, я найду что-либо совершенно сходное по существу въ законодательствѣ Франціи и Англіи, и на самомъ дѣлѣ мнѣ такія находки вполнѣ удавались. Каждая изъ этихъ трехъ народностей помогала мнѣ лучше знакомиться съ двумя остальными.

У всѣхъ трехъ управленіе ведется по однимъ и тѣмъ же принципамъ; политическія собранія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ и облечены одними и тѣми же полномочіями. Общество у нихъ дѣлится одинаковымъ образомъ, и среди различныхъ слоевъ его обнаруживается одна и та же іерархія. Знать всѣхъ этихъ странъ занимаетъ тожественное положеніе; она пользуется одинаковыми привилегіями, имѣетъ однородный характеръ и одинаковыя наклонности. Это не разные люди, а въ сущности всюду одни и тѣ же люди.

Устройство городовъ также представляетъ большое сходство; деревни управляются одинаковымъ способомъ. Условія жизни крестьянъ представляютъ мало различій. Владѣніе, пользованіе, обработка земли—одинаковы, на земледѣльцѣ лежатъ оди-

наковыя повинности. Отъ границъ Польши до Ирландскаго моря сеньерія, дворъ сеньера, феодъ, цензива, оброки и барщины, феодальныя права, корпораціи—повсюду все одно и то же. Иногда даже встрѣчаются одинаковыя названія, но что всего замѣчательнѣе, это то, что всѣ эти аналогичныя установленія одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ.

Я полагаю возможнымъ утверждать, что въ XIV вѣкѣ установленія общественныя, политическія, административныя, судебныя, экономическія и литературныя во всей Европѣ имѣли между собою больше сходства, чѣмъ они имѣютъ, быть можетъ, въ настоящее время, когда цивилизація, повидимому, стремится къ тому, чтобы вездѣ проложить пути и уничтожить всякія преграды для международныхъ сношеній.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ это старинное устройство Европы мало-по-малу ослабѣвало и расшатывалось. Я ограничусь констатированіемъ факта, что въ XVIII вѣкѣ это устройство было повсюду наполовину разрушено. Упадокъ этого порядка вообще былъ менѣе замѣтенъ на востокѣ и болѣе — на западѣ. Повсюду, однако, уже давали себя чувствовать старость, а часто и дряхлость этого строя.

Этотъ постепенный упадокъ учрежденій, свойственныхъ среднимъ вѣкамъ, можетъ быть прослѣженъ въ ихъ архивахъ. Извѣстно, что каждое помѣстье обладало особыми записями, такъ называемыми поземельными списками, въ которыхъ, изъ столѣтія въ столѣтіе, отмѣчались границы помѣстій и цензивъ, оброки, повинности, мѣстные обычаи и пр. Я видѣлъ поземельные списки XIV в., представляющіе образцы въ смыслѣ метода, ясности, точности и разумности. Они становятся темными, неосмысленными, неполными и спутанными по мѣрѣ того, какъ приближаются къ новѣйшимъ временамъ, несмотря на общій успѣхъ просвѣщенія. Можно подумать, что политическое общество впадаетъ въ состояніе варварства въ то самое время, какъ совершается культурное развитіе общества гражданскаго.

Въ самой Германіи, въ которой старый строй Европы

лучше, чѣмъ во Франціи, сохранилъ первобытныя черты, часть основанныхъ на немъ установленій уже была повсюду уничтожена. Но судить о разрушающемъ вліяніи времени на этотъ строй можно не столько даже по тому, что въ немъ погибло, сколько по тому, что въ немъ осталось въ силѣ.

Городскія установленія XIII и XIV вѣковъ, которыя превратили главные нѣмецкіе города въ маленькія богатыя и просвѣщенныя республики, существовали еще въ XVIII в., но тогда они уже представляли лишь слабое отраженіе прежнихъ временъ. Ихъ законоположенія остаются, повидимому, въ силѣ; магистраты, которые они установили, носятъ прежнія названія и, повидимому, проявляютъ ту же дѣятельность, но активность, энергія, городской патріотизмъ, всѣ тѣ мужественныя и плодотворныя доблести, которыя ими внушались, — все это исчезло. Эти старинныя учрежденія какъ бы согнулись подъ собственной тяжестью, сохранивъ только форму.

Всѣ средневѣковыя власти, которыя еще существуютъ, страдаютъ одинаковымъ недугомъ. Всѣ они обнаруживаютъ одинаковый упадокъ и расшатанность. Мало того, все то, что, не принадлежа собственно строю тогдашняго времени, имѣло къ нему какое-либо отношеніе и удержало на себѣ нѣкоторый отпечатокъ его,—все это утрачиваетъ свою жизненность. Ихъ соприкосновеніе подвергаетъ аристократію старческой слабости. Даже политическая свобода, наполнявшая всѣ средніе вѣка своими проявленіями, оказывается пораженной безплодіемъ повсюду, гдѣ она сохранила тѣ особые признаки, какіе сообщили ей средніе вѣка. Тамъ, гдѣ провинціальныя собранія сохранили безъ перемѣнъ свой старинный строй, тамъ они скорѣе останавливали успѣхи цивилизаціи, чѣмъ содѣйствовали имъ. Можно сказать, что они какъ бы чужды и непроницаемы въ отношеніи къ духу новаго времени.

Вотъ почему душа народная уклоняется отъ нихъ и ее влечетъ къ государямъ. Древность этихъ установленій не внушала къ нимъ почтенія; наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ они съ каждымъ днемъ дряхлѣютъ, они теряютъ кредитъ. И, странное дѣло, они внушаютъ тѣмъ больше ненависти, чѣмъ болѣе они

приходятъ въ упадокъ и тѣмъ они становятся менѣе зловредными. „Существующій порядокъ вещей“, пишетъ одинъ нѣмецкій писатель, современникъ и другъ стараго порядка, „повидимому, сталъ одинаково ненавистнымъ для всѣхъ, а подчасъ и одинаково для всѣхъ презрѣннымъ. Странно, какъ нынче судятъ неблагопріятно обо всемъ, что старо. Новыя впечатлѣнія пробиваютъ себѣ пути въ нѣдра нашихъ семействъ и нарушаютъ въ нихъ порядокъ. Дѣло доходитъ даже до того, что наши хозяйки стали брезгать старой мебелью“. А между тѣмъ въ Германіи, какъ и во Франціи, въ эту эпоху общество отличалось большой дѣятельностью, и благоденствіе его постоянно возрастало. Но обратите вниманіе на слѣдующее явленіе, которое дополняетъ картину: все, что живетъ, дѣйствуетъ, производитъ, все это новаго происхожденія, не только новаго, но и совершенно противоположнаго старому.

Королевская власть, не имѣющая ничего общаго съ королевской властью среднихъ вѣковъ, обладаетъ иными прерогативами, занимаетъ другое положеніе, носитъ въ себѣ иной духъ, внушаетъ иныя чувства. Администрація государства повсюду распространяетъ кругъ своего вліянія среди обломковъ мѣстныхъ властей, іерархія чиновниковъ замѣняетъ все болѣе и болѣе управленіе знати. Всѣ эти новыя власти дѣйствуютъ согласно такимъ пріемамъ и слѣдуютъ такимъ правиламъ, какихъ люди среднихъ вѣковъ не знали и не одобряли и которые дѣйствительно относятся къ тому состоянію общества, о какомъ они не имѣли ни малѣйшаго представленія.

Въ Англіи, о которой на первый взглядъ можно было бы сказать, что старая конституція Европы сохранила еще свою силу,—наблюдается то же самое. Если оставить въ сторонѣ старыя названія и устранить старыя формы, то нетрудно убѣдиться, что, начиная съ XVII вѣка, феодальная система здѣсь въ существѣ дѣла уничтожена, общественные классы смѣшиваются, знать утратила свое значеніе, путь въ ряды аристократіи открытъ, богатство стало силой, установилось равенство передъ закономъ, равенство повинностей, свобода печати, свобода собраній, словомъ, всѣ новые принципы, неизвѣстные

среднимъ вѣкамъ. Но это именно тѣ новые порядки, которые, будучи введены мало-по-малу и съ большимъ искусствомъ въ этотъ старый организмъ, оживили его, не рискуя его разрушить, и наполнили его новой силой, оставивъ ему старыя формы. Англія XVII в. является уже современной націей, которая сохранила въ своихъ нѣдрахъ и какъ бы набальзамировала лишь нѣкоторые остатки среднихъ вѣковъ.

Необходимо было бросить бѣглый взглядъ и на факты, имѣвшіе мѣсто внѣ Франціи, чтобы облегчить пониманіе дальнѣйшаго, такъ какъ тотъ, кто только изучалъ и видѣлъ одну Францію, тотъ никогда — осмѣлюсь заявить — не пойметъ ничего во французской революціи.

ГЛАВА V.

Въ чемъ заключалась главная задача французской революціи?

Цѣль всего предыдущаго заключалась въ томъ, чтобы освѣтить предметъ и облегчить рѣшеніе поставленнаго мною въ началѣ вопроса: какая была истинная цѣль революціи? Каковъ былъ настоящій характеръ этого движенія? Для чего она именно была продѣлана? Чего она достигла?

Революція была произведена вовсе не съ тѣмъ, какъ это думали, чтобы уничтожить религіозныя вѣрованія; она была по существу, несмотря на ея внѣшній обликъ, революціей соціальной и политической и въ сферѣ учрежденій этого рода она вовсе не стремилась къ увѣковѣченію безпорядка, не къ тому, чтобы сдѣлать его, такъ сказать, стойкимъ, словомъ методизировать анархію, какъ выражался одинъ изъ ея главныхъ противниковъ. Наоборотъ, революція старалась усилить могущество и права государственной власти. Она не имѣла притязанія измѣнить прежній характеръ цивилизаціи, какъ думали иные, или остановить ея успѣхи, ни даже измѣнить по

существу какой-либо изъ основныхъ законовъ, на которыхъ покоятся человѣческія общества Западной Европы.

Если революцію отдѣлить отъ всѣхъ случайныхъ примѣсей, измѣнившихъ ея обликъ въ различныя эпохи и въ различныхъ странахъ, и разсмотрѣть ее только саму по себѣ, то станетъ яснымъ, что послѣдствіемъ этой революціи было только уничтоженіе тѣхъ политическихъ установленій, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ безраздѣльно господствовали у большинства европейскихъ народовъ и которыя обыкновенно обозначаютъ названіемъ феодальныхъ учрежденій. Уничтоженіе этихъ установленій имѣло цѣлью замѣнить прежніе общественные и политическіе порядки болѣе однородными и простыми, въ основѣ которыхъ лежало равенство всѣхъ.

Этого было достаточно, чтобы вызвать громадный переворотъ, или революцію, ибо помимо того, что старинныя установленія были еще смѣшаны и какъ бы связаны почти со всѣми религіозными и политическими законоположеніями Европы, они, кромѣ того, внушали массу идей, чувствъ, привычекъ и нравовъ, которыя были какъ бы сцѣплены съ ними. Потребовалась страшная судорога, чтобы разрушить и вырвать сразу изъ общественнаго организма часть его, которая такъ крѣпко была связана со всѣми его органами. Отъ этого революція казалась еще болѣе грандіозной, чѣмъ она была. Казалось, что она должна все разрушить, потому что то, что она разрушала, было связано со всѣмъ и составляло какъ бы одно цѣлое со всѣмъ остальнымъ строемъ.

Какимъ бы радикальнымъ ни казалось такое явленіе, какъ революція, она, однако, создала гораздо меньше новаго, чѣмъ это обыкновенно предполагается. Я это выясню впослѣдствіи. Вѣрно одно, что революція совершенно разрушила или стремится разрушить (такъ какъ она еще продолжается) все то, что въ старомъ обществѣ произошло изъ учрежденій аристократическихъ и феодальныхъ, все, что съ ними какимъ бы то ни было образомъ было связано, все, что носило хотя малѣйшій слѣдъ этихъ учрежденій. Изъ древняго міра революція сохранила лишь то, что было всегда чуждо этимъ учрежденіямъ или могло обходиться безъ нихъ. Революція меньше всего была явленіемъ случайнымъ. Правда, она захватила міръ врасплохъ, но тѣмъ не менѣе она была не чѣмъ инымъ, какъ завершеніемъ чрезвычайно продолжительной работы, внезапнымъ и насильственнымъ окончаніемъ дѣла, надъ которымъ работали десять поколѣній. Если бы она не произошла, то во всякомъ случаѣ старое общественное зданіе рухнуло бы повсюду, въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ позже, но только зданіе это подверглось бы постепенному разрушенію вмѣсто того, чтобы рухнуть сразу. Революція закончила сразу судорожнымъ и болѣзненнымъ движеніемъ, безъ переходовъ, безъ предосторожностей, не взирая ни на что, все то, что закончилось бы мало-по-малу, само по себѣ и въ теченіе долгаго времени. Въ этомъ и заключалось дѣло революціи.

Удивительно, что то, что теперь, кажется, такъ легко установить, оставалось тогда столь неяснымъ и туманнымъ самому проницательному глазу.

„Вы хотѣли устранить злоупотребленія вашего правительства“, говоритъ тотъ же Бёркъ, обращаясь къ французамъ, „но къ чему затѣвать новое? Почему вы не вернулись къ вашимъ старымъ традиціямъ? Почему вы не ограничились возстановленіемъ вашихъ старинныхъ вольностей? Или, если оказалось невозможнымъ для васъ разыскать стертый обликъ конституціи вашихъ предковъ, отчего вы не взглянули въ нашу сторону? Здѣсь вы нашли бы старинный общій законъ Европы“. Бёркъ не замѣчаетъ, что то, что у него передъ глазами, и есть революція, которая и должна собственно устранить этотъ старинный общій законъ Европы. Онъ не замѣчаетъ, что рѣчь идетъ собственно объ этомъ, а не о чемъ-либо другомъ.

Но почему же эта революція, всюду подготовляемая, всюду угрожающая, разразилась во Франціи, а не въ другомъ мѣстѣ? Почему во Франціи она пріобрѣла нѣкоторыя свойства, которыхъ уже затѣмъ не оказалось нигдѣ, или которыя въ другихъ мѣстахъ обнаружились лишь частью. Этотъ второй вопросъ заслуживаетъ разсмотрѣнія, и изслѣдованіе его будетъ предметомъ слѣдующихъ книгъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Почему феодальныя права стали болѣе ненавистными народу во Франціи, чѣмъ въ другихъ странахъ?

При первомъ взглядѣ поражаетъ слѣдующій фактъ: революція, главной задачей которой было уничтожить повсюду остатки средневѣковыхъ учрежденій, не вспыхнула въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти установленія, лучше сохранившіяся, болѣе давали чувствовать народу свою гнетущую силу, и, наоборотъ, революція разразилась тамъ, гдѣ гнетъ этихъ установленій чувствовался меньше, такъ что онъ казался болѣе тяжелымъ именно тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ онъ былъ болѣе сноснымъ.

Почти ни въ одной части Германіи, въ концѣ XVIII вѣка, крѣпостное право не было еще окончательно отмѣнено, и большей частью народъ оставался положительно прикрѣпленнымъ къ землѣ, какъ и въ средніе вѣка. Почти всѣ солдаты, составлявшіе арміи Фридриха II и Маріи Терезіи, были настоящими крѣпостными.

Въ большей части германскихъ княжествъ въ 1788 г. крестьянинъ не можетъ оставить землю помѣщика, и если бы

онъ ушелъ, то его можно преслѣдовать повсюду, гдѣ онъ находится, и привести его обратно силой. Онъ подчиненъ суду помѣщика, который слѣдитъ за его частной жизнью и наказываетъ его за пьянство и лѣность. Онъ не можетъ ожидать повышенія въ своемъ положеніи, ни измѣнить своей профессіи, ни даже жениться, если на то не будетъ должнаго согласія его помѣщика. Большую часть своего времени онъ обязанъ удѣлять своему господину. Нѣсколько лѣтъ своей юности онъ долженъ провести въ качествѣ дворового человѣка въ замкѣ. Барщина существуетъ во всей своей силѣ и въ нѣкоторыхъ княжествахъ доходитъ до 3-хъ дней въ недѣлю. Крестьянинъ же выстраиваетъ и ремонтируетъ домъ и всякія зданія помѣщика, возитъ продукты его хозяйства на рынокъ, перевозитъ помѣщика и служитъ ему посыльнымъ.

Крѣпостной, впрочемъ, можетъ пріобрѣтать право собственности на землю, но его право собственности остается всегда неполнымъ. Онъ обязанъ обрабатывать свое поле извѣстнымъ способомъ подъ надзоромъ помѣщика; онъ не можетъ ни отчуждать, ни закладывать своей земли по своему усмотрѣнію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его принуждаютъ продавать получаемые отъ земли продукты, въ другихъ—запрещаютъ такую продажу. Обработка же земли для него всегда обязательна. Его наслѣдство не переходитъ всецѣло къ его дѣтямъ; одна часть обыкновенно удерживается для помѣщичьяго имѣнія.

Я нахожу всѣ эти указанія не въ устарѣлыхъ законахъ, я ихъ встрѣчаю даже въ Кодексѣ Фридриха Великаго, изданномъ его наслѣдникомъ именно въ моментъ вспышки французской революціи.

Съ давнихъ поръ ничего подобнаго уже не существовало во Франціи: крестьянинъ приходилъ, уходилъ, продавалъ, покупалъ, совершалъ договоры и трудился какъ ему хотѣлось. Послѣдніе слѣды крѣпостничества обнаруживались лишь въ одной или двухъ изъ завоеванныхъ восточныхъ провинцій. Вездѣ же въ другихъ мѣстахъ крѣпостничество совершенно исчезло, и отмѣна его произошла въ столь отдаленную эпоху, что даже время это было забыто. Ученыя изслѣдованія, предпринятыя уже въ

наши дни, доказали, что уже въ XIII вѣкѣ крѣпостничества не было въ Нормандіи.

Но въ условіяхъ жизни народа во Франціи произошла еще и другая революція: крестьянинъ не только пересталъ быть крѣпостнымъ, но онъ сдѣлался даже землевладѣльцемъ. Фактъ этотъ и въ настоящее время еще не вполнѣ установленъ, а между тѣмъ, какъ это будетъ видно далѣе, онъ имѣлъ такія послѣдствія, что мнѣ позволительно будетъ на немъ нѣсколько остановиться, чтобы его разсмотрѣть.

Долгое время думали, что дробленіе земельной собственности началось со временъ революціи и было вызвано только ею. Но многіе факты свидѣтельствуютъ, что дѣло обстояло совершенно иначе.

По крайней мѣрѣ за 20 лѣтъ до этой революціи уже встрѣчаются сельскохозяйственныя общества, которыя жалуются на то, что земля дѣлится сверхъ мѣры на слишкомъ мелкіе участки. „Дробленіе наслѣдствъ“, говоритъ Тюрго около того же времени, „доходитъ до того, что то, что достаточно было для одной семьи, дѣлится между 5-ю или 6-ю наслѣдниками. Вслѣдствіе этого наслѣдники и ихъ семьи уже лишаются возможности жить исключительно на счетъ земли“. Неккеръ, нѣсколько лѣтъ спустя, сказалъ, что во Франціи имѣется несмѣтное число мелкихъ землевладѣльческихъ участковъ.

Въ секретномъ докладѣ, представленномъ незадолго до революціи одному интенданту, помѣщены слѣдующія строки: „Наслѣдства дробятся до такой степени, что это способно вызвать безпокойство, а такъ какъ всякій желаетъ имѣть все и повсюду, то земельные участки оказываются раздѣленными до безконечности и непрерывно подраздѣляются на еще болѣе мелкія части“. Можно, право, подумать, что эти строки были написаны только недавно, чуть не вчера.

Я, съ своей стороны, приложилъ безконечно много усилій, чтобы возсоздать до нѣкоторой степени кадастръ временъ стараго порядка, и иногда мнѣ это удавалось. Согласно закону 1790 г., которымъ былъ установленъ поземельный налогъ, каждый приходъ долженъ былъ имѣть опись всѣхъ земельныхъ

владѣній, имѣвшихся въ то время въ предѣлахъ его территоріи. Эти приходскія описи большей частью затерялись. Тѣмъ не менѣе я разыскалъ ихъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ и, сравнивая ихъ съ нынѣшними описями, замѣтилъ, что въ этихъ деревняхъ число землевладѣльцевъ доходило до половины, а часто и до двухъ третей теперешняго числа. Это покажется весьма знаменательнымъ, если принять въ соображеніе, что общее населеніе Франціи съ того времени увеличилось болѣе чѣмъ на четверть.

Въ тѣ времена, какъ и теперь, стремленіе крестьянина къ собственности доходило до крайнихъ предѣловъ, и въ немъ уже возгорѣлись всѣ страсти, возбуждаемыя обладаніемъ землею.

„Земли продаются всегда выше своей стоимости“, сообщаетъ одинъ опытный наблюдатель того времени, „что зависитъ отъ того стремленія, которымъ проникнуты всѣ обыватели, стремленія стать землевладѣльцемъ. Всѣ сбереженія низшихъ слоевъ общества, которыя въ другихъ странахъ помѣщаются въ частные и общественные фонды, предназначаются во Франціи на покупку земель“.

Среди всѣхъ новинокъ, какія Артуръ Юнгъ находитъ во Франціи въ первое свое посѣщеніе, ничто такъ не поражаетъ его, какъ безконечное дробленіе земли между крестьянами. Онъ утверждаетъ, что имъ принадлежитъ половина Франціи. „У меня не было ни малѣйшаго представленія“, говоритъ онъ, „о подобномъ положеніи вещей“. И на самомъ дѣлѣ подобное положеніе вещей въ то время наблюдалось лишь во Франціи или въ самомъ ближайшемъ ея сосѣдствѣ.

Въ Англіи прежде тоже существовали крестьяне-землевладѣльцы, но къ этому времени ихъ тамъ встрѣчалось гораздо меньше. Въ Германіи во всѣ времена и повсюду имѣлось извѣстное число свободныхъ поселянъ, которые владѣли извѣстными земельными участками на правахъ полной собственности. Особые и нерѣдко странные законы, регулировавшіе собственность поселянъ, можно отыскать въ самыхъ старыхъ германскихъ обычаяхъ. Но этого рода собственность всегда являлась исключительнымъ фактомъ, и число мелкихъ землевладѣльцевъ было крайне ограниченно.

Тѣ области Германіи, въ которыхъ къ концу XVIII вѣка крестьянинъ былъ собственникомъ почти такимъ же свободнымъ, какъ и во Франціи, расположены по большей части вдоль Рейна. А именно здѣсь-то прежде всего и распространились революціонныя страсти Франціи и съ наибольшей силой. Наоборотъ, тѣ части Германіи, которыя дольше всего оставались недоступными этимъ страстямъ, не представляли ничего подобнаго. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду.

Думать, что дробленіе земельной собственности началось во Франціи лишь со времени революціи,—значитъ впадать въ общепринятое заблужденіе. Фактъ этого дробленія гораздо старѣе революціи. Революція дѣйствительно продала всѣ земли, принадлежавшія духовенству, и большую часть дворянскихъ земель, но если бы кто справился съ протоколами этихъ продажъ, что я иногда терпѣливо продѣлывалъ, тотъ увидѣлъ бы, что большинство этихъ земель было куплено лицами, уже обладавшими землей, такъ что собственность только перешла въ другія руки, но число владѣльцевъ увеличилось гораздо въ меньшей степени, чѣмъ это предполагаютъ. Во Франціи и такъ уже было ихъ несмѣтное число, согласно сильному, но на этотъ разъ справедливому выраженію Неккера.

Послѣдствіемъ революціи было не раздѣлъ земли, а временное ея освобожденіе. Всѣ эти мелкіе землевладѣльцы дѣйствительно были очень стѣснены въ эксплоатаціи своихъ земель и несли много повинностей, отъ которыхъ имъ трудно было освободиться.

Эти повинности, конечно, сильно ихъ угнетали, но что именно заставляло казаться эти повинности наиболѣе невыносимыми, это то, что, повидимому, должно бы было, наоборотъ, облегчить тяготу ихъ. Дѣло въ томъ, что эти же крестьяне были освобождены болѣе, чѣмъ въ любой другой части Европы, отъ власти своихъ помѣщиковъ. Вотъ еще переворотъ не менѣе важный, чѣмъ революція, сдѣлавшая крестьянъ собственниками.

Хотя старый порядокъ еще очень недалекъ отъ насъ, такъ

какъ мы встрѣчаемъ ежедневно людей, родившихся при господствѣ его законовъ, но онъ уже, повидимому, теряется во мракѣ временъ. Радикальная революція, которая насъ отдѣляетъ отъ стараго порядка, произвела дѣйствіе, которое производятъ вѣка. Она затмила все, что не пришлось ей разрушить. Мало найдется людей, которые бы могли теперь отвѣтить на простой вопросъ: какъ управлялись деревни до 1789 года? И дѣйствительно трудно на это отвѣтить подробно и точно, не изучивъ не книги, а административные архивы того времени.

Мнѣ часто приходилось слышать слѣдующее: „Дворянство, которое съ давнихъ поръ перестало принимать участіе въ управленіи государства, сохранило до конца власть надъ деревнями, причемъ помѣщики управляли своими крестьянами“. Но это, повидимому, заблужденіе.

Въ XVIII вѣкѣ всѣ дѣла прихода велись извѣстнымъ числомъ должностныхъ лицъ, которыя уже не были агентами помѣщика и уже не выбирались имъ. Одни изъ нихъ назначались интендантомъ провинціи, другіе же избирались самими крестьянами.

Эти власти должны были заниматься раскладкой налоговъ, ремонтомъ церквей и постройкой школъ. Онѣ созывали и предсѣдательствовали на сходахъ прихода. Онѣ завѣдывали общиннымъ имуществомъ и регулировали пользованіе имъ, вчиняли и поддерживали иски и всякіе судебные процессы отъ имени общины. Помѣщики не только не завѣдывали всѣми этими мѣстными дѣлами, но даже и не слѣдили за ходомъ ихъ. Всѣ должностныя лица прихода находились подъ управленіемъ или подъ контролемъ центральной власти, какъ мы это увидимъ изъ слѣдующей главы. Мало того, помѣщикъ уже пересталъ дѣйствовать въ своемъ приходѣ какъ представитель короля, какъ посредникъ между королевской властью и обывателями. Онъ ужэ не имѣетъ права примѣнять къ нимъ общіе законы государства, собирать милицію, взимать подати, опубликовывать приказы короля и распредѣлять по-

Всесоюзная БИБЛІОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

собія. Всѣ эти обязанности и права принадлежатъ другимъ лицамъ. Помѣщикъ на самомъ дѣлѣ является не болѣе какъ обывателемъ, котораго отъ всѣхъ остальныхъ отдѣляютъ лишь дарованныя ему льготы и привилегіи. Онъ отличается отъ остальныхъ лишь своимъ соціальнымъ положеніемъ, но не властью. Помѣщикъ лишь является первымъ обывателемъ, какъ заявляютъ интенданты въ письмахъ къ своимъ субделегатамъ.

Если мы выйдемъ изъ предѣловъ прихода и перейдемъ въ кантонъ, то мы увидимъ тамъ ту же картину. Нигдѣ нѣтъ въ качествѣ правящаго элемента собранія дворянъ, а также они не управляютъ и каждый въ отдѣльности. Въ этомъ заключалась особенность Франціи. Повсюду въ другихъ мѣстахъ характерныя черты стараго феодальнаго общества отчасти сохранились: владѣніе землей и управленіе крестьянами все еще смѣшивались.

Въ Англіи администрація и правительственная власть принадлежали крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ. Въ тѣхъ частяхъ Германіи, какъ, напр., въ Пруссіи и Австріи, гдѣ государямъ особенно хорошо удалось избавить себя отъ опеки дворянъ въ общихъ дѣлахъ государства, они оставили имъ въ большинствѣ случаевъ управленіе деревнями, и если они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подчинили помѣщиковъ своему контролю, то имъ нигдѣ не удалось занять ихъ мѣсто.

Въ сущности французскіе дворяне уже съ давнихъ поръ не вмѣшивались въ общественное управленіе, за исключеніемъ одного пункта, а именно судебной власти. Крупнѣйшіе изъ дворянъ сохранили за собой право имѣть судей, которые рѣшали нѣкоторыя дѣла отъ ихъ имени, и время отъ времени пользовались еще полицейской властью въ предѣлахъ своихъ владѣній. Но королевская власть постепенно сократила, ограничила и подчинила помѣщичью власть настолько, что помѣщики, которые пользовались этой властью, понимали ее не какъ власть, а какъ источникъ дохода.

То же случилось по отношенію ко всѣмъ особымъ правамъ

дворянства. Политическая часть ихъ исчезла, осталась лишь финансовая сторона, которая иногда значительно усиливалась.

Здѣсь я стану говорить лишь о той сторонѣ выгодныхъ привилегій, которая по преимуществу носила названіе феодальныхъ правъ, потому что эти права главнымъ образомъ и затрогивали народъ.

Трудно сказать въ настоящее время, въ чемъ заключались эти права еще въ 1789 году, такъ какъ число ихъ и разнообразіе было неограниченно и многія изъ нихъ исчезли или преобразовались такъ, что смыслъ словъ, которыми они обозначались, уже недостаточно ясный для людей того времени, для насъ сталъ весьма темнымъ. Тѣмъ не менѣе при изученіи сочиненій спеціалистовъ по феодальному праву XVIII в. и при внимательномъ изслѣдованіи мѣстныхъ обычаевъ оказывается, что всѣ сохранившіяся еще права могутъ свестись къ небольшому числу главныхъ видовъ. Всѣ же остальныя дѣйствительно существуютъ, но остаются лишь единичными, изолированными.

Слѣды барщины встрѣчаются еще почти вездѣ, хотя наполовину уже сглаженные. Большинство дорожныхъ пошлинъ понижено или уничтожено. Тѣмъ не менѣе мало встрѣчается провинцій, въ которыхъ онѣ не удержались бы. Во всѣхъ провинціяхъ помѣщики сохраняютъ за собой права на ярмарки и рынки. Извѣстно, что во всей Франціи они пользуются исключительнымъ правомъ охоты. Обыковенно они одни обладаютъ голубятнями и голубями. Почти повсюду они приказываютъ крестьянамъ молоть зерно на ихъ мельницѣ и отдавать виноградъ въ ихъ давильни. Повсюду встрѣчается чрезвычайно обременительный налогъ, извѣстный подъ названіемъ lods et ventes. Это налогъ, платимый помѣщику всякій разъ, когда продаются или покупаются земли въ предѣлахъ его помѣстья. На всей поверхности территоріи, наконецъ, земля обложена оброкомъ, поземельными рентами и повинностями, денежными или натуральными, которыя крестьянинъ обязанъ платить владѣльцу и отъ которыхъ онъ не можетъ откупиться. Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ оттѣнковъ выдвигается одна общая черта, а именно,

что всѣ эти права болѣе или менѣе связаны съ землей и ея продуктами; всѣ они касаются того, кто обрабатываетъ землю.

Извѣстно, что сеньеры изъ духовнаго сословія пользовались такими же преимуществами, ибо церковь, имѣвшая иное происхожденіе, иное назначеніе и иную сущность, чѣмъ феодализмъ, въ концѣ концовъ пришла въ тѣсную съ нимъ связь и, хотя она никогда вполнѣ не сливалась съ феодализмомъ, какъ съ чуждымъ ей элементомъ, она все же настолько глубоко проникласъ имъ, что была какъ бы впаяна въ него. Епископы, каноники, аббаты обладали феодами и цензивами въ силу своихъ церковныхъ функцій. Монастырь обыкновенно обладалъ вотчинной властью надъ землями той деревни, на территоріи которой онъ былъ построенъ. У него были крѣпостные въ той единственной части Франціи, гдѣ они еще существовали. Монастырь пользовался правомъ на барщину, обладалъ правами на ярмарки и рынки, имѣлъ свою пекарню, мельницу, давильню и своего быка. Кромѣ того духовенство во Франціи, какъ и во всемъ христіанскомъ мірѣ, пользовалось правомъ на десятину.

Но на что необходимо прежде всего обратить вниманіе, это на то, что тогда во всей Европѣ вездѣ существовали одни и тѣ же феодальныя права, буквально одни и тѣ же, и въ большинствѣ континентальныхъ странъ они были гораздо обременительнѣе. Достаточно указать на барщину. Во Франціи она выполнялась рѣдко и не была особенно тяжела, а въ Германіи она была распространена повсюду и была очень жестокой.

Мало того, многія права феодальнаго происхожденія, которыя наиболѣе волновали нашихъ предковъ, такъ какъ они считали ихъ противорѣчащими не только справедливости, но и цивилизаціи, какъ, напримѣръ, десятина, неотчуждаемыя поземельныя ренты, вѣчныя повинности, право возмѣщенія въ пользу владѣльца съ продажи и покупки въ предѣлахъ его имѣнія,—всѣ эти права, которыя наши предки называли на своемъ нѣсколько напыщенномъ языкѣ рабствомъ земли, всѣ они существовали тогда отчасти и у англичанъ; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились тамъ даже и понынѣ. Они не мѣшаютъ процвѣтанію и росту англійскаго земледѣлія, считающагося самымъ

совершеннымъ и богатѣйшимъ въ цѣломъ мірѣ, и англійскій народъ даже и не замѣчаетъ сохранившихся въ странѣ остатковъ феодализма.

Почему, однако, тѣ же феодальныя права вызвали въ душѣ французскаго народа столь сильную ненависть, что она даже пережила самый предметъ ненависти и кажется неискоренимой? Причина заключается, съ одной стороны, въ томъ, что французскій крестьянинъ сталъ поземельнымъ собственникомъ, а съ другой—въ томъ, что онъ вполнѣ избавился отъ власти помѣщика. Конечно, имѣются и другія причины, но я думаю, что указанныя являются главными.

Если бы крестьянинъ не обладалъ землей, то онъ относился бы безразлично ко многимъ повинностямъ, тяготѣвшимъ, благодаря феодальной системѣ, надъ поземельной собственностью. Какое дѣло до десятины тому, кто является фермеромъ? Онъ ее вычтетъ изъ арендной платы. Какое значеніе имѣетъ поземельная рента для лица, не обладающаго землею? Даже стѣсненія эксплоатаціи не оказываютъ вліянія на того, кто самъ эксплуатируетъ для другого.

Съ другой стороны, если бы французскій крестьянинъ находился еще во власти помѣщика, то феодальныя права показались бы ему гораздо менѣе тягостными, такъ какъ онъ считалъ бы ихъ естественнымъ послѣдствіемъ устройства страны.

Когда дворянство обладаетъ не только привилегіями, но и властью, когда оно и правитъ, и управляетъ, то его особыя права могутъ быть одновременно и болѣе значительными, и менѣе замѣтными.

Во времена феодальнаго періода на дворянство смотрѣли приблизительно такъ же, какъ нынѣ смотрятъ на правительство: налагаемыя имъ повинности выносили ради тѣхъ гарантій, которыя оно давало. Дворяне имѣли стѣснительныя для другихъ привилегіи и обременительныя права, но они зато обезпечивали общій порядокъ, производили судъ, заставляли подчиняться законамъ, приходили на помощь слабымъ, вели общественныя дѣла. По мѣрѣ того какъ дворянство перестаетъ этимъ заниматься, тягота этихъ привилегій начинаетъ казаться болѣе

значительной, и даже самое существованіе ихъ начинаетъ дѣлаться непонятнымъ.

Представьте себѣ французскаго крестьянина XVIII вѣка, или, еще лучше—того самаго крестьянина, котораго вы знаете, потому что французскій крестьянинъ всегда одно и то же. Вы увидите, что измѣнились лишь условія его жизни, но не его настроеніе. Представьте его такимъ, какимъ его рисуютъ собранные мною документы: онъ такъ же страстно любитъ землю и посвящаетъ всѣ свои сбереженія на то, чтобы купить ее какой бы то ни было цѣной. Чтобы пріобрѣсть землю, ему нужно заплатить за право владѣнія не правительству, а другимъ собственникамъ сосѣдямъ, столь же чуждымъ общественной администраціи, столь же безвластнымъ, какъ и онъ самъ. Наконецъ, земля пріобрѣтена. Онъ вмѣстѣ съ зерномъ вкладываетъ въ нее свое сердце. Тотъ небольшой клочокъ земли, который составляетъ его собственность во всемъ безконечномъ пространствѣ вселенной, наполняетъ его душу чувствомъ гордости и независимости. Но вдругъ являются тѣ же сосѣди, которые отрываютъ его отъ его поля и обязываютъ работать въ другомъ мѣстѣ безъ вознагражденія. Захочетъ ли онъ защитить свои посѣвы отъ ихъ дичи, тѣ же сосѣди ему мѣшаютъ; они же ожидаютъ его у перехода черезъ рѣку, чтобы взыскать съ него дорожную пошлину. Онъ встрѣчаетъ ихъ на рынкѣ, гдѣ они ему продаютъ право продажи собственныхъ продуктовъ его же поля. И когда, вернувшись домой, онъ желаетъ употребить въ свою пользу оставшійся у него хлѣбъ, тотъ зерновой хлѣбъ, который росъ передъ его глазами и былъ посѣянъ его рукою, онъ не можетъ этого сдѣлать, прежде чѣмъ не отправитъ его, чтобы смолотить на мельницѣ у тѣхъ же своихъ сосѣдей и выпечь его въ ихъ пекарнѣ. Такимъ образомъ, часть его дохода обращается въ ренту для его сосѣдей, и эта рента неотъемлема и не подлежитъ выкупу.

Что бы онъ ни дѣлалъ, онъ вездѣ на пути наталкивается на этихъ неудобныхъ сосѣдей, которые нарушаютъ его спокойствіе, лишаютъ его работы и поѣдаютъ его продукты. Не успѣетъ онъ покончить съ этими сосѣдями, какъ являются другіе, одѣтые

въ черное, отбирающіе у него крупную часть жатвы. Представьте же, каковы должны быть условія существованія, потребности, характеръ, страсти такого крестьянина, и разсчитайте, если только это возможно, сколько ненависти и зависти должно накопиться въ его душѣ.

Феодализмъ остался наиболѣе значительнымъ изъ всѣхъ нашихъ гражданскихъ учрежденій, переставъ быть учрежденіемъ политическимъ. При такомъ ограниченіи онъ возбуждалъ еще больше ненависти, и можно сказать безошибочно, что уничтоженіе части средневѣковыхъ учрежденій сдѣлало гораздо болѣе ненавистнымъ то, что отъ нихъ осталось.

ГЛАВА II.

Административная централизація есть учрежденіе стараго порядка, а не продуктъ революціи или имперіи, какъ утверждаютъ.

Когда-то, когда во Франціи бывали политическія собранія, я слышалъ одного оратора, который, говоря объ административной централизаціи, сказалъ: „Вотъ прекрасная побѣда революціи, въ которой Европа намъ завидуетъ“. Я готовъ допустить, что централизація представляетъ блестящее завоеваніе, я не имѣю ничего противъ того, чтобы Европа завидовала Франціи, но утверждаю, что централизація не принадлежитъ къ числу пріобрѣтеній революціи. Наоборотъ, централизація есть продуктъ стараго порядка, и добавлю еще, что она представляетъ единственную часть политической конституціи стараго порядка, пережившую революцію потому, что только она одна могла приспособиться къ тому новому строю общества, который создала революція. Читатель, у котораго хватитъ терпѣнія прочесть со вниманіемъ настоящую главу, согласится, быть можетъ, что я больше чѣмъ правъ, высказывая это положеніе.

Я попрошу, чтобы мнѣ было позволено оставить пока въ сторонѣ, такъ называемыя pays d'état, т.-е. провинціи, которыя отчасти управлялись или, вѣрнѣе, казались управлявшимися самостоятельно.

Эти pays d'état, расположенныя на окраинахъ королевства, содержали не больше четверти всего населенія Франціи, и среди нихъ имѣлись лишь двѣ, въ которыхъ провинціальная свобода была дѣйствительно жизненной. Позднѣе я вернусь къ нимъ и укажу, въ какой степени центральная власть подчиняла ихъ общимъ законамъ.

Здѣсь я займусь главнымъ образомъ тѣмъ, что называлось на административномъ языкѣ того времени pays d'élection (буквально: избирательныя провинціи), хотя тамъ было меньше избраній, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эти провинціи облегали Парижъ со всѣхъ сторонъ, представляли компактную территорію и составляли душу и лучшую часть Франціи.

Если бросить поверхностный взглядъ на старинную администрацію королевства, то повсюду какъ бы бросается въ глаза разнообразіе правилъ и властей, какая-то спутанность власти. Франція переполнена административными учрежденіями или изолированными чиновниками, которые не зависятъ другъ отъ друга и участвуютъ въ управленіи въ силу купленнаго ими права, которое нельзя у нихъ отнять. Нерѣдко ихъ вѣдомства такъ перемѣшаны и такъ близки другъ къ другу, что они сталкиваются въ области однихъ и тѣхъ же дѣлъ.

Судебныя учрежденія косвенно участвуютъ въ законодательной власти; они вправѣ издавать административныя постановленія, являющіяся обязательными въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія. Иногда они ведутъ борьбу съ администраціей въ собственномъ смыслѣ, осуждаютъ ея мѣры и арестуютъ ея агентовъ. Обыкновенные судьи издаютъ полицейскіе приказы въ городахъ или мѣстечкахъ, гдѣ они имѣютъ свое пребываніе. Города имѣютъ весьма разнообразное устройство.

Ихъ магистраты носятъ различныя названія или заимствуютъ свою власть изъ различныхъ источниковъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ мы находимъ мэра, въ другомъ—консуловъ, въ третьемъ—синдиковъ. Одни избраны королемъ, другіе прежнимъ сеньеромъ или принцемъ крови, къ апанажу (удѣлу) коего принадлежитъ данный городъ. Нѣкоторые оказываются избранными на годъ своими согражданами, другіе же купили право управленія на вѣчныя времена.

Все это остатки прежнихъ властей. Но мало-по-малу среди нихъ установилось нѣчто сравнительно новое или видоизмѣненное, что мнѣ и остается описать.

Въ центрѣ королевства, у самаго трона образовалось административное учрежденіе, обладающее своеобразной властью, учрежденіе въ которомъ соединяются на новый ладъ всѣ власти. Это — королевскій совѣтъ.

Происхожденіе этого совѣта древнее, но большинство его функцій установилось недавно. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ все сразу—и высшій судъ, такъ какъ онъ имѣетъ право кассировать рѣшенія всѣхъ обыкновенныхъ судовъ, и высшій административный трибуналъ, такъ какъ отъ него зависятъ въ послѣдней инстанціи всѣ спеціальныя юрисдикціи. Какъ правительственный совѣтъ, онъ обладаетъ кромѣ того, по усмотрѣнію короля, законодательной властью, обсуждаетъ и предлагаетъ большинство законовъ, утверждаетъ и распредѣляетъ налоги. Какъ высшему совѣту по дѣламъ управленія, ему принадлежитъ власть устанавливать общія правила, которыми должны руководствоваться должностныя лица государства. Онъ же рѣшаетъ всѣ важныя дѣла и имѣетъ надзоръ надъ дѣятельностью подчиненныхъ властей. Все, въ концѣ концовъ, сводится къ нему и отъ него исходитъ. Однакожъ, у него нѣтъ собственной юрисдикціи. Король одинъ рѣшаетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленіе, повидимому, исходитъ отъ совѣта. Даже когда онъ, казалось бы, творитъ судъ, совѣтъ состоитъ изъ простыхъ высказывателей своихъ мнѣній, какъ это говоритъ парламентъ въ одномъ изъ своихъ представленій.

Этотъ совѣтъ состоитъ не изъ вельможъ, а изъ лицъ невысокаго происхожденія, изъ бывшихъ интендантовъ и другихъ лицъ, опытныхъ въ практикѣ дѣлъ и всегда смѣняемыхъ.

Совѣтъ дѣйствуетъ обыкновенно въ тиши, безъ шуму, обнаруживая всегда меньше притязаній, нежели власти. Вотъ почему самъ по себѣ онъ не поражаетъ внѣшнимъ блескомъ, или, вѣрнѣе, онъ теряется въ блескѣ трона, къ которому онъ близокъ. Совѣтъ настолько могущественъ, что касается всего, и въ то же время такъ незамѣтенъ, что исторія едва обращаетъ на него вниманіе.

Подобно тому какъ мѣстная администрація управляется однимъ учрежденіемъ, точно также непосредственное веденіе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ довѣряется заботамъ одного агента — генеральнаго контролера.

Если открыть одинъ изъ альманаховъ стараго порядка, легко можно убѣдиться въ томъ, что каждая провинція имѣла своего особаго министра. Но изучая администрацію по документамъ, мы видимъ, что министръ, управляющій данной провинціей, дѣйствуетъ лишь въ неважныхъ случаяхъ. Обычный ходъ дѣлъ опредѣляется генеральнымъ контролеромъ; послѣдній мало-по-малу завладѣлъ всѣми дѣлами, въ которыхъ можетъ быть затронутъ денежный вопросъ, т.-е. почти все государственное управленіе. Смотря по обстоятельствамъ, онъ дѣйствуетъ то какъ министръ финансовъ, то какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то какъ министръ общественныхъ работъ и торговли.

Подобно тому какъ центральная администрація имѣетъ, собственно говоря, лишь одного представителя въ Парижѣ, она имѣетъ также только по одному представителю въ каждой провинціи. Еще въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ вельможъ, носящихъ званіе провинціальныхъ губернаторовъ. Это бывшіе представители, нерѣдко наслѣдственные, феодальной королевской власти. Имъ еще сказываются почести, но они уже не пользуются никакой властью. Интендантъ обладаетъ всей реальной стороной правительственной власти.

Этотъ послѣдній — человѣкъ незнатнаго происхожденія, всегда чуждый провинціи, человѣкъ молодой, которому предстоитъ

еще сдѣлать карьеру. Онъ пользуется своей властью не по праву выбора, не по праву рожденія, не вслѣдствіе покупки мѣста. Онъ выбирается правительствомъ среди низшихъ членовъ государственнаго совѣта и остается всегда смѣняемымъ. Будучи отдаленъ отъ совѣта, онъ является его представителемъ и потому на административномъ языкѣ того времени его называютъ отдѣльнымъ коммиссаромъ совѣта (commissaire départi). Въ его рукахъ сосредоточиваются почти всѣ власти, которыми обладаетъ самъ совѣтъ; онъ пользуется ими въ первой инстанціи. Подобно совѣту онъ одновременно является и администраторомъ и судьей. Интендантъ сносится со всѣми министрами; онъ является единственнымъ представителемъ правительства въ провинціи.

Подъ его властью имѣется въ каждомъ кантонѣ назначаемый имъ и смѣняемый по произволу чиновникъ, такъ называемый субделегатъ. Интендантъ обыкновенно принадлежитъ къ числу лицъ, коимъ недавно пожаловано дворянство, субделегатъ всегда — разночинецъ. Тѣмъ не менѣе онъ точно также представляетъ все правительство въ томъ небольшомъ участкѣ, который ему порученъ, какъ интендантъ въ цѣломъ генералитетѣ (губерніи). Онъ подчиненъ интенданту, какъ послѣдній подчиненъ министру.

Маркизъ д'Аржансонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что однажды Лоу ему сказалъ: „Я никогда не повѣрилъ бы тому, что я видѣлъ, когда я былъ контролеромъ по финансовой части. Знайте, что французское королевство управляется 30-ю интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни собранія чиновъ, ни губернаторовъ. Имѣется на лицо лишь 30 докладчиковъ государственнаго совѣта (рекстмейстеровъ), посланныхъ въ провинціи, отъ которыхъ зависитъ бѣдствіе или благоденствіе этихъ провинцій, ихъ богатство или нищета“. Эти чиновники, весьма властные, были тѣмъ не менѣе, такъ сказать, затемнены остатками старой феодальной аристократіи и какъ бы терялись среди блеска, отражаемаго еще этой аристократіей. Вотъ почему въ тѣ времена ихъ почти не видѣли, хотя владычество ихъ распространялось повсюду. Въ обществѣ

дворяне имѣли передъ ними преимущество своего ранга, богатствъ и уваженія, которое всегда связывается съ предметами стариннаго происхожденія. Въ центральномъ правительствѣ дворянство окружало государя и составляло его дворъ; оно управляло флотомъ, командовало арміей. Словомъ, дворянство исполняло все то, что больше всего бросается въ глаза современниковъ и слишкомъ часто останавливаетъ на себѣ взоры потомства. Знатный человѣкъ оскорбился бы, если бы ему предложили быть интендантомъ. Самый бѣдный дворянинъ хорошаго происхожденія отнесся бы съ пренебреженіемъ къ такой службѣ. Интенданты въ глазахъ дворянъ были людьми, втершимися въ правительство, выскочками, предназначенными для управленія мѣщанами и крестьянами, и въ концѣ концовъ людьми ничтожными. Тѣмъ не менѣе эти ничтожные люди управляли Франціей, какъ говорилъ Лоу и какъ мы въ этомъ вскорѣ убѣдимся. Начнемъ съ права налога, которое, до нѣкоторой степени, заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя права. Извѣстно, что часть налоговъ сдавалась на откупъ. Что касается этихъ налоговъ, то соглашеніе съ финансовыми компаніями по поводу нихъ устанавливались королевскимъ совѣтомъ. Послѣдній утверждалъ условія контракта и регулировалъ способъ взиманія. Всѣ другіе налоги, какъ, напр., таллія, подушная подать и т. наз. vingtièmes, устанавливались и собирались непосредственно агентами центральной администраціи или подъ ихъ всемогущимъ контролемъ. Размѣръ талліи и многочисленныхъ добавочныхъ къ ней сборовъ утверждалъ ежегодно секретнымъ циркуляромъ королевскій совѣтъ. Имъ также производилось и распредѣленіе повинностей по провинціямъ. Такимъ образомъ таллія росла изъ году въ годъ, и притомъ незамѣтно и безъ шума. Такъ какъ таллія была старымъ налогомъ, то раскладка и взиманіе ея нѣкогда были довѣрены мѣстнымъ агентамъ, которые были всѣ болѣе или менѣе независимы отъ правительства, такъ какъ они пользовались своей властью по праву рожденія, или по выбору, или въ силу покупки соотвѣтственной должности. Такими лицами были сеньеры, приходскій сборщикъ, казначеи Франціи и выборные (élus). Эти начальствующія лица существовали еще въ XVIII вѣкѣ, но одни изъ нихъ совсѣмъ перестали собирать таллію, другіе же играли въ этомъ дѣлѣ второстепенную и вполнѣ подчиненную роль. Даже въ этомъ отношеніи вся власть находилась всецѣло въ рукахъ интенданта и его агентовъ. Онъ одинъ, на самомъ дѣлѣ, распредѣлялъ таллію между приходами, руководилъ сборщиками и наблюдалъ за ихъ дѣйствіями, разрѣшалъ отсрочки и облегченія.

Другіе налоги, какъ подушная подать, возникли недавно, когда правительство уже не было стѣснено остатками старинныхъ властей. Здѣсь оно дѣйствовало вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства подданныхъ. Размѣръ всякаго сбора опредѣлялся интендантомъ, генеральнымъ контролеромъ и совѣтомъ.

Перейдемъ отъ финансовъ къ людямъ.

Иногда высказывается удивленіе по поводу того, что французы такъ терпѣливо сносили иго воинской повинности, установившееся со времени революціи и послѣ нея, но нужно принять въ соображеніе, что они всѣ привыкли къ этому съ давнихъ поръ. Набору предшествовала милиція, болѣе тяжкая повинность, хотя и требовавшая меньшихъ контингентовъ. Время отъ времени деревенскую молодежь заставляли тянуть жребій и изъ ея среды брали извѣстное количество солдатъ, изъ которыхъ формировались полки милиціи, служба въ которыхъ длилась 6 лѣтъ.

Такъ какъ милиція была учрежденіемъ относительно новымъ, то ни одной изъ старинныхъ феодальныхъ властей не было до нея никакого дѣла. Вся эта операція была поручена исключительно агентамъ центральнаго правительства. Совѣтъ опредѣлялъ общій контингентъ и долю каждой провинціи. Интендантъ опредѣлялъ число людей, которое бралось отъ каждаго прихода; его субделегатъ предсѣдательствовалъ при жеребьевкѣ, рѣшалъ вопросъ о льготахъ, указывалъ тѣхъ милиціонеровъ, которые могли оставаться дома, и тѣхъ, которые должны были уйти, и представлялъ послѣднихъ военному начальству. Апелляція была возможна только къ интенданту и къ совѣту.

Можно сказать также, что внѣ pays d'états всѣ общественныя работы, даже имѣвшія совершенно спеціальный

характеръ, разрѣшались и велись только агентами центральной власти.

Существовали, правда, еще другія мѣстныя и независимыя власти, какъ помѣщикъ, финансовыя бюро и главные смотрители (grands voyers), которые могли принимать участіе въ этой части общественнаго управленія. Почти вездѣ эти устарѣвшія власти работали мало или совсѣмъ ничего не дѣлали. Доказательствомъ тому служитъ самый поверхностный обзоръ административныхъ документовъ того времени. Всѣ большія дороги и даже дороги, которыя вели отъ города къ городу, содержались на счетъ общегосударственныхъ налоговъ. Планъ устанавливался совѣтомъ и имъ же назначались торги. Интендантъ руководилъ работами инженеровъ, субделегатъ слѣдилъ за отбываніемъ соотвѣтственной натуральной повинности населенія. На долю бывшихъ мѣстныхъ властей оставляли лишь попеченіе о проселочныхъ дорогахъ, которыя по этому самому оставались непроѣздными.

Главнымъ агентомъ центральнаго правительства въ дѣлѣ общественныхъ работъ, какъ и въ наши дни, было в ѣ д о м с т в о п у т е й с о о б щ е н і я (corps des ponts et. chaussées). Здѣсь все оказывается схожимъ, несмотря на различіе во времени. Администрація путей сообщенія имѣетъ совѣтъ и школу; инспекторовъ, которые ежегодно объѣзжаютъ всю Францію, инженеровъ, живущихъ на мѣстахъ и обязанныхъ, согласно указаніямъ интенданта, руководить всѣми работами. Учрежденія стараго порядка, которыя въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ предполагается, были перенесены въ новое общество, въ большинствѣ случаевъ теряли при этомъ переходѣ свои названія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они сохраняли свои формы. Но это учрежденіе сохранило и то и другое. Фактъ рѣдкій.

Центральное правительство приняло исключительно на себя, при помощи своихъ агентовъ, поддержаніе общественнаго порядка въ провинціяхъ. Дозорная команда (maréchaussée) была распредѣлена по всему королевству, причемъ она была организована въ небольшія бригады, находившіяся повсюду въ распоряженіи интендантовъ. При помощи этихъ солдатъ, а въ

случаѣ надобности и при помощи арміи, интендантъ могъ справиться со всѣми непредвидѣнными опасностями, задерживалъ бродягъ, преслѣдовалъ нищенство и усмирялъ мятежи, которые постоянно порождались высокими цѣнами на хлѣбъ. Въ отличіе отъ прежнихъ временъ, теперь уже никогда не случалось, чтобы подданные были призваны оказать правительству содѣйствіе въ этой области, за исключеніемъ однихъ городовъ, въ которыхъ обыкновенно существовала городская стража: интендантъ набиралъ входившихъ въ составъ ея солдатъ и назначалъ ея офицеровъ.

Судебныя учрежденія сохранили право издавать постановленія полицейскаго характера и часто имъ пользовались, но эти узаконенія были примѣнимы лишь къ одной части территоріи и чаще всего къ одной опредѣленной области. Совѣтъ могъ всегда ихъ кассировать и кассировалъ ихъ безъ конца, когда рѣчь шла о низшихъ юрисдикціяхъ. Съ своей стороны онъ ежедневно составлялъ общія узаконенія, примѣнимыя одинаково ко всему королевству, либо по поводу дѣлъ, отличныхъ отъ дѣлъ, регулируемыхъ судами, либо по поводу тѣхъ же вопросовъ, регулированныхъ ими иначе. Число этихъ узаконеній или, какъ выражались тогда, этихъ п о с т а н о в л е н і й с о в ѣ т а громадно, и оно растетъ непрерывно по мѣрѣ приближенія ко времени революціи. Нѣтъ почти ни одного отдѣла общественной экономіи или политической организаціи, который не былъ бы передѣланъ рѣшеніями совѣта въ теченіе предшествовавшихъ ей сорока лѣтъ.

Въ старинномъ феодальномъ обществѣ, если сеньеръ обладалъ большими правами, онъ несъ также большія обязанности. На его обязанности лежала помощь неимущимъ внутри его владѣній. Мы находимъ послѣдніе слѣды этого стараго законодательства Европы въ прусскомъ кодексѣ 1795 года, въ которомъ говорится слѣдующее: „Помѣщикъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы бѣдные крестьяне получали воспитаніе. Онъ долженъ, насколько возможно, доставлять средства къ жизни тѣмъ изъ своихъ вассаловъ, у которыхъ нѣтъ земли. Если нѣкоторые изъ нихъ впадаютъ въ нищету, то онъ обязанъ придти къ нимъ на помощь“.

Никакого подобнаго закона уже съ давнихъ поръ не существовало во Франціи. Такъ какъ у помѣщика были отняты его старыя права, то онъ уже пересталъ подчиняться своимъ прежнимъ обязательствамъ. Никакая мѣстная власть, никакой совѣтъ, никакое провинціальное или приходское сообщество не заняли его мѣста. Никто больше не былъ обязанъ по закону заниматься бѣдными въ деревняхъ. Центральное правительство смѣло рѣшилось удовлетворить этой потребности.

Ежегодно совѣтъ назначалъ каждой провинціи изъ общей суммы поступавшихъ въ казну налоговъ извѣстную сумму, которую интендантъ распредѣлялъ въ видѣ помощи по приходамъ. Къ нему долженъ былъ обращаться нуждающійся земледѣлецъ. Во времена голодовки тотъ же интендантъ раздавалъ народу хлѣбъ или рисъ.

Совѣтъ ежегодно издавалъ приказы, которыми предписывалось устроить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя онъ самъ указывалъ, благотворительныя мастерскія, въ которыхъ самые бѣдные крестьяне могли работать, получая небольшое вознагражденіе. Не трудно догадаться, что благотворительность, оказываемая на столь далекомъ разстояніи, часто оказывалась слѣпой или капризной и во всякомъ случаѣ была весьма недостаточной.

Центральное правительство не ограничивалось одной лишь помощью крестьянамъ въ ихъ несчастьяхъ; оно имѣло притязаніе обучить ихъ искусству обогащенія, помочь имъ въ этомъ и въ случаѣ надобности даже принудить. Съ этой цѣлью правительство отъ времени, до времени, при помощи своихъ интендантовъ и субделегатовъ, распространяло небольшія сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ; оно основывало земледѣльческія общества, обѣщало преміи, содержало, при большихъ расходахъ, питомники, произведенія которыхъ оно раздавало. Казалось бы, было бы цѣлесообразнѣй, если бы правительство облегчило тяготу и неравномѣрность повинностей, которыя въ то время оказывали столь сильное давленіе на земледѣліе. Но объ этомъ обыкновенно правительство никогда не помышляло.

Иногда совѣтъ стремился заставить частныхъ лицъ благоденствовать во что бы то ни стало. Приказы, предписывающіе ремесленникамъ пользоваться извѣстными способами производства и вырабатывать извѣстные продукты, безчисленны. А такъ какъ у интендантовъ не хватало времени, чтобы слѣдить за выполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ, то существовали генеральные инспектора по дѣламъ промышленности, которые объѣзжали провинціи, чтобы слѣдить за исполненіемъ этихъ предписаній.

Существуютъ приказы совѣта, которые запрещаютъ разведеніе извѣстныхъ растеній на тѣхъ земляхъ, какія совѣтъ считаетъ непригодными. Между ними встрѣчаются, напр., такіе, которыми предписывается вырвать виноградныя лозы, посаженныя, по мнѣнію совѣта, въ непригодной для нихъ почвѣ. Вотъ насколько тогда государство отъ роли правителя перешло къ роли опекуна.

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ то, что называется теперь административной опекой, оказывается учрежденіемъ стараго порядка.

Во Франціи муниципальная свобода пережила феодализмъ. Когда помѣщики уже перестали управлять деревнями, города еще сохраняли свою автономію. Такіе города встрѣчаются даже къ концу XVII вѣка; они продолжаютъ образовывать какъ бы небольшія демократическія республики, въ которыхъ магистраты свободно избираются всѣмъ народомъ и отвѣтственны передъ нимъ. Въ нихъ общественная и городская жизнь весьма дѣятельна, и городъ гордится своими правами и очень ревниво оберегаетъ свою независимость.

Выборы были уничтожены вообще впервые въ 1692 году. Городскія и общественныя функціи были тогда превращены въ т. наз. offices, т.-е. король, въ каждомъ городѣ, продавалъ нѣкоторымъ обывателямъ право на вѣчныя времена управлять другими.

Другими словами, это значило жертвовать вмѣстѣ съ свободой городовъ ихъ благоденствіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда какъ продажа общественныхъ должностей имѣла нерѣдко хорошія послѣдствія, когда рѣчь шла о судебныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ первымъ условіемъ надлежащаго отправленія правосудія является полная независимость судьи, продажа ихъ, наоборотъ, оказывалась всегда крайне вредной, когда рѣчь шла объ администраціи въ собственномъ смыслѣ, гдѣ особенно нужны отвѣтственность, подчиненіе и усердіе. Правительство старой монархіи на этотъ счетъ не ошибалось; оно тщательно избѣгало примѣнять къ себѣ тотъ режимъ, который оно устанавливало для городовъ, и оно остерегалось продавать должности интенданта и субделегатовъ.

Что больше всего заслуживаетъ презрѣнія исторіи, это то обстоятельство, что этотъ крупный переворотъ былъ совершенъ безо всякаго политическаго плана. Людовикъ XI ограничилъ свободу городовъ, потому что ея демократическій оттѣнокъ внушалъ ему страхъ. Людовикъ XIV, не опасаясь этихъ свободъ, отмѣнилъ ихъ. Доказательствомъ служитъ то, что онъ вернулъ свободы тѣмъ городамъ, которые могли ихъ выкупить. Въ дѣйствительности онъ меньше заботился объ ихъ уничтоженіи, чѣмъ о томъ, чтобы торговать ими. И если онъ ихъ дѣйствительно уничтожилъ, то онъ сдѣлалъ это, такъ сказать, не подумавши, вслѣдствіе чисто финансовыхъ соображеній. И странное дѣло: эта игра длится въ теченіе 80-ти лѣтъ. Семь разъ въ теченіе этого промежутка времени городамъ продавали право избирать себѣ магистратовъ, и каждый разъ, когда они снова испытали прелесть этого права, у нихъ его отнимали, чтобы потомъ его снова продать. Мотивъ этой мѣры каждый разъ одинъ и тотъ же, и часто его не скрываютъ. „Нужды нашихъ финансовъ“, сказано въ предисловіи къ эдикту 1722 г., „обязываютъ насъ изыскать наиболѣе вѣрные способы, чтобы привести ихъ въ порядокъ“. Средство было вѣрнымъ, но разорительнымъ для тѣхъ, на кого падалъ этотъ странный налогъ. „Я пораженъ обиліемъ денегъ, какія были уплачены во всѣ времена для выкупа городскихъ должностей“, писалъ одинъ интендантъ главному контролеру въ

1764 году. Та же сумма, израсходованная на общеполезныя работы, подѣйствовала бы благотворно на жизнь городовъ, которые, наоборотъ, только и ощущали тяготу власти и привилегій этихъ должностей. Я не знаю болѣе позорной черты во всемъ старомъ строѣ.

Повидимому, теперь трудно сказать съ полной точностью, какъ управлялись города въ XVIII вѣкѣ, ибо независимо отъ того, что происхожденіе городскихъ властей мѣняется непрерывно, какъ уже было сказано, каждый городъ сохранялъ еще нѣкоторые обломки своего прежняго устройства и имѣетъ свои обычаи. Во Франціи не найдется, пожалуй, и двухъ городовъ, гдѣ безусловно все было бы одинаково, но это различіе обманчивое, скрывающее сходство.

Въ 1764 году правительство рѣшило издать общій законъ по устройству городовъ. Оно приказало своимъ интендантамъ прислать ему мемуары о положеніи вещей въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Я разыскалъ часть этихъ матеріаловъ, и мнѣ удалось убѣдиться, перечитывая ихъ, что городскія дѣла велись одинаково почти вездѣ. Различія лишь поверхностныя и кажущіяся, основа же одна и та же.

Чаще всего управленіе городовъ находится въ рукахъ двухъ собраній. Это относится ко всѣмъ большимъ городамъ и къ большинству малыхъ.

Первое собраніе состоитъ изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ, смотря по мѣстности, должностныхъ лицъ города. Это исполнительная власть общины—городская коллегія (corps de ville), какъ тогда выражались.

Члены этого учрежденія пользуются временной властью и избираются, когда король установилъ выборы или городъ имѣлъ возможность выкупить должности. Они исполняютъ свои обязанности безсрочно за уплату извѣстной суммы деньги, если король возстановилъ продажность городскихъ должностей и если ему удалось ихъ продать, что не всегда случается, такъ какъ этотъ видъ товара все болѣе и болѣе презирается, по мѣрѣ того какъ городскія власти все болѣе и болѣе подчиняются центральному управленію. Во всякомъ случаѣ, должностныя лица

города не получаютъ жалованья, но они всегда освобождены отъ налоговъ и обладаютъ опредѣленными привилегіями. Среди нихъ нѣтъ іерархическаго порядка, управленіе имѣетъ коллективный характеръ. Но видно, чтобы опредѣленное должностное лицо руководило управленіемъ и отвѣчало за него. Мэръ (maire) состоитъ предсѣдателемъ городской коллегіи, но онъ не управляетъ самъ по себѣ городомъ.

Второе собраніе, которое называютъ общимъ собраніемъ (assemblée générale), избираетъ городскую коллегію тамъ, гдѣ еще сохранились выборы, и повсюду продолжаетъ принимать участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ.

Въ XV вѣкѣ общее собраніе нерѣдко состояло изъ всего населенія. Этотъ обычай, какъ говорится въ одномъ изъ мемуаровъ, соотвѣтствовалъ демократическому духу нашихъ предковъ. Тогда весь народъ избиралъ городскихъ чиновниковъ. Къ нему иногда обращались за совѣтомъ и ему представлялись отчеты. Къ концу XVII вѣка такая организація еще иногда встрѣчается.

Въ XVIII вѣкѣ уже не самъ народъ, во всемъ своемъ составѣ, образуетъ общее собраніе. Послѣднее почти всегда является представительнымъ. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что общее собраніе нигдѣ не избирается всей массой общества и не проникается его духомъ. Повсюду оно состоитъ изъ нотаблей, изъ которыхъ нѣкоторые являются туда въ силу присущаго имъ права, другіе же посылаются въ собраніе корпораціями или компаніями, и каждый изъ нихъ руководится обязательнымъ мандатомъ, который онъ получилъ отъ того небольшого общества, представителемъ коего онъ является.

По мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ концу XVIII вѣка, число нотаблей участвующихъ въ собраніи по собственному праву, а не по избранію, увеличивается въ средѣ этого общаго собранія. Депутаты отъ промышленныхъ корпорацій появляются въ меньшемъ числѣ или совсѣмъ уже не показываются. Встрѣчаются лишь тѣ, которые принадлежатъ къ цехамъ (corps), т.-е. собраніе состоитъ только изъ членовъ буржуазіи и почти вовсе не принимаетъ въ свою среду ремесленниковъ. Народъ,

который не дается въ обманъ столь легко, какъ можно иногда воображаютъ, и не ловится на удочку мнимой свободы, перестаетъ интересоваться дѣлами общины и живетъ среди своихъ собственныхъ стѣнъ, какъ посторонній элементъ. Напрасно эти городскіе магистраты, время отъ времени, пытаются пробудить въ немъ мѣстный патріотизмъ, который въ средніе вѣка дѣлалъ столько чудесъ,—народъ остается неотзывчивымъ. Самые важные интересы города, повидимому, его вовсе не касаются. Городскіе заправилы хлопочутъ, чтобы народъ шелъ подавать голосъ тамъ, гдѣ якобы сохраняется слабый отблескъ свободнаго избранія. Народъ упрямится и воздерживается отъ голосованія. Это самое обыкновенное явленіе въ исторіи. Почти всѣ государи, убившіе свободу, пытались сначала сохранить ея внѣшнія формы. Это мы видимъ со временъ Августа и до нашихъ дней. Они льстили себѣ надеждой, что имъ такимъ образомъ удастся соединить ту нравственную силу, которую всегда сообщаетъ сочувствіе народа, съ тѣми удобствами, какія можетъ имъ доставить лишь абсолютная власть.

Почти никому изъ нихъ не повезло въ этомъ предпріятіи, и они скоро убѣждались въ томъ, что невозможно долгое время выставлять лживое подобіе свободы тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ ея не было.

Въ XVIII вѣкѣ городское правительство повсюду превратилось въ маленькую олигархію. Нѣсколько семействъ рѣшали въ нихъ всѣ дѣла, руководясь своими особыми видами, безъ контроля общества и безъ всякой отвѣтственности передъ нимъ. Это болѣзнь, которой городская администрація подвержена во всей Франціи. Фактъ этотъ отмѣчаютъ всѣ интенданты. Единственнымъ средствомъ противъ этого зла, по ихъ мнѣнію, является возможно большее подчиненіе мѣстныхъ властей центральному правительству.

Между тѣмъ въ этомъ направленіи трудно было сдѣлать больше того, что уже было сдѣлано. Помимо эдиктовъ, которые отъ времени до времени видоизмѣняютъ администрацію всѣхъ городовъ, часто совершенно идутъ на смарку и особые законы, касающіеся каждаго изъ городовъ въ отдѣльности, путемъ при-

казаній отъ совѣта, не зарегистрованныхъ, сдѣланныхъ по заявленію интендантовъ безъ предварительной справки, а иногда даже и помимо вѣдома обывателей города.

„Эта мѣра“, говорятъ обыватели одного города, испытавшаго на себѣ дѣйствіе подобнаго приказа, „удивила всѣ сословія города, не ожидавшія ничего подобнаго“.

Города не могутъ ни учредить пошлины со съѣстныхъ припасовъ, ни взимать налогъ, ни отдать въ залогъ недвижимаго имущества, ни продать, ни защищать въ судѣ, ни отдать на откупъ свои владѣнія, ни управлять ими, ни пользоваться избытками своихъ приходовъ безъ того, чтобы не появился тотчасъ же приказъ отъ совѣта на основаніи донесенія интенданта. Всѣ городскія работы выполняются согласно планамъ и смѣтамъ, одобреннымъ приказомъ совѣта. Торги на эти работы въ присутствіи интенданта или его субделегата обыкновенно производятся правительственнымъ инженеромъ или архитекторомъ. Вотъ фактъ, который удивитъ тѣхъ, кто думаетъ, что все, что теперь происходитъ во Франціи,—все ново.

Но вмѣшательство центральнаго правительства идетъ еще дальше, чѣмъ это указано приведеннымъ правиломъ. Власть центральнаго правительства обширнѣе, чѣмъ его права.

Въ одномъ циркулярѣ, адресованномъ въ половинѣ XVIII в. главнымъ контролеромъ всѣмъ интендантамъ, говорится слѣдующее: „Вы обратите особое вниманіе на все то, что происходитъ на городскихъ собраніяхъ. Вы прикажете составить объ этомъ самый точный отчетъ и передать вамъ всѣ состоявшіяся на собраніяхъ постановленія и перешлете тотчасъ мнѣ съ вашимъ заключеніемъ“.

Дѣйствительно, изъ переписки интенданта съ его субделегатами видно, что правительство наложило руку на всѣ городскія дѣла, какъ на малыя, такъ и на самыя большія. Съ правительствомъ совѣтуются обо всемъ, и оно имѣетъ опредѣленный взглядъ на все; оно регулируетъ даже празднества. Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже приказываетъ, чтобы были представлены заявленія всеобщаго веселья; оно же приказываетъ зажигать фейерверки и иллюминаціи. Мы встрѣчаемъ интенданта,

который приговариваетъ членовъ городской стражи къ пенѣ въ 20 ливровъ за то, что они уклонились отъ присутствія при благодарственномъ молебствіи.

При такихъ условіяхъ понятно, что должностныя лица городовъ имѣютъ надлежащее понятіе о своемъ ничтожествѣ.

„Мы почтительнѣйше просимъ Васъ, монсеньеръ“, пишутъ нѣкоторые изъ нихъ интенданту, „даровать намъ Вашу благосклонность и Ваше покровительство. Мы постараемся ихъ заслужить, подчиняясь всѣмъ приказаніямъ Вашего вельможества“.—„Мы никогда не сопротивлялись Вашимъ желаніямъ, монсеньеръ“, пишутъ другіе, пышно называющіе себя пэрами города.

Вотъ какъ городское сословіе готовится къ власти, а народъ—къ свободѣ.

По крайней мѣрѣ, хоть бы эта зависимость городовъ спасала ихъ финансы. Но ничего подобнаго не было. Утверждаютъ, что безъ централизаціи города тотчасъ разорились бы. Я этого не знаю, но зато несомнѣнно, что въ XVIII вѣкѣ централизація не мѣшала имъ разоряться. Вся административная исторія того времени полна свѣдѣній безпорядкѣ въ городскихъ дѣлахъ.

Если отъ городовъ мы обратимся къ деревнямъ, то встрѣтимъ другія власти, другія формы и ту же зависимость.

Я ясно вижу указанія, которыя открываютъ мнѣ, что въ средніе вѣка обыватели каждой деревни составляли общину, совершенно отдѣленную отъ помѣщика. Онъ ею пользовался, наблюдалъ за нею, управлялъ ею, но община обладала сообща извѣстными имуществами, которыя составляли ея полную собственность; она выбирала своихъ старшинъ и управляла собою сама на демократическихъ началахъ.

Это старинное устройство прихода мы находимъ у всѣхъ народностей, которыя имѣли феодальныя учрежденія и во всѣхъ странахъ, куда эти народности перенесли обломки своихъ узаконеній. Слѣды этого устройства находятся повсюду въ Англіи, и оно еще было полно жизни въ Германіи 60 лѣтъ тому назадъ, какъ можно въ томъ убѣдиться, перечитывая кодексъ Фридриха Великаго. Даже въ самой Франціи въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются еще нѣкоторые слѣды этого устройства.

Я помню, что когда я впервые стремился найти въ архивахъ одного интендантства рѣшеніе вопроса, чѣмъ былъ приходъ при старомъ порядкѣ, то меня поразило, что я нашелъ въ этой столь бѣдной и столь подчиненной французской общинѣ многія такія черты, которыя меня нѣкогда поразили въ крестьянскихъ общинахъ Америки и которыя я тогда несправедливо считалъ особенной оригинальной чертой Новаго Свѣта. Ни та, ни другая не имѣютъ постояннаго представительства, муниципальной коллегіи въ тѣсномъ смыслѣ. Та и другая общины управляются должностными лицами, которые дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга подъ управленіемъ всей общины. Обѣ время отъ времени имѣютъ общія собранія, въ которыхъ всѣ обыватели, соединившись въ одно цѣлое, избираютъ своихъ магистратовъ и регулируютъ важнѣйшія дѣла. Обѣ эти общины, словомъ, настолько похожи, насколько живой человѣкъ можетъ походить на мертвеца.

Эти оба существа, столь различныя по своей судьбѣ, на самомъ дѣлѣ имѣли одинаковое происхожденіе.

Перенесенный сразу далеко отъ феодализма и предоставленный абсолютно самому себѣ, деревенскій приходъ среднихъ вѣковъ сдѣлался township'омъ Новой Англіи. Отдѣленный отъ помѣщика, но стиснутый въ могучей десницѣ государства, онъ сдѣлался во Франціи тѣмъ, о чемъ сейчасъ скажемъ.

Въ XVIII вѣкѣ число и названіе должностныхъ лицъ прихода разнообразятся смотря по провинціямъ. Изъ старинныхъ документовъ видно, что эти должностныя лица были болѣе многочисленны, когда мѣстная жизнь была болѣе дѣятельной; ихъ число уменьшалось по мѣрѣ того, какъ жизнь эта застывала.

Въ большинствѣ приходовъ XVIII вѣка число ихъ свелось къ двумъ: одинъ назывался сборщикомъ (collecteur), а другой чаще всего—синдикомъ (syndic). Обычно эти чиновники еще избираются или почитаются избранными, но повсюду они сдѣлались орудіемъ правительства въ большей мѣрѣ, чѣмъ представителями общины. Сборщикъ собираетъ таллію подъ непосредственнымъ надзоромъ интенданта. Синдикъ, находящійся подъ постояннымъ руководствомъ субделегата, является его представителемъ во всѣхъ дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ общественному порядку или къ правительству. Онъ является его главнымъ агентомъ, когда заходитъ рѣчь о милиціи, о государственныхъ работахъ, объ исполненіи всѣхъ общихъ законовъ.

Помѣщикъ, какъ мы уже видѣли, остается чуждымъ всѣмъ этимъ частностямъ управленія, онъ даже не слѣдитъ за ними и не принимаетъ въ нихъ участія. Мало того: эти заботы, при помощи которыхъ когда-то поддерживалось его могущество, кажутся ему недостойными и унизительными для него, по мѣрѣ того какъ его собственное вліяніе все болѣе и болѣе падаетъ.

Въ настоящее время гордость владѣльца была бы оскорблена, если бы ему предложили заняться этими дѣлами. Теперь помѣщикъ уже не управляетъ, но присутствіе его въ приходѣ и его привилегіи мѣшаютъ установленію надлежащаго приходскаго управленія вмѣсто его собственнаго. Частное лицо, столь непохожее на всѣ другія, столь независимое и покровительствуемое, убиваетъ или ослабляетъ въ приходѣ значеніе всякихъ законовъ.

Такъ какъ соприкосновеніе съ нимъ заставило, какъ я еще покажу, бѣжать въ городъ всѣхъ тѣхъ изъ обывателей, которые обладали достаткомъ и образованіемъ, то вмѣсто нихъ осталась лишь толпа невѣжественныхъ и грубыхъ крестьянъ, неспособныхъ давать направленіе дѣламъ общины. „Приходъ", справедливо замѣтилъ Тюрго, „это собраніе хижинъ и обывателей не менѣе пассивныхъ, чѣмъ эти хижины".

Административные документы XVIII вѣка переполнены жалобами, которыя порождаются неопытностью, инертностью и невѣжествомъ сборщиковъ и старшинъ приходовъ. Министры, интенданты, субделегаты и дворяне—всѣ скорбятъ по поводу этихъ жалобъ, но никто не разбирается въ причинахъ ихъ.

Вплоть до самой революціи сельскій приходъ во Франціи сохраняетъ въ своемъ управленіи нѣчто напоминающее тотъ демократическій обликъ, которымъ онъ отличался въ средніе вѣка. Шла ли рѣчь о выборѣ его должностныхъ лицъ или объ обсужденіи какого-либо общаго дѣла, деревенскій колоколъ призывалъ поселянъ къ церковной паперти, гдѣ могутъ присутствовать какъ бѣдные, такъ и богатые. Когда собраніе сошлось,

тамъ, правда, нѣтъ въ строгомъ смыслѣ ни постановленій, ни голосованія, но каждый можетъ высказать свое мнѣніе, и нотаріусъ, приглашенный на этотъ случай и дѣйствующій на открытомъ воздухѣ, собираетъ различныя мнѣнія и заноситъ ихъ въ протоколъ.

Когда сравниваешь эти пустые призраки свободы съ той безпомощностью, которая присоединялась къ нимъ, то уже обнаруживается въ миніатюрѣ, какъ самое абсолютное управленіе можетъ комбинироваться съ нѣкоторыми изъ формъ самой крайней демократіи, такъ что къ гнету присоединяется смѣшная сторона, заключающаяся въ томъ, что этого гнета будто не замѣчаютъ. Это демократическое приходское собраніе могло, правда, выражать всякія пожеланія, но оно обладало не бо́льшими правами приводить въ исполненіе свою волю, чѣмъ и городской совѣтъ какого-либо города. Оно даже могло говорить лишь тогда, когда ему открывали ротъ, такъ какъ собраніе могло быть созвано лишь послѣ полученія особаго разрѣшенія интенданта и въ полной зависимости отъ его доброй воли, какъ тогда выражались, называя вещь своимъ именемъ. Если оно оказывалось единодушнымъ, то все же оно не могло ни обложить себя налогомъ, ни продавать, ни покупать, ни нанимать, ни обращаться къ суду безъ разрѣшенія королевскаго совѣта. Нужно было непремѣнно заручиться приказомъ этого совѣта, чтобы починить порчу, причиненную вѣтромъ церковной крышѣ или чтобы возстановить разрушенную стѣну дома священника. Самый отдаленный отъ Парижа деревенскій приходъ настолько же подчинялся этому правилу, какъ и приходы наиболѣе близкіе. Я встрѣчалъ приходы, которые испрашивали у совѣта право внести на храненіе 25 ливровъ.

Правда, обыватели удержали за собой право выбирать путемъ всеобщаго голосованія своихъ магистратовъ, но случалось нерѣдко, что интендантъ указывалъ этому маленькому избирательному собранію какого-нибудь кандидата, который почти всегда избирался единогласно. Иногда интендантъ кассировалъ избраніе, произведенное самовольно, и самъ назначалъ сборщика и синдика, прекращая на неопредѣленное время всякое новое избраніе. Такихъ примѣровъ встрѣчается тысячи.

Нельзя себѣ представить болѣе жестокой судьбы, чѣмъ судьба этихъ должностныхъ лицъ общины. Послѣдній агентъ центральнаго правленія, субделегатъ заставлялъ ихъ подчиняться своимъ малѣйшимъ капризамъ. Часто онъ ихъ присуждалъ къ денежному штрафу; иногда онъ приказывалъ заключить ихъ въ тюрьмы, такъ какъ гарантіи, которыя въ другихъ случаяхъ защищали гражданъ противъ произвола, здѣсь не существовали. „Я приказалъ посадить въ тюрьму“, говоритъ одинъ интендантъ въ 1750 году, „нѣкоторыхъ начальниковъ тѣхъ общинъ, которыя роптали, и я заставилъ уплатить эти общины расходы за проѣздъ дозорной команды. Этимъ способомъ я ихъ живо обуздалъ“. Вотъ почему приходскія должности считались не столько почетными должностями, сколько тяжкой повинностью, отъ которой старались путемъ всякихъ уловокъ какъ-нибудь ускользнуть.

Но тѣмъ не менѣе эти послѣдніе остатки стараго управленія прихода были еще дороги крестьянамъ, и даже теперь изъ всѣхъ общественныхъ свободъ единственной, которая имъ понятна, оказывается свобода приходовъ. Это единственное общественное дѣло, которое ихъ въ самомъ дѣлѣ интересуетъ.

Человѣкъ, охотно оставляющій управленіе всѣмъ народомъ въ рукахъ одного властителя, бунтуетъ при мысли, что онъ не можетъ сказать ни слова въ дѣлахъ управленія своей деревни. Столько еще сохранилось значенія въ самыхъ пустыхъ формахъ!

Все, что я сказалъ относительно городовъ и приходовъ, нужно распространить почти на всѣ корпораціи, имѣвшія самобытное существованіе и коллективную собственность.

При старомъ порядкѣ, какъ и въ наши дни, не было во Франціи ни города, ни села, деревни, ни маленькаго мѣстечка, ни больницы, фабрики, монастыря или школы, которые могли бы проявлять свободно свою волю даже въ своихъ частныхъ дѣлахъ, ни управлять по своей воли своимъ собственнымъ имуществомъ. Тогда, какъ и теперь, администрація держала всѣхъ французовъ подъ опекой, и если это дерзкое слово еще не было произнесено, то соотвѣтствующій фактъ уже существовалъ.

ГЛАВА IV.

О томъ, что административная юстиція и судебныя изъятія въ пользу чиновниковъ представляютъ учрежденія стараго порядка.

Въ Европѣ не было ни одной страны, въ которой обыкновенные суды зависѣли бы такъ мало отъ государства, какъ это было во Франціи, но не было также и такой, въ которой были бы въ такомъ большомъ ходу, какъ во Франціи, исключительные суды. Эти оба факта находились въ болѣе тѣсной связи между собой, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Такъ какъ король почти ничего не могъ сдѣлать по отношенію къ судьбѣ судей, не могъ ихъ ни смѣнять, ни перемѣщать, ни даже въ большинствѣ случаевъ давать имъ повышеніе, словомъ такъ какъ онъ не могъ вліять на нихъ, возбуждая ихъ честолюбіе или внушая имъ страхъ, то онъ вскорѣ почувствовалъ себя стѣсненнымъ этой независимостью судей. Это его заставило болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, изъять изъ ихъ вѣдѣнія всѣ дѣла, которыя прямо касались его власти, и создать для своего собственнаго пользованія, наряду съ ними, особый видъ болѣе зависимаго суда, въ которомъ подданные могли бы усмотрѣть нѣкоторое подобіе правосудія и который вмѣстѣ съ тѣмъ не внушалъ бы самому королю соотвѣтственныхъ опасеній.

Въ такихъ странахъ, какъ нѣкоторыя части Германіи, въ которыхъ обыкновенные суды никогда не были столь независимы отъ правительства, какъ французскіе суды того времени, подобной предосторожности не было принято, и административной юстиціи никогда не существовало. Тамъ государь чувствовалъ себя въ достаточной мѣрѣ господиномъ надъ судьями, чтобы не нуждаться въ комиссарахъ.

Если внимательно прочесть эдикты и указы короля, опубликованные въ теченіе послѣдняго вѣка монархіи, а также

приказы совѣта, изданные въ то же время, то среди нихъ мало найдется такихъ, въ которыхъ правительство, принявъ какую-либо мѣру, позабыло бы упомянуть, что возникшіе на основаніи соотвѣтственнаго мѣропріятія споры и тяжбы должны быть направляемы исключительно на разрѣшеніе интендантовъ и совѣта. „Сверхъ того Его Величество повелѣваетъ, чтобы всѣ споры, могущіе возникнуть при приведеніи въ исполненіе настоящаго приказа, вмѣстѣ со всѣми принадлежностями были предъявляемы на разсмотрѣніе и разрѣшеніе интенданта съ правомъ апелляціи на его рѣшенія въ совѣтъ. Запрещаемъ нашимъ судамъ и трибуналамъ вѣдать о томъ“. Вотъ обычная формула.

Въ дѣла, регулируемыя законами или ст[illegible]чаями, въ которыхъ этой предосторожности [illegible] совѣтъ вмѣшивается постоянно путемъ эво[illegible]ціи (évocation): онъ изъемлетъ отъ обыкновенныхъ суде[illegible] которое замѣшана администрація, и при[illegible] себѣ. Реестры совѣта переполнены по[illegible] эвокаціи. Мало-по-малу исключеніе [illegible] вращается въ теорію. Не въ зако[illegible] рые ихъ примѣняютъ, устанавлив[illegible] ственнаго управленія, что всѣ [illegible] шанъ общественный интерес[illegible] интерпретензіи какого-либо [illegible] сятся совсѣмъ къ вѣдѣні[illegible] задача коихъ заключ[illegible] между собою. Здѣсь [illegible] надлежитъ старому [illegible]

Съ этого вр[illegible] никающихъ по[illegible] чительной ко[illegible]

То же [illegible] передвиж[illegible] надзор[illegible]

[illegible]ъ судьями обыкновенныхъ судей, единственная [illegible]ется въ рѣшеніи дѣлъ частныхъ лицъ [illegible]мы нашли только формулу, а идея при[illegible] порядку.

[illegible]ній большинство спорныхъ вопросовъ, воз[illegible] поводу взиманія налога, отнесено къ исклю[illegible]петенціи интендантовъ и совѣта.

[illegible]нужно сказать и обо всемъ относящемся къ полиціи [illegible]нія и общественныхъ экипажей, къ полицейскому [illegible] за путями сообщенія, къ рѣчному судоходству и пр.

Интенданты старательно заботятся о томъ, чтобы эта исключительная юрисдикція постоянно распространялась; они увѣдомляютъ главнаго контролера и подстрекаютъ совѣтъ. Причина, на основаніи которой одно изъ этихъ должностныхъ лицъ находитъ нужнымъ прибѣгнуть къ эвокаціи дѣла, заслуживаетъ быть указанной. „Обыкновенный судья“, говоритъ это лицо, „подчиненъ неизмѣннымъ правиламъ, обязывающимъ его подавлять дѣйствія, противорѣчащія закону, тогда какъ совѣтъ всегда можетъ нарушить законъ для достиженія какой-либо полезной цѣли“.

Согласно этому принципу, нерѣдко интендантъ или совѣтъ присваиваютъ себѣ рѣшеніе такихъ дѣлъ, которыя связаны почти невидимой связью съ общественной администраціей, и даже такія дѣла, которыя съ нею вовсе не связаны. Дворянинъ, поссорившійся со своимъ сосѣдомъ и недовольный рѣшеніемъ судей, проситъ совѣтъ эвоцировать дѣло. Интендантъ, спрошенный по этому поводу, отвѣчаетъ: „хотя здѣсь рѣчь идетъ лишь о частныхъ правахъ, вѣдать которыя надлежитъ судамъ, но его величество можетъ всегда, когда захочетъ, сохранить за собой рѣшеніе всякаго рода дѣлъ, не давая въ томъ никому никакого отчета“.

Всякій простолюдинъ, нарушившій общественный порядокъ какимъ-либо актомъ насилія, обыкновенно препровождается въ силу эвокаціи къ интенданту или къ начальнику дозорной команды. Большинство бунтовъ, возникавшихъ изъ-за дороговизны хлѣба, подавали поводъ къ подобнаго рода эвокаціямъ. Въ подобныхъ случаяхъ интендантъ окружаетъ себя извѣстнымъ числомъ дипломированныхъ юристовъ, чѣмъ-то вродѣ импровизированнаго совѣта префектуры, который онъ самъ набираетъ, и судитъ въ уголовномъ порядкѣ. Я нашелъ такого рода приговоры, осуждающіе людей на галеры и даже присуждающіе ихъ къ смертной казни. Уголовные процессы, рѣшенные интендантомъ, часто встрѣчаются еще въ концѣ XVII вѣка.

Новѣйшіе юристы увѣряютъ насъ, что по части административнаго права со времени революціи сдѣланы большіе успѣхи. „Прежде судебная и административная власть были

смѣшаны“, говорятъ они, „но съ тѣхъ поръ ихъ раздѣлили и каждой указали ея мѣсто“. Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнитъ тотъ успѣхъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, никогда не слѣдуетъ забывать, что если, съ одной стороны, судебная власть при старомъ порядкѣ выходила безпрестанно изъ естественной сферы своего вѣдѣнія, то съ другой — она никогда не исполняла всѣхъ лежащихъ на ней обязанностей.

Кто видитъ только одну изъ этихъ сторонъ безъ другой, тотъ имѣетъ лишь неполное и ошибочное представленіе о предметѣ. Въ однихъ случаяхъ судьямъ разрѣшалось издавать постановленія, относящіяся къ государственному управленію, что очевидно выходило за предѣлы ихъ компетенціи, въ другихъ случаяхъ имъ запрещалось рѣшать настоящіе судебные процессы, что равнялось вытѣсненію ихъ изъ ихъ собственной сферы. Мы дѣйствительно изгнали суды изъ административной сферы, въ которую ввелъ ихъ старый порядокъ весьма незаконно, но въ то же время, какъ видно, правительство, постоянно вмѣшивалось въ естественную сферу правосудія, и мы его въ ней оставили, какъ будто смѣшеніе властей не было такъ же опасно въ этомъ отношеніи, какъ и въ другомъ, и даже еще опаснѣе, ибо вмѣшательство суда въ администрацію вредитъ лишь дѣламъ, тогда какъ вмѣшательство администраціи въ судебную область развращаетъ людей и дѣлаетъ ихъ одновременно и революціонерами и рабами.

Изъ 9 или 10 конституцій, которыя навсегда были установлены во Франціи въ теченіе 60 лѣтъ, мы находимъ одну, въ которой опредѣленно говорится, что ни одинъ агентъ администраціи не можетъ быть судимъ обыкновеннымъ судомъ иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія властей.

Статья эта была такъ хорошо придумана, что при уничтоженіи конституціи, часть которой она составляла, озаботились о томъ, чтобы спасти ее среди развалинъ, и съ тѣхъ поръ статью эту тщательно оберегали даже при революціяхъ. Администраторы сохранили еще обычай называть привилегію, которая дана имъ этой статьей, одной изъ величайшихъ побѣдъ 1789 года. Но въ этомъ они также ошибаются, потому что

и при прежней монархіи правительство не меньше заботилось о томъ, чтобы избавить чиновниковъ отъ непріятности объясняться съ судьею подобно обыкновеннымъ гражданамъ. Единственной существенной разницей между двумя эпохами является слѣдующая: до революціи правительство не могло иначе укрывать своихъ агентовъ, какъ прибѣгая къ несправедливымъ и произвольнымъ мѣрамъ, тогда какъ со времени революціи оно могло на законномъ основаніи разрѣшать имъ нарушать законы.

Когда суды стараго порядка намѣревались преслѣдовать какого-нибудь представителя центральной власти, то обыкновенно издавался приказъ совѣта, который освобождалъ подсудимаго отъ его судей и направлялъ его къ комиссарамъ, назначеннымъ тѣмъ же совѣтомъ, ибо, какъ пишетъ одинъ членъ Государственнаго Совѣта той эпохи, администраторъ, на котораго такимъ образомъ нападали, долженъ былъ натолкнуться на предубѣжденіе обыкновенныхъ судей, и власть короля могла быть скомпрометирована. Такого рода эвокаціи случались не изрѣдка, но ежедневно не только по отношенію къ главнымъ агентамъ правительства, но даже и по отношенію къ мелкимъ. Достаточно было принадлежать къ администраціи, быть хотя сколько-нибудь прикосновеннымъ къ ней, чтобы уже считать себя свободнымъ отъ какихъ-либо непріятностей съ чьей бы то ни было кромѣ какъ съ ея стороны. Надзиратель въ инженерномъ вѣдомствѣ, обязанный наблюдать за ходомъ работъ, привлекается къ суду крестьяниномъ, котораго онъ обидѣлъ. Совѣтъ эвоцируетъ дѣло, и главный инженеръ въ конфиденціальномъ письмѣ къ интенданту пишетъ слѣдующее: „По правдѣ говоря, надзиратель очень даже заслуживаетъ порицанія, но это не можетъ служить поводомъ, чтобы дѣло шло своимъ порядкомъ, ибо въ высшей степени важно для администраціи инженернаго вѣдомства, чтобы обычный судъ не выслушивалъ и не получалъ жалобъ отъ отбывающихъ дорожную повинность крестьянъ на надзирателей работъ. Если всѣ будутъ слѣдовать такому примѣру, то работы эти будутъ нарушаться постоянными процессами, которые могутъ быть порождены общимъ озлобленіемъ противъ служащихъ“.

Въ другомъ случаѣ интендантъ самъ обращается къ генеральному контролеру по поводу одного правительственнаго подрядчика, который забралъ въ полѣ своего сосѣда матеріалы, которыми онъ воспользовался. „Я не могу вамъ достаточно ясно представить, какъ было бы вредно для интересовъ администраціи предоставить своихъ подрядчиковъ судопроизводству обыкновенныхъ судовъ, принципы которыхъ никакъ не могутъ согласоваться со взглядами администраціи“.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, а все кажется, будто администраторы, которые ихъ писали, были нашими современниками.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ централизація могла проникнуть въ среду старыхъ властей и занять ихъ мѣсто, не уничтожая ихъ въ то же время.

Теперь повторимъ вкратцѣ то, что мы сказали въ трехъ предыдущихъ главахъ: въ центрѣ королевства находится одна коллегія, которая руководитъ государственнымъ управленіемъ во всей странѣ, одинъ и тотъ же министръ управляетъ почти всѣми внутренними дѣлами; въ каждой провинціи имѣется одинъ агентъ, входящій во всѣ подробности дѣлъ; нѣтъ никакихъ подчиненныхъ административныхъ коллегій или имѣются только такія, которыя могутъ дѣйствовать не иначе какъ съ предварительнаго разрѣшенія; спеціальные суды, которые вѣдаютъ дѣла, въ которыхъ заинтересована администрація, выгораживаютъ всѣхъ ея агентовъ. Что же это, какъ не та централизація, которая намъ извѣстна? Ея формы менѣе рѣзко выражены, чѣмъ въ наше время, ея шаги менѣе упорядочены, ея существованіе болѣе тревожно. Но по существу это то же самое. Съ тѣхъ поръ уже ничего въ ней нельзя ни прибавить, ни убавить ничего существеннаго. Достаточно было сломить то, что ее окружало, чтобы она предстала въ томъ видѣ, какъ она есть.

Большинство учрежденій, которыя я описалъ, служили съ

тѣхъ поръ предметомъ подражанія въ различныхъ мѣстностяхъ; но въ то время они были особенностью Франціи, и мы вскорѣ увидимъ, какое большое вліяніе они имѣли на французскую революцію и ея послѣдствія. Но спрашивается: какимъ образомъ эти новыя учрежденія могли возникнуть во Франціи среди остатковъ феодальнаго общества?

Это было въ бо́льшей степени дѣломъ терпѣнія, изворотливости и продолжительности времени, чѣмъ дѣломъ силы и полноты власти. Въ то время, когда наступила революція, почти ничего не было разрушено въ старомъ административномъ зданіи Франціи; подъ него лишь подвели, такъ сказать, новый фундаментъ. Ничто не указываетъ на то, что для того, чтобы произвести эту трудную работу, правительство стараго порядка слѣдовало бы какому-нибудь плану, заранѣе обстоятельно обдуманному. Оно только поддалось инстинкту, который заставляетъ всякое правительство желать самому вести всѣ дѣла, — инстинкту, который всегда оставался однимъ и тѣмъ же у самыхъ разнообразныхъ дѣятелей. Этотъ инстинктъ оставилъ старымъ властямъ ихъ старинныя названія и ихъ почетъ, но мало-помалу отнялъ у нихъ ихъ вліяніе. Онъ ихъ не изгналъ, но вѣжливо выпроводилъ изъ сферы ихъ вліянія. Пользуясь инертностью однихъ и эгоизмомъ другихъ, чтобы занять свое мѣсто, пользуясь ихъ пороками, не стараясь никогда ихъ исправить, стремясь исключительно къ тому, чтобы ихъ вытѣснить, правительство замѣнило почти всѣ эти власти однимъ единственнымъ агентомъ-интендантомъ, самое имя котораго было неизвѣстно, когда эти старыя власти возникали.

Только судебная власть стѣсняла правительство въ этомъ великомъ предпріятіи, но и тутъ даже правительство захватило существо власти, оставивъ тѣнь ея своимъ противникамъ. Оно не исключило парламентовъ изъ административной сферы, оно само постепенно вошло въ эту сферу, такъ что почти совершенно ее заполнило. При нѣкоторыхъ необычайныхъ и временныхъ условіяхъ, во время голодовокъ, напр., когда народныя страсти являлись точкой опоры для честолюбія министровъ, центральное правительство разрѣшало парламентамъ распоряжаться и позволяло имъ производить шумъ, который часто находилъ откликъ въ исторіи. Но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ правительство молча занимало свое мѣсто и накладывало незамѣтно свою длань на всѣхъ гражданъ и на всѣ дѣла.

Если присмотрѣться внимательно къ борьбѣ парламентовъ съ королевской властью, то мы увидимъ, что столкновенія происходили всегда на почвѣ политической, а не на административной. Ссоры происходили обыкновенно по поводу новаго налога, т.-е. спорили не за административную власть, а за законодательную, на которую обѣ стороны имѣли одинаково мало права.

Чѣмъ ближе къ революціи, тѣмъ это явленіе становится болѣе постояннымъ. По мѣрѣ того какъ разгорались народныя страсти, парламентъ все больше и больше вмѣшивался въ политику, и такъ какъ одновременно и центральная власть и ея агенты становились все опытнѣе и искуснѣе, то парламентъ уже все меньше и меньше занимался администраціею въ настоящемъ смыслѣ слова. Съ каждымъ днемъ онъ становился все менѣе администраторомъ и все болѣе трибуномъ.

Помимо этого время открываетъ непрерывно центральному правительству новые пути дѣйствія, за которыми суды не успѣваютъ слѣдить, такъ какъ рѣчь идетъ о новыхъ дѣлахъ, подобныхъ которымъ не было раньше и которыя остаются чуждыми ихъ рутинѣ. Общество, дѣлая большіе успѣхи, порождаетъ поминутно новыя потребности, и каждая изъ нихъ является для правительства новымъ источникомъ власти, такъ какъ только оно можетъ удовлетворить эти потребности. Въ то время какъ административная сфера судовъ остается неподвижной, сфера дѣйствій правительства отличается подвижностью и постоянно расширяется наряду съ успѣхами цивилизаціи.

Революція, которая приближается и начинаетъ волновать умы всѣхъ французовъ и внушаетъ имъ тысячи новыхъ идей, которыя одно правительство можетъ осуществить, прежде чѣмъ уничтожить правительство, революція такимъ образомъ развиваетъ его силу. Само правительство совершенствуется, какъ и все остальное. Это обстоятельство поражаетъ насъ при изученіи архивовъ. Генеральный контролеръ и интендантъ

1790 года уже не похожи на интенданта и генеральнаго контролера 1740 года,—администрація совершенно преобразовалась. Ея агенты остаются тѣми же, но они проникнуты уже инымъ духомъ. По мѣрѣ того какъ управленіе все болѣе и болѣе расчленяется и расширяется, оно становится болѣе правильнымъ и болѣе разумнымъ. Оно становится умѣреннѣе, завладѣвъ всѣмъ. Администрація меньше угнетаетъ и больше руководитъ.

Первыя усилія революціи разрушили великое учрежденіе монархіи; оно было возстановлено въ 1800 году. Это не было, какъ говорилось столько разъ, торжество принциповъ 1789 года въ дѣлѣ государственной администраціи, напротивъ, то были принципы стараго порядка, которые всѣ были возстановлены и съ тѣхъ поръ сохраняются до нашихъ дней.

Если бы меня спросили, какъ это часть стараго порядка могла быть перенесена цѣликомъ въ новое общество и укорениться въ немъ, то я отвѣчу, что если централизація не погибла во время революціи, то это потому, что она сама была началомъ этой революціи и ея предзнаменованіемъ. Я добавлю еще, что когда народъ уничтожилъ въ своей средѣ аристократію, то онъ какъ бы самъ собой приходитъ къ централизаціи. Тогда уже требуется меньше усилій, чтобы ускорить его развитіе въ указанномъ направленіи, чѣмъ для того, чтобы его удержать. Въ его средѣ всѣ власти естественно стремятся къ единству, и нужно много искусства, чтобы не давать имъ соединиться. Демократическая революція, разрушившая столько учрежденій стараго порядка, должна была, такимъ образомъ, укрѣпить централизацію, и послѣдняя столь естественно нашла себѣ мѣсто въ обществѣ, которое создала эта революція, что централизацію можно считать однимъ изъ дѣлъ самой революціи.

ГЛАВА VI.

Объ административныхъ нравахъ при старомъ порядкѣ.

Нельзя читать переписку интенданта стараго порядка съ его подчиненными и съ его начальствомъ, не удивляясь тому,

какъ сходство учрежденій администраторовъ тѣхъ временъ сдѣлало совершенно похожими на современныхъ. Они, повидимому, протягиваютъ другъ другу руку сквозь пучину революціи, которая ихъ раздѣляетъ. То же самое я скажу и объ управляемыхъ. Никогда вліяніе законодательства на человѣческій духъ не обнаруживалось болѣе ярко.

Министръ уже возымѣлъ желаніе проникнуть собственнымъ взоромъ въ подробности всѣхъ дѣлъ и лично регулировать все изъ Парижа. По мѣрѣ того, какъ время идетъ и администрація совершенствуется, страсть эта въ немъ растетъ. Къ концу XVIII вѣка не устраивается ни одного благотворительнаго учрежденія въ глубинѣ отдаленной провинціи безъ того, чтобы генеральный контролеръ не захотѣлъ самъ наблюдать надъ нимъ, слѣдить за его расходами, регулировать его уставъ и опредѣлить мѣстность. А когда создаются пріюты для нищихъ, то онъ долженъ знать имена тѣхъ нищихъ, которые туда поступаютъ. Онъ долженъ знать точно, когда ихъ принимаютъ и когда они выбываютъ оттуда. Уже около середины столѣтія (1733 г.) Аржансонъ писалъ: „количество мелкихъ дѣлъ, довѣренныхъ министрамъ, громадно. Ничего не дѣлается безъ нихъ, все дѣлается только ими, и если только ихъ познанія не столь же обширны, какъ и ихъ власть, то они должны предоставить дѣлать все помощникамъ, которые и становятся настоящими хозяевами дѣла“.

Одинъ генеральный контролеръ требуетъ не только свѣдѣнія о дѣлахъ, но и краткія свѣдѣнія о лицахъ. Интендантъ обращается въ свою очередь къ своимъ субделегатамъ и никогда не упускаетъ случая повторить слово въ слово то, что они ему сообщаютъ, какъ будто онъ самъ въ совершенствѣ знаетъ все дѣло.

Чтобы достигнуть того, чтобы управлять всѣмъ изъ Парижа и знать все, что дѣлается, нужно было изобрѣсть тысячи средствъ для контроля. Размѣры переписки уже оказываются непомѣрными, а медленность административной процедуры столь значительной, что никогда не проходило менѣе одного года, пока какой-нибудь приходъ могъ получить разрѣ-

шеніе возстановить свою колокольню или починить домъ священника. Чаще всего проходило 2—3 года, прежде чѣмъ просьба удовлетворялась.

Совѣтъ самъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ постановленій 29 марта 1773 года, что административныя формальности влекутъ къ безконечной мелочности въ дѣлахъ и слишкомъ часто возбуждаютъ самыя справедливыя жалобы, „хотя формальности эти всѣ безусловно необходимы“, добавляется въ концѣ.

Я думалъ, что любовь къ статистикѣ свойственна только современнымъ администраторамъ, но я ошибся. Къ концу существованія стараго порядка интенданту часто посылаются небольшія печатныя таблицы, которыя онъ только долженъ выполнить при помощи своихъ субделегатовъ и приходскихъ синдиковъ. Генеральный контролеръ заставляетъ подавать себѣ отчеты о свойствѣ земель, объ ихъ обработкѣ, о родѣ и количествѣ продуктовъ, о числѣ скота, о промышленности и нравахъ обывателей. Полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія не менѣе обстоятельны и не болѣе точны, чѣмъ тѣ, которыя доставляются въ подобныхъ случаяхъ и въ наши дни субпрефектами и мэрами. Мнѣнія, высказываемыя по поводу этихъ свѣдѣній субделегатами относительно подчиненныхъ имъ поселянъ, вообще мало благопріятны. Они часто приходятъ къ выводу, что „крестьянинъ по природѣ лѣнивъ и не работалъ бы, если бы не былъ къ тому вынужденъ для того, чтобы существовать“.

Вотъ экономическое ученіе, которое, повидимому, очень распространено среди этихъ администраторовъ.

Все въ эти двѣ эпохи, не исключая и административнаго жаргона, отличается поразительнымъ сходствомъ. И въ ту и въ другую эпоху слогъ оказывается одинаково безцвѣтнымъ, гладкимъ, вялымъ и неяснымъ. Индивидуальность каждаго изъ пишущихъ въ немъ сглаживается и теряется въ общей посредственности. Кто знаетъ, какъ пишутъ префекты, знаетъ какъ писали интенданты. Только къ концу столѣтія, когда своеобразный языкъ Дидро и Руссо успѣлъ распространиться и, такъ сказать, войти въ обычную рѣчь, ложная чувствительность,

которой наполнены произведенія этихъ писателей, овладѣваетъ администраторами и проникаетъ даже въ рѣчь финансовыхъ дѣятелей. Административный слогъ, основа котораго обыкновенно суха, становится тогда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ елейнымъ и почти нѣжнымъ. Такъ, напр., одинъ субделегатъ жалуется парижскому интенданту, что „онъ часто испытываетъ при отправленіи своихъ обязанностей острую мучительную для чувствительной души боль“.

Правительство, какъ и въ наши времена, раздавало приходамъ благотворительныя пособія, при условіи, что обыватели со своей стороны должны дѣлать извѣстныя пожертвованія.

Когда предложенная ими сумма оказывалась достаточной, то главный контролеръ писалъ на поляхъ: утверждаю. Выразить удовольствіе. Но когда пожертвованная сумма оказывалась весьма значительной, онъ отмѣчалъ: утверждаю. Выразить чувствительное удовольствіе.

Административные чиновники, принадлежавшіе почти всѣ къ буржуазіи, образуютъ уже цѣлый классъ, проникнутый особымъ духомъ, имѣющій свои традиціи, добродѣтели, свою честь и гордость. Это аристократія новаго общества, которое уже образовалось и стало живучимъ и ждетъ только, чтобы революція очистила ей мѣсто.

Уже тогда администрацію Франціи характеризуетъ сильная ненависть, которую ей безразлично внушаютъ всѣ тѣ, дворяне или буржуа, которые помимо нея желаютъ заниматься общественными дѣлами. Малѣйшее независимое общество, которое готово образоваться безъ ея участія, внушаетъ ей страхъ. Самая незначительная свободная ассоціація, какія бы цѣли она ни преслѣдовала, озлобляетъ администрацію. Она допускаетъ лишь существованіе такихъ ассоціацій, которыя она сама учредила и которыми она руководитъ. Даже большія промышленныя компаніи ей не по вкусу. Словомъ, она не признаетъ, чтобы граждане какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивались въ изученіе своихъ собственныхъ дѣлъ. Она предпочитаетъ застой конкуренціи. Но такъ какъ французамъ всегда

приходится дать почувствовать немного сладость свободы, чтобы утѣшить ихъ въ ихъ рабствѣ, то правительство разрѣшаетъ имъ очень свободно обсуждать всякаго рода общія и отвлеченныя теоріи по вопросамъ религіи, философіи, морали и даже политики. Правительство охотно переноситъ всякія нападки на основные принципы, на которыхъ тогда покоилось общество, и даже терпитъ сужденія о Богѣ, лишь бы не критиковали его самыхъ незначительныхъ агентовъ. Правительство воображаетъ, что все остальное его не касается.

Хотя журналы XVIII вѣка, или, какъ говорилось въ тѣ времена, газеты, содержали больше всякихъ четверостишій, чѣмъ политики, но администрація уже бросаетъ ревнивый взглядъ на эту небольшую силу. Администрація снисходительно относится къ книгамъ, но очень сурово къ журналамъ. Не имѣя возможности окончательно запретить ихъ, она пытается приспособить ихъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Въ документахъ 1761 года я нахожу циркуляръ всѣмъ интендантамъ королевства, въ которомъ возвѣщается, что король (это былъ Людовикъ XV) приказалъ, чтобы отнынѣ Gazette de France составлялась подъ наблюденіемъ правительства: „Его Величество“, гласитъ циркуляръ, „желаетъ сдѣлать этотъ листокъ интереснымъ и обезпечить ему превосходство надъ всѣми остальными. Вслѣдствіе этого“, прибавляетъ министръ, „вы будете мнѣ присылать бюллетени обо всемъ, что происходитъ въ вашемъ генералитетѣ и могло бы интересовать общество, особенно что касается физики, естественной исторіи, необычайныхъ и интересныхъ фактовъ“.

Къ циркуляру приложено объявленіе, въ которомъ говорится, что новая газета, хотя появляющаяся чаще и содержащая больше матеріала, чѣмъ журналъ, который она замѣняетъ, будетъ стоить подписчикамъ гораздо дешевле.

Вооруженный этими документами, интендантъ обращается къ своимъ субделегатамъ и задаетъ имъ работу. Но субделегаты начинаютъ съ того, что отвѣчаютъ, что имъ ничего неизвѣстно. Тогда появляется новое письмо отъ министра, который горько жалуется на скудоуміе провинціи.

„Его Величество приказываетъ мнѣ сообщить вамъ о его желаніи, чтобы вы занялись очень серьезно этимъ дѣломъ и дали бы самые точные приказы своимъ агентамъ“. Тогда уполномоченные покоряются. Одинъ изъ нихъ увѣдомляетъ, что одинъ контрабандистъ по продажѣ соли повѣсился и обнаружилъ большое мужество; другой — что одна женщина его участка разрѣшилась отъ бремени сразу тремя дѣвочками; третій—что разразилась страшная гроза, но что, правда, она не причинила никакого зла. Наконецъ, находится и такой корреспондентъ, который сообщаетъ, что, несмотря на всѣ старанія, онъ не открылъ ничего такого, что было бы достойнымъ быть отмѣченнымъ, но что онъ самъ подписывается на столь полезную газету и пригласитъ всѣхъ порядочныхъ людей подражать ему. Но всѣ эти усилія оказываются, повидимому, мало дѣйствительными, ибо новое письмо поучаетъ насъ, что „король, который столь добръ“, говоритъ министръ, „что входитъ самъ во всѣ мелочи, касающіяся улучшенія газеты, хочетъ дать этому журналу тѣ достоинства и ту славу, какой онъ заслуживаетъ, и что король выразилъ большое неудовольствіе по поводу того, что его намѣренія плохо осуществляются“.

Оказывается, что исторія представляетъ галлерею картинъ, въ которой мало оригиналовъ и много копій.

Нужно, впрочемъ, признать, что во Франціи центральное правительство не подражаетъ никогда тѣмъ правительствамъ южной Европы, которыя, повидимому, захватили всю власть лишь для того, чтобы оставить все въ состояніи застоя. Оно часто обнаруживаетъ большое пониманіе своей задачи и всегда проявляетъ поразительную дѣятельность. Но дѣятельность его часто оказывается непроизводительной и даже вредной, потому что иногда оно собирается дѣлать то, что превышаетъ его силы, или совершаетъ дѣйствія, не подлежащія ничьему контролю.

Оно совсѣмъ не предпринимаетъ или вскорѣ оставляетъ втунѣ самыя необходимыя реформы, которыя для своего успѣха требуютъ настойчивой энергіи, но оно безпрестанно измѣняетъ нѣкоторыя установленія или законы. Ничто ни на минуту не остается въ покоѣ въ той сферѣ, въ которой оно дѣйствуетъ.

Новыя правила смѣняются одно за другимъ съ такой быстротой, что исполнители, получая постоянно разныя приказанія, часто лишь съ трудомъ могутъ уяснить себѣ, чему они должны подчиняться. Городскіе магистраты жалуются самому главному контролеру на крайне быструю смѣну второстепенныхъ законоположеній. „Колебанія однихъ узаконеній о финансахъ“, говорятъ они, „таковы, что не даютъ возможности городскому должностному лицу, даже несмѣняемому, заняться чѣмъ-либо другимъ кромѣ изученія новыхъ законоположеній, по мѣрѣ ихъ появленія, и дѣло доходитъ до того, что они вынуждены пренебрегать своими прямыми обязанностями“.

Даже когда законъ не подвергался измѣненію, способъ его примѣненія разнообразился ежедневно. Кто не видалъ администраціи стараго порядка въ дѣйствіи, кто не читалъ оставленныхъ ею документовъ, тотъ не можетъ себѣ представить того презрѣнія которому подвергается законъ даже въ глазахъ тѣхъ, которые, его примѣняютъ, когда не существуетъ ни политическихъ собраній, ни журналовъ, чтобы задержать своенравную дѣятельность и ограничить произволъ и мѣняющееся расположеніе духа министровъ и ихъ канцелярій.

Почти нельзя отыскать такихъ постановленій совѣта, которыя не напоминали бы предшествовавшихъ законовъ, нерѣдко совсѣмъ новыхъ, которые были опубликованы, но не приведены въ исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, не существуетъ ни эдикта, ни королевскаго приказа, ни королевскихъ патентовъ, которые не претерпѣли бы тысячи видоизмѣненій на практикѣ. Изъ писемъ главныхъ контролеровъ и интендантовъ видно, что правительство постоянно разрѣшаетъ дѣйствовать въ видѣ исключенія иначе, чѣмъ повелѣваетъ законъ. Рѣдко оно мѣняетъ законъ, но ежедневно оно позволяетъ обходить его во всѣхъ направленіяхъ, смотря по особенностямъ случая и для облегченія хода дѣлъ.

Интендантъ пишетъ министру по поводу городской ввозной пошлины, отъ которой одинъ изъ подрядчиковъ правительственныхъ работъ желаетъ отдѣлаться: „Несомнѣнно, что по строгому смыслу упомянутыхъ мною указовъ и постановленій въ

королевствѣ не существуетъ лицъ, изъятыхъ отъ этихъ пошлинъ, но тѣ, кто посвященъ въ дѣла, знаютъ, что значеніе этихъ грозныхъ постановленій такъ же невелико какъ и значеніе устанавливаемыхъ ими наказаній, и что хотя такого рода распоряженія и содержатся почти во всѣхъ эдиктахъ, декларацiяхъ и постановленіяхъ, касающихся установленія налоговъ, это все-таки не мѣшаетъ тому, чтобы изъятія существовали“.

Тутъ старый порядокъ весь на-лицо: строгое правило— слабое примѣненіе. Таковъ основной характеръ этого режима.

Кто пожелалъ бы судить о правительствѣ того времени по изданнымъ имъ законамъ, тотъ впалъ бы въ самыя комическія заблужденія. Я нашелъ королевскую декларацію 1757 г., которая присуждаетъ къ смертной казни всѣхъ тѣхъ, которые сочинятъ или напечатаютъ произведенія, противныя духу религіи или установленному порядку. Книгопродавецъ или разносчикъ, продающіе такую книгу, подвергаются такому же наказанію. Ужъ не живемъ ли мы во времена св. Доминика? Нѣтъ, это именно то время, въ которое господствовалъ Вольтеръ.

Часто жалуются на то, что французы презираютъ законъ. Увы! Когда же они могли научиться уважать законъ? Можно сказать, у людей стараго порядка то мѣсто, которое понятіе о законѣ должно занимать въ человѣческомъ умѣ, было вакантнымъ.

Каждый проситель требуетъ, чтобы въ его пользу отмѣнялось установленное правило, и требуетъ съ такой настойчивостью и гономъ, какъ будто бы онъ требуетъ соблюденія этого правила. И такой проситель никогда не встрѣчалъ отказа, развѣ только когда отъ него хотѣли избавиться. Подчиненіе народа власти еще полное, но его послушаніе скорѣе дѣло обычая, чѣмъ доброй воли, потому что если его случайно охватитъ волненіе, то уже небольшое волненіе приведетъ его къ насилію, и почти всегда его усмиряютъ скорѣе насиліемъ и произволомъ, чѣмъ примѣненіемъ закона.

Центральная власть во Франціи не пріобрѣла еще въ XVIII вѣкѣ того здраваго и полнаго силы устройства, какъ это было впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ она уже уничтожила всѣ промежуточныя власти и между нею и частными лицами не осталось ничего кромѣ громаднаго и

пустого пространства, она уже представляется всѣмъ издалека единственной пружиной общественной машины, единственнымъ и необходимымъ агентомъ общественной жизни.

Ничто не показываетъ этого лучше, чѣмъ произведенія ея враговъ. Когда продолжительное недомоганіе, которое предшествуетъ революціи, начинаетъ давать себя чувствовать, то сейчасъ выплываютъ на свѣтъ всякаго рода новыя системы въ дѣлѣ устройства общества и государства. Цѣли, преслѣдуемыя этими реформаторами, различны, но способъ ихъ выполненія всегда одинаковъ.

Они хотятъ захватить въ свои руки центральную власть и воспользоваться ею, чтобы все сломить и передѣлать по новому плану, ими придуманному. Только центральная власть, по ихъ мнѣнію, можетъ выполнить эту задачу. Могущество государства должно быть безгранично, такъ же какъ его право, говорятъ они. Рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы убѣдить центральную власть сдѣлать надлежащее употребленіе изъ своего могущества. Мирабо-отецъ, этотъ дворянинъ, пропитанный настолько идеей о правахъ дворянства, что онъ грубо называетъ интендантовъ выскочками и заявляетъ, что если бы предоставить одному правительству выборъ магистратовъ, то судебныя учрежденія вскорѣ превратились бы въ бандыкомиссаровъ,— этотъ самый Мирабо вѣритъ только въ дѣйствіе центральной власти для осуществленія своихъ химеръ.

Эти идеи уже не остаются только въ книгахъ; онѣ проникаютъ во всѣ умы, примѣшиваются къ нравамъ, входятъ въ привычку и проводятся повсюду, проникая въ повседневную жизнь.

Никто не воображаетъ, что ему удастся привести къ благополучному концу какое-нибудь важное дѣло, если государство не вмѣшается. Сами земледѣльцы, люди обыкновенно очень неподатливые по отношенію ко всякимъ проповѣдямъ, расположены думать, что если земледѣліе не совершенствуется, то въ этомъ главнымъ образомъ виновато государство, которое не даетъ имъ ни достаточно совѣтовъ, ни помощи. Одинъ изъ

земледѣльцевъ пишетъ интенданту раздраженнымъ тономъ, въ которомъ уже чувствуется революція: „почему государство не назначитъ инспекторовъ, которые пріѣзжали бы разъ въ годъ въ провинціи, чтобы посмотрѣть на состояніе обработки полей, и которые научили бы земледѣльцевъ улучшить обработку и сказали бы имъ, что нужно дѣлать со скотомъ, какъ утучнять его, какъ питать и продавать и на какіе рынки свозить? Слѣдовало бы хорошо вознаградить такихъ инспекторовъ. Нужно бы, чтобы землепашецъ, который представитъ доказательство наилучшей обработки, получилъ почетную награду“.

Инспектора и кресты! Вотъ способы, которыхъ никогда бы не придумалъ фермеръ изъ Суффолькскаго графства!

Въ глазахъ большинства уже только правительство можетъ обезпечить общественный порядокъ. Народъ боится только объѣздчиковъ, а помѣщики только къ нимъ и питаютъ нѣкоторое довѣріе. Для тѣхъ и другихъ конный жандармъ является не только главнымъ защитникомъ порядка, а прямымъ его олицетвореніемъ. „Нѣтъ ни одного человѣка“, говоритъ провинціальное собраніе въ Гвіени, „который не замѣтилъ бы, какъ видъ жандарма можетъ обуздать самаго яраго врага всякой субординаціи“. Вотъ почему каждый желалъ бы имѣть у воротъ своего дома небольшой отрядъ. Архивы интендантствъ переполнены подобнаго рода требованіями. Никто, повидимому, не подозрѣваетъ, что подъ видомъ защитника можетъ скрываться тиранъ.

Больше всего поражаетъ эмигрантовъ, пріѣзжающихъ въ Англію,—это отсутствіе подобной милиціи. Это наполняетъ душу ихъ изумленіемъ, а подчасъ и презрѣніемъ къ англичанамъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ заслуженный, но не подготовленный своимъ воспитаніемъ къ тому, что ему предстояло увидать, пишетъ: „совершенно вѣрно, что англичанинъ хвастаетъ, когда его обкрадутъ, говоря, что въ его странѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ жандармовъ. Иной сердится на все то, что нарушаетъ спокойствіе, но утѣшается, однако, когда видитъ, что въ общественную среду возвращаются бунтовщики, тѣмъ, что за-

конъ сильнѣе всякихъ соображеній удобства. Эти ложныя идеи, однако, господствуютъ не во всѣхъ умахъ. Есть люди благоразумные, которые думаютъ иначе, и мудрость ихъ должна побѣдить".

Что эти странности англичанъ могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ ихъ свободамъ, это ему вовсе не приходитъ въ голову. Онъ предпочитаетъ объяснять эти явленія болѣе научными причинами: „въ странѣ, въ которой сырость климата и недостатокъ упругости въ циркулирующемъ воздухѣ налагаютъ на темпераментъ мрачный оттѣнокъ, народъ расположенъ предаваться преимущественно дѣламъ серьезнымъ. Значитъ, англійскій народъ по своей натурѣ склоненъ интересоваться вопросами государственными, а французскій народъ далекъ отъ нихъ".

Такъ какъ правительство, такимъ образомъ, заняло мѣсто Провидѣнія, то понятно, что каждый взываетъ къ нему о своихъ особыхъ нуждахъ. Вотъ почему въ это время появляется масса просьбъ, которыя, основываясь якобы на общественномъ интересѣ, однако же относятся лишь къ мелкимъ интересамъ личнаго свойства. Папки, въ которыя вкладываются эти прошенія, являются, быть можетъ, единственнымъ помѣщеніемъ, въ которыхъ смѣшиваются всѣ сословія, входившія въ составъ общества стараго порядка. Чтеніе ихъ наводитъ меланхолію: крестьяне требуютъ, чтобы ихъ вознаградили за потерю скота или дома; богатые помѣщики—чтобы имъ помогли извлечь больше доходовъ изъ ихъ земель; ремесленники требуютъ отъ интенданта привилегій, которыя бы обезпечили ихъ противъ неудобной конкурренціи. Весьма часто фабриканты сообщаютъ интенданту о плохомъ положеніи своихъ дѣлъ и просятъ, чтобы онъ испросилъ у главнаго контролера пособія или займа. На этотъ предметъ былъ, повидимому, открытъ особый фондъ.

Сами дворяне являются иногда крайне надоѣдливыми просителями; ихъ принадлежность къ дворянству проявляется при этомъ лишь въ томъ, что они выпрашиваютъ милостыню очень надменнымъ тономъ. Для многихъ изъ нихъ главнымъ звеномъ въ ихъ зависимости является 5%-налогъ (vingtième). Такъ

какъ ихъ часть въ этомъ налогѣ опредѣляется ежегодно королевскимъ совѣтомъ по докладу интенданта, то обыкновенно они обращаются именно къ нему съ цѣлью добиться отсрочки и льготъ. Я читалъ массу подобныхъ просьбъ, исходившихъ въ большинствѣ случаевъ отъ титулованныхъ дворянъ, и часто даже отъ крупныхъ вельможъ; мотивомъ, по ихъ словамъ, являлась недостаточность ихъ доходовъ и плохое положеніе ихъ дѣлъ. Вообще дворяне называли интенданта лишь monsieur, но въ этихъ случаяхъ они всегда называютъ его monseigneur, т.-е. такъ же, какъ называютъ его буржуа.

Нерѣдко бѣдность и надменность забавнымъ образомъ сплетаются въ этихъ произведеніяхъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, пишетъ интенданту слѣдующее: „Ваше чувствительное сердце никогда не потерпитъ, чтобы отецъ семейства, находящійся въ моемъ положеніи, уплачивалъ съ такой же точностью двадцатую часть дохода, какъ какой-нибудь отецъ изъ простонародія".

Въ періоды голодовокъ, столь частые въ XVIII вѣкѣ, населеніе каждаго генералитета поголовно обращалось къ интенданту и, повидимому, лишь отъ него одного ожидало помощи. И, въ самомъ дѣлѣ, всякій уже тогда сваливалъ всю вину за свои бѣдствія на правительство. Самыя неизбѣжныя бѣды считались дѣломъ правительства; его упрекаютъ во всемъ вплоть до неправильностей временъ года.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что во Франціи въ началѣ прошлаго столѣтія такъ легко была возстановлена централизація. Дѣятели 89 года опрокинули зданіе, но основы его остались въ самой душѣ его разрушителей, и на этихъ основахъ оказалось возможнымъ возобновить его сразу и построить зданіе болѣе прочное, чѣмъ оно было до тѣхъ поръ.

ГЛАВА VII.

Какъ столица пріобрѣла во Франціи уже при старомъ порядкѣ такое преобладаніе надъ провинціями и поглощала силы всего государства, какъ нигдѣ въ Европѣ.

Ни положеніе, ни величина, ни богатства столицъ не являются причиной ихъ политическаго преобладанія надъ остальной частью государства. Причина заключается въ самомъ характерѣ государственнаго управленія.

Лондонъ, не уступающій по числу жителей иному королевству, до сихъ поръ не оказывалъ господствующаго вліянія на судьбы всей Великобританіи.

Ни одинъ гражданинъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не воображаетъ, что населеніе Нью-Іорка можетъ рѣшить судьбу американскаго Союза. Даже болѣе того, никто даже въ самомъ штатѣ Нью-Іорка не думаетъ, что воля этого города могла одна сама по себѣ давать направленіе всѣмъ дѣламъ. Однако же, Нью-Іоркъ содержитъ въ настоящее время столько жителей, сколько Парижъ содержалъ ихъ въ моментъ взрыва революціи.

Самъ Парижъ въ эпоху религіозныхъ войнъ былъ, по сравненію съ остальной частью королевства, населенъ не менѣе, чѣмъ въ 1789 г.

Тѣмъ не менѣе онъ не имѣлъ рѣшающаго значенія. Во времена Фронды онъ является лишь самымъ большимъ городомъ во Франціи. Въ 1789 году онъ уже—сама Франція.

Уже въ 1740 году Монтескье писалъ одному изъ своихъ друзей: „Во Франціи существуетъ только Парижъ и отдаленныя провинціи, потому что Парижъ еще не имѣлъ времени ихъ поглотить“. Въ 1750 году маркизъ Мирабо, обладавшій хи-

мическимъ, но иногда глубокимъ умомъ, говорилъ о Парижѣ, не называя его, слѣдующее: „Столицы необходимы, но если голова становится слишкомъ большой, то тѣло дѣлается апоплектическимъ, и все погибаетъ. Что же выйдетъ, если, оставивъ провинціи въ нѣкоторомъ родѣ въ прямой зависимости отъ центра и считая жителей ихъ какъ бы за низшую туземную расу, не предоставить имъ никакого доступа къ видному общественному положенію, никакой карьеры, поощряющей честолюбіе, и привлечь все обладающее какими-нибудь талантами въ столицу?“ Онъ называетъ это чѣмъ-то вродѣ незамѣтной революціи, которая отрываетъ у городовъ ихъ выдающихся людей, людей дѣла и тѣхъ, которыхъ называютъ остроумными людьми.

Читатель, со вниманіемъ прочитавшій предыдущія главы, знаетъ уже причины этого явленія, и я злоупотребилъ бы его терпѣніемъ, указывая на нихъ снова.

Эта революція не ускользала отъ глазъ правительства, но она обратила на себя его вниманіе лишь своей внѣшней стороной — быстрымъ ростомъ города. Оно видѣло, что Парижъ изо дня въ день расширяется, и оно боялось, чтобы не стало труднымъ хорошо управлять такимъ большимъ городомъ. Можно отыскать много приказовъ французскихъ королей, главнымъ образомъ въ XVII и XVIII вѣкѣ, задачей коихъ является остановка этого разрастанія Парижа. Эти государи все болѣе и болѣе сосредоточивали въ Парижѣ или вблизи него всю общественную жизнь Франціи, и они хотѣли, чтобы Парижъ оставался маленькимъ городомъ. Они запрещаютъ строить новые дома и обязываютъ жителей строить ихъ только самымъ дорогимъ способомъ и въ мѣстахъ мало привлекательныхъ, которыя указываютъ заранѣе. Каждый изъ этихъ указовъ показываетъ, правда, что, несмотря на предыдущіе, Парижъ не переставалъ расти. Шесть разъ во время своего царствованія Людовикъ XV, при всемъ своемъ всемогуществѣ, пытается остановить ростъ Парижа и терпитъ въ этомъ неудачу. Городъ растетъ безпрерывно вопреки всякимъ указамъ, но его преобладаніе растетъ еще скорѣе, чѣмъ его стѣны. Такое преобладаніе ему обезпе-

чиваетъ въ меньшей мѣрѣ то, что происходитъ въ его стѣнахъ, чѣмъ то, что происходитъ внѣ этихъ стѣнъ.

Въ то же самое время всѣ мѣстныя вольности все болѣе и болѣе исчезали. Повсюду прекращались проявленія независимой жизни; самыя черты облика различныхъ провинцій смѣшивались. Послѣдніе слѣды старой общественной жизни были стерты. Но это происходило не потому, чтобы нація впала въ безсиліе,—наоборотъ, движеніе шло повсюду, но двигателемъ являлся только Парижъ. Я представлю только одинъ примѣръ изъ тысячи.

Я нахожу въ докладахъ, представленныхъ министру о состояніи книжной торговли, что въ XVI вѣкѣ и въ началѣ XVII-го имѣлись значительныя типографіи въ провинціальныхъ городахъ, не имѣющихъ теперь типографщиковъ, или типографщики въ ихъ ничего не дѣлаютъ. Однако, нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы не печаталось безконечно больше всякаго рода произведеній въ концѣ XVIII вѣка, чѣмъ въ XVI-мъ. Но движеніе мысли исходило теперь лишь изъ центра. Парижъ закончилъ поглощеніе провинцій.

Въ моментъ взрыва французской революціи, эта первая революція была окончательно выполнена.

Знаменитый путешественникъ Артуръ Юнгъ покидаетъ Парижъ вскорѣ послѣ созыва генеральныхъ штатовъ и за нѣсколько дней до взятія Бастиліи. Контрастъ, который онъ замѣчаетъ между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ городѣ, и тѣмъ, что онъ находитъ внѣ города, поражаетъ его неожиданностью. Въ Парижѣ вездѣ шумъ и дѣятельность, каждую минуту появлялся политическій памфлетъ; ихъ печаталось до 92 въ недѣлю.

„Никогда“, говоритъ онъ, „я не видѣлъ подобнаго движенія въ печати даже въ Лондонѣ“. Внѣ Парижа все ему кажется инерціей и тишиной. Тамъ печатаютъ мало брошюръ, и вовсе не выходятъ журналы. Провинціи, однако, возбуждены и готовы вспыхнуть и тѣмъ не менѣе остаются неподвижными. Если граждане иногда и собираются, то лишь для того, чтобы узнать новости, идущія изъ Парижа. Въ каждомъ городѣ Юнгъ

спрашиваетъ жителей, что они намѣрены дѣлать. „Отвѣтъ вездѣ одинъ и тотъ же“, говоритъ онъ: „мы провинціалы—посмотримъ сначала, что сдѣлаютъ въ Парижѣ“.—„Люди эти не смѣютъ даже имѣть своего мнѣнія“, добавляетъ онъ, „пока не узнаютъ, что думаютъ въ Парижѣ“.

Удивляются поразительной легкости, съ какой учредительное собраніе могло сразу уничтожить всѣ старыя провинціи Франціи, изъ которыхъ многія были древнѣе самой монархіи, и методически раздѣлить королевство на 83 отдѣльныхъ участка, какъ будто дѣло шло о дѣвственной первобытной землѣ Новаго Свѣта. Ничто такъ не удивляло и даже не пугало Европу, которая не была подготовлена къ подобному зрѣлищу. „Въ первый разъ“, говоритъ Бёркъ, „мы видѣли, что люди ломаютъ на куски свою родину столь варварскимъ способомъ“. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, что рвали на части живое тѣло, но въ сущности анатомировали трупъ.

Въ то время какъ Парижъ пріобрѣталъ, такимъ образомъ, всемогущество извнѣ, въ нѣдрахъ его происходила перемѣна, которая не менѣе заслуживаетъ вниманія исторіи. Вмѣсто того, чтобы быть лишь городомъ обмѣна, сдѣлокъ, потребленія продуктовъ и удовольствій, Парижъ становился городомъ фабрикъ и мануфактуръ. Вотъ другой фактъ, который даетъ первому новый и болѣе внушительный оттѣнокъ.

Начало этого явленія относится къ очень давнему времени. Повидимому, уже со временъ среднихъ вѣковъ Парижъ былъ самымъ промышленнымъ городомъ въ королевствѣ, какъ и самымъ большимъ. Это становится очевиднымъ по мѣрѣ приближенія къ новымъ временамъ. По мѣрѣ того какъ всѣ административныя дѣла были притянуты къ Парижу, къ нимъ присоединились и дѣла промышленныя. Парижъ становился все болѣе и болѣе образцомъ и властителемъ вкуса, единственнымъ центромъ могущества и искусствъ, главнымъ очагомъ національной дѣятельности. Промышленная жизнь націи стягивается сюда и все болѣе и болѣе здѣсь сосредоточивается.

Хотя статистическіе документы стараго порядка заслуживаютъ часто мало довѣрія, я думаю, что можно утверждать безъ

опасенія, что въ теченіе 60 лѣтъ, предшествовавшихъ революціи, число рабочихъ болѣе чѣмъ удвоилось въ Парижѣ, тогда какъ за тотъ же періодъ общее населеніе города увеличилось лишь едва на одну треть.

Независимо отъ причинъ общихъ, о которыхъ я говорю, были и спеціальныя причины, которыя привлекали рабочихъ со всѣхъ сторонъ Франціи къ Парижу, и они мало-по-малу накоплялись въ нѣкоторыхъ кварталахъ, въ концѣ концовъ заселенныхъ исключительно рабочими. Въ Парижѣ стали менѣе стѣснительными, чѣмъ гдѣ бы то ни было, тѣ затрудненія, которыя создавались тогдашнимъ законодательствомъ для промышленности. Нигдѣ такъ легко не избѣгалось иго цехового строя. Нѣкоторыя предмѣстья, какъ, напримѣръ, предмѣстье С.-Антуанское и тампльское, особенно пользовались въ этомъ отношеніи очень большими привилегіями. Людовикъ XVI еще болѣе расширилъ эти привилегіи С.-Антуанскаго предмѣстья и работалъ какъ могъ, чтобы накопить въ немъ громадное населеніе рабочихъ, „желая“, какъ говоритъ этотъ несчастный король, „дать робочимъ С.-Антуанскаго предмѣстья новое свидѣтельство его покровительства и освободить рабочихъ отъ тѣхъ стѣсненій, которыя вредятъ ихъ интересамъ столько же, сколько и интересамъ торговли“.

Число заводовъ, мануфактуръ и доменныхъ печей настолько возросло въ Парижѣ ко времени революціи, что правительство забило тревогу. Видъ этихъ успѣховъ наполнилъ его воображеніе весьма призрачными страхами. Существуетъ между прочимъ постановленіе королевскаго Совѣта 1782 года, гдѣ сказано, что „король, опасаясь, какъ бы быстрое размноженіе мануфактуръ не вызвало такого потребленія лѣса, которое могло бы вредно отразиться на снабженіи имъ города, воспрещаетъ отнынѣ постройку этого рода заведеній на разстояніи 15 лье отъ Парижа“. Что касается истинной опасности, которую могло породить такое скопленіе рабочаго люда, объ этомъ никто не думалъ.

Итакъ, Парижъ становится хозяиномъ Франціи и въ немъ уже возникала армія, которая собиралась господствовать въ самомъ Парижѣ.

Какъ намъ кажется, всѣ согласны въ томъ, что административ

тивная централизація и всемогущество Парижа играли большую роль въ паденіи всѣхъ правительствъ, которыя послѣдовательно властвовали въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ. Я покажу безъ затрудненій, что тому же факту нужно приписать большее участіе въ быстромъ и наслѣственномъ паденіи старой монархіи, что въ немъ слѣдуетъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ этой первой революціи, породившей всѣ остальныя.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что Франція стала страной, въ которой люди были болѣе чѣмъ гдѣ-либо похожими другъ на друга.

Кто изучаетъ внимательно Францію стараго порядка, тому она представляется въ двухъ совершенно различныхъ видахъ.

Повидимому, всѣ, которые живутъ во Франціи, а особенно тѣ, которые занимаютъ извѣстное положеніе въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества и которыхъ мы только и видимъ, всѣ оказываются похожими другъ на друга.

Однако, среди этой однородной толпы возвышается множество мелкихъ преградъ, которыя ее раздѣляютъ на большое число частицъ, и внутри каждой изъ этихъ мелкихъ единицъ появляется какъ бы особое общество, которое занимается исключительно своими собственными интересами, не принимая никакого участія въ жизни всего общества.

Думая объ этомъ почти безконечномъ дѣленіи я понимаю, что такъ какъ граждане нигдѣ не были менѣе подготовлены къ дѣйствію сообща и взаимной поддержкѣ одинъ другого во время кризиса, то великая революція могла перевернуть до самаго основанія подобное общество въ одинъ мигъ. Я представляю себѣ, что всѣ эти мелкія преграды рухнули сразу

отъ этого великаго потрясенія, и я вижу, какъ вслѣдствіе этого общественный организмъ сталъ болѣе однороднымъ и компактнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Я показалъ, какъ почти во всемъ королевствѣ особая частная жизнь провинцій съ давнихъ поръ угасла. Это много содѣйствовало тому, что французы стали чрезвычайно похожими другъ на друга. Сквозь различія, которыя существуютъ, единство націи уже просвѣчиваетъ; оно обнаруживается однородностью законодательства. По мѣрѣ того какъ дѣло приближается къ концу XVIII вѣка, увеличивается число эдиктовъ, королевскихъ декларацій и постановленій совѣта, которые примѣняютъ одни правила, одинъ и тотъ же способъ веденія дѣлъ во всѣхъ частяхъ государства.

Не одни только начальствующія лица, но и подчиненные проникаются идеей общаго и однороднаго законодательства, для всѣхъ и вездѣ одинаковаго. Эта идея обнаруживается во всѣхъ проектахъ реформъ, которыя послѣдовательно смѣняются въ теченіе 30 лѣтъ до революціи. Два столѣтія раньше даже сущности подобныхъ идей, если можно такъ выразиться, не хватало.

Не только провинціи дѣлаются все болѣе и болѣе похожими, но и обыватели каждой провинціи, принадлежащіе къ разнымъ сословіямъ, по крайней мѣрѣ стоящіе внѣ народной массы, становятся болѣе или менѣе похожими другъ на друга, несмотря на особенности своего общественнаго положенія.

Ничто не выясняетъ лучше этого факта, какъ изученіе наказовъ, представленныхъ различными сословіями въ 1789 году.

Видно, что лица, редактировавшія эти наказы, весьма отличаются одно отъ другого своими интересами, но въ остальномъ оказываются одинаковыми.

Если мы станемъ изучать, какъ шли дѣла въ первомъ собраніи генеральныхъ штатовъ, то получится совершенно иное зрѣлище: тогда и у мѣщанина и у дворянина оказывается больше общихъ интересовъ, больше общихъ дѣлъ: они гораздо меньше обнаруживаютъ враждебное отношеніе между собою, но, повидимому, еще принадлежатъ къ различнымъ расамъ.

Время, которое поддерживало и во многихъ отношеніяхъ

ухудшило привилегіи, которыя раздѣляли людей, страннымъ образомъ довело дѣло до того, что они стали одинаковыми во всемъ остальномъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ французскіе дворяне все бѣднѣли и бѣднѣли. „Несмотря на свои привилегіи, дворянство рушится и погибаетъ изо дня въ день, а третье сословіе завладѣваетъ богатствами“, пишетъ съ прискорбіемъ въ 1755 г. одинъ дворянинъ. Законы, которые охраняли собственность дворянъ, оставались, однако, все тѣми же, и, повидимому, ничто не измѣнилось въ экономическихъ условіяхъ дворянства. Тѣмъ не менѣе они бѣднѣли повсюду пропорціонально утратѣ своего могущества.

Можно было бы сказать, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ, какъ и въ самомъ человѣкѣ, помимо органовъ, которые выполняютъ различныя функціи жизни, существуетъ особая центральная и невидимая сила, составляющая истинную основу жизни. На первый взглядъ можетъ показаться, что органы продолжаютъ дѣйствовать какъ прежде. Все сразу ослабѣваетъ и умираетъ, когда эта живительная сила угасла. Французскіе дворяне пользовались еще правомъ субституціи,—Бёркъ замѣчаетъ, что эти субституціи въ его время происходили чаще и были болѣе обязательны, чѣмъ въ Англіи,— правомъ старшинства, поземельными и вѣчными повинностями и всѣмъ, что называлось полезными правами. Ихъ (дворянъ) избавили отъ столь тяжелаго обязательства, какъ веденіе войны на свои средства, но тѣмъ не менѣе имъ сохранили, и даже значительно увеличили льготы по взиманію налога, т.-е. они сохраняли вознагражденіе, освободившись отъ повинности. Кромѣ того они пользовались другими денежными преимуществами, которыхъ никогда не имѣли ихъ предки. Тѣмъ не менѣе дворяне постоянно обѣднѣвали, по мѣрѣ того какъ они утрачивали правительственный навыкъ и смыслъ. Именно этому постоянному обѣднѣнію нужно приписать отчасти то большое дробленіе земельной собственности, которое мы выше отмѣтили. Дворяне кусокъ за кускомъ уступали свою землю крестьянамъ, оставляя себѣ лишь помѣщичьи ренты, которыя сохраняли за ними скорѣе мнимый, чѣмъ

дѣйствительный видъ ихъ прежняго положенія. Многія провинціи Франціи, какъ, напримѣръ, Лимузэнъ, о которой говоритъ Тюрго, были переполнены лишь мелкими бѣдными дворянами, которые уже не владѣли почти землями и жили лишь помѣщичьими правами и поземельной рентой.

„Въ этомъ генералитетѣ—говоритъ одинъ интендантъ еще въ началѣ столѣтія—число дворянскихъ фамилій доходитъ еще до нѣсколькихъ тысячъ, но изъ нихъ не найдется и 15, у которыхъ оказалось бы 20 тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода". Въ одной инструкціи, которую другой интендантъ (въ Франшъ-Конте) отправляетъ своему замѣстителю въ 1750 г., мы читаемъ слѣдующее: „дворянство этой страны очень почтенное, но очень бѣдное и настолько же гордое, насколько бѣдное. Оно значительно унижено въ сравненіи съ тѣмъ дворянствомъ, какое было раньше. Недурна политика подерживать его въ этомъ положеніи нищеты, чтобы поставить его въ необходимость служить и нуждаться въ насъ. Дворянство образуетъ—добавляетъ онъ—братство, въ которое приглашаютъ лишь тѣхъ лицъ, какія могутъ доказать свое дворянство за четыре поколѣнія. Это братство не признано офиціально, но только терпимо; оно собирается только разъ въ годъ въ присутствіи интенданта. Пообѣдавъ и прослушавъ церковную обѣдню, эти дворяне возвращаются къ себѣ домой, одни изъ нихъ на своихъ россинантахъ, а другіе пѣшкомъ. Вы увидите, какъ комично это собраніе".

Это постепенное оскудѣніе дворянства обнаруживалось болѣе или менѣе не только во Франціи, но во всѣхъ частяхъ континента, гдѣ феодальная система, какъ и во Франціи, исчезала, не будучи замѣщена новой формой аристократіи.

У германскихъ народовъ, живущихъ у береговъ Рейна, этотъ упадокъ выдѣлился особенно рѣзко и замѣтно. Противоположное встрѣчалось только у англичанъ. Въ Англіи старинныя дворянскія фамиліи, какія существовали еще, не только сохранились, но и сильно разбогатѣли. Онѣ остались первыми и господствующими какъ по богатству, такъ и въ смыслѣ власти. Новыя фамиліи, возникшія возлѣ нихъ, только подражали ихъ роскоши, но не могли ихъ перещеголять.

Во Франціи одни лишь разночинцы, повидимому, наслѣдовали всѣ эти имущества, которыя теряли дворяне. Можно было сказать, что они возвысились лишь на счетъ обѣднѣнія дворянъ. Однако же, никакой законъ не мѣшалъ буржуа превращаться въ нищаго и не способствовалъ его обогащенію. Тѣмъ не менѣе буржуа все богатѣли и богатѣли; во многихъ случаяхъ буржуа становился не менѣе, а иногда и болѣе богатымъ, чѣмъ дворянинъ. Болѣе того: богатство его отчасти было того-же рода. Хотя буржуа обыкновенно жилъ въ городѣ, но онъ часто дѣлался землевладѣльцемъ, а иногда даже пріобрѣталъ дворянскія имѣнія.

Воспитаніе и образъ жизни уже установили между этими сословіями тысячу другихъ сходныхъ чертъ. Буржуа стали такими же просвѣщенными, какъ и дворяне, и, что особенно важно, ихъ познанія пріобрѣтены изъ того же самаго источника. Оба эти сословія просвѣщаются одинаковымъ свѣтомъ. Образованіе того и другого было одинаково теоретическимъ и литературнымъ. Парижъ все болѣе и болѣе дѣлался учителемъ Франціи и давалъ всѣмъ умамъ одинаковое и общее направленіе.

Къ концу XVIII вѣка можно было еще замѣтить, безъ сомнѣнія, разницу между манерами дворянства и буржуазіи, такъ какъ ничто не уравнивается съ такой медленностью, какъ та поверхностная сторона нравовъ, которую называютъ манерами. Но въ сущности всѣ люди, стоящіе выше народной массы, оказываются похожими. У нихъ были одинаковыя понятія, одинаковыя привычки, одинаковые вкусы; они предавались одинаковымъ удовольствіямъ, читали тѣ же книги, говорили тѣмъ же языкомъ. Они отличались между собою только своими правами.

Я сомнѣваюсь, чтобы это было замѣтно тогда въ одинаковой степени въ какой бы то ни было другой странѣ, даже въ Англіи, въ которой различныя сословія, хотя и прочно связанныя общими интересами, отличались между собой и образованіемъ и нравами, потому что та политическая свобода, которая пользуется удивительной способностью устанавливать между гражданами необходимую связь и взаимную зависимость,

не дѣлаетъ ихъ непремѣнно одинаковыми и похожими. Только власть одного лица даетъ всегда въ результатѣ сходство между гражданами и дѣлаетъ ихъ равнодушными по отношенію другъ къ другу.

ГЛАВА IX.

О томъ, что, несмотря на все свое сходство, эти люди были болѣе чѣмъ когда-либо раздѣлены на небольшія чуждыя и равнодушныя другъ къ другу группы.

Разсмотримъ теперь другую сторону этого вопроса и посмотримъ, какимъ образомъ тѣ же французы, имѣвшіе между собою столько сходныхъ общихъ чертъ, оказались, однако, болѣе изолированными другъ отъ друга, чѣмъ гдѣ бы то ни было и даже чѣмъ во Франціи въ прежнія времена.

Весьма вѣроятно, что въ ту эпоху, когда въ Европѣ установилась феодальная система, то сословіе, которое называлось съ тѣхъ поръ дворянствомъ, не превратилось сразу въ отдѣльную касту, но составлялось первоначально изъ всѣхъ выдающихся людей націи и составляло, такимъ образомъ, вначалѣ только аристократію. Вотъ вопросы, разсматривать которые здѣсь у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія. Достаточно замѣтить, что, начиная съ среднихъ вѣковъ, дворянство сдѣлалось кастой, иначе говоря—что его отличительнымъ признакомъ является происхожденіе, рожденіе отъ знатныхъ родителей.

Оно сохраняетъ вполнѣ характеръ, свойственный аристократіи,—быть совокупностью правящихъ гражданъ. Но лишь знатность рода опредѣляетъ, кому быть во главѣ этого сословія. Все, что не родилось въ дворянствѣ, находится внѣ этого особаго и замкнутаго сословія и занимаетъ въ государствѣ

болѣе или менѣе высокое положеніе, но все-таки положеніе подчиненное.

Повсюду, гдѣ только феодальная система упрочилась на континентѣ Европы, она привела къ созданію касты. Только въ Англіи она вернулась къ аристократіи.

Я всегда удивлялся, что фактъ, который настолько обособляетъ Англію отъ другихъ націй и благодаря которому только и можно понять особенности ея законовъ и ея духа, что фактъ этотъ не обратилъ на себя вниманія философовъ и государственныхъ людей, и что, ставъ привычнымъ, онъ остался незамѣченнымъ даже самими англичанами. Его всегда замѣчали лишь вполовину и никогда не представляли во всей полнотѣ. Монтескье, посѣтивъ Великобританію въ 1739 году, пишетъ: „Я нахожусь здѣсь въ странѣ, которая совсѣмъ не похожа на остальную Европу“, и къ этому онъ ничего не прибавляетъ.

Не парламентъ, не свобода, не ея печать, не судъ присяжныхъ были причиной несходства Англіи съ остальной Европой, а что-то особенное и болѣе реальное. Англія была единственной страной, въ которой не только измѣнили, но дѣйствительно уничтожили кастовую систему. Дворяне и разночинцы одинаково вели въ ней дѣла и захватывали однѣ и тѣ же профессіи, а что имѣетъ еще большее значеніе, это то, что члены этихъ классовъ общества вступали въ бракъ между собою. Дочь самаго знатнаго человѣка могла безъ позора выйти замужъ за человѣка простого званія.

Угодно ли вамъ убѣдиться, что каста, что идеи, привычки, преграды, которыя она создала, окончательно уничтожены у какого-либо народа? Взгляните на заключаемые среди него браки. Только въ этой области вы найдете рѣшающее указаніе. Даже въ наши дни во Франціи, послѣ 60 лѣтъ демократизма, трудно найти подобные браки. Старинныя фамиліи и новыя, которыя кажутся смѣшанными во всемъ, избѣгаютъ насколько возможно смѣшенія путемъ брака.

Часто дѣлалось замѣчаніе, что англійское дворянство было болѣе разумно, болѣе ловко и менѣе замкнуто, чѣмъ всякое другое. А между тѣмъ слѣдовало бы сказать, что уже съ давнихъ

поръ въ Англіи, собственно говоря, не существуетъ знати, если употреблять это слово въ его старинномъ и ясно очерченномъ смыслѣ, какой оно сохранило вездѣ въ другихъ странахъ.

Эта странная революція теряется во мракѣ временъ, но отъ нея остается еще живой свидѣтель, это—языкъ. Много вѣковъ тому назадъ слово джентельменъ совершенно измѣнило смыслъ въ Англіи, а слово разночинецъ (roturier) тамъ болѣе не существуетъ. Уже когда Мольеръ писалъ въ 1664 году въ своемъ „Тартюфѣ“:

Et tel que l'on le voit, il est bon gentilhomme. — этотъ стихъ уже было бы невозможно буквально перевести на англійскій языкъ.

Угодно ли вамъ сдѣлать еще другое примѣненіе языковѣдѣнія къ исторіи: прослѣдите во времени и пространствѣ судьбу слова gentleman, прародителемъ котораго было французское слово gentilhomme, и вы увидите, что значеніе его расширяется въ Англіи по мѣрѣ того, какъ тамъ сближаются и смѣшиваются общественные классы. Въ каждомъ послѣдующемъ вѣкѣ его примѣняютъ къ людямъ, стоящимъ нѣсколько ниже на общественной лѣстницѣ. Оно затѣмъ переходитъ въ Америку вмѣстѣ съ англичанами.

Тамъ имъ пользуются, чтобы обозначить безразлично всѣхъ гражданъ. Исторія этого слова—исторіи демократіи.

Во Франціи слово gentilhomme всегда оставалось тѣсно замкнутымъ въ его первичномъ смыслѣ. Со времени революціи оно почти вышло изъ употребленія, но никогда смыслъ его не мѣнялся. Слово, служившее для обозначенія членовъ касты, надолго сохранялось нетронутымъ, потому что сохранилась и самая каста, настолько отдѣленная отъ всѣхъ другихъ, насколько она и раньше была отдѣлена отъ нихъ.

Но я иду дальше и утверждаю, что эта обособленность значительно возросла съ момента своего зарожденія, и что среди французовъ совершалось развитіе, противоположное тому, какое имѣло мѣсто у англичанъ.

Если буржуа и дворянинъ здѣсь были болѣе похожи, то въ то же время они все болѣе и болѣе отдалялись другъ отъ друга:

двѣ вещи, которыя настолько мало нужно смѣшивать, что одна вмѣсто того, чтобы смягчить другую, еще болѣе ухудшаетъ ее.

Въ средніе вѣка и покуда феодализмъ сохранилъ свое вліяніе, всѣ тѣ, которые владѣли землею помѣщика (которые на феодальномъ языкѣ назывались собственно вассалами),—а многіе изъ нихъ не были дворянами,—всегда участвовали наряду съ сеньеромъ въ управленіи сеньеріей. Это даже было главнымъ условіемъ, на основаніи коего они пользовались своимъ держаніемъ. Они не только должны были сопровождать своего сеньера на войну, но, въ силу ихъ пожалованій, должны были проводить извѣстное время въ году при его дворѣ, т.-е. помогать ему творить судъ и управлять поселянами. Дворъ сеньера составлялъ основной элементъ въ устройствѣ феодальнаго управленія; онъ фигурируютъ во всѣхъ старыхъ законахъ Европы, и я нашелъ еще и въ наши дни видимые слѣды ихъ во многихъ частяхъ Германіи. Ученый историкъ феодализма Эдмъ де-Фременвиль, который за 30 лѣтъ до революціи вздумалъ написать толстую книгу о феодальныхъ правахъ и объ обновленіи поземельныхъ списковъ, поучаетъ насъ, что онъ видѣлъ въ „документахъ множества сеньерій, что вассалы обязаны были каждыя двѣ недѣли являться ко двору владѣльца и, соединившись тамъ, судили вмѣстѣ съ владѣльцами или его обычнымъ судьей о всякихъ ссорахъ и недоразумѣніяхъ, возникавшихъ среди обитателей“. Онъ добавляетъ, „что онъ находилъ иногда 80—150 и до 200 вассаловъ въ одной области. Многіе изъ нихъ были разночинцами (roturiers)“. Я цитировалъ это мѣсто не какъ доказательство,—есть тысячи другихъ,—но какъ примѣръ способа, посредствомъ котораго вначалѣ и въ теченіе долгаго времени деревенское сословіе приближалось къ дворянству и ежедневно смѣшивалось съ нимъ при веденіи однихъ и тѣхъ же дѣлъ. То, что дворъ сеньера дѣлалъ для мелкихъ деревенскихъ собственниковъ, то впослѣдствіи провинціальныя собранія и генеральные штаты дѣлали для городскихъ буржуа.

Если изучать то, что намъ осталось отъ генеральныхъ штатовъ XIV вѣка, и въ особенности отъ провинціальныхъ штатовъ того же времени, то нельзя не удивиться тому, какое

мѣсто занимало въ этихъ собраніяхъ третье сословіе и какимъ вліяніемъ оно въ нихъ пользовалось.

Какъ личность, буржуа XIV вѣка несомнѣнно стоитъ значительно ниже буржуа XVIII вѣка, но буржуазія какъ цѣлое занимала въ то время въ политической жизни болѣе обезпеченное и болѣе высокое положеніе.

Ея право принимать участіе въ управленіи не подвергалось спору. Роль, которую буржуазія играетъ въ политическихъ собраніяхъ, всегда весьма важная и нерѣдко первенствующая. Другія сословія ощущаютъ ежедневно необходимость считаться съ нею.

Но что особенно поразительно, это то, что въ то время дворянство и третье сословіе находили возможность легче управлять дѣлами совмѣстно или оказывать сообща сопротивленіе, чѣмъ въ послѣдующія времена. Это замѣчается не только въ генеральныхъ штатахъ XIV вѣка, изъ каковыхъ собраній многія имѣли неправильный и революціонный оттѣнокъ, какой давали имъ бѣдствія того времени, но и въ собраніяхъ провинціальныхъ штатовъ, въ которыхъ ничто не указывало на то, чтобы дѣла не шли своимъ привычнымъ и обычнымъ ходомъ. Такъ мы видимъ, что въ Оверни три сословія совмѣстно принимали важныя мѣры и наблюдали за выполненіемъ ихъ посредствомъ комиссаровъ, выбранныхъ точно также изъ всѣхъ трехъ сословій. То же самое, въ ту же эпоху наблюдается и въ Шампаньи. Всѣмъ извѣстенъ знаменитый актъ, посредствомъ котораго дворяне и буржуа отъ большого числа городовъ соединились вмѣстѣ, въ началѣ того же столѣтія, чтобы защищать вольности народа и привилегіи своихъ провинцій противъ покушеній королевской власти. Въ этотъ моментъ въ исторіи Франціи встрѣчается много такихъ эпизодовъ, которые кажутся вырванными изъ исторіи Англіи. Подобныя картины уже не повторяются въ послѣдующіе вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ управленіе сеньеріи разстраивается и собранія генеральныхъ штатовъ становятся болѣе рѣдкими или прекращаются, и по мѣрѣ того, какъ общая политическая свобода погибаетъ, вовлекая въ свою погибель

и мѣстныя вольности, буржуа и дворянинъ уже не приходятъ болѣе въ соприкосновеніе въ области общественной жизни. Они больше уже никогда не ощущаютъ потребности сблизиться и вступить въ соглашеніе между собою; со дня на день они становятся все болѣе и болѣе независимыми одинъ отъ другого, но зато становятся и болѣе чуждыми другъ другу. Въ XVIII вѣкѣ эта революція завершилась, буржуа и дворянинъ встрѣчаются лишь случайно въ частной жизни. Оба эти сословія становятся не только соперниками, но и врагами.

И что составляетъ особенность Франціи, это то, что въ то время какъ сословіе дворянъ теряетъ, такимъ образомъ, свои политическія права, дворянинъ индивидуально пріобрѣтаетъ многія привилегіи, какими онъ никогда не обладалъ, или увеличиваетъ тѣ, какими онъ уже обладалъ. Можно сказать, что члены сословія обогащались на счетъ останковъ сословія. Дворянство все въ большей и большей степени теряетъ право распоряжаться, но дворяне все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ прерогативу быть первыми слугами государя. Разночинцу легче было сдѣлаться офицеромъ при Людовикѣ XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Это часто наблюдалось въ Пруссіи, тогда какъ подобные факты почти не наблюдались во Франціи. Каждая изъ этихъ привилегій, будучи разъ пріобрѣтена, уже становится наслѣдственной и неотъемлемой. Чѣмъ больше это дворянство перестаетъ быть аристократіей, тѣмъ больше оно, повидимому, становится кастой.

Возьмемъ самую ненавистную изъ этихъ привилегій—податныя изъятія. Не трудно убѣдиться, что съ XV вѣка до французской революціи эти изъятія постоянно наростаютъ. Они росли вслѣдствіе быстраго наростанія общественныхъ повинностей. Когда взыскивалось всего 1,200,000 ливровъ таллія при Карлѣ VII, то привилегія быть освобожденнымъ отъ таллія была не велика. Но когда взыскивали 80 милліоновъ при Людовикѣ XVI, то привилегія уже была велика. Пока таллія была единственнымъ налогомъ, лежавшимъ на ротюріерахъ, освобожденіе дворянъ отъ нея казалось мало замѣтнымъ, но когда налоги этого рода умножились подъ тысячами названій и въ тысячахъ формъ

и къ талліи были присоединены четыре другихъ налога, когда неизвѣстныя въ средніе вѣка повинности, такія, какъ королевская барщина, примѣнявшаяся ко всѣмъ общественнымъ работамъ, милиція и пр., были прибавлены къ талліи и ея его развѣтвленіямъ и такъ же неравномѣрно распредѣлялись, тогда освобожденіе дворянъ отъ повинностей оказалось весьма большой привилегіей. Это неравенство, хотя и значительное, на самомъ дѣлѣ было скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, такъ какъ налогъ, котораго избѣгалъ самъ дворянинъ, зачастую взыскивали съ его фермера. Но въ этомъ дѣлѣ кажущееся неравенство вредитъ больше, чѣмъ то неравенство, которое на самомъ дѣлѣ ощущается.

Людовикъ XIV, угнетаемый финансовыми нуждами, которыя его одолѣвали къ концу его царствованія, установилъ два общихъ налога: подушную подать и 5% налогъ (vingtièmes). Но точно освобожденіе отъ налога само по себѣ было столь почтенной привилегіей, точно нужно было ввести его въ область тѣхъ самыхъ мѣръ, которыя ему наносили удары, а постарались сдѣлать неодинаковымъ взиманіе тамъ, гдѣ налогъ былъ общій. Для однихъ онъ остался позорнымъ и жестокимъ, для другихъ—снисходительнымъ и почетнымъ.

Хотя неравенство въ дѣлѣ налоговъ установилось на всемъ континентѣ Европы, было очень мало странъ, въ которыхъ оно казалось столь замѣтнымъ и столь постоянно ощущаемымъ, какъ во Франціи. Въ значительной части Германіи большинство налоговъ были не прямыми, а косвенными. Да и по отношенію къ прямымъ налогамъ привилегія дворянина заключалась часто въ менѣе обширномъ участіи его въ общемъ сборѣ. Кромѣ того существовали нѣкоторые налоги, которые падали лишь на дворянъ и смыслъ которыхъ заключался въ замѣнѣ даровой военной службы, которой больше не требовали.

А между тѣмъ изъ всѣхъ способовъ отличать людей и разграничивать сословія неравенство налоговъ является самымъ пагубнымъ способомъ и наиболѣе пригоднымъ для того, чтобы къ неравенству прибавить разъединеніе и сдѣлать то и другое до нѣкоторой степени неисцѣлимымъ. Ибо вотъ какіе

при этомъ получаются результаты. Когда буржуа и дворянинъ платятъ неодинаковые налоги, то ежегодно раскладка и сборъ проводятъ снова между ними, рѣзкой чертой, границы, отдѣляющія оба сословія. Ежегодно каждый человѣкъ изъ привилегированнаго сословія ощущаетъ интересъ не смѣшиваться съ массой и дѣлаетъ новое усиліе, чтобы устранить себя отъ нея.

Такъ какъ не существуетъ почти такихъ государственныхъ дѣлъ, которыя не происходили бы изъ налоговъ или не приводили бы къ нимъ, то съ того момента, какъ оба сословія оказываются неодинаково платящими налоги, то у нихъ почти нѣтъ причинъ, чтобы совѣщаться между собою, нѣтъ причинъ, чтобы ощутить потребность обмѣняться общими чувствами, и тогда ужъ незачѣмъ ихъ разъединять. У нихъ и такъ до нѣкоторой степени отнимается поводъ и охота къ взаимному единенію и совмѣстнымъ дѣйствіямъ.

Бёркъ, въ льстивой картинѣ, которую онъ рисуетъ, изображая старинную конституцію во Франціи, придаетъ значеніе въ пользу французскаго дворянства тому облегченію, какимъ пользовались буржуа въ пріобрѣтеніи дворянскаго званія путемъ пріобрѣтенія какой-либо должности. Это, по его мнѣнію, представляетъ аналогію съ открытой аристократіей Англіи. Людовикъ XI дѣйствительно умножилъ случаи возведенія въ дворянство. Это служило способомъ къ униженію дворянъ. Его наслѣдники расточали дворянскіе титулы ради пріобрѣтенія денегъ. Неккеръ сообщаетъ, что въ его время число должностей, которыя доставляли дворянское званіе, дошло до 4 тысячъ. Ничего подобнаго не наблюдалось нигдѣ въ Европѣ. Аналогія же, которую хотѣлъ установить Бёркъ между Франціей и Англіей, была совершенно ошибочной.

Если средніе классы въ Англіи, далекіе отъ мысли воевать съ аристократіей, остались столь тѣсно связанными съ нею, то это произошло не оттого, что эта аристократія была открытой, но скорѣе, какъ было замѣчено, оттого, что формы ея были неясны и границы неопредѣленны; не столько оттого, что можно было проникнуть въ знать, сколько оттого, что принадлежавшіе къ ней сами этого не замѣчали. Такимъ

образомъ, все, что приближалось къ ней, считало себя частью этой аристократіи, пріобщалось къ ея владычеству и извлекало какой-либо отблескъ или какую-нибудь пользу изъ могущества аристократіи.

Но преграда, которая отдѣляла дворянство Франціи отъ другихъ сословій, хотя и легко преодолялась, всегда оставалась прочной и замѣтной, всегда распознаваемой по блестящимъ и ненавистнымъ признакамъ тѣми, кто стоялъ внѣ этой преграды. Разъ преграда была перейдена, то человѣкъ уже отдѣлялся отъ всѣхъ тѣхъ, изъ среды коихъ онъ вышелъ путемъ привилегій, тягостныхъ и унизительныхъ для нихъ.

Система возведеній въ дворянское достоинство, не уменьшая ненависти разночинца къ дворянину, наоборотъ, усиливала эту ненависть безъ мѣры; они ожесточались той завистью, которую новоиспеченный дворянинъ внушалъ бывшей своей ровнѣ. Вотъ почему третье сословіе въ своихъ жалобахъ обнаруживаетъ всегда больше злобы противъ возведенныхъ въ дворянство, чѣмъ противъ самихъ дворянъ; оно не проситъ раскрыть дверь, которая могла бы вывести его членовъ изъ числа разночинцевъ, а безпрестанно требуетъ, чтобы путь къ дворянству былъ суженъ.

Ни въ какую эпоху французской исторіи дворянство не пріобрѣталось такъ легко, какъ въ 1789 году, и никогда буржуа и дворяне не были такъ чужды другъ другу. Не только дворяне не хотятъ терпѣть въ своихъ избирательныхъ коллегіяхъ ничего, что пахло бы буржуазіей, но и буржуа также старательно избѣгаютъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ внѣшность дворянъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ новоиспеченные дворяне изгонялись съ одной стороны, потому, что ихъ не считали достаточно благородными, а съ другой—потому, что находили, что они ужъ черезчуръ дворяне. Это случилось, какъ говорятъ, именно съ знаменитымъ Лавуазье.

Если, оставивъ въ сторонѣ дворянство, мы обратимся теперь къ буржуазіи, то мы увидимъ совершенно подобное зрѣлище; по отношенію къ народу буржуа такъ же обособленъ, какъ дворянинъ по отношенію къ буржуа.

Почти все среднее сословіе при старомъ порядкѣ жило

въ городахъ. Этотъ результатъ получился главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ привилегій дворянъ и отъ таллія. Сеньеръ, жившій въ своихъ владѣніяхъ, обнаруживалъ обыкновенно нѣкоторое фамильярное добродушіе по отношенію къ крестьянамъ, но его заносчивость по отношенію къ буржуа, его сосѣдямъ, была почти безграничной. Она не переставала расти по мѣрѣ того, какъ его политическая власть уменьшалась: эти два явленія находятся въ тѣсной причинной связи собою, ибо, съ одной стороны, переставъ управлять, сеньеръ ужъ не имѣлъ интереса щадить тѣхъ, которые могли помочь ему въ этомъ дѣлѣ, а съ другой стороны, какъ это часто замѣчалось, сеньеръ любилъ утѣшать себя неумѣреннымъ пользованіемъ своимъ кажущимся правомъ, вслѣдствіе утраты своего дѣйствительнаго могущества.

Даже его отсутствіе изъ его владѣній вмѣсто того, чтобы успокоить его сосѣдей, только усиливало ихъ муки. Абинтензмъ помѣщиковъ даже въ этомъ отношеніи былъ вреденъ, такъ какъ привилегіи, которыми они пользовались чрезъ уполномоченныхъ, становились еще болѣе невыносимыми.

Тѣмъ не менѣе трудно сказать, не сыграли ли еще бо́льшую роль таллія и всѣ связанные съ нею налоги.

Я могъ бы объяснить, я думаю, въ немногихъ словахъ, почему таллія и добавочные къ ней налоги гораздо тяжелѣе ложились на села, чѣмъ на города, но это, быть можетъ, покажется читателю излишнимъ. Достаточно сказать, что буржуа, соединившись въ городахъ, находили массу способовъ ослабить тяготу таллія, а иногда и совсѣмъ отъ нея избавиться, которые остались бы имъ недоступными, если бы они остались въ своихъ владѣніяхъ изолированными. Они особенно избѣгали такимъ способомъ обязанности собиранія пошлины, чего они боялись еще больше, чѣмъ обязательства платить ее, и не безъ основанія, такъ какъ при старыхъ порядкахъ и даже, я думаю, вообще, гдѣ бы то ни было, никогда не было положенія худшаго, чѣмъ положеніе приходскаго сборщика податей. Мнѣ представится случай доказать это впослѣдствіи. Никто, однако, въ деревнѣ, за исключеніемъ дворянъ,

не могъ избѣгнуть этой обязанности. Чтобы избавиться отъ нея, богатый разночинецъ отдавалъ въ аренду свое имѣнье и переѣзжалъ въ ближайшій городъ. Тюрго говоритъ — что вполнѣ согласуется съ изслѣдованными мною секретными документами—что „собираніе податей превращаетъ почти всѣхъ разночинцевъ-землевладѣльцевъ въ горожанъ“.

Это, замѣтимъ мимоходомъ, служило одной изъ причинъ почему Франція имѣла больше городовъ и въ особенности мелкихъ городковъ, чѣмъ большинство другихъ странъ Европы.

Поселившись, такимъ образомъ, въ стѣнахъ города, богатый разночинецъ вскорѣ утрачивалъ влеченіе къ полямъ. Онъ становился совершенно чуждымъ работамъ и дѣламъ своихъ земляковъ, оставшихся въ деревнѣ. Въ жизни разночинца оставалась уже, такъ сказать, только одна цѣль: онъ мечталъ о томъ, чтобы въ пріютившемъ его городѣ сдѣлаться должностнымъ лицомъ.

Весьма ошибочно было бы думать, что страсть почти всѣхъ современныхъ французовъ, а особенно принадлежащихъ къ среднему сословію, къ занятію государственныхъ должностей, что страсть эта родилась лишь со временъ революціи. Эта страсть возникла за нѣсколько вѣковъ раньше и съ тѣхъ поръ постоянно росла, благодаря тысячѣ новыхъ питающихъ ее источниковъ.

Мѣста и должности при старомъ порядкѣ не были всегда похожи на наши, но ихъ было, я думаю, еще больше, чѣмъ теперь. Число мелкихъ чиновниковъ было безконечно велико. Полагаютъ, что только за время съ 1693 до 1709 года ихъ было создано 40 тысячъ, и почти всѣ эти мѣста были доступны самымъ мелкимъ буржуа. За 1750 годъ я насчиталъ въ одномъ провинціальномъ городѣ, незначительномъ по размѣрамъ, до 109 лицъ, служившихъ по судебной части, и 126, на обязанности которыхъ лежало исполненіе приговоровъ первыхъ, и всѣ они горожане. Увлеченіе горожанъ этими должностями на самомъ дѣлѣ было неслыханное. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ становился обладателемъ небольшого капитала, то вмѣсто того, чтобы употребить его въ дѣло, онъ пускалъ его въ

ходъ для покупки мѣста. Это несчастное честолюбіе больше повредило успѣхамъ земледѣлія и торговли во Франціи, чѣмъ цеховой строй и даже чѣмъ таллія. Когда мѣстъ не хватало, то воображеніе просителей работало, и создавались новыя мѣста. Нѣкій г. Ламбервиль публикуетъ мемуаръ, въ которомъ доказываетъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ общества учрежденіе должностей инспекторовъ для нѣкоторой отрасли промышленности, и заканчиваетъ этотъ мемуаръ предложеніемъ собственныхъ услугъ для занятія этой должности. Кто изъ насъ не знаетъ такихъ Ламбервилей? Всякій человѣкъ, заручившійся какими-либо знаніями и незначительными средствами, считалъ неприличнымъ умереть, не бывши чиновникомъ. „Каждый, соотвѣтственно своему положенію“, говоритъ одинъ современникъ, „хочетъ быть чѣмъ-нибудь по приказу короля“ (de par le roi).

Самая большая разница, какая имѣется въ этомъ отношеніи, между былыми временами, о которыхъ я веду рѣчь, и нашимъ временемъ, заключается въ томъ, что тогда государство продавало мѣста, а теперь оно даетъ ихъ. Чтобы получить такія должности, теперь уже не платятъ своихъ денегъ, теперь отдаютъ за нихъ самихъ себя.

Будучи изолированы отъ крестьянъ различіемъ мѣстопребыванія и еще болѣе образомъ жизни, буржуа чаще всего отличались отъ нихъ и своими интересами. Вполнѣ справедливы жалобы на дворянъ, касающіяся ихъ привилегій въ отношеніи налога. Но что же сказать о привилегіяхъ буржуа? Насчитываютъ тысячи мѣстъ, освобождающихъ ихъ отъ всякихъ или отъ части государственныхъ повинностей; одно освобождаетъ отъ ополченія, другое отъ барщины: и т. п.

Гдѣ тотъ приходъ,—говорится въ одномъ изъ документовъ того времени,—въ средѣ котораго, помимо дворянъ и духовенства, не нашлось бы нѣсколько обывателей, которые добились тѣхъ или иныхъ податныхъ изъятій занявъ какую-либо должность или взявъ на себя временное исполненіе какихъ-либо государственныхъ функцій? Одна изъ причинъ періодическаго упраздненія нѣкотораго числа предназначенныхъ для буржуа

должностей заключалась въ сокращеніи поступленій отъ налоговъ, вызванномъ огромнымъ количествомъ лицъ, освобожденныхъ отъ таллія. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что число лицъ, избавленныхъ отъ платежа повинностей, было такъ же велико и даже больше среди буржуа, чѣмъ среди дворянъ.

Эти несчастныя прерогативы наполняютъ ненавистью лицъ, лишенныхъ ихъ, и внушаютъ гордость обладателямъ такихъ преимуществъ. Нѣтъ ничего столь бросающагося въ глаза въ теченіе всего XVIII вѣка, какъ враждебное отношеніе горожанъ къ крестьянамъ своего округа и завистливое отношеніе округа къ городу. „Каждый изъ городовъ“, говоритъ Тюрго, „занятый своими особыми интересами, жертвуетъ въ пользу ихъ интересами деревень и селъ своего уѣзда“. „Вы часто были вынуждены“, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ субделегатамъ, „подавлять узурпаторскія стремленія, характеризующія поведеніе городовъ въ отношеніи селъ и деревень городского округа“.

Даже народъ, который живетъ съ буржуа среди города, становится въ ихъ глазахъ чуждымъ имъ и почти враждебнымъ. Большинство мѣстныхъ повинностей, которыя ими устанавливаются, такъ поставлены, что онѣ особенно давятъ низшіе слои населенія. Мнѣ не разъ случалось убѣждаться въ правильности того, что говоритъ Тюрго въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій, а именно что горожане находили средство регулировать городскія ввозныя пошлины (octrois) такъ, что онѣ не тяготѣли на нихъ.

Но что особенно замѣчается во всѣхъ дѣйствіяхъ буржуазіи—это опасеніе, какъ бы ее не смѣшали съ народомъ и страстное желаніе всякими способами избавиться отъ контроля населенія.

„Если бы захотѣлъ король“, говорятъ горожане въ одномъ мемуарѣ къ главному контролеру, „чтобы мѣсто должность мера стала снова избирательной, то слѣдовало бы обязать избирателей избирать лишь изъ среды главнѣйшихъ мѣстныхъ нотаблей и даже лишь изъ среды мѣстныхъ властей (présidial)“.

Мы видѣли, какъ политика нашихъ королей характеризовалась стремленіемъ послѣдовательно отнимать у городского населенія пользованіе его политическими правами. Отъ Людовика XI до Людовика XV все ихъ законодательство служитъ выраженіемъ этой мысли. Нерѣдко горожане сами этому потворствуютъ и даже внушаютъ такія законоположенія.

Во время муниципальной реформы 1764 года одинъ интендантъ совѣтуется съ муниципальными чиновниками не маленькаго города по поводу вопроса о томъ, нужно ли ремесленникамъ и *другому мелкому люду* сохранить право избранія должностныхъ лицъ. Эти чиновники отвѣчаютъ, что, по правдѣ говоря, народъ никогда не злоупотреблялъ этимъ правомъ, и, конечно, было бы пріятно сохранить имъ въ утѣшеніе выборъ тѣхъ, которые должны ими управлять, но самое лучшее для поддержанія должнаго порядка и общественной тишины положиться въ этомъ дѣлѣ на собраніе нотаблей“. Субделегатъ сообщаетъ съ своей стороны, что онъ собралъ у себя въ секретной конференціи „шесть лучшихъ гражданъ города“. Эти шесть лучшихъ гражданъ пришли къ единогласному соглашенію, что лучше всего было бы довѣрить избраніе даже не собранію нотаблей, какъ предлагали муниципальныя должностныя лица, а извѣстному числу депутатовъ, выбранныхъ въ различныхъ корпораціяхъ, изъ которыхъ состоитъ это собраніе. Субделегатъ, болѣе благопріятно относящійся къ вольностямъ народа, чѣмъ сами буржуа, приводя ихъ мнѣніе, говоритъ, „что очень тяжко ремесленникамъ платить, не имѣя возможности контролировать ихъ употребленія, суммы, какія на нихъ налагаютъ тѣ изъ ихъ согражданъ, которые, быть можетъ, по причинѣ своихъ податныхъ привилегій, наименѣе заинтересованы въ этомъ вопросѣ“.

Но закончимъ эту картину. Разсмотримъ теперь буржуа самихъ по себѣ, внѣ народа, какъ мы разсматривали дворянъ помимо буржуа. Мы замѣчаемъ въ этой небольшой части націи, если брать въ отдѣльности, внѣ всего остального, безконечныя подраздѣленія. Повидимому, французскій народъ похожъ на тѣ элементарныя тѣла, въ которыхъ современная химія открываетъ новыя дѣлимыя частички, по мѣрѣ того

какъ она къ нимъ ближе присматривается. Я открылъ не менѣе 36 различныхъ корпорацій среди нотаблей маленькаго города. Эти различныя корпораціи, хотя онѣ и безъ того очень невелики, развиваются непрерывно въ направленіи еще большаго дробленія. Они ежедневно освобождаются отъ разнородныхъ частей, какія могутъ въ нихъ содержаться, пока не обратятся въ простые элементы. Иногда эта работа сводитъ ихъ къ 3—4 членамъ. Индивидуальность ихъ отъ этого оживляется, а настроеніе становится болѣе неугомоннымъ. Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга нѣкоторыми небольшими привилегіями, причемъ наименѣе почетныя считаются все же признаками какого-то почета. Между ними идетъ вѣчная борьба за старшинство. Интендантъ и суды оглушены шумомъ ихъ ссоръ. „Наконецъ рѣшено, что святая вода будетъ дана президіальному суду раньше, чѣмъ городскому совѣту. Парламентъ колебался, но король перенесъ дѣло въ свой совѣтъ и рѣшилъ его своей властью. Давно пора; это дѣло волновало весь городъ“. Если одной изъ этихъ корпорацій дать первенство надъ другой въ общемъ собраніи нотаблей, то послѣдняя переставала появляться въ собраніе. Она заявляетъ, что скорѣе отказывается отъ общественныхъ дѣлъ, чѣмъ поступится своимъ достоинствомъ. Корпорація парикмахеровъ города Лафлешъ постановляетъ, „что она такимъ образомъ выразитъ то горе, которое ей причиняетъ старшинство, предоставленное булочникамъ“. Часть нотаблей одного города упорно отказывалась исполнять свои обязанности, „потому что“, говоритъ интендантъ, „въ собраніе затесалось нѣсколько ремесленниковъ, съ которыми имепитые горожане считаютъ унизительнымъ для себя имѣть дѣло“. — „Если дать мѣсто эшевена“, говоритъ интендантъ другой провинціи, „нотаріусу, то это обидитъ другихъ нотаблей, такъ какъ нотаріусы здѣсь люди не родовитые, они не изъ знатныхъ фамилій и всѣ были церковно-служителями“. Шесть лучшихъ гражданъ, о которыхъ я уже говорилъ и которые такъ просто рѣшили, что народъ долженъ быть лишенъ своихъ политическихъ правъ, находятся въ страшномъ недоумѣніи, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы опредѣлить, кто

именно изъ нотаблей долженъ участвовать въ выборахъ и какой порядокъ старшинства слѣдуетъ установить между ними.

Въ этомъ дѣлѣ они позволяютъ себѣ лишь выразить скромно свои сомнѣнія, — они опасаются, какъ говорятъ, „причинить нѣкоторымъ изъ своихъ согражданъ слишкомъ большое горе“.

Тщеславіе, свойственное французамъ, укрѣпляется и усиливается въ этомъ непрерывномъ соприкосновеніи самолюбія этихъ мелкихъ корпорацій, а истинная гордость гражданина въ нихъ забывается. Въ XVI вѣкѣ большинство корпорацій, о которыхъ я говорилъ, уже существовало, но члены ихъ, урегулировавъ между собой дѣла своей особой ассоціаціи, присоединялись непрерывно ко всѣмъ другимъ обывателямъ, чтобы заниматься совмѣстно общими интересами общины. Въ XVIII в. они почти всецѣло ушли въ себя, ибо акты муниципальной жизни стали рѣдкими и исполнялись уполномоченными. Каждое изъ этихъ небольшихъ обществъ, слѣдовательно, жило лишь для себя, интересовалось лишь собою и занималось лишь тѣми дѣлами, которыя къ нему относились.

Наши предки не знали слова индивидуализмъ, которое мы для себя выковали, потому что въ ихъ время не было на самомъ дѣлѣ индивидуума, который не принадлежалъ бы къ группѣ и который могъ бы сгладить себя совершенно обособленнымъ отъ другихъ. Но каждая изъ тысячи мелкихъ группъ, изъ которыхъ состояло французское общество, думала только о себѣ. Это было, если можно такъ выразиться, нѣчто вродѣ коллективнаго индивидуализма, который готовилъ людей къ тому настоящему индивидуализму, который мы знаемъ.

А самое странное во всемъ этомъ это то, что всѣ эти люди, которые держались такъ въ сторонѣ другъ отъ друга, сдѣлались настолько похожими между собою, что достаточно было только заставить ихъ перемѣнить мѣсто, чтобы не имѣть возможности узнать ихъ. Мало того, кто могъ бы проникнуть въ ихъ мысль, тотъ могъ бы открыть, что эти незначительныя перегородки, которыя раздѣляли людей столь сходныхъ, казались имъ самимъ настолько чуждыми общественному интересу, насколько и здравому смыслу, и что въ теоріи они уже

обожали единеніе. Каждый изъ нихъ держался своего особаго положенія только потому, что другіе обособлялись въ своихъ роляхъ, но всѣ они были готовы смѣшаться въ одну общую массу, лишь бы никто не имѣлъ ничего своего и не выдѣлялся бы въ этомъ отношеніи изъ общаго уровня.

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ разрушеніе политической свободы и разобщеніе общественныхъ классовъ породили почти всѣ недуги, благодаря которымъ погибъ старый порядокъ.

Изъ всѣхъ недуговъ, которые дѣйствовали разрушающимъ образомъ на учрежденія стараго порядка и обрекали его на гибель, я только-что описалъ наиболѣе разрушительный.

Я хочу еще разъ вернуться къ источнику столь опаснаго и столь своеобразнаго зла и показать, сколько другихъ недуговъ произошло отъ него.

Если бы англичане, начиная съ среднихъ вѣковъ, подобно намъ, совершенно утратили политическую свободу и всѣ мѣстныя вольности, которыя не могутъ долго существовать безъ свободы, то весьма вѣроятно, что различные классы, изъ коихъ состоитъ ихъ аристократія, отдѣлились бы другъ отъ друга, какъ это имѣло мѣсто во Франціи и болѣе или менѣе на остальномъ континентѣ, и всѣ вмѣстѣ отдѣлились бы отъ народа. Но свобода заставила ихъ держаться всегда въ единеніи, чтобы въ случаѣ надобности придти къ взаимному соглашенію.

Интересно видѣть, какъ англійское дворянство, подъ вліяніемъ его же собственнаго честолюбія, умѣло, когда это оказывалось нужнымъ, смѣшиваться съ низшими слоями и дѣлать

видъ, что считаетъ ихъ равными себѣ. Артуръ Юнгъ, котораго я уже цитировалъ и книга котораго является однимъ изъ самыхъ поучительныхъ произведеній о старой Франціи, разсказываетъ, что, находясь однажды въ деревнѣ у герцога де Ліанкура, онъ выразилъ желаніе поговорить съ нѣкоторыми изъ самыхъ толковыхъ и богатыхъ земледѣльцевъ изъ окрестностей. Герцогъ приказалъ своему управляющему, чтобы онъ привелъ ихъ. По этому поводу англичанинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „У англійскаго помѣщика пригласили бы трехъ или четырехъ изъ этихъ земледѣльцевъ (farmers), которые обѣдали бы съ семьей и среди дамъ высшаго ранга. Я это видѣлъ по крайней мѣрѣ сто разъ на нашихъ островахъ. Вотъ чего никогда нельзя было бы встрѣтить во Франціи, начиная съ Калэ и кончая Байонной".

Конечно, англійская аристократія была болѣе надменной, чѣмъ французская, и менѣе расположена къ братанію со всѣмъ, что было ниже ея, но потребности ея положенія принуждали ее къ этому. Она была готова на все, лишь бы повелѣвать. Нѣсколько вѣковъ уже у англичанъ нѣтъ иныхъ неравенствъ налога, кромѣ тѣхъ, которые были послѣдовательно введены въ пользу нуждающихся классовъ. Вотъ къ чему могутъ привести столь близкіе другъ другу народы различные политическіе принципы!

Въ XVIII вѣкѣ въ Англіи бѣднякъ пользуется привилегіей налога; во Франціи — богатый. Тамъ аристократія приняла на себя самыя тяжелыя общественныя повинности съ тѣмъ, чтобы ей разрѣшили править, а здѣсь (во Франціи) аристократія до конца удержала за собой льготы по отношенію къ налогу съ тѣмъ, чтобы утѣшить себя за утрату власти.

Въ XIV вѣкѣ правило: кто не участвуетъ въ установленіи налога, не обязанъ его платить (n'impose qui ne veut) кажется такъ же прочно установленнымъ во Франціи, какъ и въ Англіи. На него часто ссылаются; не подчиниться этому правилу—значитъ учинить актъ тиранніи, а согласоваться съ этимъ правиломъ—значитъ дѣйствовать правомѣрно. Въ эту эпоху можно замѣтить, какъ я сказалъ, массу аналогій между

французскими политическими учрежденіями и англійскими. Но затѣмъ судьбы народовъ раздѣляются и становятся все болѣе и болѣе несходными по мѣрѣ того какъ время идетъ и идетъ. Судьбы двухъ націй похожи на двѣ линіи, которыя, исходя изъ смежныхъ пунктовъ, но въ нѣсколько различномъ направленіи, расходятся затѣмъ безконечно по мѣрѣ того какъ онѣ удлиняются.

Я позволяю себѣ утверждать, что съ того дня, какъ нація, утомленная безпорядками, сопровождавшими плѣнъ короля Іоанна и безуміе Карла VI, разрѣшила королямъ установить общій налогъ безъ ея содѣйствія, и когда дворянство трусливо допустило наложить налоги на третье сословіе, лишь бы оно было избавлено отъ нихъ, что съ того дня уже былъ посѣянъ зародышъ почти всѣхъ пороковъ и всѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдалъ старый порядокъ въ послѣдующее время и которыя доконали его. Я въ то же время изумляюсь удивительной прозорливости де-Комина, когда онъ говоритъ: „Карлъ VII, которому удалось добиться права облагать своихъ подданныхъ талліей по своему усмотрѣнію и безъ соглашенія съ сословіями, сильно этимъ отяготилъ свою душу и душу своихъ наслѣдниковъ и нанесъ своему государству рану, которая долго будетъ кровоточить“.

Посмотрите, какъ теперь увеличилась эта рана на самомъ дѣлѣ съ теченіемъ времени. Прослѣдите шагъ за шагомъ этотъ фактъ со всѣми его послѣдствіями.

Форбоннэ говоритъ совершенно справедливо въ своихъ ученыхъ „Изслѣдованіяхъ о финансахъ во Франціи“, что въ средніе вѣка короли жили обыкновенно отъ доходовъ со своихъ доменовъ; и „такъ какъ чрезвычайныя потребности“, добавляетъ онъ, „удовлетворялись чрезвычайными контрибуціями, то онѣ одинаково падали на духовенство, дворянство и народъ“.

Большинство общихъ налоговъ, вотированныхъ тремя сословіями, въ теченіе XIV вѣка дѣйствительно носили такой характеръ. Почти всѣ налоги, установленные въ эту эпоху, оказываются косвенными, т.-е. они оплачиваются всѣми потребителями безъ различія. Иногда налогъ является прямымъ, тогда онъ падаетъ не на собственность, а на доходъ. Дворяне, духовенство и буржуа должны оставлять на долю короля въ теченіе года, напр., десятую часть всѣхъ ихъ доходовъ. То, что я говорю о налогахъ, вотированныхъ генеральными штатами, должно одинаково относиться и къ тѣмъ, которые въ ту же эпоху были установлены провинціальными штатами на ихъ территоріяхъ.

Правда и то, что уже съ этого времени прямой налогъ, извѣстный подъ названіемъ таллія, никогда не падалъ на дворянина. Обязательство безплатной военной службы избавляло дворянина отъ этого налога, но таллія, какъ общій налогъ, была тогда въ ограниченномъ употребленіи и больше примѣнялась къ сеньеріи, чѣмъ къ королевству.

Когда король рѣшился въ первый разъ установить налогъ своей собственной властью, то онъ понялъ, что прежде всего нужно было выбрать такой, который, повидимому, не падалъ бы непосредственно на дворянъ, ибо они, составлявшіе тогда для королевства соперничающій и опасный классъ, никогда бы не потерпѣли какой бы то ни было новинки, которая была бы имъ вредна. Вотъ почему онъ избралъ налогъ, отъ котораго дворяне были избавлены, онъ выбралъ таллію.

Ко всѣмъ частнымъ неравенствамъ, которыя уже существовали, присоединилось, такимъ образомъ, еще одно болѣе общее, которое отягчило и поддержало всѣ остальныя. Съ того времени, по мѣрѣ того какъ потребности государственной казны растутъ соотвѣтственно росту центральной власти, таллія расширяется и принимаетъ разнообразныя формы; вскорѣ она удесятеряется, и всѣ новые налоги превращаются въ таллію. Ежегодно неравенство налога раздѣляетъ сословія и изолируетъ людей рѣзче, чѣмъ это было до тѣхъ поръ. Съ того момента, какъ цѣлью налога стало обложеніе не тѣхъ, кто былъ наиболѣе способенъ платить его, а тѣхъ, кто былъ наименѣе способенъ защищаться отъ него, правительство должно было придти къ чудовищному выводу: избавить отъ налога богатыхъ и обременить имъ бѣдныхъ. Увѣряютъ, что Мазарини, когда

ему не хватило денегъ, вздумалъ установить налогъ на главнѣйшіе дома Парижа, но, встрѣтивъ въ лицахъ, интересы которыхъ этотъ налогъ затрагивалъ, нѣкоторый отпоръ, онъ ограничился тѣмъ, что добавилъ тѣ 5 милліоновъ, въ которыхъ онъ нуждался, къ общей росписи таллій. Онъ хотѣлъ обложить податью самыхъ богатыхъ гражданъ, но обложилъ ею самыхъ несчастныхъ. Зато казна отъ этого ничего не потеряла.

Выручка отъ налоговъ, столь плохо распредѣленныхъ, имѣла предѣлы, потребности же государей не имѣли границъ. Однако, они не хотѣли ни собирать генеральныхъ штатовъ, чтобы добиться субсидій, ни обложить дворянъ и этимъ вызвать ихъ на требованіе о созывѣ штатовъ.

Отсюда и возникла та изумительная и вредная плодовитость финансоваго духа, которая своеобразно характеризуетъ государственное управленіе финансами за послѣдніе три вѣка монархіи.

Нужно изучить во всѣхъ подробностяхъ административную и финансовую исторію стараго порядка, чтобы понять, до какихъ насильственныхъ и недобросовѣстныхъ пріемовъ недостатокъ въ деньгахъ можетъ довести даже умѣренное, но чуждое гласности и контролю правительство, разъ время освятило его власть и избавило его отъ боязни революціи, этой послѣдней охраны народовъ.

На каждомъ шагу въ этихъ лѣтописяхъ попадаются продажи королевскихъ имуществъ, затѣмъ захваченныхъ вновь королемъ, какъ не подлежащія продажѣ, нарушеніе контрактовъ, непризнаніе пріобрѣтенныхъ правъ; кредиторы государства сплошь и рядомъ приносятся въ жертву каждому кризису, и постоянно обманывается общественное довѣріе.

Привилегіи, данныя на вѣчныя времена, вѣчно отнимаются. Если бы можно было сочувствовать тѣмъ огорченіямъ, какія причиняетъ это глупое тщеславіе, то пришлось бы оплакивать судьбу тѣхъ несчастныхъ жалованныхъ дворянъ, которыхъ заставляли въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ выкупать время отъ времени эти пустыя почести или несправедливыя привилегіи,

которыя были ими оплачены уже нѣсколько разъ. Такъ Людовикъ XIV уничтожилъ всѣ титулы дворянства, пріобрѣтенные за 92 года, титулы, большинство которыхъ были даны имъ самимъ. Ихъ можно было сохранить, лишь внося новую плату, такъ какъ всѣ эти титулы были дарованы по неосторожности,—примѣръ, которому подражалъ и Людовикъ XV 80 лѣтъ спустя.

Милиціонеру запрещалось ставить вмѣсто себя замѣстителя изъ боязни, какъ говорилось, поднять для государства цѣну рекрута.

Города, общины, больницы вынуждены не выполнять своихъ обязательствъ, чтобы имѣть возможность дать взаймы королю. Приходамъ не разрѣшается предпринимать полезныя работы изъ опасенія, что, раздѣляя такимъ образомъ свои рессурсы, они будутъ менѣе аккуратно выплачивать свою подать.

Разсказываютъ, что Орри и Трюдэнъ, изъ коихъ одинъ главный контролеръ, а другой главный директоръ путей сообщенія, составили проектъ замѣны дорожной барщины уплатой денегъ, которыя должны были доставлять жители каждаго кантона на исправленіе своихъ дорогъ. Причина, заставившая отказаться этихъ ловкихъ администраторовъ отъ своего рѣшенія, поучительна: они опасались, какъ сказано въ документѣ, что если такимъ образомъ деньги будутъ собраны, то нельзя будетъ помѣшать государственному казначейству воспользоваться ими не для той цѣли, для которой онѣ собирались, а для своихъ собственныхъ нуждъ, такъ что вскорѣ плательщикамъ податей придется сразу подчиниться и новому налогу и барщинѣ. Я смѣло говорю, что ни одно частное лицо не избѣгло бы судебнаго преслѣдованія, если бы оно распоряжалось своимъ собственнымъ имуществомъ такъ, какъ король распоряжался имуществомъ общественнымъ.

Если вамъ встрѣтится какое нибудь старинное учрежденіе среднихъ вѣковъ, которое удержалось, ухудшая свои недостатки наперекоръ духу времени, или какія-нибудь опасныя новинки, проникните до самаго корня зла: вы найдете тамъ финансовую уловку, превращенную въ учрежденіе; чтобы пла-

тить долги одного дня, образуются новыя власти, которыя будутъ существовать въ теченіе вѣковъ.

Особый налогъ, извѣстный подъ названіемъ droit de franc fief, былъ установленъ въ очень отдаленную эпоху и падалъ на разночинцевъ, обладавшихъ дворянскими имѣніями. Это право создавало между землями такое же дѣленіе, какое существовало между людьми, и одно постоянно усиливалось другимъ. Я полагаю, что это droit de franc fief болѣе чѣмъ все остальное способствовало раздѣленію разночинца отъ дворянина, потому что оно мѣшало сліянію людей въ томъ, что ихъ скорѣе всего ассимилируетъ другъ другу, а именно въ области земельной собственности. Такимъ образомъ, открывалась время отъ времени пропасть между собственникомъ - дворяниномъ и собственникомъ - разночинцемъ, его сосѣдомъ. Наоборотъ, въ Англіи ничто болѣе не ускорило сліяніе этихъ классовъ, какъ относящаяся къ XVII вѣку отмѣна всякихъ признаковъ, отличавшихъ феодъ отъ недворянскаго владѣнія.

Въ XIV вѣкѣ феодальное droit de franc fief было не обременительно и взималось чрезъ большіе промежутки времени, но въ XVIII вѣкѣ, когда феодализмъ почти разрушенъ, этотъ налогъ взимается аккуратно каждые двадцать лѣтъ и соотвѣтствуетъ годичному доходу съ имѣнія. Сынъ платитъ его, наслѣдуя отцу. „Эта подать“, говоритъ турское сельскохозяйственное общество въ 1761 году, „безконечно вредитъ прогрессу сельскаго хозяйства. Среди всѣхъ налоговъ, падающихъ на подданныхъ короля, нѣтъ, безспорно, ни одного, который былъ бы столь обременителенъ для деревень“.—„Этотъ налогъ“, говоритъ другой современникъ, „который первоначально уплачивалъ только разъ въ жизни, сталъ постепенно налогомъ очень жестокимъ“. Само дворянство желало, чтобы его отмѣнили, такъ какъ онъ мѣшалъ разночинцамъ покупать имѣнія, но нужды казны требовали его поддержанія и усиленія.

Напрасно взваливаютъ на средніе вѣка всѣ бѣды, какія могли причинить промышленныя корпораціи. Все говоритъ за то, что въ началѣ мастерства и цехи служили лишь способомъ единенія между собою членовъ одной и той же профессіи и средствомъ установленія въ каждомъ ремеслѣ небольшого свободнаго управленія, миссія котораго заключалась бы одновременно въ вспомоществованіи и сдерживаніи рабочихъ. По-видимому, и Людовикъ Святой не желалъ большаго.

Только въ началѣ XVI вѣка, въ эпоху возрожденія, впервые вздумали разсматривать право на трудъ какъ привилегію, которую король могъ продать. Тогда только каждая признанная государствомъ корпорація превратилась въ небольшую замкнутую аристократію, и въ концѣ-концовъ установились монополіи, столь вредныя для успѣховъ промышленности и возмущавшія такъ сильно нашихъ предковъ. Начиная съ Генриха III, обобщившаго, если не породившаго, это зло, до Людовика XVI, который искоренилъ его, злоупотребленія цеховой системы, можно сказать, никогда не переставали расти и распространяться даже въ то время, когда прогрессъ общества дѣлалъ ихъ болѣе невыносимыми, а общественное мнѣніе съ возрастающей ясностью уназывало на нихъ. Ежегодно новыя профессіи переставали быть свободными, ежегодно привилегіистарыхъ корпорацій возрастали. Никогда зло не шло дальше, какъ въ тѣ времена, которыя обычно называютъ лучшими годами царствованія Людовика XIV, потому что никогда нужда въ деньгахъ не была болѣе велика, а рѣшеніе не обращаться къ націи никогда не было тверже, чѣмъ въ эти годы.

Летроннъ говорилъ правильно въ 1775 году: „Государство установило ремесленные союзы лишь съ цѣлью найти въ нихъ источникъ доходовъ, отчасти путемъ продажи патентовъ, отчасти путемъ созданія новыхъ оффицій, которыя союзы вынуждены выкупать. Эдиктъ 1673 года извлекаетъ уже послѣдніе выводы изъ принциповъ Генриха III, обязывая всѣ союзы пріобрѣтать за деньги утвердительныя грамоты. Всѣхъ ремесленниковъ, которые еще не состояли въ союзѣ, обязали образовывать таковые. Это жалкое дѣло дало 300 тысячъ ливровъ“.

Мы видѣли, какъ было перевернуто все устройство горо-

довъ, не изъ политическихъ видовъ, а въ надеждѣ раздобыть какія-нибудь средства для казны.

Той же нуждѣ въ деньгахъ, въ связи съ желаніемъ не испрашивать ихъ отъ штатовъ, обязана своимъ происхожденіемъ и продажа должностей, обратившаяся мало-по-малу въ нѣчто столь странное, что ничего подобнаго еще не было въ мірѣ. Благодаря этому порожденному фискальнымъ духомъ учрежденію тщеславіе третьяго сословія находило себѣ пищу въ теченіе трехъ вѣковъ и было направлено исключительно къ пріобрѣтенію государственныхъ должностей. Такимъ путемъ всеобщая страсть къ мѣстамъ, этотъ общій источникъ какъ революцій, такъ и рабства, проникла глубоко въ націю.

А по мѣрѣ того какъ росли финансовыя затрудненія, возникаютъ новыя должности, всѣ вознаграждаемыя податными изъятіями или привилегіями, и такъ какъ рѣшающее значеніе при этомъ имѣли нужды казны, а не интересы управленія, то такимъ путемъ дошли до учрежденія почти невѣроятнаго числа совершенно безполезныхъ или вредныхъ должностей.

Предпринятое Кольберомъ разслѣдованіе выяснило уже въ 1664 г., что помѣщенный въ эту жалкую собственность капиталъ достигалъ почти 500 милліоновъ ливровъ. Ришелье уничтожилъ, говорятъ, сто тысячъ должностей. Но отмѣненныя должности возрождались немедленно подъ другимъ названіемъ. За небольшую сумму денегъ правительство лишало себя права направлять, контролировать и держать въ подчиненіи своихъ собственныхъ агентовъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу создалась такая обширная, сложная, запутанная и непроизводительная административная машина, что пришлось предоставить ей работать, такъ сказать, въ пустую и создать внѣ ея болѣе простую и удобную правительственную организацію, при помощи которой и дѣлалось на самомъ дѣлѣ все то, что всѣ эти должностныя лица дѣлали только по виду.

Можно положительно утверждать, что ни одно изъ этихъ безобразныхъ учрежденій не просуществовало бы и двадцати лѣтъ, если бы было дозволено подвергать ихъ критикѣ. Ни

одно изъ нихъ не было бы создано или усилено, если бы правительство спросило штаты или если бы оно выслушало хотя бы жалобы тѣхъ штатовъ, которые по какому-то недоразумѣнію еще собирались. Рѣдкія въ послѣднія вѣка собранія генеральныхъ штатовъ не переставали протестовать противъ нихъ. Мы видимъ, какъ эти штаты нѣсколько разъ указываютъ, какъ на источникъ всѣхъ злоупотребленій, на право, которое присвоилъ себѣ король, взимать произвольно налоги, право, которое мы можемъ характеризовать, воспроизводя выраженія, коими пользовался энергичный языкъ XV вѣка, какъ „право обогащаться народнымъ достояніемъ безъ согласія и обсужденія со стороны трехъ сословій“. Генеральные штаты заняты не только своими собственными правами; они энергично требуютъ и часто добиваются того, чтобы уважались права провинцій и городовъ. Въ теченіе каждой сессіи въ ихъ средѣ подымаются голоса, протестующіе противъ неравенства налоговъ. Штаты нѣсколько разъ требуютъ упраздненія цеховой системы; съ каждымъ столѣтіемъ они все энергичнѣе нападаютъ на продажность должностей. „Кто продастъ должность, продастъ правосудіе, что гнусно“, говорятъ они.

Когда продажность должностей установилась, они продолжаютъ жаловаться на злоупотребленія этими должностями. Они протестуютъ, но всегда безъ результата, противъ столькихъ безполезныхъ должностей и опасныхъ привилегій. Эти учрежденія были созданы какъ разъ противъ штатовъ; они возникли изъ желанія не созывать штатовъ и изъ необходимости сдѣлать налогъ, который не рѣшались показывать французамъ въ его настоящемъ видѣ, неузнаваемомъ для нихъ.

И замѣтьте, что лучшіе изъ королей такъ же точно прибѣгаютъ къ этимъ пріемамъ, какъ и худшіе. Никто иной какъ Людовикъ XII окончательно создалъ продажность должностей, а Генрихъ V продавалъ ихъ въ наслѣдственное владѣніе: до такой степени пороки всей системы сильнѣе доблести тѣхъ людей, которые осуществляютъ эту систему!

То же самое желаніе избавиться отъ опеки штатовъ побудило королей довѣрить парламентамъ большую часть ихъ по-

литическихъ полномочій, а это такъ впутало судебную власть въ дѣла правительственныя, что отражалось весьма неблагопріятно на правильномъ ходѣ дѣлъ. Надо было сдѣлать видъ, будто вмѣсто тѣхъ гарантій, которыя упразднялись, создаются новыя; ибо французы, переносящіе довольно терпѣливо абсолютную власть, покуда она не стѣснительна, ни при какихъ условіяхъ не любятъ ея вида, и поэтому всегда благоразумно воздвигать передъ этой властью какое-нибудь подобіе преграды, которая, не имѣя возможности ее остановить, по крайней мѣрѣ нѣсколько скрываетъ ее.

Наконецъ, то же желаніе не допустить, чтобы народъ, отъ котораго требовали его денегъ, не потребовалъ назадъ своей свободы, заставляло власть слѣдить безпрестанно за тѣмъ, чтобы общественные классы оставались разрозненными, дабы они не могли сблизиться или вступить въ соглашеніе для совмѣстнаго сопротивленія и дабы правительство въ каждомъ данномъ случаѣ всегда имѣло дѣло лишь съ очень небольшимъ количествомъ людей, отдѣленныхъ отъ всѣхъ остальныхъ. Въ теченіе всей этой долгой исторіи, въ теченіе которой послѣдовательно появлялось столько государей, изъ коихъ многіе были замѣчательны своимъ умомъ, нѣкоторые своимъ геніемъ, почти всѣ своей смѣлостью, мы не встрѣчаемъ ни одного, который постарался бы сблизить общественные классы и объединить ихъ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ подчиненія ихъ всѣхъ одинаковому повиновенію. Я ошибся: одинъ изъ нихъ пожелалъ это сдѣлать и даже приложилъ къ этому самое сердечное стараніе. Это былъ—пути Господни неисповѣдимы — Людовикъ XVI.

Разобщенность общественныхъ классовъ составляла преступленіе королевской власти, а впослѣдствіи послужила ей извиненіемъ; ибо, когда всѣ тѣ, кто составляетъ богатую и просвѣщенную часть народа, не способны болѣе вступить въ соглашеніе и помогать другъ другу въ управленіи, самоуправленіе страны становится какъ бы невозможнымъ и возникаетъ потребность въ вмѣшательствѣ какого-либо владыки.

„Нація“, говоритъ Тюрго печально въ одномъ тайномъ докладѣ королю, „нація представляетъ общество, составленное изъ разныхъ плохо объединенныхъ сословій, члены которыхъ связаны между собой лишь весьма немногими узами, гдѣ вслѣдствіе этого всякій занятъ только своимъ частнымъ интересомъ. Нигдѣ не замѣтно явнаго общаго интереса. Села и города имѣютъ не больше взаимныхъ связей, чѣмъ тѣ округа, къ которымъ они пріурочены. Они даже не способны вступить въ соглашеніе между собой, чтобы вести тѣ общественныя работы, которыя имъ необходимы. Среди этой вѣчной войны претензій и взаимныхъ обидъ Ваше Величество вынуждены рѣшать всѣ дѣла самолично или чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Всѣ ожидаютъ особыхъ приказовъ отъ Васъ, чтобы содѣйствовать общественному благу, чтобы уважать права другихъ, подчасъ чтобы пользоваться своими собственными правами“.

Это не малая задача сблизить согражданъ, которые такимъ образомъ жили въ теченіе вѣковъ, чуждые или враждебные другъ другу, и научить ихъ вести сообща ихъ собственныя дѣла. Было гораздо легче ихъ разъединить, чѣмъ теперь ихъ возсоединить. Мы дали міру достойный вниманія примѣръ этого положенія. Когда разнообразные классы, образовавшіе общество старой Франціи, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ вошли въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, они сначала коснулись другъ друга лишь наиболѣе болѣзненными для каждаго сторонами и встрѣтились лишь для того, чтобы вступить въ борьбу. Даже въ наши дни соперничество и взаимная ненависть сословій пережили ихъ.

ГЛАВА XI.

О томъ видѣ свободы, который существовалъ при старомъ порядкѣ, и о его вліяніи на революцію.

Если бы кто остановился здѣсь при чтеніи этой книги, онъ получилъ бы весьма несовершенное представленіе о правительствѣ стараго порядка, и ему трудно было бы понять то общество, которое произвело революцію.

При видѣ гражданъ, столь обособленныхъ другъ отъ друга и столь замкнутыхъ въ себѣ, при видѣ столь обширной и могущественной королевской власти можно было бы подумать, что духъ независимости исчезъ вмѣстѣ съ политическими вольностями и что всѣ французы были одинаково пріучены къ повиновенію. Но такой выводъ былъ бы неправиленъ; правительство вершило уже всѣ общественныя дѣла единолично и неограниченно, и тѣмъ не менѣе ему еще было далеко до того, чтобы сдѣлаться владыкой всѣхъ отдѣльныхъ лицъ.

Среди многочисленныхъ учрежденій, уже приспособленныхъ къ абсолютной власти, свобода все еще была жива; но это была своеобразная свобода, о которой въ настоящее время трудно составить себѣ представленіе и которую надо очень внимательно разсмотрѣть, чтобы понять, какую пользу и какой вредъ она смогла намъ принести.

Въ то время, какъ центральная власть вытѣсняла всѣ мѣстныя власти и все болѣе наполняла всю сферу жизни государственнымъ авторитетомъ, учрежденія, которыя она не уничтожила, или даже такія, которыя она сама создала, старинные обычаи, старинные нравы, наконецъ даже разныя злоупотребленія затрудняли ея движеніе, поддерживали еще въ душѣ большого количества лицъ духъ сопротивленія и сохраняли за многими характерами ихъ устойчивость и ихъ яркость.

Централизація обнаруживала уже тотъ самый характеръ, тѣ самые пріемы, тѣ самыя цѣли, что и въ наши дни, но она не располагала еще такимъ могуществомъ. Въ своемъ стремленіи извлекать деньги изъ всего, правительство пустило въ продажу большую часть государственныхъ должностей и тѣмъ самымъ лишило себя возможности раздавать и отнимать ихъ по своему усмотрѣнію. Одна изъ его страстей, такимъ образомъ, сильно повредила другой: его жадность послужила противовѣсомъ его властолюбію. Правительство было, такимъ образомъ, вынуждено прибѣгать постоянно при отправленіи своей дѣятельности къ орудіямъ, которыхъ оно не создало само и которыхъ оно не могло уничтожить. Часто оно убѣ-

далось, какъ его самыя рѣшительныя волеизъявленія теряли свою силу при ихъ исполненіи. Эта странная и порочная организація государственныхъ должностей играла роль своего рода политической гарантіи противъ всемогущества центральной власти. Это была своего рода неправильная и плохо построенная плотина, которая разбивала ея силы и ослабляла ея напоръ.

Равнымъ образомъ правительство не располагало еще тѣмъ безконечнымъ количествомъ милостей, вспомоществованій, почестей и денегъ, которыя оно можетъ распредѣлять нынѣ; у него такимъ образомъ было гораздо менѣе средствъ какъ для подкупа, такъ и для принужденія.

Вдобавокъ оно само плохо знало точныя границы своей власти. Ни одно изъ его правъ не было надлежащимъ образомъ признано и прочно установлено; сфера его воздѣйствія была уже огромна, но она шла еще неувѣренной поступью, какъ въ темномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ. Этотъ грозный сумракъ, скрывавшій тогда границы всѣхъ властей и царившій вокругъ всѣхъ правъ, выгодный для посягательствъ государей на свободу подданныхъ, часто служилъ къ защитѣ послѣдней.

Сознавая свое недавнее и невысокое происхожденіе, администрація всегда была робка въ своихъ дѣйствіяхъ, лишь только она встрѣчала на своемъ пути препятствіе. Когда читаешь переписку министровъ и интендантовъ въ XVIII вѣкѣ, то поражаешься тому, какъ правительство, столь склонное къ захватамъ и столь неограниченное, покуда не можетъ быть сомнѣнія въ повиновеніи, теряется при видѣ малѣйшаго сопротивленія, какъ его смущаетъ самая легкая критика, какъ его пугаетъ малѣйшій шумъ и какъ оно тогда останавливается, колеблется, вступаетъ въ переговоры, смягчаетъ свои предписанія и часто остается далеко позади естественныхъ предѣловъ своего могущества. Вялый эгоизмъ Людовика XV и доброта его преемника легко мирились съ такимъ положеніемъ. Впрочемъ, эти государи никогда не допускали мысли, чтобы кто-либо вздумалъ лишить ихъ престола. У нихъ совершенно не было

того безпокойнаго и жесткаго характера, который страхъ съ тѣхъ поръ часто сообщалъ правителямъ. Они попирали ногами лишь тѣхъ людей, которыхъ они не видѣли.

Многія изъ тѣхъ привилегій, предразсудковъ и ложныхъ идей, которыя больше всего мѣшали установленію правильной и благодѣтельной свободѣ, поддерживали у большого количества подданныхъ духъ независимости и располагали ихъ къ упорной борьбѣ съ злоупотребленіями власти.

Знать чрезвычайно презирала администрацію въ собственномъ смыслѣ слова, хотя и обращалась къ дней отъ времени до времени. Даже уративъ свою старую власть, она сохраняла кое-что изъ гордости своихъ предковъ, столь же враждебной рабьему повиновенію, какъ и порядку. Она вовсе не интересовалась общей свободой всѣхъ гражданъ и охотно допускала, чтобы рука власти тяжело легла на все окружающее; но знать не допускала, чтобы она легла и на нее самое, и въ случаѣ надобности была готова отважиться на величайшій рискъ, чтобы добиться этой цѣли. Въ тотъ моментъ, когда начинается революція, эта знать, которой суждено погибнуть вмѣстѣ съ престоломъ, отличается неизмѣримо болѣе гордымъ поведеніемъ и болѣе свободнымъ языкомъ по отношенію къ королю и къ его агентамъ, чѣмъ третье сословіе, которое скоро низвергнетъ королевскую власть. Она открыто требуетъ почти всѣ гарантіи противъ злоупотребленій властью, которыми мы обладали въ теченіе 37 лѣтъ представительнаго образа правленія. Читая ея наказы, вы чувствуете среди ея предразсудковъ и кривотолковъ духъ и нѣкоторыя изъ крупныхъ качествъ аристократіи. Всегда придется жалѣть о томъ, что вмѣсто того, чтобы подчинить эту знать господству законовъ, ее уничтожили и вырвали съ корнемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, революція отняла у народа необходимую часть его существа и нанесла свободѣ рану, отъ которой она никогда не поправится. Классъ, который въ теченіе вѣковъ занималъ первенствующее мѣсто, пріобрѣтаетъ во время этого долгаго и безспорнаго навыка къ извѣстному величію нѣкоторую гордость духа, естественную увѣренность въ своихъ силахъ, привычку

быть на виду, которыя дѣлаютъ его наиболѣе способной къ сопротивленію частью соціальнаго организма. Такой классъ не только самъ имѣетъ мужественные нравы; своимъ примѣромъ онъ увеличиваетъ мужество другихъ классовъ. Уничтожая его, ослабляютъ энергію даже его враговъ. Ничто не можетъ замѣнить его цѣликомъ; самъ онъ никогда не будетъ въ состояніи возродиться: онъ можетъ вернуть себѣ титулы и владѣнія, но не духъ предковъ.

Духовенство, которое въ гражданскихъ дѣлахъ впослѣдствіи оказывалось часто столь рабски покорнымъ свѣтскому владыкѣ, кто бы онъ ни былъ, и поставляло ему самыхъ отчаянныхъ льстецовъ, какъ только оно проявляло намѣреніе покровительствовать церкви, образовало тогда одну изъ наиболѣе независимыхъ національныхъ корпорацій, единственную, спеціальныя вольности которой были вынуждены уважать.

Провинціи утратили свои вольности, города сохранили лишь тѣнь ихъ. Десять дворянъ не могли собраться, чтобы обсуждать сообща какое-либо дѣло, безъ спеціальнаго разрѣшенія короля. Французская церковь, наоборотъ, сохранила до конца свои періодическія собранія. Внутри самой церкви сама церковная власть встрѣчала границы, которыя всегда уважались. Низшее духовенство обладало серьезными гарантіями противъ тиранніи своего начальства и не было подготовлено неограниченнымъ произволомъ епископа къ пассивному повиновенію по отношенію къ государю. Я не имѣю въ виду подвергать эту старую организацію церкви оцѣнкѣ; я лишь утверждаю, что она не пріучала духа священниковъ къ политическому сервилизму.

Многіе изъ священнослужителей по происхожденію были вдобавокъ дворянами и переносили въ церковь гордость и непокорность людей своего положенія. Всѣ они занимали, кромѣ того, вѣское положеніе въ государствѣ и обладали привилегіями. Пользованіе тѣми самыми феодальными правами, которое имѣло такія роковыя послѣдствія для нравственнаго могущества церкви, сообщало каждому изъ ея членовъ въ ча-

стности духъ независимости по отношенію къ гражданской власти.

Но что больше всего развивало въ духовенствѣ идеи, потребности, настроенія, а часто и страсти гражданина, это была поземельная собственность. Я имѣлъ терпѣніе прочесть большую часть докладовъ и преній, которые дошли до насъ отъ старыхъ провинціальныхъ штатовъ и особенно штатовъ лангедокскихъ, гдѣ духовенство еще болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ было замѣшано въ детали государственнаго управленія, а также и протоколы провинціальныхъ собраній, которыя были созданы въ 1779 и 1787 годахъ, и я былъ пораженъ, исходя при этомъ чтеніи изъ идей моего времени, когда увидѣлъ, какъ епископы и аббаты, среди коихъ нѣкоторые отличались столько же святостью жизни, сколько и знаніями, дѣлали доклады о постройкѣ дороги или канала какъ они разбирали вопросъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла, какъ они обсуждали съ необыкновенными знаніями и искусствомъ, въ чемъ заключались наилучшія средства, чтобы увеличить доходность сельскаго хозяйства, чтобы обезпечить благосостояніе обывателей и содѣйствовать процвѣтанію промышленности, какъ они при этомъ никогда не уступали, а часто превосходили свѣтскихъ людей, которые занимались вмѣстѣ съ ними этими дѣлами.

Въ противоположность очень распространенному и весьма прочно установившемуся мнѣнію, я позволяю себѣ думать, что тѣ народы, которые отнимаютъ у католическаго духовенства всякое участіе въ землевладѣніи и превращаютъ всѣ его доходы въ жалованіе, служатъ исключительно интересамъ святого престола и интересамъ свѣтскихъ государей и сами лишаютъ себя очень большого элемента свободы.

Человѣкъ, подчиненный лучшей стороной своего бытія чужеземной власти и не могущій имѣть семьи въ той странѣ, которую онъ обитаетъ, связанъ, если можно такъ выразиться, съ почвой только одной весьма прочной связью, а именно землевладѣніемъ. Порвите эту связь, и онъ перестанетъ принадлежать какому-либо опредѣленному мѣсту. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ случайно родился, онъ живетъ какъ чужестранецъ

среди гражданскаго общества, интересы коего его почти ни въ чемъ не могутъ непосредственно затрагивать.

Въ области вопросовъ совѣсти онъ зависитъ исключительно отъ папы; въ области пропитанія—исключительно отъ государя. Его единственнымъ отечествомъ является церковь. Въ каждомъ политическомъ событіи онъ отмѣчаетъ лишь то, что ей выгодно или невыгодно. Лишь бы она была свободна и процвѣтала, что ему за дѣло до остального? Его наиболѣе естественное настроеніе въ области политическихъ вопросовъ заключается въ индифферентизмѣ: будучи превосходнымъ членомъ христіанскаго града, онъ во всемъ остальномъ является посредственнымъ гражданиномъ. Подобнаго рода настроенія и идеи, господствующія въ корпораціи, которая направляетъ дѣтей и руководитъ нравами, не могутъ не ослаблять энергію души всей націи во всемъ, что касается политики.

Тотъ, кто желаетъ отдать себѣ ясный отчетъ въ переворотѣ, который духъ человѣческій можетъ претерпѣть въ зависимости отъ измѣненій во внѣшнемъ положеніи, пусть тотъ перечитаетъ наказы духовнаго сословія въ 1789 г.

Духовенство оказывается здѣсь часто нетерпимымъ и подчасъ упрямо привязаннымъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ старинныхъ привилегій; но въ общемъ оно является такимъ же врагомъ деспотизма и такъ же благосклонно къ гражданской свободѣ, такъ же жаждетъ политической свободы, какъ третье сословіе или дворянство, и вмѣстѣ съ ними заявляетъ, что индивидуальная свобода должна быть гарантирована не обѣщаніями, но процедурой, аналогичной англійскому habeas corpus. Оно требуетъ разрушенія государственныхъ тюремъ, уничтоженія исключительныхъ судовъ и эвокацій, гласности судебныхъ преній, несмѣняемости всѣхъ судей, допущенія всѣхъ гражданъ къ должностямъ, которыя должны быть доступны только заслугѣ; менѣе стѣснительной и менѣе унизительной для народа организаціи воинской повинности, отъ которой не должно быть изъятій; выкупа сеньеріальныхъ правъ, которыя, по его словамъ, противны свободѣ, такъ какъ они происходятъ изъ феодальнаго режима; неограниченной свободы труда и уничтоже-

нія внутреннихъ таможенъ; увеличенія количества частныхъ школъ: по его словамъ, въ каждымъ приходѣ должна быть школа и она должна быть безплатная; оно требуетъ организаціи свѣтскихъ благотворительныхъ учрежденій во всѣхъ городахъ вродѣ благотворительныхъ комитетовъ и мастерскихъ; оно требуетъ, наконецъ, всякаго рода поощреній сельскому хозяйству.

Въ области собственно политическихъ вопросовъ оно болѣе энергично чѣмъ кто-либо заявляетъ, что нація имѣетъ неотъемлемое и неотчуждаемое право собираться, чтобы издавать законы и свободно вотировать налогъ. Ни одинъ французъ, утверждаетъ оно, не можетъ быть принуждаемъ платить налогъ, котораго онъ не вотировалъ самолично или чрезъ своего представителя. Духовенство требуетъ еще, чтобы свободно избранные генеральные штаты собирались ежегодно; чтобы они гласно обсуждали всѣ крупныя дѣла; чтобы они издавали общіе законы, противъ которыхъ нельзя бы было ссылаться ни на какіе обычаи и ни на какія частныя привилегіи; чтобы они устанавливали бюджетъ и контролировали все вплоть до королевскаго дворца; чтобы депутаты были неприкосновенны, и чтобы министры всегда были отвѣтственны передъ ними. Оно хочетъ также, чтобы во всѣхъ провинціяхъ были созданы провинціальные штаты и во всѣхъ городахъ муниципалитеты. О божественномъ правѣ ни одного слова.

Если принять во вниманіе всю совокупность отличающихъ духовенство явленій, то я не знаю, существовало ли когда-либо въ мірѣ, несмотря на вопіющіе пороки нѣкоторыхъ его членовъ, духовенство болѣе замѣчательное, чѣмъ какимъ было католическое духовенство Франціи въ тотъ моментъ, когда революція его застигла, духовенство болѣе просвѣщенное, болѣе національное, менѣе замкнутое въ кругъ чисто частныхъ добродѣтелей, болѣе снабженное общественными добродѣтелями и въ то же самое время болѣе вѣрующее: преслѣдованія достаточно это показали. Я началъ изученіе стараго общества, исполненный предубѣжденія противъ этого духовенства; я окончилъ его, исполненный уваженія къ нему. Въ сущности

говоря, оно обладало лишь тѣми недостатками, которые свойственны всякой корпораціи, какъ религіозной, такъ и политической, если только такія корпораціи отличаются крѣпкой связью и хорошо организованы, а именно наклонностью къ расширенію своего вліянія, малой терпимостью, инстинктивной и подчасъ слѣпой привязанностью къ спеціальнымъ правамъ корпораціи.

Буржуазія стараго порядка была точно также лучше подготовлена къ проявленію духа независимости, чѣмъ буржуазія нашихъ дней. Этому содѣйствовали даже нѣкоторые пороки ея организаціи. Мы видѣли, что мѣста, которыя она занимала, были въ тѣ времена еще болѣе многочисленны, чѣмъ теперь, и что средніе классы проявляли такую же страсть къ занятію ихъ, какъ и теперь. Но обратите вниманіе на разницу временъ. Большинство этихъ мѣстъ, не будучи ни даваемы ни отбираемы правительствомъ, увеличивали значеніе ихъ обладателя, не подчиняя его усмотрѣнію правительства, иначе говоря, то самое, что въ настоящее время создаетъ зависимость стольких людей, тогда именно больше чѣмъ что либо давало имъ возможность внушить къ себѣ уваженіе.

Податныя и иныя изъятія, отдѣлявшія такъ печально буржуазію отъ народа, вдобавокъ создавали изъ нея лже-аристократію, проявлявшую часто такую же гордость и духъ сопротивленія, что и настоящая аристократія. Въ каждой изъ тѣхъ маленькихъ частныхъ ассоціацій, на которыя она распалась, охотно забывали общегосударственный интересъ, но всегда были чрезвычайно заняты интересами и правами данной корпораціи. Тутъ были на-лицо общее всѣмъ достоинство и общія привилегіи, которыя приходилось защищать. Никто здѣсь не могъ затеряться въ толпѣ и скрывать въ ея рядахъ трусливую угодливость. Каждый человѣкъ чувствовалъ себя здѣсь какъ бы на, правда, очень маленькой, но ярко освѣщенной сценѣ и былъ окруженъ всегда одной и той же публикой, готовой всегда рукоплескать ему или освистать его.

Искусство заглушать шумъ всякаго сопротивленія было тогда гораздо менѣе развито, чѣмъ нынѣ. Франція еще не преврати-

лась въ то глухое мѣсто, гдѣ мы живемъ; она была, наоборотъ, весьма отзывчива, несмотря на то, что здѣсь не было политической свободы, и стоило только возвысить голосъ, чтобы его услышали весьма далеко.

Въ тѣ времена организація правосудія больше чѣмъ что-либо иное обезпечивала притѣсняемымъ возможность заставить себя выслушать.

Наши политическія и административныя учрежденія сдѣлали Францію страной съ абсолютной властью, но благодаря нашимъ судебнымъ учрежденіямъ мы остались свободнымъ народомъ. Правосудіе стараго порядка было сложно, запутанно, медленно и отличалось дороговизной; то были несомнѣнно большіе недостатки, но зато мы никогда не встрѣчаемъ въ немъ раболѣпія передъ властью, которое представляетъ лишь одну изъ формъ продажности и притомъ наихудшую. Этотъ основной порокъ, который не только развращаетъ судью, но быстро заражаетъ и весь народъ, былъ ему совершенно чуждъ. Магистратъ былъ несмѣняемъ и не стремился къ повышенію—два обстоятельства, одинаково необходимыя для обезпеченія ему независимости. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, что на него нельзя подѣйствовать принужденіемъ, если есть тысяча средствъ, чтобы привлечь его на свою сторону?

Королевской власти, правда, удалось изъять изъ вѣдѣнія общихъ судовъ почти всѣ дѣла, въ которыхъ государственная власть была заинтересована; но она боялась этихъ судовъ даже тогда, когда ограничивала ихъ полномочія. Если она имъ не давала отправлять правосудіе, то она не рѣшалась препятствовать имъ принимать жалобы и высказывать свои мнѣнія; а такъ какъ судебный языкъ сохранялъ тогда особенности старой французской рѣчи, дававшей каждой вещи свое названіе, то магистратамъ часто случалось называть дѣйствія правительства прямо-таки деспотическими и произвольными. Безпорядочное вмѣшательство судовъ въ администрацію, часто нарушавшее правильное управленіе дѣлами, подчасъ служило такимъ образомъ защитой свободѣ: это было большое зло, ограничивавшее зло еще бо́льшее.

Въ средѣ этихъ судебныхъ корпорацій и въ связи съ ними сохранялась энергія старинныхъ нравовъ среди новыхъ идей. Парламенты, внѣ всякаго сомнѣнія, были заняты болѣе собой, чѣмъ общественными интересами; однако, слѣдуетъ признать, что въ защитѣ своей собственной независимости и своей чести они были всегда безстрашны и сообщали свое настроеніе всѣмъ, кто вступалъ съ ними въ соприкосновеніе.

Когда парижскій парламентъ былъ упраздненъ въ 1770 г., входившіе въ его составъ магистраты перенесли потерю своего званія и своихъ полномочій такъ, что ни одинъ изъ нихъ въ отдѣльности не уступилъ волѣ короля. Мало того, учрежденія иного характера, какъ палата по дѣламъ о налогахъ (cour des aides), которыхъ эта мѣра не затронула и которымъ она не угрожала, добровольно подвергли себя тѣмъ же строгостямъ, когда примѣненіе ихъ не подлежало сомнѣнію. Но и это еще не все: главные адвокаты, ведшіе дѣла передъ парламентомъ, вполнѣ добровольно подвергли себя одной съ нимъ судьбѣ; они отказались отъ того, что обезпечивало имъ ихъ славу и ихъ богатство, и предпочли осудить себя на молчаніе, чѣмъ явиться передъ подвергшимися безчестію магистратами. Я не знаю ничего болѣе величественнаго въ исторіи свободныхъ народовъ, чѣмъ то, что случилось по этому поводу, а между тѣмъ это произошло въ XVIII вѣкѣ, бокъ-о-бокъ со дворомъ Людовика XV.

Обычаи, господствовавшіе въ судахъ, стали во многихъ отношеніяхъ національными обычаями. У судовъ широкіе слои населенія заимствовали мысль, что каждое дѣло должно быть предметомъ преній и каждое рѣшеніе подлежитъ апелляціи, а также привычку къ гласности и наклонность къ соблюденію внѣшнихъ формъ: все это явленія, враждебныя рабству. Это единственная сторона воспитанія свободнаго народа, которую далъ намъ старый порядокъ. Сама администрація заимствовала во многомъ языкъ и обычаи судовъ. Король считалъ себя обязаннымъ мотивировать всѣ свои эдикты и излагать свои соображенія раньше, чѣмъ давать заключеніе; королевскій совѣтъ издавалъ постановленія, снабженныя длинными введеніями; интендантъ объявлялъ свои распоряженія черезъ судебнаго пристава. Во

всѣхъ старинныхъ административныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., въ корпораціяхъ казначеевъ Франціи (trésoriers de France) и выборныхъ людей (élus), дѣла обсуждались гласно и рѣшались на состязательныхъ началахъ. Всѣ эти обычаи, всѣ эти формы представляли столько же преградъ для произвола государя.

Одна только народная масса, особенно сельская, почти всегда была лишена возможности сопротивляться угнетенію иначе, какъ путемъ насилія.

Бо̀льшая часть тѣхъ средствъ защиты, которыя я только-что указалъ, дѣйствительно были ей недоступны; чтобы воспользоваться ими, надо было занимать такое мѣсто въ обществѣ, чтобы быть на виду, надо было имѣть громкій голосъ. Но внѣ народа во Франціи не было такого человѣка, который не могъ бы при желаніи обусловить свое повиновеніе формальными условіями и не могъ бы сопротивляться, даже подчиняясь власти.

Король говорилъ съ націей скорѣе въ качествѣ главы, чѣмъ въ качествѣ владыки. „Мы почитаемъ за славу для себя“, говоритъ Людовикъ XVI въ началѣ своего царствованія во введеніи къ одному изъ своихъ эдиктовъ, „что властвуемъ надъ свободной и великодушной націей“. Одинъ изъ его предковъ уже выразилъ ту же мысль въ болѣе старинныхъ выраженіяхъ, когда, благодаря генеральные штаты за смѣлость ихъ представленій, онъ сказалъ: „мы предпочитаемъ говорить съ свободными людьми (francs), чѣмъ съ холопами“ (serfs).

Люди XVIII вѣка не знали той страсти къ матеріальному благосостоянію, которая является какъ бы матерью рабства, страсти вялой, но въ то же время упорной и непобѣдимой, которая легко соединяется и, если можно такъ выразиться, сплетается съ нѣкоторыми частными добродѣтелями, съ любовью къ семейному очагу, съ воздержанностью нравовъ, съ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и даже съ умѣреннымъ и аккуратнымъ исполненіемъ установленнаго культа, страсти, которая допускаетъ честность и исключаетъ героизмъ, которая создаетъ приличныхъ людей и трусливыхъ гражданъ. Люди этого времени были и лучше и хуже этого типа

Французы того времени любили веселіе и обожали развлеченіе; быть можетъ, они были распущеннѣе въ своихъ привычкахъ, безпорядочнѣе въ своихъ страстяхъ и мысляхъ, чѣмъ люди нашего времени; но они не знали той умѣренной и приличной чувственности, которую видимъ мы. Среди высшихъ классовъ гораздо болѣе заняты тѣмъ, чтобы украсить жизнь, чѣмъ чтобы сдѣлать ее удобной, болѣе тѣмъ, чтобы отличиться, чѣмъ чтобы обогатиться. Даже въ среднихъ классахъ люди никогда не давали себя поглотить цѣликомъ стремленію къ матеріальному благополучію; часто отказывались отъ стремленія къ нему, дабы пріобрѣсти радости болѣе тонкія и болѣе высокія; повсюду признавались и другія блага, кромѣ денегъ. „Я знаю свою націю“, писалъ причудливымъ, но не лишеннымъ гордости языкомъ одинъ современникъ: „умѣя расточать металлъ, она не создана для того, чтобы оказывать ему привычное поклоненіе, и она всегда была бы готова вернуться къ своимъ старымъ богамъ, мужеству, славѣ и, смѣю сказать, великодушію“.

Не слѣдуетъ, кстати сказать, измѣрять низость людей степенью ихъ покорности верховной власти; это значило бы пользоваться ошибочнымъ мѣриломъ. Какъ бы покорны ни были люди стараго порядка волѣ короля, былъ родъ повиновенія, котораго они не знали: они не знали, что это значитъ подчиняться незаконной или спорной власти, которую мало уважаешь, которую часто презираешь, но которой добровольно подчиняешься, потому что она оказываетъ услуги или можетъ повредить. Эта унизительная форма рабства была имъ всегда чужда. Король внушалъ имъ такія чувства, какихъ ни одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ государей, которые съ тѣхъ поръ появились въ мірѣ, уже не могъ вызвать, и которыя даже стали почти непонятными для насъ,—до такой степени революція искоренила ихъ въ насъ. Они относились къ нему одновременно съ той нѣжностью, которую питаешь къ отцу, и съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое мы обязаны оказывать только Богу. Подчиняясь его самымъ произвольнымъ приказаніямъ, они подчинялись даже не столько принужденію, сколько любви, и имъ случалось такимъ образомъ сохранять свободу своей души

даже въ состояніи самой крайней зависимости. Для нихъ наихудшимъ зломъ въ повиновеніи была его принудительность; для насъ это наименьшее зло. Худшее зло въ этой области заключается въ томъ рабьемъ чувствѣ, которое заставляетъ повиноваться. Не будемъ презирать нашихъ отцовъ, мы не имѣемъ права на это. Дай Богъ, чтобы мы могли возвратить, вмѣстѣ съ ихъ предразсудками и недостатками, хотя частицу ихъ душевной высоты.

Итакъ, было бы весьма ошибочно думать, что старый порядокъ былъ эпохой раболѣпія и зависимости. Въ немъ царило гораздо больше свободы, чѣмъ въ наши дни; но то была своего рода неправильная и спорадическая свобода, всегда замкнутая въ классовые предѣлы, всегда связанная съ идеей изъятій и привилегій, позволявшая почти столько же противостоять закону, какъ и произволу, и почти никогда она не простиралась до того, чтобы обезпечить всѣмъ гражданамъ самыя естественныя и самыя необходимыя гарантіи. Но даже въ такомъ суженномъ и обезображенномъ видѣ свобода все еще была плодотворна. Въ то самое время, когда централизація усиленно стремилась къ уравненію, ослабленію и обезцвѣченію всѣхъ характеровъ, именно свобода сохранила за большимъ количествомъ частныхъ лицъ ихъ природную оригинальность, ихъ оттѣнки и яркость, питала въ ихъ сердцахъ чувство собственнаго достоинства и часто обезпечивала въ нихъ стремленію къ славѣ первенство надъ всѣми остальными стремленіями. Благодаря ей сформировались тѣ мужественные характеры, тѣ гордыя и смѣлыя натуры, которые мы впослѣдствіи увидимъ, которые сдѣлали изъ французской революціи одновременно предметъ восхищенія и предметъ ужаса для слѣдующихъ поколѣній. Было бы весьма странно, если бы столь мужественныя доблести могли развиться на почвѣ, гдѣ больше не было свободы.

Но если этотъ видъ неупорядоченной и нездоровой свободы подготовлялъ французовъ къ низверженію деспотизма, то онъ, быть можетъ, дѣлалъ ихъ менѣе способными, чѣмъ другіе народы, создать взамѣнъ деспотизма мирное и свободное царство законовъ.

ГЛАВА XII.

О томъ, что, несмотря на успѣхи цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина иногда бывало хуже въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ въ XIII-мъ.

Въ XVIII вѣкѣ французскій крестьянинъ не могъ уже быть добычей мелкихъ феодальныхъ деспотовъ, онъ лишь изрѣдка сталкивался съ насиліями со стороны правительства; онъ пользовался гражданской свободой и обладалъ частью земли, но всѣ люди другихъ слоевъ общества удалились отъ него, и крестьянинъ жилъ болѣе одинокимъ во Франціи, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ. Это тоже родъ новаго и своеобразнаго гнета, послѣдствія котораго заслуживаютъ быть разсмотрѣнными особо и съ очень большимъ вниманіемъ.

Уже въ началѣ XVII вѣка, Генрихъ IV жаловался, по свидѣтельству Перефикса, на то, что дворяне покидали деревни. Въ серединѣ XVIII вѣка это бѣгство изъ деревень стало почти общимъ. Всѣ документы того времени отмѣчаютъ и оплакиваютъ его: экономисты въ своихъ книгахъ, интенданты — въ своей перепискѣ, сельскохозяйственныя общества — въ своихъ мемуарахъ. Самое достовѣрное доказательство этого факта находится въ реестрахъ подушной подати. Подушная подать взималась въ мѣстѣ настоящаго жительства плательщиковъ: взносъ всего высшаго и части средняго дворянства взимались въ Парижѣ.

Въ деревняхъ оставались только тѣ дворяне, которые по недостаточности средствъ не могли оттуда выѣхать. Такой дворянинъ жилъ тамъ бокъ-о-бокъ съ крестьянами—его сосѣдями, въ такомъ положеніи, въ какомъ, я думаю, никогда нельзя было бы видѣть богатаго помѣщика. Не будучи уже болѣе главой крестьянъ, мелкопомѣстный дворянинъ уже больше не находилъ интереса щадить ихъ, помогать имъ, руководить ими, а, съ другой стороны, не будучи и самъ подчиненъ тѣмъ же государственнымъ повинностямъ, какъ крестьяне, онъ не

могъ ощущать искренней симпатіи къ ихъ горю, котораго онъ не дѣлилъ съ ними, ни присоединяться къ ихъ общимъ жалобамъ, которыя были ему совсѣмъ чуждыми. Эти люди уже больше не были его подданными, а онъ не былъ еще ихъ согражданиномъ,—фактъ единичный въ исторіи.

Все это вызывало какой-то духовный абсентеизмъ, если можно такъ выразиться, болѣе частый еще и болѣе дѣйствительный, чѣмъ абсентеизмъ въ собственномъ смыслѣ слова. Отсюда произошло то, что дворянинъ, пребывая на своихъ земляхъ, часто обнаруживалъ тѣ же взгляды и чувства, какія въ его отсутствіе могли бы пробудиться у его управляющаго. Подобно послѣднему, онъ въ своихъ арендаторахъ видѣлъ лишь должниковъ и требовалъ отъ нихъ съ полной строгостью все то, что ему причиталось еще согласно закону или обычаю, а это нерѣдко дѣлало взиманіе того, что еще осталось отъ феодальныхъ правъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ во времена самаго феодализма.

Часто обремененный долгами и вѣчно нуждающійся, онъ жилъ обыкновенно очень скаредно въ своемъ замкѣ, мечтая лишь о томъ, чтобы собрать деньги, которыя зимою онъ тратилъ въ городѣ. Народъ, который часто однимъ словомъ сразу выражаетъ идею, далъ такому мелкому дворянину названіе наименѣе крупной изъ хищныхъ птицъ, а именно онъ назвалъ его кобчикомъ (hobereau).

Мнѣ, конечно, могутъ противопоставить указаніе на отдѣльныя личности, но я говорю о классахъ, такъ какъ только одни они должны быть предметами исторіи. Что въ тѣ времена было много богатыхъ помѣщиковъ, которые, безъ внѣшней надобности и не руководствуясь выгодой, заботились о благополучіи крестьянъ,—кто же отрицаетъ это?

Но это только значитъ, что они счастливо боролись противъ закона, вытекавшаго изъ ихъ новаго положенія, которое, вопреки имъ самимъ, такъ же толкало ихъ къ равнодушію, какъ ихъ старыхъ вассаловъ къ ненависти.

Это оставленіе деревень дворянами многіе часто приписывали особому вліянію нѣкоторыхъ министровъ и королей:

одни—Ришелье, другіе—Людовику XIV. Дѣйствительно, въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ монархіи государи почти всегда преслѣдовали задачу отдѣлить дворянъ отъ народа и привлечь ихъ ко двору и къ государственной службѣ. Это обнаруживается въ особенности въ XVII вѣкѣ, когда дворянство являлось еще предметомъ опасеній для королевской власти. Среди вопросовъ, обращенныхъ къ интендантамъ, находится еще слѣдующій: „Предпочитаютъ ли дворяне вашего округа оставаться у себя или выѣзжать?“

Имѣется письмо интенданта, содержащее отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ жалуется на то, что дворяне его провинціи любятъ оставаться со своими крестьянами вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности при королѣ. Нужно замѣтить вотъ что: провинціей, о которой здѣсь идетъ рѣчь, является Анжу, впослѣдствіи Вандея. Эти дворяне, которые отказывались, какъ говорилось, исполнять свой долгъ передъ королемъ, являлись единственными, которые съ оружіемъ въ рукахъ защищали монархію во Франціи и были убиты, сражаясь за нее. Такимъ славнымъ отличіемъ они обязаны тому, что сумѣли удержать при себѣ тѣхъ крестьянъ, въ любви къ которымъ ихъ упрекали.

Тѣмъ не менѣе нужно воздержаться отъ того, чтобы приписывать непосредственному вліянію нѣкоторыхъ изъ нашихъ королей оставленіе деревень тѣмъ сословіемъ, которое стояло тогда во главѣ націи. Главная и постоянная причина этого явленія заключалась не въ волѣ нѣкоторыхъ лицъ, но въ медленной и непрерывной дѣятельности учрежденій. Доказательствомъ этого является то, что когда въ XVIII вѣкѣ правительство хотѣло одолѣть это зло, то ему не удалось даже остановить его развитіе. По мѣрѣ того какъ дворянство теряетъ свои политическія права, не пріобрѣтая другихъ, и по мѣрѣ того какъ мѣстныя свободы исчезаютъ, это выселеніе дворянъ растетъ, и уже нѣтъ необходимости отвлекать ихъ отъ ихъ имѣній. Имъ уже не желательно тамъ оставаться: сельская жизнь имъ опротивѣла.

То, что я сказалъ здѣсь о дворянахъ, относится, во всѣхъ странахъ, къ богатымъ помѣщикамъ: страны съ централизаціей

это страны, въ которыхъ деревня лишена богатыхъ и просвѣщенныхъ жителей. Я могъ бы прибавить: страны съ централизаціей—страны съ несовершенной и рутинной культурой, и могъ бы комментировать столь глубокое изреченіе Монтескье, опредѣляя точнѣе его смыслъ: „Производительность земли зависитъ меньше отъ ея плодородія, чѣмъ отъ свободы жителей“. Но я не хочу выходить изъ предѣловъ своей темы.

Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, какъ буржуа, покидая въ свою очередь деревни, искали со всѣхъ сторонъ убѣжища въ городахъ. Нѣтъ другого пункта, относительно котораго всѣ документы стараго порядка оказались бы болѣе согласными. Почти всегда въ деревняхъ можно видѣть, говорятъ эти документы, лишь одно поколѣніе богатыхъ крестьянъ. Какъ только земледѣльцу удастся путемъ своего усердія пріобрѣсти немного имущества, онъ тотчасъ же приказываетъ своему сыну бросить плугъ, отправляетъ его въ городъ и покупаетъ ему небольшую должность. Вотъ когда зародилось то странное отвращеніе, которое французскій земледѣлецъ проявляетъ часто и въ наши дни къ той профессіи, которая его обогатила. Слѣдствіе пережило причину.

Говоря по правдѣ, единственнымъ хорошо воспитаннымъ человѣкомъ или, какъ говорятъ англичане, единственнымъ джентльменомъ, остававшимся постоянно среди крестьянъ и находившимся въ постоянномъ общеніи съ ними, былъ священникъ. Вотъ почему священникъ сдѣлался бы учителемъ уличнаго населенія, вопреки Вольтеру, еслибы онъ самъ не былъ бы связанъ такъ тѣсно и явно съ политической іерархіей. Обладая нѣкоторыми изъ ея привилегій, онъ отчасти раздѣлялъ съ ней ту ненависть, которую она порождала.

И вотъ, крестьянинъ почти совершенно отдѣленъ отъ высшихъ слоевъ общества; онъ далекъ даже отъ тѣхъ изъ своихъ собратьевъ, которые могли бы ему помочь и руководить имъ; по мѣрѣ того, какъ они становятся просвѣщенными или зажиточными, они его избѣгаютъ. Крестьянинъ остается какъ бы оторваннымъ отъ всей націи и оставленнымъ въ сторонѣ.

Этого не наблюдалось въ подобной степени ни у одного

изъ великихъ цивилизованныхъ народовъ Европы, и даже во Франціи это былъ фактъ новый. Крестьянинъ XIV в. былъ одновременно и болѣе угнетаемъ, и болѣе оберегаемъ. Аристократія иногда тиранила его, но никогда не бросала на произволъ судьбы.

Въ XVIII вѣкѣ деревня является общиной, всѣ члены которой бѣдны, невѣжественны и грубы; ея должностныя лица такъ же необразованны и презираемы, какъ она сама; ея синдикъ не умѣетъ читать, сборщикъ податей не можетъ собственноручно вести счеты, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе его сосѣдей и его собственное. Бывшій сеньеръ деревни не только уже не имѣетъ права управлять ею, но случилось такъ, что онъ считаетъ позоромъ вмѣшиваться въ это управленіе: раскладывать таллію, собирать ополченіе, устанавливать порядокъ барщины —все это рабскія занятія, годныя для синдика. Только центральная власть заботится о деревнѣ, а такъ какъ она очень далеко и еще не опасается никакихъ непріятностей со стороны крестьянъ, то власть интересуется деревней лишь поскольку извлекаетъ изъ нея доходъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлается съ сословіемъ, предоставленнымъ судьбѣ, съ сословіемъ, которое никто не хочетъ тиранить, но никто и не хочетъ ни просвѣтить, ни принести ему пользу.

Самыя тяжелыя обязательства, какія феодальная система взваливала на деревенскаго обывателя, несомнѣнно отмѣнены или облегчены, но что не извѣстно достаточно, это то, что они замѣнены другими, быть можетъ, еще болѣе тяжелыми. Крестьянинъ не страдалъ отъ всѣхъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдали его предки, но онъ выносилъ много такого горя, какого отцы его никогда не знали.

Извѣстно, что почти исключительно на счетъ крестьянъ таллія повысилась вдесятеро въ теченіе двухъ вѣковъ. Нужно здѣсь сказать кое-что о способѣ собиранія этой подати, чтобы показать, какіе варварскіе законы могутъ быть установлены и поддерживаемы въ просвѣщенномъ столѣтіи, когда наиболѣе

просвѣщенные представители націи не имѣютъ личнаго интереса къ преобразованію ихъ.

Въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ, которое самъ генеральный контролеръ пишетъ въ 1772 году интендантамъ, я нахожу слѣдующее изображеніе талліи. Это образецъ точности и краткости: „Таллія“, говоритъ этотъ министръ, „произвольна въ своемъ распредѣленіи, въ своемъ взиманіи опирается на круговую поруку, имѣетъ личный, а не реальный характеръ въ большей части Франціи, подвержена постояннымъ колебаніямъ вслѣдствіе всѣхъ перемѣнъ, которыя ежегодно происходятъ въ имуществѣ облагаемыхъ ею“. Здѣсь все сказано въ трехъ фразахъ. Трудно было бы описать съ большимъ искусствомъ то зло, съ котораго получаютъ пользу.

Вся должная приходомъ сумма устанавливалась ежегодно. Она представляла непрерывныя колебанія, какъ говоритъ вышеуказанный министръ, такъ что ни одинъ пахарь не могъ предусмотрѣть за годъ впередъ, что ему придется платить годъ спустя. Внутри прихода ежегодно избирали случайно попавшагося крестьянина, назначали его сборщикомъ, и онъ уже распредѣлялъ тяготу налога на всѣхъ обывателей.

Я обѣщалъ сказать, какое общественное положеніе занималъ такой сборщикъ. Послушаемъ, что по этому поводу говоритъ провинціальное собраніе въ Берри въ 1779 году. Это собраніе не можетъ внушить подозрѣній; оно все состоитъ изъ лицъ привилегированныхъ, которые не платятъ податей и назначены королемъ. „Такъ какъ всякій желаетъ избавиться отъ обязанностей сборщика“, говоритъ оно, „ то нужно, чтобы эту обязанность всякій выполнялъ поочереди. Взиманіе талліи довѣряется, слѣдовательно, ежегодно новому сборщику, безотносительно къ его способностямъ и добросовѣстности, а потому въ исполненіи каждой росписи отражается характеръ ея. Сборщикъ накладываетъ на нее печать своихъ опасеній, слабостей или пороковъ. Впрочемъ, какъ бы могъ онъ справиться съ своей задачей? Онъ дѣйствуетъ въ потемкахъ, потому что кому же извѣстна навѣрняка состоятельность его

сосѣда и отношеніе его богатства къ богатству другого. Между тѣмъ рѣшать должно вопросъ только мнѣніе сборщика. Сборщикъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ достояніемъ и даже свободой за поступленіе сборовъ. Обыкновенно сборщику приходится тратить въ теченіе двухъ лѣтъ половину своего времени, чтобы обойти всѣхъ подлежащихъ уплатѣ податей. Не знающіе грамоты обязаны разыскать въ сосѣдствѣ кого-нибудь грамотнаго, кто бы имъ помогъ“.

Тюрго уже сказалъ по поводу другой провинціи немного ранѣе: „эта должность приводитъ въ отчаяніе и почти всегда къ разоренію тѣхъ, которымъ ее навязываютъ, и такимъ образомъ послѣдовательно ведутъ къ разоренію всѣ зажиточныя деревенскія семьи“.

Несчастный сборщикъ, однако, былъ вооруженъ громаднымъ произволомъ; онъ былъ почти настолько же тираномъ, настолько и мученикомъ. Во время отправленія этой должности, отъ которой онъ самъ разорялся, онъ держалъ въ своихъ рукахъ разореніе всѣхъ.

„Предпочтеніе, оказываемое роднымъ“, продолжаетъ провинціальное собраніе, „друзьямъ и сосѣдямъ, ненависть и мстительность по отношенію къ врагамъ, необходимость имѣть покровителя, опасеніе не угодить зажиточному гражданину, дающему работу,—вотъ настроенія, одолѣвающія въ его сердцѣ чувство справедливости. Страхъ нерѣдко дѣлаетъ сборщика немилосердымъ. Есть приходы, которыхъ сборщикъ обходитъ не иначе, какъ конвоируемый солдатами и судебными приставами. „Когда онъ выходитъ безъ судебнаго пристава“, сообщаетъ одинъ интендантъ министру въ 1764 году, „то обыватели отказываются платить“. „Въ одномъ только Вилльфраншскомъ округѣ“, сообщаетъ гвіенское провинціальное собраніе, „насчитываютъ сто шесть вѣстовыхъ, занятыхъ разноской исполнительныхъ листовъ, и другихъ посыльныхъ, и всѣ они всегда заняты“.

Чтобы избѣгнуть этого насильственнаго и произвольнаго обложенія, французскій крестьянинъ въ XVIII вѣкѣ дѣйствуетъ подобно средневѣковому еврею: онъ притворяется бѣднякомъ,

когда на самомъ дѣлѣ этого случайно нѣтъ. Онъ не безъ основанія боится обнаружить свой достатокъ. Доказательство этому я нахожу въ одномъ документѣ, который я на этотъ разъ беру не въ Гвіенн, а за сто лье отъ нея. Мэнское сельскохозяйственное общество заявляетъ, въ своемъ докладѣ отъ 1764 года, что оно намѣревалось раздать скотъ въ видѣ наградъ и поощреній. Но, говоритъ оно, его остановили отъ приведенія въ исполненіе этого намѣренія „тѣ опасныя послѣдствія, которыя могли произойти, благодаря низменной зависти, для получившихъ награды: послѣднія вслѣдствіе произвольной раскладки податей могли бы создать имъ много притѣсненій въ послѣдующіе годы".

При этой податной системѣ каждый плательщикъ дѣйствительно имѣлъ непосредственный и постоянный интересъ, чтобы выслѣживать своихъ сосѣдей и доносить сборщику о приростѣ ихъ богатства. Всѣхъ ихъ пріучали къ зависти, къ доносу къ ненависти. Можно подумать, что все это происходило на земляхъ какого-нибудь раджи въ Индостанѣ.

Однакожъ, въ то же время во Франціи были такія области, въ которыхъ налогъ взимался правильно и милостиво. Это были нѣкоторыя провинціи, обладавшія провинціальными штатами. Правда, что имъ было предоставлено право самимъ взимать налоги. Въ Лангедокѣ, напр., таллія падаетъ лишь на поземельную собственность и не колеблется пропорціонально зажиточности землевладѣльца. Прочнымъ и яснымъ основаніемъ для налога является кадастръ, старательно производимый и возобновляемый черезъ каждые 30 лѣтъ, въ которомъ земли раздѣлены на три разряда соотвѣтственно степени ихъ плодородія. Каждый платящій подать знаетъ заранѣе въ точности, что представляетъ та доля налога, которую онъ долженъ уплачивать. Если онъ не платитъ, то онъ одинъ или, вѣрнѣе, его поле является отвѣтственнымъ. Если земледѣлецъ считаетъ себя обиженнымъ при раскладкѣ, то онъ всегда вправѣ требовать, чтобы сравнили его долю съ долей другого жителя прихода по его выбору. Здѣсь получается то, что мы называемъ теперь требованіемъ пропорціональнаго равенства.

Оказывается, что всѣ эти правила являются точь въ точь такими же, какимъ мы слѣдуемъ и въ настоящее время. Съ тѣхъ поръ они не подверглись улучшенію, а лишь обобщенію. Достойно вниманія то, что, хотя мы заимствовали отъ правительства стараго порядка самую форму нашей государственной администраціи, но мы воздержались подражать ему во всемъ остальномъ. Не у этого правительства стараго порядка, а у провинціальныхъ собраній мы заимствовали наши лучшіе административные методы. Словомъ, признавая удобной машину, мы не взяли ея продукта.

Обычная бѣдность деревенскаго населенія породила принципы, которые не были пригодны для прекращенія ея. „Если бы народы пользовались достаткомъ", писалъ Ришелье въ своемъ политическомъ завѣщаніи, „то они едва ли пребывали бы въ повиновеніи". Въ XVIII вѣкѣ такъ далеко не идутъ, но думаютъ, что крестьянинъ никогда не работалъ бы, если бы не былъ всегда подстрекаемъ къ этому нуждой: нужда, повидимому, является единственной гарантіей противъ лѣности. Вотъ та самая теорія, которую мнѣ приходилось слышать по поводу негровъ нашихъ колоній. Это мнѣніе настолько распространено среди правящихъ лицъ, что почти всѣ экономисты считаютъ себя обязанными формально опровергать его.

Извѣстно, что первоначальной задачей таллія было дать возможность королю покупать солдатъ, которые избавили бы дворянъ и ихъ вассаловъ отъ военной службы. Но въ XVIII вѣкѣ воинская повинность, какъ мы видѣли, была вновь установлена въ формѣ ополченія, и на этотъ разъ она падала лишь на народъ и почти исключительно на крестьянина.

Достаточно обратить вниманіе на многочисленность протоколовъ жандармской команды, наполняющихъ картоны любого интендантства и относящихся исключительно къ преслѣдованію непокорныхъ или уклоняющихся отъ военной службы ополченцевъ, чтобы признать, что ополченіе составлялось не безъ затрудненій. И въ самомъ дѣлѣ не было, кажется, государственной повинности болѣе невыносимой для крестьянъ, чѣмъ воинская повинность. Чтобы избавиться отъ нея, крестьяне часто

прятались въ лѣса, гдѣ приходилось настигать ихъ съ вооруженной силой. Это можетъ показаться удивительнымъ, если подумать о той легкости, съ какой происходитъ принудительный наборъ въ наши дни.

Нужно приписать это крайнее отвращеніе крестьянъ стараго порядка къ ополченію въ меньшей степени самому принципу закона, чѣмъ способу его выполненія. Нужно принять во вниманіе особенно то продолжительное невѣдѣніе, въ которомъ онъ держалъ тѣхъ, кому угрожалъ (можно было быть призываемымъ до 40 лѣтъ, за исключеніемъ случаевъ вступленія въ бракъ), затѣмъ произволъ ревизіи, который дѣлалъ почти безполезнымъ преимущество хорошаго номера, далѣе запрещеніе замѣстительства, отвращеніе къ столь жестокому и опасному занятію, въ которомъ всякая надежда на повышеніе была устранена, и наконецъ то чувство, что эта страшная тягота падала только на однихъ крестьянъ и притомъ на самыхъ бѣдныхъ среди нихъ, тогда какъ унизительность солдатскаго званія еще обостряла всѣ эти строгости.

У меня было въ рукахъ много протоколовъ, относящихся къ набору 1769 года, составленныхъ во многихъ приходахъ. Тутъ фигурируютъ разныя лица, избавленныя отъ набора. Одинъ проживаетъ слугой у дворянина, другой—сторожемъ въ аббатствѣ, третій—лакеемъ у буржуа, но этотъ буржуа живетъ *по-дворянски*. Богатство само по себѣ избавляетъ отъ повинности.

Когда земледѣлецъ ежегодно фигурируетъ среди лицъ, обложенныхъ наиболѣе высокой податью, то сыновья его имѣютъ право быть избавленными отъ воинской повинности. Это называется поощреніемъ земледѣлія. Экономисты, большіе любители равенства во всемъ остальномъ, нисколько не возмущаются этой привилегіей. Они только требуютъ, чтобы она была распространена на другіе случаи, т.-е. чтобы повинность самыхъ бѣдныхъ и наименѣе покровительствуемыхъ крестьянъ стала еще болѣе тягостной. „При жалкомъ вознагражденіи солдата“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „при скудости его постели, одежды, пищи, при его безусловной зависимости было бы

слишкомъ жестоко брать въ солдаты иныхъ людей, нежели людей изъ простонародія“.

До конца царствованія Людовика XIV-го большія дороги не поддерживались вовсе, или онѣ содержались на счетъ всѣхъ тѣхъ, кто ими пользовался, т.-е. на счетъ государства или всѣхъ придорожныхъ помѣщиковъ, но къ этому времени начали ихъ чинить при помощи барщины, т.-е. на счетъ однихъ крестьянъ.

Этотъ способъ имѣть хорошія дороги, не оплачивая ихъ, показался столь удачно придуманнымъ, что въ 1737 году циркуляромъ главнаго контролера Орри онъ былъ введенъ во всей Франціи. Интенданты получили право сажать непокорныхъ крестьянъ въ тюрьмы или посылать къ нимъ солдатъ на постой.

Начиная съ этого момента, всякій разъ, какъ торговля растетъ, какъ потребность имѣть хорошіе пути распространяется все больше и больше, барщина распространяется на новыя дороги, и бремя ея усиливается. Въ докладѣ, сдѣланномъ въ 1779 году провинціальному собранію Берри, говорится, что работы, исполненныя посредствомъ барщины въ этой бѣдной провинціи, должны быть оцѣнены въ 700,000 ливровъ въ годъ. Въ нижней Нормандіи ихъ оцѣнивали въ 1787 г. приблизительно въ ту же сумму. Ничто не можетъ лучше выразить печальную участь крестьянскаго населенія: успѣхи общества, обогащающіе всѣ другія сословія, крестьянъ приводятъ въ отчаяніе. Цивилизація оказывается враждебной лишь для одного крестьянскаго люда.

Въ перепискѣ интендантовъ я читаю около того же времени, что слѣдуетъ отказывать крестьянамъ примѣнять барщину къ исправленію ихъ собственныхъ деревенскихъ дорогъ въ виду того, что барщина должна быть сохранена только по отношенію къ большимъ путямъ или, какъ выражались тогда, къ *королевскимъ дорогамъ*. Странная мысль, что издержки по содержанію дорогъ должны быть возлагаемы на самыхъ бѣдныхъ и какъ разъ на тѣхъ, которые, повидимому, наименѣе всѣхъ должны путешествовать,—эта мысль, несмотря

на свою новизну, такъ естественно вкореняется въ умы тѣхъ, которые извлекаютъ изъ нея пользу, что вскорѣ они начинаютъ воображать, что иначе дѣло обстоять не можетъ.

Въ 1776 году уже являются попытки преобразовать барщину въ мѣстную подать. Неравенство преобразовывается тотчасъ же вмѣстѣ съ нею и проникаетъ въ новую подать.

Изъ помѣщичьей, какой была, барщина становится королевской и въ связи съ этимъ распространяется мало-по-малу на всѣ государственныя работы. Въ 1719 году барщина служитъ на постройки казармъ! Приходы должны отправлять своихъ лучшихъ работниковъ, говорится въ приказѣ, и всѣ остальныя работы должны быть оставлены ради этой. При помощи барщины перевозятъ каторжниковъ въ остроги, а нищихъ въ благотворительныя учрежденія; барщина же служитъ для перевозки военныхъ грузовъ при перемѣщеніи войскъ. Это весьма обременительная повинность въ то время, когда каждый полкъ слѣдовалъ съ большимъ обозомъ; приходилось при этомъ собирать изъ дальнихъ мѣстностей большое количество повозокъ и быковъ, чтобы везти ихъ. Этого рода барщина, имѣвшая мало значенія вначалѣ, сдѣлалась одной изъ наиболѣе тягостныхъ, когда постоянная армія увеличилась въ численности. Мнѣ попадались въ бумагахъ заявленія казенныхъ подрядчиковъ, требовавшихъ настойчиво, чтобы имъ была предоставлена барщина по перевозкѣ строительнаго лѣса изъ лѣсовъ до морскихъ арсеналовъ. Отбывавшіе барщину крестьяне обыкновенно получали вознагражденіе, но всегда небольшое и произвольно устанавливаемое. Тягота повинности, столь плохо поставленной, становилась подчасъ столь невыносимой, что сборщики талліи начинали безпокоиться. „Расходы, требуемые отъ крестьянъ для исправленія дорогъ“, пишетъ одинъ изъ нихъ въ 1751 году, „скоро лишатъ ихъ возможности платить ихъ таллію“.

Всѣ эти новыя притѣсненія, конечно, не могли бы упрочиться, если бы въ средѣ крестьянъ нашлись богатые и просвѣщенные люди, имѣвшіе охоту и власть если не защищать,

то быть заступниками крестьянъ передъ общимъ владыкой, который уже держалъ въ своихъ рукахъ участь какъ бѣдняка, такъ и богача.

Я читалъ письмо, писанное однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ 1774 году къ интенданту его провинціи, въ которомъ послѣднему предлагалось провести новую дорогу. Эта дорога обезпечила бы, по его словамъ, благоденствіе деревни, и при этомъ выставляются доводы; затѣмъ авторъ письма переходитъ къ устройству ярмарки, которая удвоитъ, по его мнѣнію, цѣны на съѣстные продукты. Этотъ добрый гражданинъ тамъ добавлялъ, что при небольшой поддержкѣ можно было бы устроить школу, которая доставляла бы королю болѣе развитыхъ подданныхъ. Онъ вовсе не мечталъ до сихъ поръ объ этихъ необходимыхъ улучшеніяхъ, онъ обратилъ на все это вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ, два года тому назадъ, королевскій указъ запретилъ ему выѣзжать изъ его замка. „Моя ссылка, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ мое имѣніе“, говоритъ онъ наивно, „убѣдила меня въ крайней полезности осуществленія всѣхъ этихъ плановъ“.

Но особенно во время голодовокъ замѣчалось, что связи покровительства и зависимости, соединявшія когда-то помѣщика съ крестьянами, оказывались ослабленными или порванными. Въ эти времена кризиса центральное правительство пугалось своей изолированности и слабости; для подобныхъ случаевъ оно желало бы возродить тѣ личныя вліянія или политическіе союзы, которые оно уничтожило; оно взываетъ къ ихъ помощи, но никто не откликается; оно обыкновенно удивляется, находя мертвыми тѣхъ лицъ, у которыхъ оно само отняло жизнь.

При такой крайности въ самыхъ бѣдныхъ провинціяхъ находятся интенданты, которые, какъ, напр., Тюрго, издаютъ незаконныя распоряженія, обязывающія богатыхъ помѣщиковъ кормить своихъ половниковъ до будущаго урожая. Я нашелъ помѣченныя 1770 годомъ письма нѣсколькихъ священниковъ, которые предлагаютъ интенданту обложить помѣщиковъ ихъ приходовъ, какъ изъ числа духовныхъ лицъ, такъ и свѣт-

скихъ, „которые обладаютъ“, какъ пишутъ они, „большими имѣніями, въ которыхъ сами совсѣмъ не живутъ и съ коихъ они получаютъ большіе доходы, расточаемые ими въ другихъ мѣстахъ“.

Даже въ обычное время деревни переполнены нищими, потому что, какъ говоритъ Летроннъ, бѣднымъ помогаютъ въ городѣ, а въ деревнѣ, въ зимнее время, нищенство является безусловно неизбѣжнымъ.

Отъ времени до времени противъ этихъ несчастныхъ принимались чрезвычайно суровыя мѣры. Въ 1767 году герцогъ Шуазель вздумалъ сразу уничтожить нищенство во Франціи. Изъ переписки интендантовъ можно усмотрѣть, съ какой жестокостью онъ принялся за это дѣло. Жандармской командѣ былъ данъ приказъ арестовать сразу всѣхъ нищихъ, какіе были въ королевствѣ. Увѣряютъ, что болѣе 50 тысячъ было арестовано такимъ образомъ. Бродяги способные къ труду ссылались на галеры, что касается остальныхъ, то для пріема ихъ было учреждено болѣе 40 нищенскихъ конторъ. Было бы лучше открыть сердца богачей.

Это правительство стараго порядка, которое было, какъ я указывалъ, столь мягкимъ, а иногда и боязливымъ, столь преданнымъ формѣ, промедленію и осмотрительности, когда рѣчь шла о людяхъ, стоявшихъ выше толпы, оказывалось зачастую грубымъ и всегда рѣшительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ низшихъ слоевъ общества, особенно противъ крестьянъ. Изъ просмотрѣнныхъ мною документовъ мнѣ не попалось ни одного, въ которомъ сообщалось бы объ арестованіи какого-либо буржуа по приказу интенданта, а крестьянъ арестовываютъ безпрерывно изъ-за барщины, ополченія, за нищенство, изъ-за столкновеній съ полиціей и при тысячѣ другихъ условій. Для лицъ высшаго сословія существовали и суды, и безконечныя пренія, и охранительная гласность, для другихъ—сельскій судья, сразу и безапелляціонно рѣшающій всѣ дѣла крестьянъ.

„Громадное разстояніе, отдѣляющее народъ отъ всѣхъ другихъ сословій“, пишетъ Неккеръ въ 1785, „способствуетъ

отвлеченію вниманія отъ того способа, при помощи котораго можно проявлять власть по отношенію къ людямъ, затерянным въ толпѣ. Не будь той мягкой гуманности, которая характеризуетъ французовъ, и не будь вліянія духа нашего вѣка,—это обстоятельство должно бы было послужить предметомъ вѣчнаго сожалѣнія для тѣхъ, кто способенъ сочувствовать тому рабству, отъ котораго онъ самъ избавленъ“.

Но гнетъ даже меньше проявлялся въ томъ злѣ, какое причиняли этимъ несчастнымъ, чѣмъ въ томъ, что имъ мѣшали быть полезными для самихъ себя. Они были сами свободны и были собственниками, а между тѣмъ оставались почти столь же невѣжественными, а зачастую и болѣе несчастными, чѣмъ рабы, ихъ предки. У нихъ не было промышленности, несмотря на чудеса искусства, и они оставались невѣжественными среди блеска цивилизованнаго міра. Сохраняя умъ и проницательность, свойственные ихъ расѣ, французскіе крестьяне не научились пользоваться этими качествами; они даже плохо преуспѣвали въ обработкѣ земель, которая составляла ихъ единственное дѣло. „Я вижу земледѣліе X-го вѣка“, говоритъ одинъ знаменитый англійскій агрономъ. Они отличались только въ военномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ они естественно и по необходимости входили въ соприкосновеніе съ другими слоями общества.

Итакъ, крестьянинъ жилъ въ этой пучинѣ уединенія и горя; онъ жилъ тамъ какъ узникъ, къ которому ничто не проникало. Я былъ удивленъ и почти испуганъ, узнавъ, что меньше чѣмъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ католицизмъ былъ отмѣненъ безъ сопротивленія и церкви подверглись профанаціи, методъ, котораго иногда придерживалась администрація для ознакомленія съ количествомъ населенія даннаго кантона, былъ слѣдующій: священникъ указывалъ число тѣхъ лицъ, которыя являлись во время Пасхи къ причастію, сюда прибавляли предполагаемое число дѣтей младенческаго возраста и больныхъ. Все это составляло общій итогъ всѣхъ жителей. Однакожъ, идеи того времени проникали уже со всѣхъ сторонъ въ эти грубые умы; онѣ входили туда окольными и подполь-

ными путями и принимали странныя формы въ этихъ узкихъ и темныхъ вмѣстилищахъ. Тѣмъ не менѣе ничто, казалось, не измѣнилось извнѣ. Нравы крестьянина, его привычки, его вѣрованія, казалось, оставались все тѣми же: онъ былъ покоренъ и даже веселъ.

Не слѣдуетъ довѣрять той веселости, какую иногда обнаруживаютъ французы при величайшихъ своихъ бѣдствіяхъ. Она доказываетъ лишь, что, считая свое горе неизбѣжнымъ, французъ хочетъ отвлечься отъ него, чтобы не думать о немъ, но онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ его ощущать. Откройте этому человѣку исходъ, который могъ бы вывести его изъ той бѣды, отъ которой онъ, повидимому, такъ мало страдаетъ, и онъ бросится къ этому исходу съ такой стремительностью, что перешагнетъ черезъ васъ, не видя васъ, если вы стали ему на дорогѣ.

Мы теперь ясно видимъ все это; но современники этого не видѣли. Люди высшихъ сословій всегда лишь съ большимъ трудомъ добиваются яснаго пониманія того, что происходитъ въ душѣ народной, а особенно крестьянской. Воспитаніе и образъ жизни даютъ послѣднимъ такія представленія о дѣлахъ человѣческихъ, которыя свойственны имъ и недоступны остальнымъ. Когда у бѣднаго и богатаго почти нѣтъ общаго интереса, ни общаго дѣла, то мракъ, скрывающій умъ одного отъ ума другого, становится непроницаемымъ, и оба они могли бы прожить вѣчно одинъ возлѣ другого и никогда не понять другъ друга. Любопытно видѣть, въ какой странной беззаботности жили всѣ занимавшіе верхніе и средніе этажи общественнаго зданія въ тотъ самый моментъ, когда революція начиналась, и послушать, какъ замысловато они разсуждали между собою о добродѣтели народа, о его добротѣ, преданности, невинныхъ удовольствіяхъ, когда уже 1793 годъ былъ у нихъ на носу. Зрѣлище смѣхотворное, но ужасное.

Прежде чѣмъ продолжать, остановимся на этомъ и посмотримъ, какъ во всѣхъ тѣхъ мелкихъ фактахъ, которые я описалъ, проявляется одинъ изъ величайшихъ божественныхъ законовъ, управляющихъ человѣческими обществами.

Французское дворянство старается упорно держаться въ сторонѣ отъ другихъ сословій; дворяне въ концѣ концовъ освобождаются отъ большинства государственныхъ повинностей, тяготѣвшихъ надъ ними, и воображаютъ, что сохранятъ свое величіе, уклоняясь и избавляя себя окончательно отъ этихъ повинностей. И вначалѣ кажется, что это такъ. Но вскорѣ какая-то внутренняя и невидимая болѣзнь какъ бы поражаетъ ихъ могущественное положеніе, которое мало-по-малу теряетъ свое значеніе, хотя никто его не затрагиваетъ. Дворяне бѣднѣютъ по мѣрѣ того, какъ увеличиваются ихъ привилегіи. Буржуазія, съ которой они такъ боялись смѣшаться, наоборотъ, богатѣетъ и просвѣщается рядомъ съ ними, безъ нихъ и противъ ихъ желанія. Дворяне не хотѣли видѣть въ буржуа ни союзниковъ, ни согражданъ, — они находятъ въ нихъ соперниковъ, потомъ вскорѣ враговъ и, наконецъ, господъ. Посторонняя сила избавила ихъ отъ заботы руководить, покровительствовать и помогать вассаламъ; но такъ какъ въ то же время она имъ оставила ихъ денежныя права и ихъ почетныя привилегіи, то они полагали, что ничего не потеряли. И такъ какъ они продолжаютъ занимать первое мѣсто, то они думаютъ, что остаются еще руководителями, и на самомъ дѣлѣ они продолжаютъ быть окружены людьми, которыхъ въ нотаріальныхъ актахъ они называютъ подданными; другіе называются *ихъ* вассалами, *ихъ* арендаторами, *ихъ* фермерами. На самомъ же дѣлѣ никто за ними не слѣдуетъ, они одни и, когда наконецъ эти *ихъ* люди являются, чтобы ихъ погубить, имъ остается только бѣжать.

Хотя судьба дворянъ и буржуазіи была не одинакова, но оба эти сословія были похожи между собою въ слѣдующемъ отношеніи: буржуа, въ концѣ концовъ, также стали жить въ сторонѣ отъ народа, какъ и сами дворяне. Будучи далекъ отъ сближенія съ крестьянами, буржуа, наоборотъ, избѣгалъ соприкосновенія съ ихъ горемъ. Вмѣсто того, чтобы объединиться съ крестьянами, чтобы сообща бороться противъ общаго неравенства, буржуа стремился лишь къ изобрѣтенію новыхъ несправедливостей по отношенію къ крестьянину

Онъ съ такимъ же усердіемъ добывалъ себѣ всякія льготы, какъ дворянинъ стремился къ сохраненію своихъ привилегій. Тѣ крестьяне, изъ среды которыхъ онъ вышелъ, стали ему не только чуждыми, но, такъ сказать, неизвѣстными. И лишь послѣ того, какъ онъ далъ крестьянамъ въ руки оружіе, буржуа замѣтилъ, что онъ возбудилъ въ крестьянахъ страсти, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія, которыя онъ безсиленъ сдерживать и коими онъ не въ состояніи руководить, такъ что долженъ сдѣлаться жертвой тѣхъ самыхъ страстей, развитію коихъ онъ содѣйствовалъ, послѣ того, какъ былъ ихъ покровителемъ.

Фактъ паденія великой французской династіи, которой, казалось, предстояло захватить всю Европу, всегда будетъ вызывать изумленіе. Но кто со вниманіемъ прочтетъ исторію Франціи, тотъ безъ труда пойметъ причины ея паденія. Почти всѣ пороки, всѣ заблужденія, всѣ роковые предразсудки, какіе я описалъ, обязаны на самомъ дѣлѣ своимъ возникновеніемъ, своей устойчивостью и развитіемъ тому искусству, съ какимъ большинство нашихъ королей разъединяли людей съ тѣмъ, чтобы болѣе деспотически, болѣе абсолютно управлять ими.

Но когда буржуа былъ, такимъ образомъ, вполнѣ отдѣленъ отъ дворянъ, а крестьянинъ и отъ дворянъ и отъ буржуазіи, и когда то же самое произошло въ каждомъ сословіи и въ каждомъ изъ сословій образовались небольшіе обособленные кружки, почти столь же изолированные другъ отъ друга, какъ и сословія, то оказалось, что все вмѣстѣ взятое представляло однородную массу, но части ея уже не были связаны другъ съ другомъ. Не существовало болѣе организаціи, стѣснительной для правительства, но, съ другой стороны, не было и такой, которая помогала бы ему.

Такимъ путемъ величіе этихъ государей могло рухнуть сразу и въ одинъ мигъ, какъ только общество, служившее основой этого величія, взволновалось.

Наконецъ, этотъ народъ, который, повидимому, одинъ извлекъ пользу изъ ошибокъ и заблужденій всѣхъ своихъ господъ, этотъ народъ, дѣйствительно освободившійся отъ ихъ

владычества, не могъ освободиться отъ ярма ложныхъ идей, порочныхъ привычекъ, дурныхъ наклонностей, которыми наградили его его угнетатели. Не разъ онъ переносилъ наклонности раба даже въ пользованіе свободой и оказался настолько же неспособнымъ управлять самимъ собою, насколько онъ былъ строгимъ къ своимъ наставникамъ.

КНИГА III.

ГЛАВА I.

Какъ къ срединѣ XVIII вѣка писатели стали главными политическими дѣятелями страны и къ какимъ это привело послѣдствіямъ.

Теперь я оставляю въ сторонѣ давнишніе и общіе факты, которые подготовили великую революцію, къ изображенію которой я приступилъ. Я перехожу къ тѣмъ частнымъ и болѣе новымъ фактамъ, которые окончательно опредѣлили ея историческое значеніе, ея возникновеніе и характеръ.

Франція съ давнихъ поръ, среди всѣхъ націй Европы, отличалась наибольшимъ развитіемъ литературной жизни. Тѣмъ не менѣе писатели ея ни разу не обнаружили того духа, который они проявили къ серединѣ XVIII вѣка, и не занимали до тѣхъ поръ того мѣста, какое было ими занято въ этомъ періодѣ. Ничего подобнаго до этой эпохи не наблюдалось ни у французовъ, ни, какъ я полагаю, въ какой-либо другой націи.

Писатели и ученые того времени никогда не вмѣшивались въ повседневныя дѣла, какъ въ Англіи. Наоборотъ, они никогда не были столь далеки отъ всего житейскаго, не обладали никакой властью, не занимали никакихъ должностей въ обществѣ, и безъ того переполненномъ чиновниками.

Однакожъ, они не оставались, какъ большинство писателей Германіи, совершенно чуждыми политикѣ и увлеченными въ область чистой философіи и беллетристики. Французскіе писатели непрерывно занимались вопросами, имѣвшими отношеніе къ управленію государствомъ. Эта тема, собственно говоря, и была главнымъ объектомъ ихъ труда. Постоянно они обсуждали вопросы о происхожденіи обществъ и о первобытныхъ общественныхъ формахъ, объ основныхъ правахъ гражданъ и правительства, объ естественныхъ и искусственныхъ взаимоотношеніяхъ людей, объ, ошибочности или законности обычаевъ и о самыхъ основаніяхъ, на коихъ зиждутся законы. Проникая такимъ образомъ ежедневно въ самыя основы конституціи своей эпохи, они изучали внимательно ея построеніе и критиковали ея общій планъ. Не для всѣхъ, конечно, эти великія задачи служили предметомъ особаго и глубокаго изученія; большинство писателей даже затрогивало ихъ только мимоходомъ и какъ бы шутя, но всѣ на нихъ, однако, наталкивались. Этотъ родъ отвлеченной и литературной политики былъ тогда въ большомъ ходу и проникалъ въ разной мѣрѣ во всѣ литературныя произведенія того времени, такъ что во всякомъ произведеніи, начиная съ толстыхъ трактатовъ и кончая какой-нибудь пѣсенкой, обязательно содержались политическія тенденціи.

Что касается политическихъ системъ этихъ писателей, то онѣ настолько отличались одна отъ другой, что если бы кому-нибудь вздумалось ихъ согласовать и составить изъ нихъ единую теорію государственнаго управленія, то врядъ ли попытка эта закончилась бы успѣшнымъ рѣшеніемъ поставленной имъ себѣ задачи.

Тѣмъ не менѣе, если отбросить частности, чтобы добраться до основныхъ идей, то не трудно обнаружить, что авторы этихъ столь различныхъ системъ сходятся, по крайней мѣрѣ, на одномъ весьма общемъ понятіи, которое каждый изъ нихъ, повидимому, одинаково усвоилъ и которое какъ бы предшествуетъ въ его умѣ всѣмъ остальнымъ частнымъ идеямъ, составляя ихъ общій источникъ. Какими бы обособленными ни оказались эти писатели въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ

мыслей, всѣ они придерживаются одного исходнаго пункта. Всѣ думаютъ, что сложнымъ и традиціоннымъ обычаямъ и понятіямъ, управляющимъ обществомъ тогдашней эпохи, слѣдуетъ противопоставить простыя и элементарныя правила, почерпнутыя изъ разума и естественнаго права.

Вглядываясь глубже въ дѣло, не трудно убѣдиться въ томъ, что то, что можно было бы назвать политической философіей XVIII вѣка, состоитъ, собственно говоря, въ развитіи только-что указанной общей идеи.

Идея эта, однако, вовсе не была нова: она появлялась и возрождалась непрерывно въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ въ воображеніи человѣчества, не имѣя возможности въ немъ укрѣпиться. Какимъ же образомъ ей удалось на этотъ разъ овладѣть умомъ всѣхъ писателей? Почему, вмѣсто того, чтобы задержаться, какъ это уже случалось нерѣдко, въ головѣ нѣсколькихъ философовъ, идея эта снизошла до толпы, упрочилась въ ней и пріобрѣла характеръ политической страсти, такъ что общія и отвлеченныя идеи о сущности обществъ стали предметомъ ежедневныхъ бесѣдъ праздная люда и разожгли даже воображеніе женщинъ и крестьянъ? Какимъ образомъ писатели, не имѣвшіе никакихъ чиновъ, почестей, богатствъ, ни отвѣтственности, ни власти, могли сдѣлаться вдругъ важнѣйшими политическими дѣятелями того времени и даже, можно сказать, единственными, потому что пока другіе правили, писатели одни лишь пользовались авторитетомъ? Я желалъ бы выяснить это явленіе въ немногихъ словахъ и объяснить, какое необычайное и страшное вліяніе эти факты, относящіеся, повидимому, только къ исторіи французской литературы, имѣли на революцію и даже на современныя намъ событія.

Не случайно философы XVIII вѣка усвоили въ общемъ понятія, столь противорѣчащія тѣмъ идеямъ, какія еще служили основой общества той эпохи. Эти идеи естественно были имъ внушены формою того самаго общества, которое у всѣхъ у нихъ было передъ глазами. Зрѣлище столь большого числа вредныхъ или смѣшныхъ привилегій, тягость которыхъ все болѣе и болѣе ощущалась и поводъ къ которымъ становился все

менѣе и менѣе очевиднымъ, толкало или, скорѣе, увлекало одновременно духъ каждаго изъ философовъ къ идеѣ естественнаго равенства сословій. При видѣ массы нескладныхъ и странныхъ учрежденій, порожденныхъ иными временами, учрежденій, которыя никто не попытался согласовать и приспособить къ новымъ потребностямъ и которымъ, казалось, предстояло, утративъ свое значеніе, увѣковѣчить свое существованіе; они скоро получили отвращеніе къ старымъ понятіямъ и традиціямъ и естественно перешли къ желанію перестроить общество своего времени по совершенно новому плану, который каждый изъ нихъ устанавливалъ, руководясь исключительно своимъ разумомъ.

Самое положеніе писателей XVIII вѣка подготовляло ихъ къ увлеченію общими и отвлеченными теоріями въ вопросахъ государственнаго правленія и къ слѣпой вѣрѣ въ нихъ. Живя въ почти безграничномъ отчужденіи отъ практики, они были лишены всякаго опыта, который могъ бы умѣрить порывы ихъ темперамента. Ничто не предупреждало ихъ о тѣхъ преградахъ, какія могли представить существующіе факты даже особенно желательнымъ изъ ихъ реформъ. Они не имѣли ни малѣйшаго понятія о тѣхъ опасностяхъ, которыми всегда сопровождаются самые необходимые перевороты. Они ихъ даже не предчувствовали, такъ какъ полное отсутствіе всякой политической свободы вело къ тому, что сфера правительственныхъ дѣлъ не только была имъ мало извѣстна, но даже оставалась для нихъ невидимой. Они не участвовали въ этихъ дѣлахъ и не могли даже видѣть, чѣмъ занимались другіе въ этой области. Имъ, значитъ, не хватало того поверхностнаго пониманія, какое видъ свободнаго общества и отголоски всего, что въ немъ говорится, даютъ даже тѣмъ, которые наименѣе вмѣшиваются въ дѣла правленія. Такимъ образомъ они стали гораздо смѣлѣе въ своихъ новшествахъ, гораздо преданнѣе общимъ идеямъ и системамъ, болѣе презирающими старинную мудрость и болѣе вѣрующими въ свой индивидуальный разумъ, чѣмъ это бываетъ обыкновенно у авторовъ, пишущихъ теоретическія сочиненія о политикѣ.

Такое же невѣдѣніе привлекало къ нимъ вниманіе и со-

чувствіе толпы. Если бы французы еще принимали, какъ нѣкогда, участіе въ управленіи черезъ посредство государственныхъ штатовъ или если бы они еще продолжали хотя бы заниматься ежедневно дѣлами управленія въ своихъ провинціальныхъ собраніяхъ, то можно утверждать, что французы никогда бы не поддались такому возбужденію, какое вызвано было въ нихъ тогда идеями этихъ писателей. Они бы сохранили извѣстные дѣловые навыки, которые предохранили бы ихъ отъ увлеченія чистой теоріей.

Если бы, подобно англичанамъ, они могли, не разрушая своихъ старыхъ учрежденій, постоянно измѣнять господствующій въ нихъ духъ путемъ практики, то, быть можетъ, они не изобрѣли бы столь охотно всякихъ новостей. Но каждый изъ нихъ изо дня въ день чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ своемъ имуществѣ, въ своей личной свободѣ, въ своемъ благополучіи или въ своемъ достоинствѣ, благодаря какому-либо старому закону, старинному политическому обычаю, остаткамъ старыхъ властей, и не находилъ въ своемъ распоряженіи никакого средства, какимъ бы могъ воспользоваться самолично для устраненія зла. Казалось, что надо было или все переносить или все разрушить въ конституціи страны.

Тѣмъ не менѣе мы сохранили тогда еще одну свободу на развалинахъ всѣхъ остальныхъ: мы могли философствовать почти безъ стѣсненій о происхожденіи обществъ, объ истинной сущности правительственной власти и объ естественныхъ правахъ человѣческаго рода.

Всѣ тѣ, которыхъ стѣсняла обычная законодательная практика, вскорѣ увлеклись литературной политикой. Вкусъ къ ней пробудился даже и въ тѣхъ, которыхъ ихъ индивидуальныя качества и общественное положеніе естественнымъ образомъ наиболѣе отдаляли отъ отвлеченныхъ умозрѣній. Не было ни одного обиженнаго неравнымъ распредѣленіемъ таллія плательщика, который не воодушевлялся бы при мысли, что всѣ люди должны быть равны, ни одного мелкаго собственника, разореннаго кролпками дворянина, его сосѣда, которому не нравилось бы слышать, что всѣ рѣшительно привилегіи отнынѣ осуждены

человѣческимъ разумомъ. Каждая общественная страсть облеклась, такимъ образомъ, въ философскій принципъ. Политическая жизнь насильственно была вогнана въ литературу, а писатели, взявъ въ свои руки руководительство общественнымъ мнѣніемъ, заняли внезапно такое мѣсто, какое въ свободныхъ странахъ обыкновенно занимаютъ вожди партій.

Никто уже не былъ тогда въ состояніи оспаривать такую роль у писателей. Сильная аристократія занимается не только рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ; она кромѣ того руководитъ мнѣніями, даетъ тонъ писателямъ и власть—идеямъ. Въ XVIII вѣкѣ французское дворянство всецѣло утратило эту часть своей власти, его вліяніе исчезло вслѣдъ за властью. Мѣсто, которое французскіе дворяне могли бы занять въ управленіи умами, оказалось пустымъ, и писатели нашли возможнымъ вполнѣ завладѣть имъ по своему усмотрѣнію и одни заполнили его.

Мало того, сама эта аристократія, мѣсто которой заняли писатели, благопріятствовала ихъ предпріятію; она такъ основательно забыла, что общія теоріи, будучи разъ приняты, неизбѣжно, въ концѣ концовъ, преобразуются въ политическія страсти и дѣйствія, что ученія, наиболѣе противорѣчившія ихъ особымъ правамъ и даже угрожавшія ихъ существованію, казались аристократамъ очень интересной игрой ума. Аристократія сама очень охотно вмѣшивалась въ эту игру для времяпрепровожденія и спокойно пользовалась своими льготами и привилегіями, безмятежно разглагольствуя о нелѣпости всѣхъ установившихся обычаевъ.

Часто выражалось удивленіе по поводу того страннаго ослѣпленія, съ какимъ высшіе классы стараго порядка помогали, такимъ образомъ, сами своему уничтоженію, но откуда же имъ было позаимствоваться правильнымъ взглядомъ на дѣло? Вѣдь свободныя учрежденія не менѣе нужны высокопоставленнымъ гражданамъ, чтобы научить ихъ познавать грозящую имъ опасность, чѣмъ и самымъ скромнымъ гражданамъ, чтобы обезпечить ихъ права.

Въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ — съ тѣхъ поръ, какъ исчезли послѣдніе слѣды общественной жизни во французскомъ

обществѣ,—люди наиболѣе непосредственно заинтересованные въ поддержаніи стариннаго строя не были предупреждены ни малѣйшимъ толчкомъ, ни малѣйшимъ шумомъ о разложеніи этого древняго зданія. Такъ какъ по наружному виду ничто не измѣнилось, то они воображали, что все осталось совершенно такъ, какъ было въ старину. Ихъ умъ остановился на той точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ умъ ихъ предковъ. Въ наказахъ 1789 г. знать точно также занята мыслью о захватахъ королевской власти, какъ нѣкогда въ наказахъ XV вѣка. Со своей стороны несчастный Людовикъ XVI за минуту до погибели отъ нашествія демократіи, какъ справедливо замѣчаетъ Бёркъ, предпочиталъ видѣть въ аристократіи главнаго соперника королевской власти, онъ остерегался аристократовъ, какъ будто бы это были еще времена Фронды. Городское же сословіе и народъ, наоборотъ, казались ему, какъ и его предкамъ, самымъ надежнымъ оплотомъ трона.

Но что должно казаться еще болѣе страннымъ для насъ, видѣвшихъ обломки столькихъ революцій, это то, что даже самая мысль о насильственной революціи отсутствовала въ умѣ нашихъ предковъ. О ней не говорилось, ее не могли себѣ представить. Небольшія сотрясенія, испытываемыя наилучше устроеннымъ обществомъ при наличности политической свободы, ежедневно напоминаютъ о возможности переворота и держатъ на сторожѣ все общество, но во французскомъ обществѣ XVIII вѣка, которому предстояла гибель, ничто не предвѣщало о катастрофѣ.

Я читаю со вниманіемъ наказы трехъ сословій, составленные прежде чѣмъ они соединились въ 1789 году,—я говорю: трехъ сословій, подразумѣвая какъ дворянство и духовенство, такъ и третье сословіе. Я вижу здѣсь, что въ одномъ мѣстѣ требуютъ измѣненія какого-либо закона, въ другомъ какого-либо обычая, и отмѣчаю это. Такимъ образомъ, я продолжаю до конца этотъ громадный трудъ и, когда уже дохожу до итога всѣхъ этихъ отдѣльныхъ требованій, то замѣчаю съ ужасомъ, что то, чего требуютъ, сводится къ одновременной и систематической отмѣнѣ всѣхъ законовъ и

всѣхъ обычаевъ, установившихся въ странѣ. Я усматриваю тотчасъ же, что рѣчь идетъ объ одной изъ самыхъ громадныхъ и самыхъ опасныхъ революцій, какія когда-либо появлялись въ мірѣ. Но тѣ, которые завтра сдѣлаются жертвами этой революціи, ничего о ней не знаютъ; они думаютъ, что полное и внезапное преобразованіе общества столь стараго и столь сложнаго можетъ обойтись безъ потрясеній, при содѣйствіи разума и одного лишь разума. Несчастные, они забыли даже ту истину, которая была высказана ихъ предками 400 лѣтъ тому назадъ на наивномъ, но энергичномъ французскомъ нарѣчіи того времени: *требованія слишкомъ большихъ вольностей и свободы повлекутъ за собой слишкомъ большое рабство.*

Не удивительно, что дворянство и буржуазія, столь давно устраненныя отъ всякой общественной жизни, выказали такую удивительную неопытность; удивительно то, что такое же отсутствіе дальновидности проявили люди, находившіеся у дѣлъ,—министры, магистраты, интенданты. А между тѣмъ многіе изъ нихъ были очень искусными людьми въ своемъ дѣлѣ; они обладали вполнѣ знаніемъ всѣхъ деталей административной практики своего времени, но что касается великой науки управленія, которая учитъ понимать общее движеніе общества, судить о томъ, что происходитъ въ умахъ массъ, и предвидѣть, что изъ этого можетъ выйти, то эти администраторы оказались здѣсь такими же новичками, какъ и самъ народъ. Только работа свободныхъ учрежденій можетъ научить вполнѣ государственныхъ людей этой важнѣйшей части ихъ дѣла.

Это хорошо видно изъ того мемуара, который Тюрго адресовалъ королю въ 1775 году, гдѣ онъ ему совѣтовалъ между прочимъ разрѣшить свободно избирать всей націи и ежегодно собирать возлѣ особы короля въ теченіе 6 недѣль представительное собраніе, но не давать ему никакой дѣйствительной власти. Собраніе это должно было заниматься только административными, но никакъ не правительственными дѣлами, быть скорѣе совѣщательнымъ, чѣмъ рѣшающимъ, должно было лишь разсуждать о законахъ, но не издавать ихъ. „Такимъ

путемъ королевская власть будетъ ознакомлена съ положеніемъ вещей, оставаясь неограниченной", говорилъ онъ, „а общественное мнѣніе безъ всякой опасности будетъ удовлетворено, потому что эти собранія не будутъ имѣть никакой власти, чтобы противодѣйствовать необходимымъ распоряженіямъ, если же, паче чаянія, они на этомъ не остановятся, то его величество всегда сохранитъ рѣшающій голосъ". Невозможно было ошибаться болѣе грубо относительно значенія указанной мѣры и духа времени. Къ концу революціонныхъ эпохъ, правда, часто оказывалось возможнымъ дѣлать безнаказанно то, что предлагалъ Тюрго, и, не давая настоящихъ свободъ, дать лишь ихъ тѣнь. Августъ сдѣлалъ подобнаго рода опытъ съ большимъ успѣхомъ. Нація, утомленная длинными спорами, охотно соглашается на то, чтобы ее обманывали, лишь бы ей дали покой, и исторія насъ учитъ, что достаточно тогда, чтобы удовлетворить націю, собрать во всей странѣ нѣсколько темныхъ или зависимыхъ личностей и заставить ихъ играть передъ ней роль политическихъ собраній за извѣстное вознагражденіе. Подобныхъ примѣровъ было много. Но въ началѣ революціи такія предпріятія всегда терпятъ неудачу и только разжигаютъ народныя страсти, вмѣсто того чтобы ихъ успокоить. Самый обыкновенный гражданинъ свободной страны знаетъ это. А между тѣмъ такой великій администраторъ, какъ Тюрго, этого не зналъ.

Если теперь принять во вниманіе, что эта самая французская нація, столь чуждая своихъ собственныхъ дѣлъ и лишенная опыта, стѣсненная своими учрежденіями и столь безпомощная въ дѣлѣ ихъ улучшенія, была въ то же время тогда изъ всѣхъ націй самой образованной и наиболѣе горячей поклонницей остроумной игры ума, то станетъ понятнымъ, какимъ образомъ ея писатели сдѣлались политической силой, а постепенно и первенствующей политической силой.

Тогда какъ въ Англіи тѣ, которые писали о правленіи, и тѣ, которые управляли, были смѣшаны, причемъ одни вводили новыя идеи въ практику, а другіе исправляли и ограничивали теоріи при помощи фактовъ, во Франціи политическій міръ остался какъ бы раздѣленнымъ на два отдѣльныхъ лагеря,

лишенныхъ всякаго общенія между собою. Въ первомъ занимались администраціей, во второмъ установленіемъ отвлеченныхъ принциповъ, на которыхъ должна была основаться администрація. Здѣсь принимались опредѣленныя мѣры, указываемыя рутиной, тамъ возвѣщались общіе принципы, причемъ никогда не думали о способахъ ихъ примѣненія. Однимъ предоставлялось веденіе дѣлъ, другимъ руководительство умами.

Надъ реальнымъ обществомъ, устройство котораго было еще традиціоннымъ, спутаннымъ и неправильнымъ, гдѣ законы оставались пестрыми и противорѣчивыми, сословія рѣзко отдѣленными, общественныя положенія неподвижными и повинности неравными, созидалось, такимъ образомъ, мало-по-малу общество воображаемое, въ которомъ все казалось простымъ, упорядоченнымъ, однообразнымъ, справедливымъ и соотвѣтствующимъ требованіямъ разума.

Мало-по-малу воображеніе толпы отвернулось отъ перваго, чтобы обратиться ко второму обществу. Перестали интересоваться тѣмъ, что есть, чтобы мечтать о томъ, что могло бы быть, и, наконецъ, люди стали жить умственно въ той идеальной общинѣ, которую создало воображеніе писателей.

Часто происхожденіе французской революціи приписывали вліянію революціи американской. Послѣдняя дѣйствительно оказала большое вліяніе на французскую революцію, но она меньше обязана своимъ возникновеніемъ тому, что дѣлалось тогда въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ тому, о чемъ въ то же время думали во Франціи. Тогда какъ для остальной Европы американская революція была еще лишь новымъ и необычнымъ фактомъ, у насъ она только дѣлала болѣе ощутительнымъ и замѣтнымъ то, что, казалось, уже знали и до нея. Тамъ она удивляла, здѣсь она окончательно убѣждала. Американцы, казалось, только исполняли то, что выработали въ своихъ произведеніяхъ наши писатели; они воплощали на дѣлѣ то, о чемъ французы мечтали. Это было похоже на то, какъ если бы Фенелонъ оказался вдругъ въ Салентѣ.

Тотъ фактъ, что все политическое воспитаніе великаго народа было дѣломъ рукъ литераторовъ,—фактъ совершенно

новый въ исторіи. —болѣе всего, быть можетъ, содѣйствовалъ тому, чтобы сообщить французской революціи ея своеобразный характеръ и привести къ ея извѣстнымъ намъ результатамъ.

Писатели не только снабдили своими идеями народъ, который совершилъ революцію, они дали ему также свой темпераментъ и передали свое настроеніе. Подъ ихъ продолжительнымъ руководствомъ, въ отсутствіи всякихъ другихъ руководителей, среди глубокаго невѣжества, въ которомъ жили люди, вся нація, читая этихъ авторовъ, усвоила себѣ инстинктъ, духъ, вкусы и даже врожденныя странности своихъ писателей, такъ что когда націи, наконецъ, пришлось дѣйствовать, то она перенесла въ политику всѣ наши литературные обычаи и правила.

При изученіи исторіи французской революціи оказывается, что она велась именно въ томъ духѣ, который вдохновлялъ писателей къ написанію столькихъ отвлеченныхъ книгъ о формахъ правленія. Здѣсь мы видимъ то же тяготѣніе къ общимъ теоріямъ, къ сложнымъ системамъ законодательства и точной симметріи въ законахъ, то же презрѣніе къ существующимъ фактамъ, то же довѣріе къ теоріи, тотъ же вкусъ къ оригинальному, остроумному и новому въ учрежденіяхъ, то же стремленіе къ передѣлкѣ сразу всей конституціи по правиламъ логики и согласно связному плану вмѣсто исканія улучшить ее по частямъ.

Страшное зрѣлище! Потому что то, что является достоинствомъ въ писателѣ, то иногда оказывается порокомъ въ государственномъ человѣкѣ, и тѣ же пріемы мысли, которые часто давали возможность написать превосходную книгу, могутъ привести къ великой революціи.

Даже политическій языкъ позаимствовалъ тогда кое-что у языка писателей; онъ переполнился общими выраженіями, отвлеченными терминами, широковѣщательными понятіями и литературными оборотами. Этотъ слогъ, поддерживаемый политическими страстями тѣхъ, которые имъ пользовались, проникъ во всѣ сословія и легко достигъ даже самыхъ низшихъ. Задолго до революціи указы короля Людовика XVI часто говорили объ естественныхъ законахъ и правахъ человѣка. Мнѣ попадались жалобы крестьянъ, которые называли своихъ сосѣдей согражданами, интенданта—почтеннымъ магистратомъ, приходскаго священника—служителемъ алтаря, Бога—Верховнымъ Существомъ и которымъ, для того, чтобы сдѣлаться довольно бойкими писателями, нехватаетъ только одного: знанія орфографіи.

Эти новыя качества такъ прочно укоренились на старинной почвѣ французскаго характера, что зачастую приписывали нашему душевному складу то, что является лишь результатомъ вышеуказаннаго своеобразнаго воспитанія. Я слышалъ утвержденіе, что вкусъ или, скорѣе, терпѣніе, которые мы обнаруживаемъ вотъ уже 60 лѣтъ по отношенію къ общимъ идеямъ, къ системамъ и громкимъ словамъ въ области политики, проистекаютъ изъ какого-то особаго свойства французской расы, изъ того, что нѣсколько широковѣщательно называютъ французскимъ духомъ, какъ будто это свойство могло появиться сразу къ концу послѣдняго столѣтія, не проявляясь въ теченіе всѣхъ остальныхъ вѣковъ французской исторіи.

Странно то, что мы сохранили привычки, заимствованныя изъ литературы, утративъ почти окончательно нашу старинную страсть къ ней. Въ продолженіе моей общественной дѣятельности я часто удивлялся, встрѣчая людей, которые не читали ни книгъ XVIII вѣка, ни книгъ какого-либо иного вѣка и которые очень презирали писателей, сохраняя въ то же время нѣкоторые изъ основныхъ недостатковъ, обнаруженныхъ литературой еще въ то время, когда ихъ самихъ не было на свѣтѣ.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ невѣріе могло сдѣлаться господствующей и общей страстью у французовъ XVII вѣка и какого рода вліяніе это оказало на характеръ революціи.

Начиная съ великой революціи XVI вѣка, когда духъ изслѣдованія стремился установить, какія изъ разныхъ христіанскихъ преданій были ложными и какія истинными, никогда не переставали появляться болѣе пытливые или болѣе смѣлые умы, которые оспаривали или совершенно отвергали эти преданія въ цѣломъ. Тотъ же духъ, который во время Лютера заставилъ многіе милліоны католиковъ порвать съ католицизмомъ, заставлялъ ежегодно нѣсколько человѣкъ порывать съ самымъ христіанствомъ. За ересью послѣдовало невѣріе.

Можно сказать вообще, что въ XVIII вѣкѣ христіанство потеряло на всемъ континентѣ Европы большую часть своего могущества, но въ большинствѣ странъ оно было скорѣе забыто, чѣмъ насильственно побѣждено. Даже тѣ, которые отступили отъ христіанства, покидали его какъ бы съ сожалѣніемъ. Невѣріе было распространено среди государей и передовыхъ умовъ; оно еще совсѣмъ не проникало въ нѣдра средняго сословія и народа, оно оставалось прихотью нѣкоторыхъ умовъ, а не общимъ убѣжденіемъ. „Въ Германіи“, говоритъ Мирабо въ 1787 году, „широко распространенъ предразсудокъ, будто прусскія провинціи наполнены атеистами. Правда заключается въ томъ, что если тамъ и встрѣчается нѣсколько свободныхъ мыслителей, то народъ тамъ такъ же привязанъ къ религіи, какъ и въ самыхъ набожныхъ странахъ, и тамъ даже насчитывается очень много фанатиковъ“. Онъ добавляетъ, что нужно весьма сожалѣть, что Фридрихъ II вовсе не разрѣшаетъ брака католическимъ священникамъ и въ частности отказывается оставить тѣмъ, которые

женятся, доходы съ ихъ церковныхъ бенефицій,—„мѣра“, говоритъ онъ, „которую мы осмѣливаемся считать достойной этого великаго человѣка“. Нигдѣ безвѣріе еще не стало всеобщимъ увлеченіемъ, настолько пылкимъ, нетерпимымъ и деспотическимъ, какъ во Франціи.

Тамъ происходило нѣчто небывалое. И въ иныя времена сильно нападали на установленныя религіи, но тотъ пылъ, который обнаруживался при гоненіи на нихъ, всегда возникалъ изъ того усердія, какое внушали новыя религіи. Ложныя и отвратительныя религіи древности встрѣтили многочисленныхъ и страстныхъ противниковъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ возникло замѣнившее ихъ христіанство. До тѣхъ поръ онѣ угасали тихо и безъ шума на почвѣ сомнѣнія и безразличія. Это старческая смерть религій. Во Франціи съ яростью напали на христіанскую религію, не пытаясь даже поставить на ея мѣсто другую религію. Работали энергично и съ настойчивостью ради того, чтобы отнять у людей ту вѣру, какая ихъ наполняла, и оставить ихъ опустошенными. Множество людей воодушевлялись этимъ неблагодарнымъ предпріятіемъ. Абсолютное невѣріе въ области религіи, которое противно естественнымъ инстинктамъ человѣка и повергаетъ его душу въ такое тягостное состояніе, казалось толпѣ привлекательнымъ. То, что до тѣхъ поръ вызывало лишь нѣчто вродѣ болѣзненнаго томленія, вызвало на этотъ разъ фанатизмъ и духъ пропаганды.

Одновременное появленіе нѣсколькихъ великихъ писателей, расположенныхъ къ отрицанію истины христіанской религіи, не представляется достаточнымъ, чтобы осмыслить столь необычайное явленіе: почему въ самомъ дѣлѣ всѣ эти писатели направили свою мысль именно въ эту сторону, а не въ какую-либо другую? Почему между ними не оказалось ни одного, который вздумалъ бы выбрать противоположный путь? И, наконецъ, почему они, болѣе чѣмъ всѣ ихъ предшественники, встрѣтили столь полное вниманіе толпы, готовой ихъ слушать, и настроеніе, склонное имъ вѣрить? Направленіе ихъ дѣятельности и особенно ея успѣхъ могутъ быть объяснены только причинами, исключительно свойственными ихъ эпохѣ и ихъ странѣ. Воль-

теровскій духъ уже давно появился въ мірѣ, но самъ Вольтеръ могъ дѣйствительно царствовать только въ XVIII вѣкѣ и во Франціи.

Нужно прежде всего признать, что въ ту эпоху церковь во Франціи не представляла ничего такого, что могло бы вызывать противъ нея больше нападокъ на французской почвѣ, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ. Пороки и злоупотребленія, какіе примѣшивались къ дѣламъ церкви, наоборотъ, здѣсь проявлялись въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ католическихъ странъ. Церковь была безконечно болѣе вѣротерпимой, чѣмъ она была до тѣхъ поръ и чѣмъ она все еще была въ тѣ же времена у другихъ народовъ. Поэтому особыхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ искать не столько въ положеніи религіи, сколько въ настроеніи тогдашняго общества.

Чтобы это было понятнымъ, не нужно никогда терять изъ виду того, что мною было сказано въ предыдущей главѣ, а именно: что весь духъ политической оппозиціи, какой породили недостатки правленія, не будучи въ состояніи обнаруживаться въ дѣлахъ, нашелъ себѣ убѣжище въ литературѣ, и писатели сдѣлались настоящими вожаками великой партіи, стремившейся низвергнуть всѣ общественныя и политическія учрежденія страны.

Если это хорошо уяснить себѣ, то характеръ вопроса мѣняется. Въ такомъ случаѣ дѣло уже не въ томъ, чтобы знать, въ чемъ церковь того времени могла погрѣшать какъ учрежденіе религіозное, а нужно выяснить, въ какомъ отношеніи она могла препятствовать подготовлявшейся тогда политической революціи и почему она должна была быть особенно стѣснительной для писателей, которые были главными дѣятелями этой революціи.

Въ силу самихъ принциповъ ея управленія церковь являлась препятствіемъ для осуществленія тѣхъ принциповъ, которымъ писатели этой эпохи хотѣли дать преобладаніе въ области государственнаго управленія. Церковь опиралась главнымъ образомъ на преданіе. Писатели же оказывали величайшее презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя были построены на уваженіи къ прошлому. Церковь признавала власть, превосходящую индивидуальный разумъ, писатели же только и взывали къ этому разуму. Церковь опиралась на іерархію, а писатели стремились къ сліянію сословій. Чтобы войти съ ней въ соглашеніе, нужно было, чтобы съ обѣихъ сторонъ было признано, что общество политическое и общество религіозное, будучи по природѣ своей существенно различными, не могутъ управляться одинаковыми принципами. Но въ тѣ времена люди были далеки отъ этой мысли, и казалось, что для того, чтобы добиться возможности нападать на государственныя учрежденія, нужно было уничтожить учрежденія церковныя, которыя служили основой и образцомъ для учрежденій правительственныхъ.

Кромѣ того Церковь сама по себѣ была тогда первой изъ политическихъ властей и наиболѣе ненавистной всѣмъ, хотя она и не была самой деспотической властью; ее ненавидѣли за то, что она вошла въ ихъ число, не будучи призвана къ этому ни по своей задачѣ, ни по своей природѣ: за то, что она часто освящала ихъ пороки, осуждая ихъ у другихъ, за то, что она прикрывала ихъ своей священной неприкосновенностью и, казалось, желала ихъ сдѣлать такими же безсмертными, какой она была сама. Нападая на церковь, всякій тогда былъ увѣренъ встрѣтить сочувствіе публики.

Но, помимо этихъ общихъ причинъ, у писателей были и свои особенныя и, такъ сказать, личныя, чтобы прежде всего напасть на церковь. Церковь представляла какъ разъ ту часть власти, которая касалась ихъ ближе всего и непосредственно была имъ враждебной. Другія власти давали себя чувствовать писателямъ лишь время отъ времени, а власть церковная, будучи спеціально уполномочена на то, чтобы наблюдать за развитіемъ мысли и цензуровать сочиненія, ежедневно причиняла авторамъ хлопоты. Защищая противъ церкви общую свободу человѣческаго духа, писатели сражались за свое собственное дѣло и начинали съ того, что ломали тѣ оковы, которыя крѣпче всего давили ихъ самихъ.

Кромѣ того, церковь, казалась имъ и была на самомъ дѣлѣ

наиболѣе открытой и наиболѣе защищенной стороной того обширнаго зданія, на которое они нападали. Могущество ея ослабѣло, въ то время какъ власть свѣтскихъ государей укрѣплялась. Будучи вначалѣ выше нихъ, затѣмъ равной имъ, она, наконецъ, стала искать ихъ покровительства, и между свѣтскими государями и церковной властью установилось нѣчто вродѣ обмѣна услугъ: свѣтская власть оказывала церковной матеріальную поддержку, а церковная сообщала имъ моральный авторитетъ. Правители заставляли своихъ подданныхъ подчиняться предписаніямъ церкви, а церковь заставляла повиноваться волѣ свѣтскихъ правителей. Сдѣлка опасная, разъ наступаетъ революціонное время, и всегда невыгодная для власти, которая опирается не на принужденіе, а на вѣру.

Хотя французскіе короли и называли себя еще старшими сынами церкви, но они очень небрежно относились къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ ней. Они обнаруживали гораздо меньше усердія, когда приходилось покровительствовать церкви, чѣмъ когда они защищали свою собственную власть.

Свѣтскіе государи дѣйствительно не допускали, чтобы кто-нибудь открыто нападалъ на церковь, но они терпѣли, чтобы ее пронизывали издали тысячью стрѣлъ.

Этотъ полу-запретъ, наложенный тогда на враговъ церкви, вмѣсто того, чтобы ослабить могущество писателей, увеличивалъ ее. Бываютъ моменты, когда путемъ преслѣдованія писателей удается остановить движеніе мысли, но въ другія эпохи этимъ достигается лишь ускореніе ея развитія; но никогда не случалось, чтобы полицейскія мѣры, подобныя тѣмъ, которыя примѣнялись тогда къ прессѣ, не усиливали во сто разъ ея силу и значеніе. Писатели преслѣдовались лишь въ той мѣрѣ, которая вызываетъ жалость, а не въ той, которая заставляетъ трепетать. Они испытывали то состояніе стѣсненія, которое воодушевляетъ на борьбу, а не то тяжелое ярмо, которое давитъ и угнетаетъ. Преслѣдованія, предметомъ которыхъ они становились, почти всегда медленныя, шумныя и недѣйствительныя, казалось, имѣли цѣль не столько отбить у нихъ охоту

къ писанію, сколько возбудить ее. Полная свобода печати была бы менѣе вредной для церкви.

„Вы думаете, что наша нетерпимость“, писалъ Дидро Давиду Юму въ 1768 году, „болѣе благопріятствуетъ успѣхамъ мысли, чѣмъ ваша неограниченная свобода. но Гольбахъ, Гельвецій, Морелле и Сюаръ не согласны съ Вашимъ мнѣніемъ“. Однако, шотландецъ оказался правъ. Какъ житель свободной страны, онъ обладалъ ея опытомъ. Дидро обсуждалъ этотъ вопросъ какъ литераторъ, а Юмъ разсуждалъ о немъ какъ политикъ.

Я останавливаю перваго попавшагося американца, котораго встрѣчаю въ его ли странѣ или въ другомъ мѣстѣ, и спрашиваю его, считаетъ ли онъ религію полезной для устойчивости законовъ и надлежащаго общественнаго порядка. Онъ мнѣ отвѣчаетъ, не колеблясь, что общество цивилизованное, а въ особенности общество свободное, не можетъ обойтись безъ религіи. Уваженіе къ религіи въ такихъ обществахъ въ его глазахъ является наибольшей гарантіей прочности государства и безопасности частныхъ лицъ. Люди наименѣе посвященные въ науку управленія знаютъ, по крайней мѣрѣ, хоть это. Однако-же, въ цѣломъ мірѣ не существуетъ такой страны, въ которой самыя смѣлыя политическія ученія философовъ XVIII-го вѣка примѣнялись бы въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Америкѣ. Только ученія противорелигіозныя не могли никогда туда проникнуть, несмотря на неограниченную свободу американской печати.

То же самое я могу сказать и объ англичанахъ. Наша антирелигіозная философія проповѣдывалась у нихъ задолго до появленія на свѣтъ большинства французскихъ философовъ. Никто иной какъ Болингброкъ завершилъ философское образованіе Вольтера. Въ теченіе всего XVIII-го вѣка невѣріе имѣло знаменитыхъ представителей въ Англіи. Талантливые писатели, глубокіе мыслители выступили его поборниками, но никогда имъ не удавалось обезпечить ему такую побѣду, какъ во Франціи, ибо всѣ тѣ, кто имѣлъ основаніе бояться революцій, спѣшили оказать помощь установленнымъ вѣрованіямъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые больше всѣхъ вращались въ тогдашнемъ французскомъ

обществѣ и которые не находили ученій французскихъ философовъ ложными, отвергли ихъ все-таки какъ ученія опасныя. Большія политическія партіи, какъ это всегда встрѣчается у свободныхъ народовъ, находили интересъ въ томъ, чтобы связывать свое дѣло съ дѣломъ церкви. Самъ Болингброкъ сдѣлался союзникомъ епископовъ. Духовенство, одушевленное этимъ примѣромъ, не чувствуя себя никогда одинокимъ, само энергично защищало свое дѣло. Англійская церковь, несмотря на недостатки ея устройства и на всякаго рода злоупотребленія, кишѣвшія въ ея нѣдрахъ, побѣдоносно выдержала ударъ. Изъ ея рядовъ вышли писатели и ораторы, которые усердно принялись за защиту христіанства. Враждебныя христіанскому ученію теоріи, послѣ того какъ онѣ были обсуждены и опровергнуты, въ концѣ концовъ были отвергнуты усиліями самого общества безъ всякаго вмѣшательства правительства.

Но зачѣмъ искать примѣровъ внѣ Франціи? Какой французъ вздумаетъ нынѣ писать книги, подобныя книгамъ Дидро или Гельвеція? Кто станетъ читать ихъ? Я даже почти могу сказать, кто знаетъ ихъ заглавіе? Тотъ неполный опытъ, какой мы пріобрѣли за послѣднія 60 лѣтъ нашей общественной жизни, оказался достаточнымъ, чтобы убить въ насъ вкусъ къ этой опасной литературѣ. Взгляните, какъ уваженіе къ религіи постепенно вступило въ свои права въ различныхъ слояхъ общества, по мѣрѣ того какъ каждый изъ этихъ слоевъ пріобрѣлъ опытъ въ суровой школѣ революціи. Старинное дворянство, которое было самымъ невѣрующимъ сословіемъ до 1789 года, сдѣлалось самымъ набожнымъ послѣ 1793 года, потерпѣвъ первымъ отъ революціи, оно первое и обратилось. Когда буржуазія сама почувствовала, что побѣда ускользаетъ отъ нея, то и она въ свою очередь обратилась къ религіи. Мало-по-малу уваженіе къ религіи проникло повсюду, гдѣ людямъ приходилось что-либо терять при народныхъ безпорядкахъ, и невѣріе исчезало или по крайней мѣрѣ скрывалось, по мѣрѣ того какъ обнаруживалась боязнь революцій.

Положеніе дѣлъ было иное къ концу стараго порядка. Мы въ такой полной мѣрѣ отвыкли отъ участія въ большихъ человѣческихъ дѣлахъ и такъ плохо знали роль, которую играетъ религія въ управленіи государствами, что невѣріе установилось прежде всего въ умахъ именно тѣхъ людей, которые имѣли наибольшій личный интересъ удерживать въ порядкѣ государство, а народъ — въ повиновеніи. Они не только усвоили сами невѣріе, но въ своемъ ослѣпленіи распространили его вокругъ себя. Изъ невѣрія они создали себѣ нѣчто вродѣ времяпрепровожденія въ своей праздной жизни.

Французская церковь, до тѣхъ поръ столь богатая великими проповѣдниками, почувствовала, что отъ нея удалились всѣ тѣ, которыхъ общій интересъ долженъ былъ связать съ ея дѣломъ, и стала нѣма. Одно время можно было подумать, что если бы только сохранили за ней ея богатства и ея роль, то она готова была бы перенести осужденіе своей вѣры.

Такъ какъ тѣ, которые отрицали христіанство, возвышали свой голосъ, а тѣ, которые еще вѣрили, сохраняли молчаніе, то случилось то, что такъ часто потомъ наблюдалось у насъ не только въ дѣлѣ религіи, но и во всякомъ другомъ дѣлѣ, а именно: люди, которые сохранили старую вѣру, боялись, что они одни остались ей вѣрными, и, опасаясь больше одиночества и обособленія отъ другихъ, чѣмъ заблужденія, они присоединились къ толпѣ, не раздѣляя ея образа мыслей. То, что было еще лишь чувствомъ одной части націи, то оказалось, такимъ образомъ, общимъ убѣжденіемъ и въ силу этого казалось непоколебимымъ даже въ глазахъ тѣхъ, благодаря молчанію которыхъ создалось это ложное впечатлѣніе.

То обстоятельство, что всѣ религіозныя вѣрованія въ концѣ послѣдняго столѣтія были дискредитированы, оказало несомнѣнно чрезвычайно большое вліяніе на французскую революцію, оно придало ей извѣстную окраску. Ничто въ бо́льшей степени не способствовало ей получить тотъ страшный видъ, который намъ извѣстенъ.

Когда я стараюсь разобраться въ различныхъ слѣдствіяхъ, какія тогда произвело во Франціи невѣріе, то я нахожу, что невѣріе располагало людей того времени къ такимъ поразительнымъ крайностямъ скорѣе той смутой, которую оно поро-

дило въ умахъ, чѣмъ порчею сердецъ или хотя бы развращеніемъ нравовъ.

Когда религія покинула души, она не оставила ихъ опустошенными и разслабленными, какъ это часто случается, но тотчасъ же наполнила ихъ чувствами и идеями, которыя замѣнили на время религію и не дали имъ опуститься сразу.

Если французы, которые произвели революцію, отличались бо́льшимъ невѣріемъ, чѣмъ современные французы, зато у нихъ была чудная вѣра, которой недостаетъ современникамъ: они вѣрили въ самихъ себя. Они не сомнѣвались въ возможности усовершенствованія человѣческой личности и въ ея силѣ, они увлекались ея славой и вѣрили въ ея добродѣтель. Они вкладывали въ свои собственныя силы эту горделивую вѣру, часто ведущую къ заблужденію, но безъ которой народъ способенъ лишь къ рабству. Они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что были призваны преобразовать общество и возродить родъ человѣческій. Эти чувства и мысли стали для нихъ какъ бы извѣстнаго рода новой религіей, которая, вызывая нѣкоторые изъ великихъ поступковъ, вызываемыхъ религіей, вырывала своихъ адептовъ изъ мрака личнаго эгоизма и толкала ихъ къ героизму и самопожертвованію, часто дѣлая ихъ какъ бы нечувствительными ко всѣмъ тѣмъ мелкимъ благамъ, за которыми гоняются люди.

Я много занимался изученіемъ исторіи и осмѣливаюсь утверждать, что я нигдѣ не встрѣчалъ революціи, въ которой съ самаго начала можно было бы усмотрѣть въ столь большой массѣ людей болѣе искренній патріотизмъ, болѣе безкорыстія, болѣе истиннаго величія. Нація обнаружила при этомъ главный недостатокъ, но и главное достоинство, свойственное юности: неопытность и великодушіе.

И въ то же время невѣріе тогда являлось громаднымъ общественнымъ зломъ.

Въ большинствѣ большихъ политическихъ революцій, происшедшихъ до сихъ поръ въ мірѣ, тѣ, которые нападали на установленные законы, уважали вѣрованія, и, наоборотъ, въ большинствѣ революцій религіозныхъ тѣ, которые нападали на

религію, не стремились къ тому, чтобы однимъ ударомъ измѣнить сущность и порядокъ всѣхъ властей и отмѣнить до корня прежнее устройство государства. Слѣдовательно, всегда, при самыхъ большихъ общественныхъ потрясеніяхъ, какая-либо часть общественной жизни оставалась нетронутой.

Во французской же революціи, такъ какъ религіозные законы были отмѣнены одновременно съ ниспроверженіемъ законовъ свѣтскихъ, то умъ человѣческій окончательно потерялъ точку опоры; онъ ужъ не зналъ, на чемъ удержаться и остановиться, и тогда появились революціонеры неизвѣстнаго доселѣ рода, доведшіе смѣлость до безумія. Ихъ не удивляла никакая новость, никакое сомнѣніе не удерживало ихъ, они никогда не колебались надъ выполненіемъ разъ задуманнаго плана. И нельзя думать, чтобы эти новые типы являлись обособленными и эфемерными созданіями опредѣленнаго даннаго момента, предназначенными къ исчезновенію по истеченіи этого момента. Они образовали съ тѣхъ поръ особую расу, которая увѣковѣчилась и распространилась во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и вездѣ сохранила одинаковый обликъ, одинаковыя страсти, одинъ и тотъ же характеръ. Мы застали ее при ея зарожденіи, и она продолжаетъ существовать на нашихъ глазахъ.

ГЛАВА Ш.

О томъ, что французы стремились къ реформамъ раньше, чѣмъ къ свободѣ.

Замѣчательно, что среди всѣхъ идей и чувствованій, подготовившихъ революцію, идея и духъ общественной свободы въ собственномъ смыслѣ появились послѣдними и исчезли первыми.

Уже давно начались нападенія на ветхое зданіе правительственной власти; она уже колебалась, но о свободѣ еще не было рѣчи. Вольтеръ едва помышлялъ о ней. Три года пребыванія въ Англіи показали ему свободу, но не заставили по-

любить ее. Та скептическая философія, которая открыто проповѣдывалась въ Англіи, восхищала его, но ихъ политическіе законы мало его интересуютъ, онъ видитъ въ нихъ больше недостатковъ, чѣмъ хорошихъ сторонъ. Въ своихъ письмахъ объ Англіи, являющихся однимъ изъ его лучшихъ произведеній, онъ меньше всего говоритъ о парламентѣ. На самомъ дѣлѣ онъ завидуетъ англичанамъ главнымъ образомъ въ дѣлѣ свободы печати, но ничуть не заботится объ ихъ политической свободѣ, какъ будто первая могла бы существовать долго при отсутствіи второй.

Къ серединѣ столѣтія появляется нѣкоторое число писателей, которые спеціально трактуютъ вопросы, относящіеся къ общественной администраціи, писателей, которымъ въ силу сходства многихъ изъ ихъ принциповъ дано было общее названіе экономистовъ или физіократовъ. Экономисты обратили на себя меньшее вниманіе историковъ, чѣмъ философы, они, быть можетъ, менѣе, чѣмъ послѣдніе, содѣйствовали возникновенію революціи; я думаю, однакожъ, что лучше всего сущность революціи можно изучить именно по ихъ сочиненіямъ. Философы не выходили изъ предѣловъ весьма общихъ и весьма отвлеченныхъ политическихъ идей, экономисты же не порывали съ теоріей и въ то же время подошли гораздо ближе къ фактамъ. Одни говорили о томъ, что можно было вообразить, другіе же иногда указывали на то, что слѣдовало дѣлать. Всѣ учрежденія, которыя революціи было суждено отмѣнить безвозвратно, были особымъ предметомъ ихъ нападокъ; ни одно, въ ихъ глазахъ, не заслуживало никакой пощады. Всѣ же тѣ, которыя, наоборотъ, могутъ считаться собственнымъ дѣтищемъ революціи, были возвѣщены ими напередъ и усердно ими выхвалялись. Врядъ ли можно указать какое-либо изъ этихъ учрежденій, зародыши котораго не содержались бы въ нѣкоторыхъ изъ ихъ произведеній. Въ нихъ можно найти все то, что составляло сущность революціи.

Мало того, уже въ ихъ произведеніяхъ проявляется тотъ революціонный и демократическій темпераментъ, который намъ такъ хорошо извѣстенъ. Экономисты обнаруживаютъ не только

ненависть къ опредѣленнымъ привилегіямъ,—ихъ возмущаетъ наличность какихъ-либо различій; они обожаютъ равенство, хотя бы это было равенство рабовъ. То, что мѣшаетъ имъ въ ихъ планахъ, должно быть уничтожено. Договоры внушаютъ имъ мало уваженія, частныя права оставляются безъ всякаго вниманія, или, вѣрнѣе, по ихъ понятіямъ не можетъ быть рѣчи о частныхъ правахъ, а только объ общественной пользѣ. А между тѣмъ всѣ они являются людьми мягкаго и спокойнаго нрава, людьми благомыслящими, честными чиновниками, искусными администраторами, но ихъ увлекаетъ основной духъ ихъ работы.

Прошлое для экономистовъ является предметомъ безпредѣльнаго презрѣнія. „Нація управляется въ теченіе столѣтій ложными принципами: все здѣсь какъ будто было дѣломъ случая“—говоритъ Летроннъ. Исходя изъ этой мысли, они принимаются за работу. Нѣтъ учрежденія, какимъ бы старинымъ оно ни являлось и какъ бы прочно оно ни было связано со всей исторіей Франціи, отмѣны котораго они бы не требовали изъ-за того только, что оно имъ неудобно и вредитъ симметріи ихъ плановъ. Одинъ изъ экономистовъ предлагаетъ стереть съ лица земли сразу всѣ старинныя территоріальныя подраздѣленія и измѣнить всѣ названія провинцій, за сорокъ лѣтъ до того, какъ это исполнено было учредительнымъ собраніемъ.

Они уже напали на мысль обо всѣхъ общественныхъ и административныхъ реформахъ, которыя были произведены революціей, прежде чѣмъ идея свободныхъ учрежденій начала проникать въ ихъ сознаніе. Они, правда, весьма благопріятно относятся къ свободному обмѣну жизненныхъ припасовъ, къ laisser-faire и laisser-passer въ торговлѣ и промышленности, но что касается политическихъ свободъ въ строгомъ смыслѣ слова,—они о нихъ совсѣмъ не думаютъ, а когда эти свободы случайно попадаютъ въ ихъ поле зрѣнія, они ихъ вначалѣ отвергаютъ. Большинство изъ нихъ начинаетъ съ того, что выступаютъ рѣшительными врагами совѣщательныхъ собраній, мѣстныхъ и второстепенныхъ властей и вообще всѣхъ этихъ противо-

вѣсовъ, которые были установлены въ различныя времена у всѣхъ свободныхъ народовъ, чтобы уравновѣшивать центральную власть. „Система противовѣсовъ“, говоритъ Кэнэ, „въ государствѣ—идея пагубная“. — „Соображенія, на которыхъ построена эта система противовѣсовъ, — химеричны“, говоритъ одинъ изъ друзей Кэнэ.

Единственной гарантіей, какую они изобрѣли противъ злоупотребленія властью, является народное образованіе, „такъ какъ“, говоритъ все тотъ же Кэнэ, „деспотизмъ невозможенъ, если нація просвѣщена“. — „Пораженные тѣми бѣдствіями, какія влечетъ за собой злоупотребленіе властью“, говоритъ одинъ изъ его учениковъ, „люди изобрѣли тысячу средствъ совершенно безполезныхъ и пренебрегли единственнымъ истинно дѣйствительнымъ, которое заключается во всеобщемъ и постоянномъ преподаваніи сущности права и естественнаго порядка“. И при помощи такой литературной галиматьи они разсчитывали замѣнить всѣ политическія гарантіи.

Летронну, который такъ горько оплакиваетъ ту безпомощность, въ какой правительство оставляетъ деревни безъ дорогъ, безъ промышленности, безъ просвѣщенія, въ голову не приходитъ, что все могло бы быть устроено лучше, если бы было предоставлено самимъ жителямъ устраивать свои дѣла.

Самъ Тюрго, величіе души и рѣдкія свойства генія котораго обезпечиваетъ ему особое мѣсто среди нихъ, имѣлъ не больше пристрастія къ политическимъ свободамъ, или, по крайней мѣрѣ, влеченіе къ нимъ явилось у него поздно и лишь тогда, когда оно было ему внушено общественнымъ мнѣніемъ. Для него, какъ и для большинства экономистовъ, первой политической гарантіей являлось извѣстное народное образованіе, организуемое государствомъ на основаніи опредѣленныхъ пріемовъ и въ извѣстномъ духѣ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ этому роду интеллектуальнаго лѣченія или, какъ выражается одинъ изъ его современниковъ, къ механизму воспитанія, соотвѣтствующаго опредѣленнымъ принципамъ, неограниченно. „Я рѣшаюсь поручиться вамъ, государь,—говоритъ онъ въ одномъ мемуарѣ, въ которомъ онъ предлагаетъ королю такого рода планъ,—что черезъ 10 лѣтъ вашу націю нельзя будетъ узнать и что по части своей образованности, добрыхъ нравовъ, просвѣщеннаго усердія къ вашей службѣ и къ службѣ родинѣ ваша нація будетъ безконечно выше всѣхъ другихъ народовъ. Дѣти, которымъ теперь 10 лѣтъ, окажутся тогда людьми, готовыми для служенія государству, любящими свою страну, вѣрноподданными и подчиненными не изъ страха, но по разумнымъ основаніямъ верховной власти, услужливыми по отношенію къ своимъ согражданамъ, пріученными признавать и уважать законы“.

Политическая свобода уже давно была уничтожена во Франціи и тамъ почти совершенно забыли, каковы ея условія и послѣдствія. Мало того, тѣ безформенные обломки, которые отъ нея еще оставались, и тѣ учрежденія, которыя, повидимому, существовали взамѣнъ нея, дѣлали ее подозрительной и часто давали поводъ къ возникновенію предубѣжденій противъ нея. Большинство провинціальныхъ штатовъ, которые еще существовали, сохраняли вмѣстѣ съ устарѣлыми формами средневѣковый духъ и стѣсняли прогрессъ общества, а вовсе не содѣйствовали ему. Парламенты, которые одни представляли политическія корпораціи, не могли противодѣйствовать тому злу, какое совершало правительство, а съ другой стороны часто препятствовали его добрымъ замысламъ.

Мысль осуществить задуманную ими революцію при помощи всѣхъ этихъ старыхъ учрежденій казалась экономистамъ невыполнимой. Такъ же мало улыбалось имъ и стремленіе довѣрить осуществленіе ихъ плановъ націи, потому что возникалъ вопросъ, какъ заставить цѣлый народъ принять и дать ходъ столь широкой и столь послѣдовательной системѣ реформъ? Имъ казалось, что гораздо легче и удобнѣе воспользоваться для своей цѣли королевской администраціей.

Эта новая власть произошла не изъ средневѣковыхъ учрежденій; она не носитъ ихъ отпечатка; среди всѣхъ ея заблужденій они находятъ въ ея дѣятельности извѣстныя хорошія стремленія. Какъ у нихъ самихъ, такъ и у этой власти проявляется природное влеченіе къ равенству общественныхъ условій

и къ однообразію нормъ. Подобно имъ эта власть въ глубинѣ сердца относится съ ненавистью ко всѣмъ старымъ властямъ, которыя возникли изъ феодализма или тяготѣютъ къ аристократіи. Напрасно мы стали бы искать въ остальной Европѣ такого благоустроеннаго, обширнаго и сильнаго правительственнаго механизма; наличность такого правительства у насъ представляется имъ особенно счастливымъ обстоятельствомъ. Они назвали бы его ниспосланнымъ Провидѣніемъ, если бы тогда было въ обычаѣ, какъ теперь, обращаться по всякому поводу къ Провидѣнію. „Положеніе Франціи“, говоритъ Летроннъ, „безконечно лучше положенія Англіи, такъ какъ здѣсь можно выполнить такія реформы, которыя мѣняютъ моментально весь строй страны, тогда какъ у англичанъ подобнымъ реформамъ всегда можетъ мѣшать борьба партій“.

Значитъ, рѣчь шла не о томъ, чтобы разрушить абсолютную власть, а лишь о томъ, чтобы обратить ее на путь истинный. „Нужно, чтобы государство управляло согласно правиламъ естественнаго порядка“, говоритъ Мерсье де ла-Ривьеръ, „и если это будетъ такъ, то нужно сдѣлать его всемогущимъ“.—„Пусть государство ясно сознаетъ свой долгъ“, говоритъ другой авторъ, „и тогда можно предоставить ему свободу дѣйствій“. Начиная съ Кэнэ и кончая аббатомъ Бодо, всѣ они одинаково настроены.

Они не только разсчитываютъ на королевскую администрацію въ видахъ реформированія общества своего времени. Они заимствуютъ у нея, отчасти, идею будущаго правительства, которое они намѣреваются основать. Они создавали себѣ образъ будущаго правительства, исходя изъ особенностей настоящаго.

Государство, по понятіямъ экономистовъ, должно не только начальствовать надъ націей, оно должно извѣстнымъ образомъ формировать ее. Оно должно образовать духъ гражданъ по извѣстному образцу, который оно заранѣе установило; правительство должно сообщить націи извѣстныя идеи и вложить въ ея душу опредѣленныя чувства, какія оно считаетъ необходимыми. Въ сущности нѣтъ предѣла его правамъ, нѣтъ границъ тому, что оно можетъ сдѣлать. Оно не только преобразовываетъ людей,

оно ихъ совершенно передѣлываетъ; пожалуй, стоитъ ему только захотѣть, и оно сдѣлаетъ изъ нихъ совершенно новыхъ людей. „Государство дѣлаетъ изъ людей все, что хочетъ“, говоритъ Бодо. Эти слова резюмируютъ всѣ ихъ теоріи

Та громадная общественная власть, которую придумали экономисты, не только больше, чѣмъ какая-либо изъ существующихъ властей; она отличается отъ нихъ еще своимъ происхожденіемъ и характеромъ. Она не проистекаетъ непосредственно отъ Бога; она не связана съ преданіемъ; она безлична, ее уже не называютъ королемъ, а государствомъ; она не является наслѣдственнымъ достояніемъ какой-либо семьи, а представляетъ продуктъ и представительство всѣхъ и должна подчинять право каждаго волѣ всѣхъ.

Та особая форма тиранiи, которую называютъ демократическимъ деспотизмомъ и о которой средніе вѣка не имѣли понятія, имъ была уже знакома. Ни іерархіи, ни отдѣльныхъ сословій, ни опредѣленныхъ ранговъ тутъ не должно быть. Народъ, составленный изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, почти сходныхъ и совершенно равныхъ, эта безформенная масса признается единымъ законнымъ властителемъ и въ то же время старательно лишается всѣхъ средствъ, которыя давали бы ему возможность управлять и даже наблюдать за правительствомъ. Надъ нею стоитъ единый ея представитель, уполномоченный дѣлать все отъ ея имени, но не спрашивая ея. Контроль надъ этимъ уполномоченнымъ принадлежитъ неорганизованному общественному разуму. Останавливать его можетъ только революція, но не законы. Юридически онъ подчиненный агентъ народа, фактически—его владыка.

Не находя вокругъ себя ничего такого, что казалось бы имъ соотвѣтствующимъ этому идеалу, они начинаютъ искать его въ глубинѣ Азіи. Я не преувеличиваю, утверждая, что изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ какой-нибудь части своихъ писаній не высказалъ бы напыщенной похвалы Китаю. Можно быть увѣреннымъ, перечитывая ихъ книги, что тамъ натолкнешься на этотъ взглядъ, а такъ какъ Китай еще очень мало извѣстенъ, то они несутъ о немъ всевозможный вздоръ.

Это нелѣпое и варварское правительство, съ которымъ горсть европейцевъ расправляется по своему усмотрѣнію, кажется имъ самымъ совершеннымъ образцомъ, какому должны подражать всѣ націи міра. Оно для нихъ то, чѣмъ стала позднѣе Англія и, наконецъ, Америка для всѣхъ французовъ. Они чувствуютъ себя взволнованными и какъ бы восхищенными при видѣ страны, неограниченный, но свободный отъ предразсудковъ властитель которой одинъ разъ въ году обрабатываетъ землю собственными руками, чтобы воздать почетъ полезнымъ промысламъ, гдѣ всѣ должности достигаются путемъ литературныхъ конкурсовъ, гдѣ религія замѣнена философіей, а аристократія—учеными людьми.

Полагаютъ, что разрушительныя теоріи, обозначаемыя нынѣ именемъ соціализма, недавняго происхожденія. Но это заблужденіе. Теорія эта современна первымъ экономистамъ. Тогда какъ одни думали воспользоваться всемогущимъ правительствомъ, о которомъ они мечтали, для измѣненія формъ общества, другіе завладѣвали въ своемъ воображеніи той же властью для того, чтобы разрушить самыя основы общества.

Прочитайте Кодексъ природы, написанный Морелли, вы найдете въ немъ, наряду со всѣми ученіями экономистовъ о полновластьи государства и о его безграничныхъ правахъ, многія изъ политическихъ теорій, которыя наиболѣе устрашали Францію въ послѣднее время и которыя считались у насъ продуктомъ нашихъ дней, а именно: общность имуществъ, право на трудъ, абсолютное равенство, однообразіе во всемъ, механическую правильность во всѣхъ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ, тиранію регламентаціи всей жизни и полное поглощеніе личности гражданъ общественнымъ организмомъ.

„Ничто въ обществѣ не должно составлять предмета единоличнаго пользованія или частной собственности“—гласитъ 1-я статья этого кодекса. „Собственность ненавистна, и кто попытается ее возстановить, будетъ заключенъ въ тюрьму на всю жизнь, какъ буйный сумасшедшій и врагъ человѣчества. Каждый гражданинъ будетъ кормиться, содержаться и занятъ трудомъ на счетъ общества“, гласитъ 2-я статья. „Всѣ продукты

производства будутъ собраны въ общественные магазины, чтобы быть распредѣленными между всѣми гражданами и служить потребностямъ ихъ существованія. Города будутъ выстроены по одному и тому же плану, всѣ зданія для частныхъ лицъ будутъ одинаковы. По достиженіи пятилѣтняго возраста всѣ дѣти будутъ взяты изъ семей и воспитаны вмѣстѣ на счетъ государства одинаковымъ образомъ“. Книга эта кажется написанной какъ будто вчера, а ей сто лѣтъ; она появилась въ 1755 году, въ то время какъ Кэнэ основывалъ свою школу,—лишнее доказательство того, что централизація и соціализмъ являются продуктами одной и той же почвы. Ихъ взаимныя отношенія между собою такія же, какъ отношеніе культурнаго плода къ дикому.

Изъ всѣхъ людей своего времени наименѣе чуждыми для нашего времени являются, повидимому, экономисты. Ихъ страсть къ равенству настолько опредѣленна, а стремленіе къ свободѣ столь неясно, что ихъ легко было бы признать за нашихъ современниковъ. Когда я читаю рѣчи и писанія людей, которые произвели революцію, я чувствую себя сразу перенесеннымъ въ среду общества, котораго я не знаю. Но когда я пробѣгаю книги экономистовъ, мнѣ кажется, что я жилъ и разговаривалъ съ этими людьми.

Къ 1750 году вся нація не оказалась бы болѣе требовательной по части политической свободы, чѣмъ сами экономисты; утративъ ее, она потеряла любовь къ ней и самое представленіе о ней. Она больше желала реформъ, чѣмъ правъ, и если бы тогда на тронѣ оказался властитель, по духу и генію напоминавшій Фридриха Великаго, то я нисколько не сомнѣваюсь, что въ обществѣ и въ управленіи произошли бы нѣкоторыя изъ наиболѣе крупныхъ перемѣнъ, вызванныхъ революціей, причемъ онъ не только не потерялъ бы своей короны, но даже значительно увеличилъ бы свою власть. Увѣряютъ, что одинъ изъ самыхъ ловкихъ министровъ Людовика XV, Машо, былъ близокъ къ этой мысли и указалъ на нее своему государю, но подобныя предпріятія не выполняются по чужому совѣту: ихъ

можно выполнить лишь тогда, когда человѣкъ способенъ ихъ самъ осмыслить.

Двадцать лѣтъ спустя дѣло обстояло иначе: образъ политической свободы предсталъ предъ умомъ французовъ и становился для нихъ изо дня въ день все болѣе и болѣе привлекательнымъ. Это замѣчается по многимъ признакамъ. Провинціи начинаютъ снова постигать идею самоуправленія. Идея, что весь народъ имѣетъ право принять участіе въ управленіи, проникаетъ въ умы и завладѣваетъ ими. Воспоминаніе о старинныхъ генеральныхъ штатахъ оживаетъ. Нація, которая ненавидитъ свою собственную исторію, съ удовольствіемъ вспоминаетъ только эту ея часть. Новый потокъ увлекаетъ самихъ экономистовъ и заставляетъ ихъ усложнить единство своей системы нѣкоторыми свободными учрежденіями.

Когда въ 1771 году парламенты были уничтожены, то самое общество, которому столь часто приходилось терпѣть отъ ихъ предразсудковъ, глубоко возмущается ихъ паденіемъ. Казалось, что вмѣстѣ съ парламентами падала послѣдняя преграда, которая могла бы еще сдержать королевскую власть.

Эта оппозиція удивляетъ и возмущаетъ Вольтера: „Почти все королевство находится въ возбужденіи и унынін“, пишетъ онъ своимъ друзьямъ. „Броженіе такъ же сильно въ провинціяхъ, какъ и въ самомъ Парижѣ. Указъ тѣмъ не менѣе мнѣ кажется полнымъ полезныхъ реформъ. Разрушить продажность должностей, сдѣлать правосудіе безплатнымъ, освободить тяжущихся отъ необходимости являться въ Парижъ съ дальнихъ концовъ королевства, чтобы разоряться, возложить на короля содержаніе вотчинныхъ судовъ,—развѣ это не великія услуги для націи? Да притомъ развѣ эти парламенты не были часто преслѣдователями и варварами? На самомъ дѣлѣ я удивляюсь французамъ, что они держатъ сторону этихъ наглыхъ и безпокойныхъ буржуа. Что касается меня, то я думаю, что король правъ, и такъ какъ нужно подчиняться, то я думаю, что лучше подчиняться власти льва изъ хорошаго дома, который уже при рожденіи былъ болѣе сильнымъ, чѣмъ я, нежели подчиняться власти двухсотъ крысъ моей породы“. И въ видѣ извиненія онъ прибавляетъ: „Подумайте, что я долженъ безконечно цѣнить ту милость, которую король оказалъ всѣмъ сеньерамъ-землевладѣльцамъ, взявъ на себя содержаніе ихъ судовъ“.

Вольтеръ, давно уѣхавшій изъ Парижа, думалъ, что общественное мнѣніе остановилось на томъ же пунктѣ, на какомъ онъ его оставилъ. Но онъ ошибался. Французы уже больше не ограничивались желаніемъ, чтобы дѣла ихъ велись лучше; они начинали испытывать желаніе вести ихъ сами, и было ясно, что великая революція, которую все подготовляло, должна была осуществиться не только при сочувствіи народа, но его собственными руками.

Я полагаю, что съ этого момента радикальная революція, которая должна была уничтожить какъ то, что было самаго худшаго въ старомъ порядкѣ, такъ и то, что было въ немъ лучшаго, отнынѣ стала неизбѣжной. Народъ, столь плохо подготовленный къ тому, чтобы дѣйствовать по своей иниціативѣ, не могъ преобразовать все сразу, не разрушивши всего. Властитель съ абсолютной властью былъ бы менѣе опаснымъ новаторомъ. Размышляя о томъ, что эта революція, которая, разрушивъ столько учрежденій, идей и обычаевъ, противныхъ свободѣ, съ другой стороны уничтожила столько другихъ, безъ которыхъ свобода едва ли можетъ обойтись, я склоняюсь къ мысли, что революція, будучи осуществлена деспотомъ, быть можетъ, не сдѣлала бы насъ столь неспособными стать когда-нибудь свободной націей, чѣмъ эта революція, совершенная во имя народнаго верховенства и самимъ народомъ.

Никогда не нужно терять изъ виду предыдущаго, чтобы понять исторію французской революціи.

Когда у французовъ проснулась любовь къ политической свободѣ, они уже усвоили себѣ въ области государственнаго управленія нѣкоторыя понятія, которыя не только не согласовались вполнѣ съ существованіемъ свободныхъ учрежденій, но даже почти противорѣчили имъ.

Они признали идеальнымъ такой общественный строй, при

которомъ нѣтъ иной аристократіи, кромѣ должностныхъ лицъ государства, при которомъ единая и всемогущая администрація правитъ государствомъ и опекаетъ частныхъ лицъ. Желая быть свободными, они не хотѣли отказаться отъ этого первичнаго понятія и лишь пытались примирить его съ понятіемъ о свободѣ.

Они задумали совмѣстить неограниченную административную централизацію съ преобладаніемъ законодательнаго учрежденія, администрацію бюрократіи господствомъ избирателей. Нація какъ цѣлое получала всѣ права государственной власти. Каждый гражданинъ въ отдѣльности подчинялся самой тѣсной зависимости. Отъ націи требовали опыта и доблестей свободнаго народа, отъ гражданина—качествъ хорошаго слуги.

Эта идея ввести политическую свободу среди учрежденій и идей, совершенно ей чуждыхъ или противоположныхъ, но къ которымъ мы уже привыкли или пристрастились раньше, эта идея привела въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ къ столькимъ тщетнымъ попыткамъ создать свободное правительство, попыткамъ, сопровождавшимся столь мрачными революціями, пока, наконецъ, утомившись отъ столькихъ усилій, обезкураженные непосильнымъ и безплоднымъ трудомъ, многіе французы не оставили своего второго плана, чтобы вернуться къ первому, и не пришли къ мысли, что пользоваться равенствомъ подъ властью одного повелителя, въ концѣ концовъ, имѣетъ свою прелесть. Вотъ почему оказывается, что нынѣшніе французы несравненно больше похожи на экономистовъ 1750 года, чѣмъ на своихъ предковъ 1789 года.

Я часто задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ источникъ этого страстнаго влеченія къ политической свободѣ, которая во всѣ времена заставляла людей совершать величайшіе подвиги, какіе когда-либо совершало человѣчество? Въ какихъ чувствахъ она коренится и чѣмъ питается?

Я вижу, что когда народы плохо управляются, то они охотно увлекаются желаніемъ взять управленіе въ свои руки, но этого рода любовь къ независимости, возникающая лишь подъ вліяніемъ временнаго зла, причиняемаго деспотизмомъ,

никогда не бываетъ прочна; она проходитъ, когда исчезаютъ условія, ее породившія; казалось, что люди любятъ свободу, а они только ненавидѣли своего господина. Народъ, созданный для свободы, ненавидитъ зло, которое порождаетъ зависимость, какъ таковое.

Я не думаю также, что истинная любовь къ свободѣ когда-либо могла возникнуть отъ одного только представленія о тѣхъ матеріальныхъ благахъ, которыя даетъ свобода, такъ какъ это представленіе часто затемняется. Вполнѣ вѣрно, что съ теченіемъ времени свобода даетъ тѣмъ, которые сумѣли ее удержать за собой, довольство, благосостояніе, а часто и и богатство, но бываютъ времена, когда она временно нарушаетъ пользованіе подобными благами. Бываютъ и такія условія, когда только деспотизмъ можетъ обезпечить временное обладаніе ими. Люди, которые цѣнятъ въ свободѣ только такія блага, никогда не сохраняли ея надолго.

То что во всѣ времена такъ сильно привязывало сердца людей къ свободѣ, это—ея непосредственныя преимущества, ея собственная прелесть, совершенно независимо отъ доставляемыхъ ею благодѣяній; возможность свободно высказываться, дѣйствовать, непринужденно дышать, находясь лишь подъ властью Бога и законовъ. Кто ищетъ въ свободѣ не самой свободы, а чего-либо иного, тотъ созданъ быть рабомъ.

Нѣкоторые народы упорно добивались свободы наперекоръ всякимъ опасностямъ и бѣдамъ. Не матеріальныя блага, какія даетъ свобода, любятъ они въ ней. Они считаютъ свободу такимъ драгоцѣннымъ и необходимымъ благомъ, что никакое другое благо не могло бы ихъ утѣшить при утратѣ свободы, и, вкушая ее, готовы примириться со всѣмъ. Другихъ утомляетъ свобода среди ихъ благоденствія, они выпускаютъ ее изъ рукъ безъ сопротивленія изъ страха компрометировать какимъ-либо усиліемъ то самое благополучіе, какое имъ даетъ свобода.

Чего не хватаетъ этимъ послѣднимъ, чтобы оставаться свободными? Чего?—Желанія быть свободными. Не заставляйте меня анализировать это возвышенное чувство. Нужно его испытать. Оно само собой поселяется въ тѣ великія души, которыя Богъ

приготовилъ къ его воспріятію, оно наполняетъ и воспламеняетъ ихъ души.

Безполезно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать понятнымъ это чувство тѣмъ жалкимъ душамъ, которыя никогда его не испытывали.

ГЛАВА IV.

О томъ, что царствованіе Людовика XVI было самой благополучной эпохой старинной монархіи и какъ именно это благополучіе ускорило революцію.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что истощеніе королевства при Людовикѣ XIV началось именно въ то время, когда этотъ король торжествовалъ еще во всей Европѣ. Признаки этого истощенія обнаруживаются въ наиболѣе славные дни его царствованія. Франція была разорена гораздо раньше, чѣмъ она перестала побѣждать. Кто не читалъ наводящаго ужасъ опыта административной статистики, оставленной намъ Вобаномъ? Въ мемуарахъ интендантовъ, адресованныхъ ими герцогу бургундскому въ концѣ XVIII вѣка, а слѣдовательно даже раньше, чѣмъ началась несчастная война за испанское наслѣдство, всѣ намекаютъ на возрастающій упадокъ націи и говорятъ о немъ отнюдь не какъ о фактѣ совершенно новомъ. „Населеніе сильно уменьшилось въ этой области за послѣдніе годы“, пишетъ одинъ. „Этотъ городъ, который нѣкогда былъ богатымъ и цвѣтущимъ, теперь лишенъ промышленности“, сообщаетъ другой. Одинъ заявляетъ, что „въ провинціи были мануфактуры, но онѣ теперь заброшены“. Другой сообщаетъ, что: „жители прежде гораздо больше извлекали изъ своей почвы, чѣмъ теперь, и двадцать лѣтъ тому назадъ земледѣліе было несравненно болѣе цвѣтущимъ.“—„Населеніе и производство уменьшились на одну

пятую приблизительно за послѣдніе тридцать лѣтъ“, писалъ одинъ орлеанскій интендантъ въ то же самое время. Слѣдовало бы рекомендовать чтеніе этихъ мемуаровъ тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя восхваляютъ абсолютную монархію, и тѣмъ государямъ, которые любятъ войны.

Такъ какъ эти бѣды имѣли своимъ источникомъ главнымъ образомъ недостатки государственнаго строя, то смерть Людовика XIV и даже заключеніе мира не помогли возстановленію общественнаго благополучія. Всѣ, кто писалъ объ администраціи или общественной экономіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, придерживаются того мнѣнія, что благосостояніе провинцій не возстанавливается; многіе думаютъ даже, что онѣ продолжаютъ разоряться. Только одинъ Парижъ, говорятъ они, богатѣетъ и растетъ. Интенданты, бывшіе министры и дѣловые люди сходятся въ этомъ пунктѣ съ писателями.

Съ своей стороны я долженъ сознаться, что я не вѣрю въ это постоянное паденіе Франціи въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Но общераспространенность этого мнѣнія, раздѣляемаго людьми хорошо освѣдомленными, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что въ то время не было замѣтнаго прогресса. Всѣ административные документы, относящіеся къ этой эпохѣ исторіи Франціи, которые мнѣ попадались, отмѣчаютъ, дѣйствительно, въ обществѣ состояніе, близкое къ летаргіи. Правительство вращается въ сферѣ отжившей рутины, не создавая ничего новаго; города не употребляютъ почти никакихъ усилій, чтобы сдѣлать условія жизни городскихъ жителей болѣе удобными и болѣе гигіеничными; даже частныя лица не пускаются ни въ какія значительныя предпріятія.

Лѣтъ за тридцать, за сорокъ до революціи зрѣлище это начинаетъ мѣняться. Во всѣхъ частяхъ общественнаго организма замѣчается съ тѣхъ поръ какое-то внутреннее содроганіе, котораго до тѣхъ поръ не наблюдалось. На первыхъ порахъ распознать его удается лишь при очень внимательномъ изслѣдованіи, но мало-по-малу это состояніе общества становится болѣе характернымъ и болѣе рѣзко выраженнымъ. Изъ году въ годъ движеніе растетъ и растетъ быстро, наконецъ, оно охватываетъ

всю націю, и она какъ будто возрождается. Берегитесь! тутъ оживаетъ не прежняя жизнь, духъ, приводящій это огромное тѣло въ движеніе, — духъ новый, онъ оживляетъ его на мгновеніе, чтобы разложить его затѣмъ.

Каждый начинаетъ волноваться и безпокоиться за свое положеніе и прилагаетъ усилія, чтобы измѣнить его. Исканіе чего-то лучшаго становится всеобщимъ, но, будучи нетерпѣливымъ и озлобленнымъ, оно заставляетъ проклинать прошлое и создавать положеніе дѣлъ, совершенно противоположное существующему.

Вскорѣ духъ этотъ проникаетъ въ нѣдра самого правительства; онъ его преобразуетъ внутри, ничего не измѣняя снаружи. Законовъ не измѣняютъ, но примѣняютъ ихъ на иной ладъ.

Я уже говорилъ, что генеральный контролеръ и интендантъ 1740 года не были похожи на интенданта и генеральнаго контролера 1780 года. Административная переписка подтверждаетъ эту истину въ деталяхъ. Интендантъ 1780 г. имѣетъ тѣ же полномочія, тѣхъ же агентовъ, ту же произвольную власть, что и его предшественникъ, но взгляды его измѣнились: одинъ занимался лишь тѣмъ, что держалъ свою провинцію въ повиновеніи, производилъ тамъ рекрутскій наборъ и главнымъ образомъ собиралъ подати. У другого совсѣмъ иныя заботы: голова его наполнена тысячами проектовъ, направленыхъ къ увеличенію общественнаго богатства. Главнымъ предметомъ его размышленій являются дороги, каналы, мануфактуры, торговля; особенно привлекаетъ его вниманіе земледѣліе. Въ это время Сюлли становится моднымъ среди администраторовъ.

Въ это-то время они начинаютъ создавать сельскохозяйственныя общества, о которыхъ я уже говорилъ, устраиваютъ конкурсы, распредѣляютъ преміи. Появляются циркуляры генеральнаго контролера, которые меньше похожи на дѣловыя бумаги, чѣмъ на трактаты о сельскомъ хозяйствѣ.

Перемѣна, происшедшая въ умахъ правящаго класса, ярче всего бросается въ глаза въ усовершенствованіи пріемовъ взиманія всѣхъ налоговъ. Законодательство проникнуто все тѣмъ же духомъ неравенства, произвола и жестокости, но всѣ его недостатки нѣсколько сглаживаются на практикѣ.

„Когда я сталъ изучать фискальные законы“, говоритъ Мольенъ въ своихъ мемуарахъ, „я испугался тѣмъ, что нашелъ въ нихъ: штрафы, аресты, тѣлесныя наказанія, назначаемыя по усмотрѣнію спеціальныхъ судовъ за простыя упущенія; произволъ откупныхъ агентовъ, отъ клятвеннаго показанія которыхъ зависѣли почти всѣ имущества и лица, и т. д. Къ счастью, я не ограничился лишь однимъ чтеніемъ этого кодекса и вскорѣ узналъ, что между текстомъ и его примѣненіемъ къ дѣлу была такая же разница, какъ между нравами прежнихъ финансистовъ и новыхъ. Юристы всегда были склонны къ смягченію участи виновныхъ и къ уменьшенію наказаній“.

„Къ сколькимъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ можетъ привести взысканіе налоговъ“!—говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи въ 1787 году, „ мы должны, однако, отдать справедливость той мягкости и снисходительности, которая примѣнялась въ теченіе послѣднихъ лѣтъ“.

Изученіе документовъ вполнѣ подтверждаетъ это положеніе. Уваженіе къ свободѣ и жизни гражданъ часто обнаруживается въ нихъ. Особенно же замѣчается настоящая заботливость о бѣдствіяхъ неимущаго класса. Напрасно стали бы искать ее до этого времени. Насилія казны по отношенію къ несчастнымъ представляютъ весьма рѣдкое явленіе, чаще замѣчается смягченіе налоговъ и выдача пособій бѣднымъ. Король увеличиваетъ всѣ фонды, предназначенные для устройства благотворительныхъ учрежденій въ деревняхъ или для вспомоществованія нуждающимся, и нерѣдко учреждаетъ новые фонды этого типа. Я нашелъ, что такимъ способомъ было распредѣлено государствомъ болѣе 80 тысячъ ливровъ въ одной только области верхней Гвіени въ 1779 году, 40,000—въ 1784 въ Турской провинціи, 48,000 въ Нормандіи въ 1787 году. Людовикъ XVI не желалъ предоставить лишь однимъ министрамъ эту часть правленія; онъ иногда самъ бралъ ее на себя. Когда въ 1776 г.

состоялось постановленіе королевскаго совѣта, устанавливавшее вознагражденіе крестьянамъ за вредъ, причиняемый ихъ полямъ королевской дичью въ окрестностяхъ лѣсничествъ, и были установлены простые и вѣрные способы для обезпеченія уплаты вознагражденія, то король самъ редактировалъ мотивы закона. Тюрго разсказываетъ, что этотъ добрый и несчастный король отдалъ ему документы, писанные его рукой, со словами: „Вы видите, что я съ своей стороны тоже работаю". Если бы кто нарисовалъ старый порядокъ такимъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы его существованія, то получилось бы очень польщенное и мало похожее изображеніе его.

По мѣрѣ того какъ происходятъ эти перемѣны въ настроеніи народа и правящаго класса, общественное благосостояніе растетъ съ безпримѣрной быстротой.

Всѣ данныя говорятъ въ пользу этого положенія: народонаселеніе увеличивается, богатства растутъ съ еще большей быстротой. Американская война не замедляетъ этого развитія; государство вовлекается ею въ долги, но частные люди продолжаютъ обогащаться: они удѣляютъ хозяйственнымъ операціямъ больше вниманія, становятся болѣе предпріимчивыми, болѣе изобрѣтательными.

„Начиная съ 1774 года", пишетъ одинъ администраторъ того времени, „различныя отрасли промышленности своимъ развитіемъ увеличили поступленія отъ всѣхъ налоговъ на потребленіе". Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить договоры, заключенные въ различныя эпохи царствованія Людовика XVI между государствомъ и финансовыми компаніями, бравшими на себя взиманіе налоговъ, то окажется, что размѣръ откупныхъ суммъ не перестаетъ расти при каждомъ возобновленіи съ все возрастающей быстротой. Договоръ 1786 года даетъ на 14 милліоновъ больше, чѣмъ договоръ 1780. „Можно считать, что продуктъ всѣхъ налоговъ на потребленіе увеличивается на 2 милліона въ годъ", говоритъ Неккеръ въ своемъ финансовомъ отчетѣ 1781 года.

Артуръ Юнгъ увѣряетъ, что въ 1788 году торговые обороты Бордо были больше оборотовъ Ливерпуля, и добавляетъ: „въ послѣднее время успѣхи морской торговли были быстрѣе

во Франціи, чѣмъ даже въ Англіи. Эта торговля увеличилась вдвое за 20 лѣтъ".

Если принять во вниманіе различія въ условіяхъ времени, то нельзя не придти къ заключенію, что ни въ одну изъ эпохъ, слѣдовавшихъ за революціей, благосостояніе общества не развивалось быстрѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе ей двадцать лѣтъ.

Только тридцать семь лѣтъ конституціонной монархіи, которые были для насъ временемъ мира и быстраго прогресса, можно сравнить въ этомъ отношеніи съ царствованіемъ Людовика XVI-го.

Зрѣлище столь значительнаго и такъ быстро возрастающаго благополучія должно поражать насъ, если только подумать обо всѣхъ недостаткахъ политическаго строя и о тѣхъ стѣсненіяхъ, на которыя наталкивалась тогда промышленность. Возможно даже, что многіе политики станутъ отрицать самый фактъ, потому что не могутъ объяснить его, подобно тому какъ Мольеровскій врачъ, по мнѣнію котораго больной не могъ выздоровѣть противъ правилъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ повѣрить, что Франція могла благоденствовать и обогащаться при неравномѣрности обложенія, пестротѣ обычнаго права, при внутреннихъ таможняхъ, феодальныхъ правахъ, цеховомъ строѣ, продажности должностей и пр.? Наперекоръ всему она тѣмъ не менѣе начала обогащаться и развиваться во всѣхъ отношеніяхъ, потому что помимо всѣхъ этихъ плохо устроенныхъ и плохо сцѣпленныхъ колесъ, которыя, повидимому, были предназначены скорѣе для замедленія хода общественнаго механизма, чѣмъ для ускоренія его, въ ней таились двѣ очень простыя и сильныя пружины, которыхъ было достаточно, чтобы связывать все воедино и направить всю жизнь къ одной цѣли, къ общественному благосостоянію; этими пружинами были правительство, которое оставалось очень могущественнымъ, переставая быть деспотическимъ, и которое поддерживало порядокъ вездѣ, и нація, высшіе классы которой были уже наиболѣе просвѣщенными и наиболѣе свободомыслящими во всей Европѣ и среди которой каждый могъ обогащаться на свой ладъ и сохранять разъ пріобрѣтенное имъ состояніе.

Король продолжалъ говорить тономъ господина, но, въ сущности, онъ самъ подчинялся общественному мнѣнію, которое его вдохновляло или подчиняло себѣ изо дня въ день. Съ общественнымъ мнѣніемъ онъ всегда считался, боялся его и льстилъ ему безъ конца. Онъ пользовался абсолютной властью по буквѣ закона, практически его власть была ограничена. Уже въ 1784 году Неккеръ говорилъ объ этомъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ, какъ о неоспоримомъ фактѣ: „Большинство иностранцевъ не могутъ себѣ представить той власти, какой въ настоящее время пользуется во Франціи общественное мнѣніе; имъ трудно понять, что представляетъ изъ себя эта невидимая сила, которая повелѣваетъ всѣмъ до дворца короля включительно. Однако, это такъ".

Нѣтъ ничего поверхностнѣе, какъ приписывать величіе и мощь народа одному только механизму его законовъ; эти результаты достигаются не столько совершенствомъ орудій, сколько силою тѣхъ, кто приводитъ ихъ въ движеніе. Взгляните на Англію: еще теперь ея административные законы представляются болѣе сложными, болѣе запутанными, болѣе безпорядочными, чѣмъ французскіе! Есть ли, однако, въ Европѣ хотя одна страна, гдѣ общественное достояніе больше, частная собственность обширнѣе, обезпеченнѣе и разнообразнѣе, общество солиднѣе и богаче, чѣмъ здѣсь? Это происходитъ не отъ высокаго качества тѣхъ или иныхъ законовъ въ отдѣльности, но отъ того духа, который одушевляетъ все англійское законодательство. Несовершенство нѣкоторыхъ органовъ тутъ непричемъ, потому что жизнь могуча.

По мѣрѣ того какъ развивается во Франціи благоденствіе, которое я описалъ, умы кажутся, однако, хуже настроенными и болѣе безпокойными. Недовольство общества обостряется, ненависть ко всѣмъ старинным учрежденіямъ растетъ. Нація явственно идетъ къ революціи.

Мало того, тѣ части Франціи, которымъ предстояло быть главнымъ очагомъ этой революціи, это именно тѣ, въ которыхъ яснѣе всего обнаруживается прогрессъ. При изученіи того, что осталось отъ старинныхъ архивовъ Иль-де-Франса, легко убѣ-

диться, что раньше всего и глубже всего старый порядокъ былъ преобразованъ въ областяхъ, прилегающихъ къ Парижу. Тамъ свобода и имущество крестьянъ уже лучше обезпечены, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ т. наз. pays d'élection. Личная барщина исчезла задолго до 1789 года. Взиманіе таллія здѣсь болѣе упорядочено, высота ея болѣе умѣренна, ея распредѣленіе болѣе равномѣрно, чѣмъ въ остальной Франціи. Нужно прочесть регламентъ, преобразовавшій здѣсь таллію въ 1772 году, чтобы понять, что могъ тогда сдѣлать интендантъ какъ для блага, такъ и для несчастія всей провинціи. Въ этомъ регламентѣ налогъ пріобрѣтаетъ уже совсѣмъ новый видъ. Комиссары правительства ежегодно являются въ каждый приходъ; община собирается въ ихъ присутствіи; стоимость имущества установляется гласно, средства каждаго опредѣляются путемъ преній, и, наконецъ, налогъ устанавливается при содѣйствіи тѣхъ лицъ, которыя должны были его вносить. Произволъ старшины и всякія безполезныя насилія отмѣняются. Таллія, конечно, сохраняетъ присущіе ей недостатки, каковъ бы ни былъ способъ ея взиманія; она обрушивается лишь на одинъ изъ податныхъ классовъ и взимается какъ съ имущества, такъ и съ продуктовъ труда; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она рѣзко отличается отъ того, чѣмъ она является въ сосѣднихъ областяхъ.

Нигдѣ, наоборотъ, старый порядокъ не сохранился лучше, чѣмъ по теченію Луары, у ея устья, въ болотахъ Пуату и среди песчаныхъ пространствъ Бретани. А между тѣмъ именно тамъ и разгорѣлось и было вскормлено пламя гражданской войны, именно тамъ обнаружилось наиболѣе смѣлое и наиболѣе продолжительное сопротивленіе революціи. Такимъ образомъ можно сказать, что французы находили свое положеніе тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ болѣе оно улучшалось.

Подобное зрѣлище поразительно, но исторія переполнена подобнаго рода явленіями.

Революціи не всегда являются результатомъ возрастающаго ухудшенія условій народной жизни. Чаще всего случается, что народъ, переносившій самые тягостные законы безъ жалобъ

и какъ бы не ощущая ихъ тяжести, неистово сбрасываетъ ихъ бремя, какъ только тяжесть его нѣсколько облегчается. Тотъ порядокъ, который ниспровергается революціей, почти всегда лучше, чѣмъ порядокъ, непосредственно ему предшествовавшій, и опытомъ дознано, что самымъ опаснымъ моментомъ для плохого правительства является именно тотъ моментъ, когда такое правительство приступаетъ къ реформамъ. Только геніальный умъ можетъ спасти государя, который принимается облегчать положеніе своихъ подданныхъ послѣ продолжительныхъ притѣсненій. Зло, которое переносилось терпѣливо, какъ зло неизбѣжное, начинаетъ казаться невыносимымъ, какъ только возникаетъ мысль о томъ, что можно отъ него избавиться. Тогда, сколько бы злоупотребленій ни устранялось,—это какъ бы лишь яснѣе доказываетъ, сколько ихъ еще осталось, и чувство протеста становится болѣе жгучимъ: правда, зло уменьшилось, но чувствительность стала больше. Феодализмъ во всей своей мощи никогда не внушалъ французамъ столько ненависти, какъ именно въ тотъ моментъ, когда ему предстояло исчезнуть. Самые незначительные проявленія произвола Людовика XVI-го казались болѣе невыносимыми, чѣмъ весь деспотизмъ Людовика XIV-го. Непродолжительный арестъ Бомарше произвелъ въ Парижѣ большее волненіе, чѣмъ насилія надъ протестантами при Людовикѣ XIV-мъ.

Никто уже больше не утверждаетъ въ 1780 году, что Франція находится въ упадкѣ; наоборотъ, скорѣе можно было сказать, что именно въ это время нѣтъ границъ ея прогрессу. Именно тогда и народилась теорія постояннаго и безконечнаго совершенствованія человѣка. За двадцать лѣтъ до этого на будущее не возлагалось никакихъ надеждъ, а въ 1780 году всякія опасенія за будущее исчезли. Воображеніе, овладѣвая заранѣе этимъ близкимъ и небывалымъ блаженствомъ, дѣлаетъ людей равнодушными къ тѣмъ благамъ, какими они уже пользуются, и увлекаетъ ихъ въ новыя невѣдомыя сферы.

Независимо отъ этихъ общихъ причинъ, существуютъ другія болѣе спеціальныя и не менѣе могущественныя, объясняющія это явленіе. Хотя управленіе финансами было усовершен-

ствовано, какъ и все остальное, но въ немъ остались недостатки, зависѣвшіе отъ самаго существа абсолютизма. Такъ какъ финансовая администрація была тайной и безконтрольной, то тамъ примѣнялись еще нѣкоторые весьма скверные обычаи, бывшіе въ ходу при Людовикѣ XIV-мъ и Людовикѣ XV-мъ. Самыя усилія, сдѣланныя правительствомъ для развитія общественнаго благосостоянія, пособія и поощренія, которыя оно распредѣляло, общественныя работы, какія оно производило,—все это вмѣстѣ взятое увеличивало изо дня въ день расходы, не повышая въ той же пропорціи доходовъ. Это ставило короля ежедневно въ затрудненія гораздо большія, чѣмъ какія испытывали его предшественники. Подобно послѣднимъ, онъ безпрерывно оставлялъ своихъ кредиторовъ безъ удовлетворенія ихъ законныхъ притязаній, подобно имъ, онъ занималъ деньги, гдѣ попало, не прибѣгая къ гласности и конкурренціи, и его кредиторы никогда не были увѣрены въ томъ, что получатъ свои проценты. Даже ихъ права на ихъ же капиталъ находились въ полной зависимости отъ добросовѣстности короля.

Одинъ свидѣтель, заслуживающій довѣрія, такъ какъ онъ видѣлъ собственными глазами и былъ въ состояніи лучше другого видѣть все какъ слѣдуетъ, по этому поводу сообщаетъ слѣдующее: „Французы постоянно испытывали тогда всякаго рода произвольныя случайности въ своихъ отношеніяхъ къ собственному правительству. Помѣщали ли они свои капиталы въ его займы—они никогда не могли разсчитывать на соблюденіе срока уплаты процентовъ; сооружали ли они корабли, исправляли ли дороги, одѣвали ли солдатъ—они тоже не были гарантированы за свои авансы, не знали, когда государство разсчитается съ ними, и вынуждены были исчислять шансы договора съ министрами не съ бо́льшимъ вѣроятіемъ, чѣмъ шансы займа денегъ на рискованное предпріятіе“. Далѣе онъ прибавляетъ весьма основательно: „Въ это время, когда промышленность, становясь болѣе свободной, развила въ большомъ числѣ гражданъ любовь къ собственности, потребность и стремленіе къ достатку,—тѣ, которые довѣрили часть своей собственности государству, переносили съ большимъ нетерпѣніемъ

нарушеніе законовъ о договорахъ со стороны того изъ должниковъ, кто долженъ былъ больше всѣхъ уважать эти законы".

Злоупотребленія, въ которыхъ авторъ вышеприведенныхъ строкъ упрекаетъ французскую администрацію, на самомъ дѣлѣ, не были вовсе новы; ново было лишь порождаемое ими впечатлѣніе. Недостатки финансовой системы были даже болѣе возмутительны въ предшествовавшія эпохи, но съ тѣхъ поръ въ правительствѣ и обществѣ произошли такія перемѣны, которыя дѣлали эти недостатки болѣе ощутительными, чѣмъ они казались раньше.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало болѣе активнымъ и стало кидаться во всякаго рода предпріятія, о коихъ до тѣхъ поръ и не помышляло, оно сдѣлалось главнѣйшимъ потребителемъ продуктовъ промышленности и самымъ крупнымъ предпринимателемъ въ королевствѣ. Число лицъ и учрежденій, имѣвшихъ съ государствомъ денежныя отношенія, заинтересованныхъ въ его займахъ, жившихъ на получаемое отъ него жалованіе и спекулировавшихъ на его торгахъ, возросло до необычайныхъ размѣровъ. Никогда еще средства правительства и частная собственность не были въ такой степени перепутаны между собою. Плохое управленіе финансами, бывшее въ теченіе долгаго времени лишь общественнымъ зломъ, стало тогда для многихъ семействъ ихъ личнымъ горемъ. Въ 1789 году государство, такимъ образомъ, задолжало около 600 милліоновъ кредиторамъ, которые почти всѣ были сами должниками другихъ лицъ и которые, какъ замѣчаетъ одинъ финансистъ той эпохи, сдѣлали участниками своего неудовольствія противъ правительства всѣхъ тѣхъ, кто черезъ ихъ посредство страдалъ и самъ отъ неаккуратности правительства. Нужно замѣтить при этомъ, что по мѣрѣ того, какъ такіе недовольные становились все болѣе и болѣе многочисленными, они дѣлались и болѣе раздражительными и озлобленными, такъ какъ страсть къ спекуляціи, стремленіе къ наживѣ, любовь къ достатку, распространяясь и увеличиваясь пропорціонально росту предпріятій, сдѣлали такія бѣдствія

невыносимыми даже для тѣхъ, которые лѣтъ 30 тому назадъ, можетъ быть, перенесли бы ихъ безъ всякихъ жалобъ.

Вотъ почему рантьеры, коммерсанты, промышленники и другія лица той же категоріи или вообще дѣловые люди, составляющіе обыкновенно классъ, относящійся наиболѣе враждебно къ политическимъ новшествамъ и наиболѣе приверженный къ правительству, каково бы оно ни было, люди, охотнѣе всего подчиняющіеся законамъ, даже когда они презираютъ или ненавидятъ эти законы,—стали на этотъ разъ наиболѣе нетерпѣливыми и наиболѣе требовательными сторонниками реформъ. Особенно настойчиво они требовали полной революціи во всей финансовой системѣ, не думая о томъ, что, затрогивая глубоко эту сторону государственныхъ дѣлъ, они тѣмъ самымъ вели къ крушенію все остальное.

Какъ же можно было бы избѣгнуть катастрофы?

Съ одной стороны мы видимъ націю, среди которой желаніе нажить средства изо дня въ день прогрессируетъ, а съ другой—правительство, которое непрерывно возбуждаетъ эту новую страсть и непрерывно наноситъ ей удары, которое и разжигаетъ людей, и приводитъ ихъ въ отчаяніе, и готовитъ себѣ гибель какъ тѣмъ, такъ и другимъ.

ГЛАВА V.

О томъ, какъ довели народъ до возстанія, желая облегчить его участь.

Такъ какъ народъ въ теченіе ста сорока лѣтъ ни на минуту не появлялся на аренѣ государственной жизни, то совершенно перестали думать о томъ, чтобы онъ могъ когда-либо появиться на ней. Видя его столь равнодушнымъ, его считали глухимъ, а когда стали интересоваться его судьбой, то принялись

говорить о немъ въ его присутствіи, какъ будто его при этомъ не было. Казалось, что эти рѣчи могутъ быть услышаны только тѣми, которые стояли выше народа, и что бояться при этомъ можно только того, что онѣ не будутъ вполнѣ поняты этими послѣдними.

Люди, которые должны были больше всего опасаться народнаго гнѣва, говорили громко въ его присутствіи о тѣхъ жестокихъ несправедливостяхъ, жертвой которыхъ всегда являлся этотъ народъ; они обнаруживали другъ передъ другомъ тѣ чудовищные недостатки, которые заключались въ учрежденіяхъ, наиболѣе для него тягостныхъ; они пускали въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы нарисовать народу его бѣдствія и указать ему на его плохо оплачиваемый трудъ. Такимъ образомъ, они доводили народъ до ярости своими попытками принести ему облегченіе. Я здѣсь имѣю въ виду не писателей, а говорю лишь о правительствѣ, объ его главныхъ агентахъ и о самихъ привилегированныхъ.

Когда король, за 13 лѣтъ до революціи, пытается отмѣнить барщину, онъ пишетъ въ предисловіи къ своему указу слѣдующее: „За исключеніемъ небольшого числа провинцій съ штатами, почти всѣ дороги королевства были устроены безплатно трудомъ наиболѣе бѣдной части нашихъ подданныхъ. Вся тяжесть этой повинности пала, слѣдовательно, на тѣхъ, единственное состояніе коихъ составляютъ ихъ руки и которые лишь весьма мало заинтересованы въ существованіи дорогъ. Дѣйствительно, заинтересованными являются помѣщики, почти всѣ принадлежащіе къ разряду привилегированныхъ, цѣнность имѣній которыхъ увеличивается проведеніемъ дорогъ. Принуждая однихъ бѣдняковъ поддерживать эти дороги, обязывая ихъ отдавать свое время и работу безъ вознагражденія, у него отнимаютъ послѣднюю возможность бороться съ нищетой и голодомъ, чтобы заставить его работать въ пользу богатыхъ“.

Приступая въ то же время къ устраненію тѣхъ стѣсненій, которыя вытекали изъ системы ремесленныхъ корпорацій для рабочихъ, именемъ короля было провозглашено, что „право на трудъ есть самое священное изъ всѣхъ правъ, что всякій

законъ, покушающійся на это право, насплуетъ естественное право и долженъ считаться недѣйствительнымъ по самому существу дѣла, что существующія корпораціи являются не только странными и тиранническими учрежденіями, но представляются продуктомъ эгоизма, жадности и насилія“.

Подобныя рѣчи были опасны. Но еще опаснѣе было то, что онѣ произносились зря. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя и корпораціи и барщина были возстановлены.

Говорятъ, что такія рѣчи въ уста короля вкладывалъ Тюрго. Но и большинство его преемниковъ заставляютъ его говорить не иначе. Когда въ 1780 году король возвѣщаетъ своимъ подданнымъ, что увеличеніе таллія впредь будетъ происходить гласно и нуждаться въ регистраціи, онъ добавляетъ какъ бы для поясненія своей мысли: „Плательщики, и безъ того страдающіе отъ формы взиманія таллія, до сихъ поръ подвергались неожиданному увеличенію налога, такъ что сумма податей, лежащихъ на наиболѣе бѣдной части нашихъ подданныхъ, повышалась въ большей пропорціи, чѣмъ всѣ другія“.

Когда король, не осмѣливаясь еще установить равномѣрность обложенія, старается по крайней мѣрѣ установить равномѣрность по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые уже были распространены на всѣхъ подданныхъ, то онъ говоритъ: „Его величество надѣется, что богатыя лица не будутъ обижены, если, будучи сведены къ общему уровню, они будутъ нести то бремя, которое имъ надлежало нести давно“.

Но особенно въ голодные годы дѣло принимало такой видъ, точно скорѣе имѣлось въ виду разжечь страсти, чѣмъ помочь народу. Чтобы подстрекнуть благотворительность богачей, одинъ интендантъ говоритъ тогда „о несправедливости и равнодушіи тѣхъ помѣщиковъ, которые обязаны работамъ бѣдняковъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они обладаютъ, и которые оставляютъ умирать его съ голоду тогда, когда онъ изнываетъ отъ усилій поднять цѣну ихъ имѣній“. Король, съ своей стороны, въ подобномъ же случаѣ, говоритъ слѣдующее: „Его Величество должно защищать народъ противъ тѣхъ пріемовъ, которые заставляютъ его нуждаться въ предметахъ первой необходимости, принуждая его

отдавать свой трудъ за то вознагражденіе, какое вздумаютъ ему дать богачи. Король не потерпитъ, чтобы часть людей была предоставлена жадности другой части".

До конца монархіи борьба, происходившая между различными административными властями, постоянно подавала поводъ къ такого рода манифестаціямъ; обѣ спорящія стороны охотно обвиняли одна другую въ бѣдствіяхъ народа. Это ясно видно хотя бы во время того спора, который возгорѣлся въ 1772 году между тулузскимъ парламентомъ и королемъ по поводу хлѣбной торговли. „Правительство своими несообразными мѣропріятіями рискуетъ подвергнуть бѣдняка голодной смерти", говоритъ парламентъ.

„Честолюбіе парламента и жадность богачей вызываютъ бѣдствія общества", говоритъ король. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ идетъ работа съ цѣлью ввести въ сознаніе народа идею, что за всѣ свои бѣдствія они должны бранить господъ.

Эти слова содержатся не въ секретной перепискѣ, а въ опубликованныхъ документахъ, которые правительство и парламентъ печатаютъ и распространяютъ сами въ тысячахъ экземпляровъ. Мимоходомъ король обращается къ своимъ предшественникамъ и къ самому себѣ съ весьма жесткими истинами: „Государственная казна", говоритъ онъ однажды, „была обременена долгами вслѣдствіе щедротъ нѣсколькихъ царствованій. Многіе изъ нашихъ неотчуждаемыхъ доменовъ были проданы по низкой цѣнѣ".—„Ремесленныя корпораціи", говоритъ король въ другой разъ съ большимъ основаніемъ, чѣмъ осторожностью, „являются по преимуществу продуктомъ фискальной жадности королей".—„Если часто случалось дѣлать безполезные расходы и если таллія возросла сверхъ мѣры", замѣчаетъ онъ далѣе, „то это произошло отъ того, что финансовое вѣдомство находило повышеніе талліи, какъ негласное, наиболѣе удобнымъ источникомъ доходовъ и прибѣгало къ ней, хотя многіе другіе источники были бы менѣе тягостны нашимъ народамъ".

Все это было адресовано къ просвѣщенной части націи, чтобы убѣдить ее въ пользѣ нѣкоторыхъ мѣръ, которыя подвергались осужденію за ихъ несоотвѣтствіе съ частными интересами. Что касается народа, то полагали, что онъ слушаетъ, но не понимаетъ.

Нельзя не признать, что въ этой благожелательности заключалось много презрѣнія къ тѣмъ несчастнымъ, бѣдствія которыхъ хотѣли такъ искренно облегчить, и что это напоминаетъ немного чувство г-жи Шатле, для которой не представляло затрудненій, какъ сообщаетъ секретарь Вольтера, раздѣваться при своихъ слугахъ, такъ какъ она не считала доказаннымъ, чтобы лакеи были тоже мужчинами.

Пусть не подумаетъ читатель, что только одинъ Людовикъ XVI или его министры говорили такія опасныя рѣчи. Тѣ лица привилегированныхъ классовъ, которыя являются ближайшими объектами народнаго озлобленія, говорятъ при немъ въ такихъ же выраженіяхъ. Нужно признать, что во Франціи высшіе классы общества начали заботиться объ участи бѣдняка раньше, чѣмъ онъ сталъ внушать имъ страхъ; они заинтересовались имъ въ то время, когда они еще не думали, что изъ горя бѣдняковъ можетъ возникнуть ихъ собственная погибель. Это становится особенно замѣтнымъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, предшествовавшаго 1789 году. То было время, когда часто жалѣли крестьянъ, говорили о нихъ безпрестанно, изыскивали, какимъ способомъ можно было бы улучшить ихъ положеніе; выясняли главныя злоупотребленія, отъ которыхъ крестьяне терпѣли, критиковали фискальные законы, которые особенно имъ вредили, но обыкновенно всѣ были столь же непредусмотрительны въ выраженіи этой новой симпатіи, какъ раньше въ долгомъ равнодушіи къ народнымъ нуждамъ.

Прочтите протоколы провинціальныхъ собраній, которыя происходили въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ 1779 году, а позднѣе во всемъ королевствѣ. Изучите другіе публичные документы, которые намъ остались отъ нихъ, и вы будете тронуты тѣми добрыми чувствами, которыя въ нихъ встрѣчаются, и удивлены страшной неосторожностью употребляемаго въ нихъ языка.

„Слишкомъ часто случалось", говоритъ провинціальное со-

раніе нижней Нормандіи въ 1787 году, „что тѣ деньги, которыя король предназначаетъ на постройку дорогъ, служатъ лишь для ублаготворенія богачей, не принося никакой пользы народу. Эти деньги часто употреблялись на то, чтобы сдѣлать доступъ къ какому-либо замку болѣе удобнымъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этими деньгами для облегченія въѣзда въ какой-либо городокъ или деревню". Въ томъ же собраніи сословіе дворянъ и духовенства, описавъ недостатки барщины, предлагаютъ добровольно пожертвовать 50,000 ливровъ для улучшенія дорогъ съ тѣмъ, говорятъ они, чтобы провинціальныя дороги стали проѣздными и чтобы это ничего не стоило народу. Было бы, можетъ быть, менѣе обременительно для этихъ привилегированныхъ лицъ замѣнить барщину общимъ налогомъ и вносить свою долю; но, уступая охотно выгоды отъ неравенства налога, они предпочитаютъ сохранить видимость неравенства. Отказываясь отъ выгодъ своего права, они заботились о томъ, чтобы сохранить его ненавистныя стороны.

Другія собранія, составленныя всецѣло изъ собственниковъ, избавленныхъ отъ талліи и желавшихъ оставаться въ такомъ положеніи, тѣмъ не менѣе изображали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ бѣдствія, какія эта подать причиняла бѣднякамъ. Они составили страшную картину связанныхъ съ этимъ налогомъ злоупотребленій и сами же позаботились воспроизвести ее въ безконечномъ числѣ копій. Любопытно, что, давая такія яркія доказательства интереса, какой имъ внушилъ народъ, они въ то же время нерѣдко выражали ему свое презрѣніе. Народъ уже сталъ предметомъ ихъ симпатій, не переставая, однако, еще быть и предметомъ ихъ пренебреженія.

Провинціальное собраніе верхней Гіэни, говоря о тѣхъ крестьянахъ, которыхъ оно горячо поддерживаетъ, называетъ ихъ невѣжественными и грубыми существами, существами буйными, характерами жестокими и непокойными. Тюрго, который столько сдѣлалъ для народа, говоритъ о немъ, однако, въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Эти грубыя выраженія встрѣчаются въ актахъ, предназначенныхъ для наибольшого распространенія и для прочтенія

ихъ самими крестьянами. Казалось, что эти рѣчи раздаются въ одной изъ тѣхъ странъ Европы, гдѣ, какъ, напр., въ Галиціи, высшіе классы говорятъ на иномъ языкѣ, чѣмъ низшіе, и поэтому не могутъ быть поняты послѣдними. Физіократы XVIII вѣка, которые нерѣдко обнаруживаютъ по отношенію къ чиншевикамъ и другимъ данникамъ феодаловъ мягкость, умѣренность и справедливость, не встрѣчающіеся у ихъ предшественниковъ, все еще мѣстами говорятъ о подлыхъ мужикахъ. Повидимому, эти обиды являются, какъ говорятъ нотаріусы, результатами стиля.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году, это сочувствіе къ горю народа становится болѣе ярко выраженнымъ, болѣе живымъ и все болѣе и болѣе неосторожнымъ. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ циркуляры, которые многія провинціальныя собранія разослали въ первые дни 1788 года жителямъ различныхъ приходовъ, чтобы узнать отъ самихъ жителей въ подробностяхъ всѣ тѣ несправедливости, на которыя они могли бы жаловаться.

Одинъ изъ этихъ циркуляровъ подписанъ однимъ аббатомъ, однимъ членомъ высшей знати, тремя дворянами и однимъ буржуа—членами собранія, дѣйствующими отъ его имени. Эта комиссія приказываетъ старшинѣ каждаго прихода собрать всѣхъ крестьянъ и спросить ихъ, что они могутъ сказать противъ способа, посредствомъ котораго распредѣляются и взимаются различные налоги. „Мы знаемъ", говорится въ этомъ циркулярѣ, что большинство налоговъ, а въ особенности пошлина на соль и подать, ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ для пахаря, но мы желаемъ, кромѣ того, знать въ подробностяхъ о каждомъ злоупотребленіи". Любопытство провинціальнаго собранія на этомъ не останавливается; оно хочетъ знать число лицъ, которыя пользуются какой-либо привилегіей въ отношеніи налога въ данномъ приходѣ, а именно дворянъ, духовенства или разночинцевъ, и какія именно эти привилегіи, какова стоимость имуществъ, свободныхъ отъ налоговъ, живутъ ли собственники на своихъ земляхъ или нѣтъ; много ли тамъ

находится церковныхъ имуществъ или, какъ выражались тогда, „земель мертвой руки“, не подлежавшихъ отчужденію, и какова ихъ стоимость. Всего этого еще было недостаточно, чтобы удовлетворить ихъ; нужно было еще сообщить, какую сумму можетъ составить та часть налоговъ, таллін, добавочныхъ къ ней сборовъ, поголовной подати и барщины, которую должны были бы нести лица привилегированныя, если бы существовало равенство обложенія.

Это значило возбуждать каждаго человѣка въ отдѣльности перечисленіемъ его бѣдствій, указывать ему на ихъ виновниковъ, ободрять его ихъ малочисленностью и проникать до самой глубины его души, зажигая въ немъ жадность, зависть и ненависть. Казалось, что жакерія, молотилы и совѣтъ шестнадцати были совершенно забыты и что не знали того, что французы, являющіеся наиболѣе мягкимъ и благодушнымъ народомъ въ мірѣ, пока не нарушается спокойствіе ихъ жизни, становятся самымъ варварскимъ народомъ, какъ только сильныя страсти нарушаютъ его равновѣсіе.

Къ сожалѣнію, я не могъ достать себѣ всѣхъ мемуаровъ, которые были посланы крестьянами въ отвѣтъ на вышеприведенные убійственные вопросы, но я нашелъ нѣкоторые изъ нихъ, и ихъ достаточно, чтобы распознать то общее настроеніе духа, подъ вліяніемъ котораго они написаны.

Въ этихъ запискахъ имя каждаго привилегированнаго, будь то дворянинъ или буржуа, тщательно указано, иногда описывается и образъ жизни этихъ лицъ, всегда подвергаемый критикѣ. Тщательно стараются установить стоимость его имущества; распространяются по поводу числа и свойствъ привилегій и въ особенности по поводу вреда, какой онѣ приносятъ всѣмъ остальнымъ деревенскимъ обывателямъ; вычисляютъ, сколько мѣръ хлѣба приходится ему отдавать въ качествѣ оброка; вычисляютъ съ завистью доходы привилегированныхъ лицъ, доходы, которые, по ихъ словамъ, не приносятъ никому никакой пользы. Вознагражденіе священника за требы, его *жалованье*, какъ уже выражались тогда, оказывается чрезмѣрнымъ; съ горечью замѣчаютъ, что за все приходится

платить церкви, и что бѣдняка даже не похоронятъ даромъ. Что касается налоговъ, то всѣ они плохо распредѣляются и стѣснительны; нѣтъ ни одного, къ которому они отнеслись бы со снисхожденіемъ: обо всѣхъ они говорятъ сердитымъ тономъ, въ которомъ слышится ярость.

„Косвенные налоги ненавистны“, говорятъ крестьяне, „нѣтъ хозяйства, которое не подвергалось бы обыску со стороны агента откупщиковъ. Нѣтъ ничего святого ни для его глазъ, ни для рукъ. Пошлины, уплачиваемыя за регистрацію всякаго рода актовъ, убійственно тяжелы. Сборщикъ податей—тиранъ, жадность котораго пользуется всѣми способами, чтобы мучить бѣдныхъ людей. Судебные пристава не лучше. Ни одинъ честный пахарь не защищенъ отъ ихъ свирѣпости. Приходскіе сборщики вынуждены разорять своихъ сосѣдей, чтобы самимъ не подвергнуться ненасытности этихъ деспотовъ“.

Эти документы не только возвѣщаютъ о близкомъ наступленіи революціи,—она уже на-лицо въ нихъ; здѣсь уже слышится ея языкъ и ясно выступаетъ ея физіономія.

Среди всѣхъ различій, какія встрѣчаются между религіознымъ переворотомъ XVI вѣка и французской революціей, есть одно поразительное: въ XVI вѣкѣ большинство знатныхъ лицъ устремились къ перемѣнѣ религіи или изъ честолюбивыхъ разсчетовъ или изъ жадности, народъ же, наоборотъ, принялъ новую религію по убѣжденію, не ожидая отъ этого никакой выгоды. Въ XVIII вѣкѣ вышло иначе: въ этомъ случаѣ безкорыстныя вѣрованія и великодушныя симпатіи взволновали всѣ просвѣщенные классы и толкнули ихъ въ революцію, тогда какъ народъ волновался благодаря горькому сознанію своихъ обидъ и горя желаніемъ измѣнить свое положеніе. Энтузіазмъ первыхъ окончательно разжегъ и вооружилъ озлобленіе и алчность вторыхъ.

ГЛАВА VI.

О нѣкоторыхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ правительство завершило революціонное воспитаніе народа.

Уже давно правительство само работало надъ тѣмъ, чтобы ввести и вкоренить въ сознаніе народа нѣкоторыя изъ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи были признаны революціонными, идей, враждебныхъ свободѣ личности, противорѣчащихъ частнымъ правамъ и ведущихъ къ насилію.

Король первый показалъ, съ какимъ презрѣніемъ можно было обращаться съ самыми старѣйшими и, повидимому, безусловно прочными учрежденіями. Людовикъ XV настолько же пошатнулъ монархію и ускорилъ революцію своими новшествами, насколько и своими пороками, настолько же своей энергіей, насколько и своимъ слабоволіемъ. Когда народъ увидѣлъ, какъ палъ и исчезъ парламентъ, возникшій почти одновременно съ королевской властью, казавшійся до тѣхъ поръ столь же непоколебимымъ, какъ и сама королевская власть, то онъ смутно понялъ, что уже приближались времена насилія и всякихъ неожиданностей, когда все становится возможнымъ, когда никакая древность не внушаетъ почтенія, когда нѣтъ такого нововведенія, котораго нельзя было бы испробовать.

Людовикъ XVI за все время своего царствованія только и говорилъ о необходимости реформъ. Почти не оставалось такихъ учрежденій, близкую гибель которыхъ онъ не предвѣщалъ бы заранѣе, раньше чѣмъ возникла революція, которая на самомъ дѣлѣ всѣ эти учрежденія уничтожила. Устранивъ изъ законодательства нѣкоторыя изъ наиболѣе неудовлетворительныхъ учрежденій, Людовикъ XVI вскорѣ ихъ возстановилъ. Можно было бы подумать, что онъ хотѣлъ подорвать ихъ жизненную силу, предоставляя другимъ заботу уничтожить ихъ.

Изъ реформъ, которыя ввелъ онъ самъ, нѣкоторыя грубо и

безъ достаточной подготовки измѣнили старинныя и почитаемыя привычки и подчасъ рѣзко нарушали пріобрѣтенныя права. Такимъ образомъ, онѣ подготовляли революцію не столько уничтоженіемъ того, что являлось для нея преградой, сколько наглядными примѣрами, какъ слѣдуетъ взяться за революцію. Зло увеличивалось какъ разъ чистотой и безкорыстіемъ намѣреній, руководившихъ королемъ и его министрами, потому что самымъ опаснымъ примѣромъ для толпы является насиліе, оказываемое ради добрыхъ намѣреній людьми благонамѣренными.

Задолго до этого Людовикъ XIV гласно проводилъ въ своихъ указахъ ту теорію, что всѣ земли королевства были первоначально предоставлены частнымъ лицамъ государствомъ на извѣстныхъ условіяхъ. Государство становилось, слѣдовательно, ихъ единственнымъ истиннымъ собственникомъ, тогда какъ всѣ остальные были лишь такими владѣльцами, права которыхъ могли быть спорными и неполными. Источникомъ этого ученія было феодальное законодательство, но оно проводилось во Франціи лишь въ тѣ времена, когда феодализмъ погибалъ, и никогда не было признано судами. Эта идея — источникъ современнаго соціализма. Любопытно, что она находитъ первое свое выраженіе въ королевскомъ деспотизмѣ.

Во время царствованій, слѣдовавшихъ за царствованіемъ этого государя, администрація ежедневно учила народъ, болѣе практическимъ и доступнымъ для него способомъ, тому презрѣнію, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ чужой собственности. Когда во второй половинѣ XVIII вѣка пристрастіе къ общественнымъ работамъ и въ особенности къ проведенію дорогъ стало усиливаться и распространяться, правительство не стѣснялось завладѣть всѣми землями, какія ему были нужны для его предпріятій, и разрушать дома, которыя ему мѣшали. Вѣдомство путей сообщенія уже тогда увлекалось геометрическою красотой прямой линіи и сохранило съ тѣхъ поръ эту страсть; оно избѣгало весьма тщательно слѣдовать направленію существующихъ дорогъ только изъ-за того, что онѣ казались ему нѣсколько кривыми, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать легкій обходъ, оно прорѣзывало прямо тысячу частныхъ земель. За

опустошенныя или разоренныя такимъ способомъ имущества уплачивалась всегда произвольная сумма; уплата производилась очень поздно, а часто и вовсе не производилась.

Когда провинціальное собраніе нижней Нормандіи приняло административныя дѣла изъ рукъ интенданта, то оно констатировало, что стоимость всѣхъ земель, захваченныхъ властью въ теченіе 20 лѣтъ на проведеніе дорогъ, не была еще оплачена. Обусловленный такимъ образомъ и не оплаченный государствомъ долгъ доходилъ въ этомъ небольшомъ уголкѣ Франціи до 250,000 ливровъ. Число богатыхъ помѣщиковъ, не получившихъ вознагражденія за свои убытки, было не велико, но число обездоленныхъ мелкихъ владѣльцевъ было значительно, потому что земля уже тогда была раздѣлена на очень мелкіе участки. Каждый изъ послѣднихъ на собственномъ опытѣ убѣдился, какъ мало вниманія заслуживаютъ права индивидуума, когда общественный интересъ требуетъ покрытія этого права, но это ученіе забывалось, когда рѣчь шла о примѣненіи его къ другимъ въ свою пользу.

Когда-то въ очень многихъ приходахъ существовали благотворительныя учрежденія, которыя, согласно намѣренію своихъ основателей, имѣли цѣлью оказывать помощь жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ и тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ въ завѣщаніи. Большинство этихъ учрежденій были уничтожены въ послѣднія времена монархіи или были отвлечены отъ своихъ первоначальныхъ задачъ простыми приказами королевскаго совѣта, т.-е. чистымъ произволомъ правительства. Обыкновенно отданныя такимъ способомъ суммы, ассигнованныя деревнямъ, отнимались въ пользу сосѣднихъ пріютовъ для бѣдныхъ. Въ свою очередь имущество этихъ больницъ къ тому же времени было преобразовано въ видахъ, совершенно несогласныхъ съ намѣреніями жертвователей, которые навѣрное и не одобрили бы ихъ. Указъ 1780 года разрѣшилъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ продавать имѣнія, доставшіяся имъ въ разное время для вѣчнаго пользованія, и позволилъ имъ вручить вырученную сумму государству, которое должно было платить имъ взамѣнъ этого проценты. Это значило, какъ

тогда говорили, дѣлать изъ благотворительности предковъ лучшее употребленіе, чѣмъ то, которое они сами придумали для нея. При этомъ забывали, что лучшимъ способомъ научить людей насиловать индивидуальныя права живыхъ является нарушеніе воли покойниковъ. Пренебреженіе, которое проявляла администрація стараго порядка мъ этимъ правамъ, не было превзойдено ни однимъ изъ послѣдующихъ правительствъ. У нея никогда не замѣчалось той нѣсколько педантической щепетильности, въ силу которой англичане отдаютъ въ распоряженіе каждаго гражданина всю мощь государства для поддержки его послѣднихъ распоряженій и въ силу которой они проявляютъ больше уваженія къ памяти человѣка, чѣмъ къ нему самому.

Реквизиціи, обязательная продажа средствъ пропитанія, установленіе максимальныхъ цѣнъ—все это правительственныя мѣры, которыя уже имѣли прецеденты при старомъ порядкѣ. Въ голодные годы, какъ я могъ убѣдиться изъ документовъ, администраторы заранѣе утверждали цѣну продуктовъ, которые крестьяне приносили на рынокъ, а такъ какъ послѣдніе, опасаясь быть притѣсняемыми, переставали посѣщать рынки, то администраторы издавали приказанія, чтобы обязать ихъ къ этому подъ страхомъ штрафа.

Но самое вредное воспитательное вліяніе имѣли нѣкоторыя формы уголовнаго судопроизводства, примѣнявшіяся къ народу.

Бѣднякъ въ это время уже былъ гораздо больше обезпеченъ отъ посягательствъ на его права со стороны болѣе богатаго или болѣе могущественнаго, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Но если ему приходилось имѣть дѣло съ государствомъ, онъ встрѣчалъ только исключительные суды, предубѣжденныхъ судей, торопливое или фиктивное разбирательство, приговоръ, подлежавшій немедленному и безапелляціонному исполненію: „Его Величество повелѣваетъ начальнику дозорной команды и его помощнику вѣдать дѣла о волненіяхъ и скопищахъ, могущія возникнуть по поводу хлѣбнаго довольствія; приказываетъ, чтобы процессы были разбираемы и окончательно рѣшаемы ими въ порядкѣ превотальнаго суда и въ послѣдней инстан-

ціи; запрещаетъ всѣмъ прочимъ судебнымъ учрежденіямъ разсматривать эти дѣла".

Это постановленіе королевскаго совѣта имѣло силу закона въ теченіе всего XVIII вѣка. Изъ протоколовъ жандармеріи видно, что въ подобныхъ случаяхъ подозрительныя деревни оцѣплялись ночью, на разсвѣтѣ входили въ дома и арестовывали намѣченныхъ заранѣе крестьянъ, причемъ не было рѣчи ни о какомъ судебномъ приказѣ. Человѣкъ, арестованный такимъ путемъ, часто въ теченіе долгаго времени оставался въ тюрьмѣ, прежде чѣмъ предстать предъ своимъ судьей. Тѣмъ не менѣе, однако, въ указѣ говорилось, чтобы всякій обвиняемый былъ допрошенъ въ теченіе 24 часовъ. Это требованіе закона было тогда столь же несомнѣннымъ и такъ же мало соблюдалось, какъ и въ наши дни.

Вотъ какимъ способомъ правительство, въ сущности мирное и прочное, пріучало ежедневно народъ къ такому уголовному кодексу, который былъ наиболѣе приноровленъ къ временамъ революціи и наиболѣе удобенъ для тирановъ. Эта школа была всегда открыта. Старый порядокъ до конца продолжалъ давать низшимъ классамъ это опасное обученіе. Даже Тюрго тщательно подражалъ въ этомъ отношеніи примѣру своихъ предшественниковъ. Когда въ 1775 году его указъ о хлѣбной торговлѣ вызвалъ противодѣйствіе парламента и бунты въ деревняхъ, онъ испросилъ у короля приказъ, который предавалъ бунтовщиковъ съ устраненіемъ обычныхъ судовъ превотальной юрисдикціи, „каковая"—такъ говорится въ приказѣ—„преимущественно предназначена для подавленія народныхъ волненій, когда бываетъ полезно быстро показать примѣръ строгости". Мало того: всѣ крестьяне, которые удалялись изъ своихъ приходовъ, не будучи снабжены удостовѣреніемъ, подписаннымъ священникомъ и старшиной, должны были подлежать преслѣдованію, аресту и превотальному суду, какъ бродяги.

Правда, въ этой монархіи XVIII вѣка хотя формы и были страшны, но наказаніе почти всегда смягчалось. Тогда предпочитали внушать страхъ, чѣмъ причинять страданія, или, точнѣе, произвола и насилія держались по привычкѣ, а по

темпераменту были мягки. Но отъ этого только легче усваивалось пристрастіе къ такому упрощенному правосудію. Чѣмъ легче было наказаніе, тѣмъ легче забывался способъ, посредствомъ котораго оно налагалось. Мягкость приговора заслоняла собою ужасы процедуры.

Съ фактами въ рукахъ я рѣшаюсь утверждать, что большинство пріемовъ, примѣненныхъ революціоннымъ правительствомъ, имѣло прецеденты и примѣры въ мѣрахъ, принятыхъ относительно народа въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ монархіи. Старый порядокъ далъ революціи многое изъ своихъ формъ; она добавила къ нимъ лишь суровость своего духа.

ГЛАВА VII.

Какъ великая административная революція предшествовала революціи политической и какія отсюда получились послѣдствія.

Еще ничто не измѣнилось въ формѣ правленія, какъ уже большинство второстепенныхъ законовъ, регулирующихъ положеніе отдѣльныхъ лицъ и управленіе дѣлами, было отмѣнено или измѣнено.

Уничтоженіе цеховъ и ихъ частичное и неполное возстановленіе глубоко измѣнили всѣ прежнія отношенія между хозяиномъ и рабочимъ. Эти отношенія стали не только иными, но они сдѣлались неопредѣленными и неестественными. Полицейская власть хозяевъ была уничтожена, а опека государства еще не была прочно установлена, и мастеровой, поставленный въ неловкое и неопредѣленное положеніе между правительствомъ и хозяиномъ, не зналъ въ точности, какая изъ этихъ двухъ властей можетъ ему покровительствовать и какая должна

его удерживать въ порядкѣ. Это состояніе недомоганія и анархіи, въ которое поставили сразу весь низшій классъ городского населенія, имѣло великія послѣдствія, какъ только народъ вновь началъ выступать на политической аренѣ.

За годъ до революціи одинъ королевскій указъ перевернулъ во всѣхъ частяхъ порядокъ судопроизводства. Многія юрисдикціи были созданы вновь, множество другихъ было отмѣнено, всѣ правила, касающіяся компетенціи судовъ, были измѣнены. А между тѣмъ во Франціи, какъ я уже сказалъ, число тѣхъ, которые занимались судоговореніемъ или исполненіемъ судебныхъ рѣшеній, было громадно.

Въ сущности вся буржуазія имѣла болѣе или менѣе близкое отношеніе къ судамъ. Слѣдствіемъ закона являлось, такимъ образомъ, внезапное нарушеніе положенія и благосостоянія многихъ тысячъ семействъ, причемъ ихъ ставили въ новыя ненадежныя условія. Не меньше неудобствъ доставилъ указъ и тяжущимся, которымъ среди этой судебной революціи было не легко рѣшать, какой законъ долженъ быть примѣненъ къ ихъ дѣлу и какой судъ компетентенъ его рѣшить.

Но особенно большое значеніе имѣла та радикальная реформа собственно-административной системы, которая послѣдовала въ 1787 г., внесла безпорядокъ въ государственныя дѣла и въ концѣ концовъ отразилась и на частной жизни каждаго гражданина.

Я уже говорилъ, что во всѣхъ т. наз. pays d'élection, т.-е. почти въ $^3/_4$ всей Франціи, все управленіе генералитетомъ было ввѣрено одному лицу, интенданту, который дѣйствовалъ не только безконтрольно, но и ни съ кѣмъ не совѣщаясь.

Въ 1787 году наряду съ интендантами было учреждено провинціальное собраніе, сдѣлавшееся истиннымъ администраторомъ страны. Въ каждой деревнѣ выборное правленіе заняло мѣсто прежнихъ приходскихъ собраній и въ большинствѣ случаевъ—старшины.

Законодательство, столь противоположное тому, какое ему предшествовало и которое такъ совершенно мѣняло не только порядокъ дѣлъ, но и относительное положеніе гражданъ, должно

было быть примѣнено повсюду сразу и почти одинаковымъ образомъ, безотносительно къ прежнимъ обычаямъ и особенностямъ отдѣльныхъ провинцій: вотъ до какой степени уравнительный духъ революціи владѣлъ уже тѣмъ старымъ правительствомъ, истребить которое было суждено революціи.

Во Франціи, при старомъ порядкѣ, существовали всякаго рода власти, мѣнявшіяся до безконечности, смотря по провинціи. Изъ числа этихъ властей ни одна не имѣла прочныхъ и вполнѣ извѣстныхъ границъ, такъ что кругъ дѣйствія каждой изъ этихъ властей совпадалъ съ кругомъ дѣйствія многихъ другихъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ удалось установить правильный и довольно удобный порядокъ веденія дѣлъ, тогда какъ новыя власти, будучи менѣе многочисленными, старательно разграниченными и однородными, немедленно столкнулись и перепутались между собой, вызывая величайшую путаницу и часто приводя другъ друга къ безсилію.

Впрочемъ, новый законъ страдалъ большимъ порокомъ, котораго одного было достаточно, чтобы затруднить осуществленіе его особенно вначалѣ: всѣ созданныя имъ власти имѣли коллегіальный характеръ.

При старой монархіи всегда были извѣстны лишь два способа управленія: въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ управленіе довѣрялось одному лицу, послѣднее дѣйствовало безъ участія какого бы то ни было собранія; тамъ же, гдѣ существовали собранія, какъ, напр., въ pays d'états или въ городахъ, исполнительная власть не поручалась никому въ отдѣльности; собраніе не только руководило и наблюдало за управленіемъ, но управляло также само либо непосредственно, либо при посредствѣ избираемыхъ имъ временныхъ коммиссій.

Такъ какъ тогда знали только эти два способа дѣйствія, то какъ только оставляли одинъ изъ нихъ, то прибѣгали къ другому. Весьма странно, что въ средѣ столь просвѣщеннаго общества, въ которомъ съ давнихъ поръ государственная администрація играла столь важную роль, никому никогда не пришло въ голову соединить обѣ системы и, не разъединяя ихъ окончательно, все же различать власть исполнительную отъ власти

предписывающей и контролирующей. Эта, повидимому, простая идея въ тѣ времена еще не возникала, и ее открыли лишь въ XIX вѣкѣ. Это, можно сказать, единственное великое открытіе въ дѣлѣ организаціи общественнаго управленія, которое было нами сдѣлано. Мы еще увидимъ, что вышло изъ противоположнаго способа, когда, перенося въ политику административные нравы и подчиняясь традиціи стараго порядка (при всей ненависти къ нему), въ національномъ конвентѣ примѣнили ту систему, которой слѣдовали провинціальныя власти и городскія управленія мелкихъ городовъ, и какъ изъ того, что до тѣхъ поръ только тормозило дѣла, внезапно возникъ терроръ.

Провинціальныя собранія 1787 года получили такимъ образомъ право самоуправленія въ предѣлахъ почти всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя до этого времени рѣшались интендантомъ единолично. Они должны были подъ руководствомъ центральной власти, раскладывать таллію и слѣдить за ея взиманіемъ, рѣшать, какія общественныя работы должны быть предприняты, и приводить ихъ въ исполненіе. Въ ихъ непосредственномъ распоряженіи находились всѣ агенты инженернаго вѣдомства, начиная съ инспектора и кончая простымъ надзирателемъ.

Они должны были имъ предписывать все, что считали нужнымъ, давать отчетъ о службѣ этихъ агентовъ министру и представлять ихъ къ тѣмъ наградамъ, какія они заслуживали. Опека надъ общинами была почти всецѣло передана этимъ собраніямъ; они должны были рѣшать въ первой инстанціи большинство дѣлъ, которыя до тѣхъ поръ разрѣшались интендантомъ, и пр. Многія изъ этихъ функцій плохо согласовались съ коллегіальнымъ устройствомъ и безотвѣтственностью этихъ собраній, а вдобавокъ онѣ ввѣрялись лицамъ, которыя впервые занимались административной дѣятельностью.

Но окончательно довершило путаницу то обстоятельство, что должность интенданта была сохранена, несмотря на то, что власть его была сведена къ нулю. Снявъ съ него безусловную обязанность дѣлать все, на него возложили обязанность помогать собранію и контролировать его дѣятельность. Какъ будто павшій сановникъ можетъ когда-либо проникнуться духомъ того

законодательства, которое устраняетъ его власть, и содѣйствовать его примѣненію.

Участь интенданта раздѣлилъ и его субделегатъ. Возлѣ него и на раньше занимаемомъ имъ мѣстѣ было поставлено окружное собраніе, которое должно было дѣйствовать подъ руководствомъ провинціальнаго собранія, на основаніи одинаковыхъ принциповъ.

Все, что извѣстно объ актахъ провинціальныхъ собраній, созданныхъ въ 1787 году, а также и ихъ протоколы, показываетъ, что тотчасъ по ихъ возникновеніи они вступили въ скрытую, а иногда и явную борьбу съ интендантами, причемъ послѣдніе пользовались пріобрѣтеннымъ ими опытомъ только для того, чтобы затруднять дѣятельность своихъ преемниковъ. Въ одномъ мѣстѣ собраніе жалуется, что оно можетъ вырвать лишь насильно изъ рукъ интенданта необходимые ему документы. Въ другомъ—интендантъ обвиняетъ членовъ собранія въ томъ, что они хотятъ узурпировать полномочія, которыя, какъ онъ говоритъ, сохранены за нимъ указомъ. Онъ обращается по этому поводу къ министру, который зачастую ничего не отвѣчаетъ, или предается сомнѣніямъ, такъ какъ дѣло это для него такъ же ново и такъ же темно, какъ и для всѣхъ остальныхъ. Иногда собраніе заявляетъ, что интендантъ плохо управляетъ, и что дороги, которыя онъ приказалъ провести, плохо намѣчены или плохо содержатся, что онъ разорилъ общины, которыя онъ опекалъ. Часто эти собранія колеблются среди столь мало извѣстнаго законодательства.

Они издалека обращаются другъ къ другу за совѣтами и постоянно получаютъ другъ отъ друга заявленія. Ошскій интендантъ считаетъ себя въ правѣ противиться волѣ провинціальнаго собранія, которое разрѣшило одной общинѣ обложить себя податью. Собраніе утверждаетъ, что въ этомъ дѣлѣ интендантъ отнынѣ имѣетъ лишь совѣщательный голосъ и не можетъ приказывать, и оно спрашиваетъ провинціальное собраніе Иль-де Франса, что оно объ этомъ думаетъ.

Среди этихъ взаимныхъ обидъ и консультацій ходъ управленія часто тормозится, а иногда и останавливается, и тогда

общественная жизнь какъ бы прекращается. „Застой дѣлъ полный“, замѣчаетъ лотарингское провинціальное собраніе, являющееся эхомъ многихъ другихъ, „всѣ добрые граждане огорчены этимъ“.

Иногда же эти новыя управленія грѣшатъ избыткомъ дѣятельности и довѣрія къ собственнымъ силамъ; они преисполнены безпокойнаго и запутывающаго дѣло усердія, которое ихъ заставляетъ сразу перемѣнить старые методы и исправить наскоро самыя старинныя злоупотребленія. Подъ предлогомъ, что опека надъ городами отнынѣ принадлежитъ имъ, они сами берутся за веденіе мѣстныхъ дѣлъ. Словомъ, они окончательно запутываютъ все, желая все исправить.

Если принять во вниманіе то важное положеніе, какое уже издавна занимала во Франціи государственная администрація, ту массу интересовъ, которыхъ она ежедневно касалась, все, что отъ нея зависѣло или нуждалось въ ея содѣйствіи, если вспомнить, что частныя лица уже разсчитывали больше на нее, чѣмъ на себя, чтобы вести удачно ихъ собственныя дѣла, чтобы покровительствовать ихъ предпріимчивости, обезпечить ихъ продовольствіе, устроить и содержать пути сообщенія, охранить ихъ безопасность и обезпечить ихъ благосостояніе,— то мы поймемъ, какое безконечное число людей оказалось лично затронутымъ тѣмъ разстройствомъ, отъ котораго страдала администрація.

Больше всего недостатки новой организаціи особенно ощущались въ деревняхъ. Тамъ она не только нарушила обычный порядокъ въ соотношеніи властей, но измѣнила сразу отношенія людей другъ къ другу, поставила лицомъ къ лицу и привела къ столкновенію всѣ классы.

Когда Тюрго въ 1775 году предложилъ королю преобразовать сельское управленіе, то величайшее затрудненіе, встрѣченное имъ при этомъ, заключалось, по его собственнымъ словамъ, въ неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ; какъ въ самомъ дѣлѣ заставить дѣйствовать и обсуждать сообща приходскія дѣла, изъ коихъ важнѣйшими являются раскладка, взиманіе и расходованіе податей, людей, изъ коихъ не всѣ

обязаны платить ихъ одинаковымъ образомъ, а нѣкоторые даже совершенно освобождены отъ податей? Въ составъ каждаго прихода входили дворяне и духовныя лица, которые не платили талліи, крестьяне, освобожденные отъ нея частью или цѣликомъ, и другіе крестьяне, уплачивавшіе ее полностью. Это было какъ будто три различныхъ прихода, изъ которыхъ каждый требовалъ особаго управленія. Затрудненіе было неразрѣшимо.

Нигдѣ, въ самомъ дѣлѣ, неравномѣрность налоговъ не была замѣтнѣе, чѣмъ въ деревняхъ; нигдѣ населеніе не было больше раздѣлено на различныя группы, часто враждебныя другъ другу. Чтобы дать деревнямъ коллективное управленіе и обезпечить имъ свободное устройство, нужно было сначала подчинить всѣхъ одинаковымъ налогамъ и уменьшить въ этомъ отношеніи раздѣлявшее классы различіе.

Не такъ, однако, взялись за дѣло, когда, наконецъ, въ 1787 году предприняли эту реформу. Внутри прихода поддерживалось прежнее раздѣленіе сословій и главный его признакъ — неравенство податного обложенія — и тѣмъ не менѣе все управленіе было ввѣрено выборнымъ коллегіямъ. Это сейчасъ же привело къ самымъ своеобразнымъ послѣдствіямъ.

Такъ, въ избирательномъ собраніи, которое должно было выбрать муниципальныхъ должностныхъ лицъ, приходскій священникъ и сеньеръ не могли участвовать; они принадлежали, какъ говорилось, къ дворянскому и духовному сословію; а въ данномъ случаѣ преимущественно третье сословіе должно было выбрать своихъ представителей.

Разъ муниципальный совѣтъ былъ избранъ, священникъ и сеньеръ, наоборотъ, входили въ его составъ по закону; ибо казалось неприличнымъ устранить совершенно отъ управленія приходомъ двухъ столь именитыхъ его жителей. Помѣщикъ даже предсѣдательствовалъ среди этихъ членовъ муниципальнаго совѣта, въ избраніи которыхъ онъ не принималъ участія; но онъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ большинство ихъ актовъ. Когда приступали, напримѣръ, къ раскладкѣ и распредѣленію талліи, то священникъ и помѣщикъ не могли участво-

вать въ голосованіи. Вѣдь оба они были свободны отъ этого налога! Съ другой стороны, муниципальный совѣтъ не вмѣшивался въ установленіе слѣдуемой съ нихъ подати (capitation); этотъ налогъ попрежнему устанавливался, въ особомъ порядкѣ, интендантомъ.

Опасаясь, какъ бы этотъ предсѣдатель, лишенный такимъ образомъ связи съ тѣмъ сословіемъ, которымъ онъ какъ будто руководилъ, не оказалъ косвенно вліянія, несогласнаго съ интересами чуждаго ему сословія, крестьяне требовали, чтобы голоса его фермеровъ не считались. А провинціальныя собранія, запрошенныя по этому поводу, нашли это требованіе весьма справедливымъ и вполнѣ согласнымъ съ духомъ закона. Остальные дворяне, жившіе въ приходѣ, не могли войти въ составъ муниципальнаго совѣта, являвшагося представителемъ третьяго сословія, если только они не были избраны крестьянами. Если же они были избраны послѣдними, то они согласно регламенту могли быть только представителями интересовъ третьяго сословія.

Сеньеръ такимъ образомъ появлялся въ совѣтѣ лишь съ тѣмъ, чтобы подчиниться всецѣло своимъ бывшимъ подданнымъ, внезапно сдѣлавшимся его господами; онъ былъ здѣсь скорѣе ихъ плѣнникомъ, чѣмъ ихъ главой. При такомъ способѣ собиранія людей казалось, что имѣлось въ виду не столько ихъ сблизить, сколько указать имъ яснѣе, въ чемъ они отличались другъ отъ друга и насколько интересы ихъ были противоположны.

Остался ли синдикъ (старшина) тѣмъ лишеннымъ значенія должностнымъ лицомъ, функціи котораго исполнялись лишь по принужденію, или же его положеніе возвысилось вмѣстѣ съ положеніемъ всей общины, главнымъ агентомъ которой онъ оставался попрежнему? Никто этого въ точности не зналъ. Я нахожу въ документахъ 1788 года письмо нѣкоего деревенскаго судебнаго пристава, который возмущенъ тѣмъ, что его выбрали для исполненія обязанностей старшины. „Это“, говоритъ онъ, „противно всѣмъ привилегіямъ его должности“. Генеральный контролеръ отвѣчаетъ, что ему нужно внушить болѣе

правильное представленіе, „и дать ему понять, что онъ долженъ считать за честь быть избраннымъ согражданами, и что, кромѣ того, новые синдики вовсе не похожи на тѣхъ чиновниковъ, которые дотолѣ носили то же названіе, и что они должны разсчитывать на большее вниманіе со стороны правительства“.

Съ другой стороны, мы видимъ высшихъ обитателей прихода и даже дворянъ, которые внезапно стараются сблизиться съ крестьянами, какъ только послѣдніе становятся силой. Сеньеръ одного села въ окрестностяхъ Парижа, обладавшій въ немъ высшей судебной властью, жалуется на то, что указъ препятствуетъ ему принять участіе, даже хотя бы въ качествѣ простого обывателя, въ дѣлахъ приходскаго собранія. Другіе соглашаются, какъ они говорятъ, „ради общаго блага исполнять даже обязанности синдика“.

Но было уже слишкомъ поздно. По мѣрѣ того, какъ лица богатыхъ классовъ приближаются къ сельскому населенію и силятся всячески смѣшаться съ нимъ, оно замыкается въ той обособленности, въ которую оно было поставлено, и отстаиваетъ эту позицію. Встрѣчаются муниципальныя собранія приходовъ, которыя отказываются принимать въ свою среду сеньера; другія же устраиваютъ всякаго рода каверзы, прежде чѣмъ допустить разночинцевъ, даже если послѣдніе богаты. „Мы знаемъ“, говоритъ провинціальное собраніе нижней Нормандіи, „что нѣкоторыя муниципальныя собранія отказались принять въ свою среду помѣщиковъ-разночинцевъ, ссылаясь на то, что они не имѣютъ осѣдлости въ приходѣ, хотя несомнѣнно, что они имѣютъ право участія въ собраніи. Другія собранія также отказались допустить фермеровъ, которые не имѣли собственности въ предѣлахъ ихъ территоріи“.

Итакъ, мы уже видимъ, что въ области законовъ производныхъ все уже было ново, неясно и противорѣчиво, раньше даже, чѣмъ дѣло коснулось основныхъ законовъ, которые регулировали порядокъ управленія государствомъ. То, что еще уцѣлѣло, было расшатано, и не было, такъ сказать, ни одного узаконенія, которое сама центральная власть не объявила бы подлежащимъ отмѣнѣ или скорому измѣненію.

Это внезапное и колоссальное измѣненіе всѣхъ административныхъ правилъ и обычаевъ, которое предшествовало у насъ политической революціи и о которомъ нынѣ едва упоминаютъ, было уже, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ величайшихъ переворотовъ, какіе когда-либо встрѣчались въ исторіи великаго народа. Эта первая революція оказала огромное вліяніе на вторую и сдѣлала изъ нея событіе, отличное отъ всѣхъ другихъ явленій того же рода, которыя произошли до тѣхъ поръ въ мірѣ или совершились съ того времени.

Первая революція въ Англіи, которая перевернула весь политическій строй этой страны и отмѣнила тамъ все вплоть до королевской власти, коснулась лишь очень поверхностно второстепенныхъ узаконеній и не измѣнила почти ничего въ обычаяхъ и нравахъ страны. Судебныя и административныя власти сохранили свои формы и слѣдовали тѣмъ же заблужденіямъ, какія были и въ прошломъ. Въ самый разгаръ гражданской войны, двѣнадцать судей Англіи продолжали, какъ говорятъ, объѣзжать по два раза въ годъ всѣ уголовные суды. Словомъ, здѣсь не было взбудоражено все сразу. Революція оказалась ограниченной въ своихъ дѣйствіяхъ, и англійское общество, хотя волновавшееся въ верхнихъ своихъ слояхъ, сохранило твердость своего базиса.

Мы сами видѣли во Франціи съ 1789 года многія революціи, которыя измѣнили сверху до низу все устройство государственной жизни. Большинство изъ нихъ были внезапны и были выполнены силой, съ открытымъ нарушеніемъ дѣйствующихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, безпорядокъ, который онѣ породили, никогда не былъ ни продолжительнымъ, ни всеобщимъ; онѣ едва ощущались наибольшей частью націи, а иногда едва замѣчались.

Съ 1789 года административный строй всегда оставался въ силѣ среди развалинъ политическихъ конституцій. Мѣнялась личность властителя или формы центральной власти, но ежедневный ходъ дѣлъ не прерывался и не нарушался; въ мелкихъ повседневныхъ дѣлахъ, больше всего его интересовавшихъ, каждый продолжалъ оставаться подчиненнымъ тѣмъ правиламъ

и обычаямъ, какіе онъ зналъ прежде; каждый зависѣлъ отъ второстепенныхъ властей, къ которымъ привыкъ всегда обращаться, и обыкновенно имѣлъ дѣло съ тѣми же агентами; ибо, если при каждой революціи верхи администраціи мѣнялись, то самый организмъ ея оставался нетронутымъ и живымъ. Тѣ же обязанности отправлялись тѣми же чиновниками, и, несмотря на разнообразіе политическихъ порядковъ, они вносили всюду свой духъ и свою рутину. Они судили и управляли именемъ короля, а затѣмъ именемъ республики и, наконецъ, именемъ императора. Затѣмъ, когда фортуна повертывала свое колесо, продѣлывая тотъ же оборотъ, они снова начинали управлять и судить именемъ короля, именемъ республики, именемъ императора, оставаясь при этомъ все тѣми же и дѣлая все то же. Какое въ самомъ дѣлѣ значеніе имѣло для нихъ названіе власти? Ихъ дѣло гораздо меньше заключалось въ томъ, чтобы быть гражданами, чѣмъ быть хорошими администраторами и хорошими судьями. Когда первое потрясеніе проходило, то казалось, что въ цѣлой странѣ ничто не пошевельнулось.

Въ то время, какъ разразилась революція, эта часть государственнаго управленія, которая, несмотря на свою подчиненность, даетъ себя каждый день чувствовать каждому гражданину и наиболѣе постояннымъ и дѣйствительнымъ образомъ вліяетъ на его благополучіе, только-что была цѣликомъ опрокинута: государственная администрація сразу перемѣнила всѣхъ своихъ агентовъ и обновила свои принципы. Государство, повидимому, вначалѣ не испытало значительнаго сотрясенія отъ этой громадной реформы, но всѣ французы почувствовали отъ нея небольшое, своеобразное потрясеніе. Каждый оказался поколебленнымъ въ своемъ положеніи, смущеннымъ въ своихъ привычкахъ или стѣсненнымъ въ своей промышленной дѣятельности. Въ наиболѣе важныхъ и общихъ дѣлахъ еще продолжалъ господствовать извѣстный порядокъ, тогда какъ никто уже не зналъ ни кому повиноваться, ни къ кому обращаться, ни какъ вести себя въ тѣхъ менѣе важныхъ и частныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ состоитъ повседневное движеніе общественной жизни.

Такъ какъ ни одна изъ частей націи уже не чувствовала подъ собой почвы, то какой-нибудь одинъ ударъ могъ потрясти ее всю и вызвать сильнѣйшій переворотъ и смуту.

ГЛАВА III.

Какъ революція возникла сама собой изъ всего вышеуказаннаго.

Въ заключеніе я хочу собрать нѣкоторыя изъ тѣхъ замѣчаній, которыя я сдѣлалъ до сихъ поръ, и посмотрѣть, какъ изъ того стараго порядка, картину котораго я представилъ, революція возникла какъ бы сама собой.

Если принять во вниманіе, что феодальная система, не мѣняя своихъ вредныхъ или раздражающихъ сторонъ, утратила у насъ все то, что могло покровительствовать или служить благу народа, то мы будемъ меньше удивляться тому, что революція, которой предстояло насильственно отмѣнить этотъ старый строй Европы, разразилась именно во Франціи, а не въ другой странѣ.

Если обратить вниманіе на то, что дворянство, утративъ свои прежнія политическія права и переставъ, больше чѣмъ въ какой-либо иной части феодальной Европы, управлять и руководить населеніемъ, тѣмъ не менѣе, не только сохранило, но значительно увеличило свои финансовыя привилегіи и тѣ преимущества, какими въ отдѣльности пользовались его члены, что, становясь подчиненнымъ сословіемъ, оно осталось все же привилегированнымъ и замкнутымъ классомъ, что оно становилось, какъ я указывалъ, все менѣе и менѣе аристократіей и все болѣе и болѣе кастой, то уже не будетъ удивительнымъ, что привилегіи дворянства казались столь непонятными и ненавистными французамъ и что при видѣ ихъ демократическая зависть

засѣла въ ихъ сердца такъ сильно, что продолжаетъ горѣть въ нихъ и понынѣ.

Если вспомнить, наконецъ, что это дворянство, отдѣленное отъ среднихъ слоевъ общества, которые оно оттолкнуло отъ себя, и въ то же время отдѣленное отъ народа, на который оно утратило свое вліяніе, осталось совершенно изолированнымъ среди націи, являясь съ внѣшней стороны какъ бы главой арміи, а на самомъ дѣлѣ корпусомъ офицеровъ безъ солдатъ, то станетъ понятнымъ, какъ оно могло быть уничтожено въ теченіе одной ночи, просуществовавъ цѣлое тысячелѣтіе.

Я уже показалъ, какимъ образомъ королевское правительство отмѣнивъ вольности провинцій и замѣнивъ въ трехъ четвертяхъ Франціи всѣ мѣстныя власти, привлекло къ себѣ всѣ дѣла, какъ самыя незначительныя, такъ и самыя важныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, какимъ образомъ Парижъ по необходимости сдѣлался хозяиномъ страны, которой онъ до тѣхъ поръ былъ только столицей, или, вѣрнѣе, замѣнилъ собой всю страну.

Эти два факта, которые являются особенностью Франціи, достаточны сами по себѣ, чтобы объяснить, почему одно возстаніе могло побѣдить сразу монархію, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ перенесла столь сильные удары и которая, наканунѣ своего паденія, казалась еще непоколебимой даже для тѣхъ, которые собирались ее низвергнуть.

Такъ какъ Франція была одной изъ тѣхъ странъ Европы, въ которой политическая жизнь угасла особенно рано и полно, въ которой частныя лица потеряли навыкъ къ дѣламъ, привычку понимать смыслъ событій, представленіе о характерѣ народныхъ движеній и почти всякое пониманіе народа, то легко себѣ представить, какъ всѣ французы, не замѣчая того, могли быть вовлечены въ страшную революцію, причемъ тѣ которымъ она больше всего угрожала, шли впереди и старались открыть и расчистить ведшій къ ней путь.

Такъ какъ уже не существовало свободныхъ учрежденій, а слѣдовательно, не было ни политическихъ классовъ, ни живыхъ политическихъ органовъ, ни организованныхъ и руко-

водимыхъ партій, и такъ, какъ, за отсутствіемъ всѣхъ этихъ правильно дѣйствующихъ силъ, руководство общественнымъ мнѣніемъ, когда это общественное мнѣніе возникло, выпало на долю однихъ только философовъ, то можно было ожидать, что революція совершится не столько въ виду опредѣленныхъ частныхъ фактовъ, сколько на основаніи отвлеченныхъ принциповъ и чрезвычайно широкихъ теорій. Можно было предсказать, что, вмѣсто того, чтобы въ отдѣльности нападать только на дурные законы, будетъ сдѣлано нападеніе на всѣ законы и что захотятъ замѣнить старую конституцію Франціи совершенно новой правительственной системой, придуманной этими писателями.

Такъ какъ церковь всѣмъ своимъ существомъ была связана со всѣми старыми учрежденіями, которыя предстояло уничтожить, то не могло быть сомнѣнія въ томъ, что, опрокидывая гражданскую власть, эта революція должна будетъ потрясти въ то же время и религію. А разъ это такъ, то было невозможно предсказать, до какихъ неслыханныхъ дерзостей могъ увлечься духъ новаторовъ, освободившихся сразу отъ всѣхъ преградъ, которыя религія, нравы и законы ставятъ человѣческому воображенію.

Тотъ, кто хорошо изучилъ бы состояніе страны, могъ бы съ легкостью предвидѣть, что не будетъ такой неслыханной дерзости, которую въ этой странѣ не попытаются осуществить, не будетъ такого насилія, котораго не придется въ ней претерпѣть.

„Какъ!“ восклицаетъ Беркъ въ одномъ изъ своихъ наиболѣе краснорѣчивыхъ памфлетовъ, „нѣтъ человѣка, который могъ бы отвѣчать за самый ничтожный округъ; мало того, нѣтъ никого, кто могъ бы поручиться за другого. Всякій безъ сопротивленія подвергается аресту въ своемъ же домѣ, все равно—обвиняется ли онъ въ роялизмѣ, въ модерантизмѣ или въ чемъ другомъ“. Беркъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, въ какихъ условіяхъ эта монархія, о которой онъ сожалѣлъ, передала насъ нашимъ новымъ владыкамъ. Администрація стараго порядка заранѣе отняла у французовъ возможность

и охоту помогать другъ другу. Когда разразилась революція, въ большей части Франціи было бы невозможно найти десять человѣкъ, которые привыкли бы дѣйствовать постоянно сообща и заботиться самимъ о своей собственной защитѣ; одна только центральная власть должна была взять на себя это дѣло, такъ что, когда эта центральная власть перешла изъ рукъ королевской администраціи въ руки безотвѣтственнаго и суверенаго собранія и изъ добродушно-слабой стала страшной, она не встрѣтила передъ собой ничего, что могло бы ее остановить, ни даже на мгновеніе задержать. Та же самая причина, которая привела къ быстрому паденію монархіи, дѣлала возможнымъ все, послѣ того какъ монархія пала.

Никогда такъ много не проповѣдывали терпимость въ религіозныхъ дѣлахъ, мягкость въ властвованіи, гуманность и человѣколюбіе, и никогда, казалось, эти идеи не пользовались такимъ признаніемъ, какъ въ XVIII вѣкѣ; даже военное право, представляющее какъ бы послѣднее убѣжище насилія, подверглось ограниченію и смягчилось. А между тѣмъ среди столь мягкихъ нравовъ должна была возникнуть самая безчеловѣчная революція! И тѣмъ не менѣе все это смягченіе нравовъ не было призракомъ: какъ только революціонная страсть улеглась, эта мягкость нравовъ немедленно стала проявляться во всѣхъ законахъ и начала проникать въ политическія привычки.

Контрастъ между гуманностью теорій и насильственностью дѣйствій, являющійся однимъ изъ наиболѣе странныхъ отличій французской революціи, не удивитъ никого, если только обратить вниманіе на то, что эта революція была подготовлена самыми культурными классами націи, а была осуществлена ея наиболѣе некультурными и грубыми классами. Такъ какъ люди, принадлежавшіе къ первой категоріи, не обладали никакой раньше возникшей связью между собой, не имѣли привычки къ согласованію своихъ дѣйствій и не имѣли никакого реальнаго вліянія на народъ, послѣдній почти сразу сдѣлался руководящей силой, какъ только старыя власти были разрушены. Тамъ, гдѣ онъ управлялъ самъ, онъ по крайней мѣрѣ

внушалъ свой духъ правительству. А если вспомнить, какъ этотъ народъ жилъ при старомъ порядкѣ, то не трудно будетъ представить себѣ, чѣмъ онъ долженъ былъ оказаться.

Самыя особенности его положенія сообщили ему нѣсколько рѣдкихъ достоинствъ. Освободившись давно и будучи уже долгое время собственникомъ части земли, скорѣе изолированный, нежели зависимый, онъ являлся терпѣливымъ и гордымъ; онъ привыкъ къ труду, не придавалъ цѣны утонченной жизни, былъ покоренъ судьбѣ среди величайшихъ бѣдствій, спокоенъ духомъ въ минуту опасности. То была простая и мужественная раса, которая вскорѣ пополняла ряды тѣхъ могучихъ армій, натиска которыхъ не выдержала Европа. Но по той же причинѣ онъ являлся опаснымъ властелиномъ. Такъ какъ онъ въ теченіе вѣковъ почти одинъ несъ всю тяжесть злоупотребленій и жилъ обособленной жизнью, питаясь молчаливо своими предразсудками, своей завистью и своей ненавистью, онъ развилъ въ себѣ суровыя наклонности подъ вліяніемъ жестокихъ условій своей судьбы и одновременно сдѣлался способнымъ какъ все перенести самъ, такъ и заставить перенести все другихъ.

Съ такими навыками онъ наложилъ свою руку на правительство и принялся самъ доканчивать дѣло революціи. Книги создали теорію; онъ самъ взялся за практику и приноровилъ идеи писателей къ своимъ собственнымъ бѣшенымъ страстямъ.

Тѣ, кто, читая эту книгу, внимательно изучали Францію XVIII вѣка, могли замѣтить, какъ въ немъ родились и развились двѣ основныя страсти, возникшія не одновременно и не всегда преслѣдовавшія одну и ту же цѣль.

Первая изъ нихъ, болѣе глубокая и болѣе древняя, это— страстная и неискоренимая ненависть къ неравенству. Она возникла и развилась подъ вліяніемъ созерцанія этого неравенства и уже давно внушала французамъ упорное и непреодолимое желаніе разрушить до основанія все, что оставалось отъ средневѣковыхъ учрежденій, и по устраненіи ихъ создать общество, въ которомъ люди и условія ихъ жизни были столь однообразны, какъ это допускаетъ человѣческая природа.

Другая, болѣе поздняя и не такъ скоро укоренившаяся, страсть вызывала въ нихъ желаніе быть не только равными, но и свободными.

Къ концу стараго порядка обѣ эти страсти одинаково искренни и кажутся одинаково сильными. Къ началу революціи онѣ соединяются, смѣшиваются другъ съ другомъ и одно время сливаются, обостряются подъ вліяніемъ своего соединенія и въ концѣ концовъ одновременно воспламеняютъ сердца Франціи. Это—89 годъ, безъ сомнѣнія, время неопытности, но вмѣстѣ съ тѣмъ время великодушія, энтузіазма, мужественности и величія: время, навѣки памятное, къ которому взгляды людей будутъ обращаться съ восхищеніемъ и почтеніемъ, когда тѣ, которые его видѣли, и мы сами давно исчезнемъ. Тогда французы достаточно гордились предпринятымъ ими дѣломъ и самими собой, чтобы вѣрить, что они способны пользоваться равенствомъ при свободѣ. Среди демократическихъ учрежденій они въ силу этого всюду сдѣлали учрежденія свободныя. Они не только уничтожили совершенно устарѣвшее законодательство, дѣлившее людей на касты, на корпораціи, на классы и которое вызывало еще бо́льшее неравенство въ ихъ правовомъ, нежели въ бытовомъ положеніи, но они однимъ ударомъ уничтожили и тѣ законы, созданные позднѣе, чѣмъ вышеназванные, королевской властью, которые отняли у націи право свободно распоряжаться собой и поставили рядомъ съ каждымъ французомъ правительство, съ тѣмъ, чтобы оно было его учителемъ, его опекуномъ и въ случаѣ надобности его владыкой. Вмѣстѣ съ неограниченной властью пала и централизація.

Но когда это сильное поколѣніе, начавшее революцію, было уничтожено или разслаблено, какъ это обыкновенно случается съ каждымъ поколѣніемъ, которое берется за такія предпріятія, когда, согласно естественному ходу подобнаго рода развитія, любовь къ свободѣ была обезкуражена и ослаблена подъ вліяніемъ анархіи и диктатуры народной толпы, и когда испуганная нація стала искать какъ бы ощупью властелина, неограниченная власть могла возродиться и обосноваться съ поразительной легкостью, что и выяснилъ безъ труда геній

того, которому было суждено сдѣлаться сразу продолжателемъ революціи и ея разрушителемъ.

Старый порядокъ содержалъ въ самомъ дѣлѣ цѣлый рядъ недавно сложившихся учрежденій, которыя, не будучи враждебными равенству, могли съ легкостью занять мѣсто въ новомъ обществѣ и которыя, тѣмъ не менѣе, могли оказать деспотизму замѣчательную поддержку. Ихъ стали разыскивать среди остатковъ другихъ учрежденій и нашли ихъ. Эти учрежденія нѣкогда вызвали наружу привычки, страсти и идеи, которыя имѣли тенденцію разъединять людей и держать ихъ въ повиновеніи; ихъ возродили и воспользовались ими. Ухватились за развалины централизаціи и возстановили ее; а такъ какъ въ то самое время, когда возрождалась централизація, все, что нѣкогда ее могло ограничивать, оставалось разрушеннымъ, внезапно изъ нѣдръ націи, которая только что низвергла королевскую власть, возникла болѣе обширная, болѣе стройно организованная, болѣе неограниченная власть, чѣмъ какой пользовался какой бы то ни было изъ нашихъ королей.

Предпріятіе казалось необычайно дерзкимъ, его успѣхъ неслыханнымъ, такъ какъ думали лишь о томъ, что видѣли въ данное время, и забыли то, что видѣли прежде. Властелинъ палъ, но то, что было существеннаго въ его дѣлѣ, осталось въ силѣ; когда его власть умерла, его администрація продолжала жить, и каждый разъ, когда съ тѣхъ поръ пытались уничтожить неограниченную власть, ограничивались тѣмъ, что ставили голову Свободы на рабское тѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ революція началась, и до нашихъ дней мы видѣли нѣсколько разъ, какъ страсть къ свободѣ то угасала, то возрождалась, затѣмъ снова угасала и снова возрождалась. Такъ съ ней еще долго будетъ, еще долго она останется неопытной и плохо регулированной, легко поддающейся недовѣрію къ себѣ и страху, легко побѣждаемой, поверхностной и преходящей. Въ то же самое время страсть къ равенству постоянно занимаетъ то первенствующее мѣсто въ сердцахъ, которое она первая заняла; она удерживается на немъ въ связи съ чувствами, которыя намъ наиболѣе дороги. Тогда какъ первая постоянно мѣняетъ видъ, уменьшается, растетъ, укрѣпляется, ослабляется, смотря по обстоятельствамъ, вторая всегда остается одинаковой, всегда преслѣдуетъ съ тѣмъ же упрямымъ и часто слѣпымъ жаромъ ту же цѣль, готовая принести тому, кто дастъ ей осуществиться, въ жертву все остальное, готовая обезпечить правительству, которое согласно ей покровительствовать и льстить, привычки, идеи, законы, въ которыхъ нуждается деспотизмъ, чтобы властвовать.

Французская революція будетъ непостижима для всѣхъ, кто пожелаетъ всматриваться только въ нее; единственный свѣтъ, который можетъ ее освѣтить, слѣдуетъ искать въ предшествующихъ ей временахъ. Кто не обладаетъ яснымъ представленіемъ объ обществѣ стараго порядка, объ его законахъ, его недостаткахъ, его предразсудкахъ, его жалкихъ и выдающихся сторонахъ, тотъ никогда не пойметъ, что дѣлали французы въ тѣ шестьдесятъ лѣтъ, которые слѣдовали за его паденіемъ; но и этого было бы недостаточно, если не проникнуть въ самое существо нашего народа.

Когда я представляю себѣ этотъ народъ какъ таковой, я нахожу его еще болѣе необыкновеннымъ, чѣмъ какое-либо событіе его исторіи. Существовалъ ли когда-либо на землѣ какой-либо народъ, который былъ бы исполненъ такихъ противорѣчій и отличался бы такими крайностями въ каждомъ изъ своихъ дѣйствій, народъ, который до такой степени руководился бы чувствомъ и такъ мало принципами, поступающій въ силу этого всегда или хуже или лучше, чѣмъ можно было ожидать, то опускаясь ниже средняго уровня человѣчества, то подымаясь высоко надъ нимъ, народъ, основные инстинкты котораго до такой степени неизмѣнны, что его узнаешь по тѣмъ его изображеніямъ, которыя были сдѣланы двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, и въ то же время народъ, настолько измѣнчивый въ своихъ минутныхъ взглядахъ и вкусахъ, что онъ представляетъ самому себѣ неожиданное зрѣлище и часто также поражается тому, что онъ только-что совершилъ, какъ и иностранцы; народъ, по преимуществу неподвижный и склонный къ

рутинѣ, когда онъ предоставленъ самому себѣ, но разъ вырванный изъ своего жилища и своихъ привычекъ, готовый дойти до края свѣта и рискнуть на все; непокорный по темпераменту и все же приспосабливающійся скорѣе къ произвольному и даже насильственному владычеству какого-либо государя, чѣмъ къ правильному и свободному управленію первенствующихъ гражданъ; сегодня отъявленный врагъ всякаго повиновенія, а завтра подслуживающійся съ своего рода страстью, которой не могутъ достигнуть народы, лучше всего одаренные для рабства; народъ, которымъ можно руководить какъ ребенкомъ, покуда никто не оказываетъ сопротивленія, и неукротимый, разъ гдѣ-либо поданъ примѣръ сопротивленія, всегда обманывающій такимъ образомъ своихъ владыкъ, которые боятся его либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало, никогда не свободный настолько, чтобы можно было отчаяться его поработить, никогда настолько рабъ, чтобы онъ не могъ порвать цѣпи; способный ко всему, но отличающійся только на войнѣ, большій поклонникъ случайности, силы, успѣха, блеска и шума, чѣмъ истинной славы, болѣе способный на геройство, чѣмъ на доблесть, на геніальность, чѣмъ на проявленіе здраваго смысла, скорѣе способный изобрѣсти грандіозные планы, чѣмъ закончить большое предпріятіе, самый блестящій и самый опасный изъ народовъ Европы, народъ, болѣе другихъ созданный для того, чтобы являться поочереди предметомъ то удивленія, то ненависти, то сожалѣнія, то ужаса, но никогда не безразличія?

Только этотъ народъ могъ породить такую внезапную, такую радикальную и бурную по своему ходу революцію, революцію, въ то же время преисполненную отступленій, противоположныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ примѣровъ. Если бы не тѣ причины, о которыхъ я говорилъ, французы не совершили бы ея; однако, необходимо признать, что всѣ эти причины вмѣстѣ не могли бы объяснить подобнаго рода революцію гдѣ-либо внѣ Франціи.

Я дошелъ, такимъ образомъ, до порога этой достопамятной революціи. На этотъ разъ я его не переступлю; быть

можетъ, я вскорѣ буду въ состояніи это сдѣлать. Тогда я буду ее разсматривать не съ точки зрѣнія ея причинъ; я подвергну изученію самую революцію и, наконецъ, позволю себѣ подвергнуть обсужденію то общество, которое изъ нея возникло.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

О государственныхъ земляхъ и въ частности о Лангедокѣ.

Мое намѣреніе вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы заняться здѣсь подробнымъ изслѣдованіемъ положенія въ каждой изъ областей съ провинціальными штатами, которыя еще существовали въ эпоху революціи.

Я намѣренъ только указать на число ихъ, ознакомить съ тѣми, въ которыхъ общественная жизнь была еще дѣятельна, показать, въ какихъ отношеніяхъ онѣ находились къ королевской администраціи, съ какой стороны онѣ не подходили подъ общія правила, которыя выше я изложилъ, а въ какомъ отношеніи подходили, и, наконецъ, показать на примѣрѣ одной изъ нихъ, чѣмъ всѣ онѣ могли бы сдѣлаться.

Въ большинствѣ провинцій Франціи были сословные штаты, т. е. каждая изъ нихъ управлялась властью короля посредствомъ *лицъ трехъ сословій* (gens des trois états). Подъ этимъ нужно разумѣть собраніе, состоявшее изъ представителей духовенства, дворянства и городского сословія. Это провинціальное устройство, подобно другимъ политическимъ учрежденіямъ среднихъ вѣковъ, было сходно почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ тѣхъ, куда проникли германскіе нравы и понятія. Есть много провинцій Германіи, въ которыхъ такія учрежденія существовали до самой французской революціи. Тамъ, гдѣ они были уничтожены, это случилось лишь въ теченіе XVII и XVIII столѣтій. Повсюду уже два вѣка монархіи вели войну съ ними, то скрытую, то открытую, но непрерывную. Нигдѣ правители, не старались улучшить это учрежденіе, слѣдуя духу времени, а только стремились его разрушить или исказить, когда являлся къ тому случай, и когда они не могли поступить рѣшительнѣе.

Во Франціи, къ 1789 году, эти учрежденія оставались лишь въ трехъ сколько-нибудь значительныхъ провинціяхъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ, незначительныхъ округахъ. Провинціальныя вольности существовали, въ сущности, только въ Бретани и Лангедокѣ; вездѣ же въ другихъ мѣстахъ сословныя собранія совершенно утратили свою силу и были лишь пустымъ призракомъ.

Я выдѣлю Лангедокъ и сдѣлаю его предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Лангедокъ былъ самымъ обширнымъ и самымъ населеннымъ изъ всѣхъ областей съ провинціальными штатами; онъ заключалъ въ себѣ болѣе двухъ тысячъ общинъ и въ немъ насчитывалось около двухъ милліоновъ жителей. Кромѣ того въ этой области былъ самый образцовый порядокъ, и она отличалась наибольшимъ благосостояніемъ изъ всѣхъ этихъ земель. Слѣдовательно, Лангедокъ весьма удобенъ для того, чтобы показать, чѣмъ могла быть провинціальная вольность при старомъ порядкѣ и насколько, даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она казалась наиболѣе прочной, ее все-таки подчинили королевской власти.

Въ Лангедокѣ сословія могли собираться лишь по особому приказу короля и послѣ призывной грамоты, посылавшейся имъ лично ежегодно отдѣльно всѣмъ членамъ будущаго собранія, что заставило одного фрондера того времени выразиться такъ: „Изъ трехъ сословій, которыя составляютъ наши штаты, одно, а именно духовенство, является по назначенію короля, потому что онъ распредѣляетъ между епископами епархіи и бенефиціи, а два другихъ сословія тоже зависятъ

отъ короля, потому что его приказъ можетъ помѣшать любому члену присутствовать въ собраніи, причемъ не нужно его ни отрѣшать, ни предавать его суду. Достаточно не посылать ему приглашенія".

Собранія сословій должны были не только открываться, но и расходиться въ установленные дни, опредѣляемые королемъ. Обычная продолжительность ихъ сессіи составляла, согласно рѣшенію совѣта, 40 дней. Король былъ представленъ въ собраніяхъ комиссарами, которые имѣли право по первому своему требованію быть допущенными на засѣданіе и были уполномочены докладывать сословіямъ о предначертаніяхъ правительства. Кромѣ того, собранія сословій были сильно стѣснены правительственной опекой. Они не могли сдѣлать ни одного мало-мальски важнаго постановленія, не имѣли права выступить съ какимъ бы то ни было финансовымъ мѣропріятіемъ безъ предварительнаго одобренія такихъ рѣшеній совѣтомъ; для введенія новаго налога, заключенія займа, открытія судебнаго процесса они обязаны были получить особое разрѣшеніе короля. Всѣ ихъ общіе регламенты, не исключая и тѣхъ, которые устанавливали способы веденія ихъ засѣданій, входили въ силу лишь послѣ утвержденія свыше. Совокупность ихъ приходовъ и расходовъ или, какъ теперь говорятъ, ихъ бюджетъ, былъ подчиненъ такому же ежегодному контролю.

Далѣе, центральная власть въ Лангедокѣ располагала такими же политическими правами, какія были признаны за нею и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ; законы, изданіе которыхъ подлежало ея власти, общіе регламенты, непрерывно исходившіе отъ нея, общія мѣропріятія, организуемыя ею, находили себѣ примѣненіе здѣсь, какъ и въ pays d'élection. Въ то же время центральная власть выполняла здѣсь всѣ обычныя функціи правительства; она имѣла тутъ такую же полицію и тѣхъ же агентовъ; по временамъ, какъ и вездѣ, она раздавала мѣста множеству новыхъ чиновниковъ, должности которыхъ провинція вынуждена была покупать дорогою цѣною.

Лангедокъ, какъ и другія провинціи, управлялся интендантомъ. Этому интенданту въ каждомъ округѣ былъ подчи-

ненъ субделегатъ, сносившійся съ общинными старшинами и руководившій ими. Интендантъ былъ органомъ административной опеки, совсѣмъ такъ же, какъ и въ pays d'élection. Самая незначительная деревушка, затерянная въ ущельяхъ Севеннъ, не могла произвести грошеваго расхода безъ разрѣшенія изъ Парижа, безъ утвержденія этого расхода королевскимъ совѣтомъ. Тотъ отдѣлъ судебной практики, который носитъ въ наше время названіе административныхъ тяжбъ, былъ распространенъ въ Лангедокѣ не меньше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Франціи; онъ былъ здѣсь даже еще обширнѣе. Интендантъ первый рѣшалъ всѣ вопросы, касавшіеся путей сообщенія; онъ былъ судьей въ процессахъ, связанныхъ съ дорогами, и, вообще, дѣлалъ постановленія по всѣмъ дѣламъ, затрогивавшимъ интересы правительства или казавшимся такими послѣднему. Тѣмъ не менѣе, правительство не переставало укрывать всѣхъ своихъ агентовъ отъ нескромныхъ преслѣдованій гражданъ, которымъ они досаждали.

Что же было въ Лангедокѣ особеннаго, отличавшаго его отъ другихъ провинцій и дѣлавшаго его предметомъ ихъ зависти? Было три обстоятельства, вполнѣ опредѣлявшія глубокое различіе между Лангедокомъ и остальной Франціей.

1) Прежде всего такою особенностью было собраніе вліятельныхъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ населенія и уваженіемъ со стороны королевской власти; правомъ участія въ этомъ собраніи не располагалъ ни одинъ представитель центральнаго правительства или, согласно тогдашней терминологіи, ни одинъ королевскій чиновникъ (officier du roi); здѣсь мѣстные интересы провинціи ежегодно подвергались свободному и серьезному обсужденію. Достаточно было королевской администраціи соприкасаться съ этимъ источникомъ свѣта, чтобы она пользовалась своими привилегіями совершенно инымъ способомъ: имѣя тѣхъ же агентовъ и руководствуясь тѣми же интересами, администрація здѣсь рѣзко отличалась отъ своего общераспространеннаго типа.

2) Далѣе, въ Лангедокѣ велось много общественныхъ работъ, производившихся за счетъ короля и помощью его же

агентовъ; организованы были и другія общественныя работы, средства на которыя отпускались центральнымъ правительствомъ и выполненіемъ которыхъ оно же въ значительной степени и руководило; но наибольшее количество работъ производилось исключительно на средства самой провинціи. Разъ планъ работъ утверждался королемъ и расходныя смѣты получали его санкцію — работы выполнялись при помощи лицъ, выбиравшихся штатами, и подъ наблюденіемъ комиссаровъ изъ ихъ же среды.

3) Наконецъ, эта провинція пользовалась правомъ взимать самостоятельно часть королевскихъ налоговъ и всѣ тѣ, которые ей было дозволено устанавливать для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, — взимать любымъ способомъ, по самостоятельному выбору.

Мы сейчасъ увидимъ, какую пользу Лангедокъ сумѣлъ извлечь изъ этихъ привилегій. Этотъ вопросъ заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Въ pays d'élection особенно замѣчательно почти полное отсутствіе мѣстныхъ повинностей; общіе налоги часто крайне обременяютъ своими размѣрами, а провинція не расходуетъ на свои нужды почти ничего. Въ Лангедокѣ, напротивъ, ежегодная стоимость общественныхъ работъ громадна: въ 1780 году она превышала 2 милліона ливровъ за годъ.

Центральное правительство такіе расходы приводятъ иногда въ раздраженіе; оно боится, что вызванное подобными усиліями истощеніе платежныхъ силъ провинціи лишитъ ее возможности выплатить ту часть налоговъ, которая причитается казнѣ; поэтому правительство упрекаетъ штаты въ неумѣренной расточительности. Я читалъ документъ, въ которомъ собраніе возражаетъ на эту критику. То, что я дословно приведу сейчасъ оттуда, обрисуетъ лучше всякихъ моихъ разъясненій весь духъ, которымъ было проникнуто это маленькое Лангедокское правительство.

Изъ записки, составленной собраніемъ, видно, что, дѣйствительно, провинція предприняла и продолжаетъ вести огромныя работы; но, далекое отъ всякихъ извиненій, собраніе

заявляетъ, что, если король не воспротивится, провинція намѣрена все шире и шире дѣйствовать въ томъ же направленіи. Она уже расчистила и исправила теченіе главныхъ рѣкъ, орошающихъ ея территорію, и занята вопросомъ о продленіи Лангедокскаго канала, сооруженнаго при Людовикѣ XIV и теперь уже недостаточнаго, — съ такимъ разсчетомъ, чтобы новая часть пересѣкала нижній Лангедокъ и вела, черезъ рѣки Сетту и Агду, къ самой Ронѣ. Провинція уже приспособила для торговыхъ цѣлей гавань Сетты и содержитъ ее цѣною крупныхъ затратъ. При этомъ записка отмѣчаетъ, что всѣ упомянутые расходы носятъ скорѣе національный, нежели провинціальный характеръ; тѣмъ не менѣе, провинція, извлекая изъ этихъ предпріятій больше всего выгодъ, организовала ихъ на свой счетъ. Она въ такой же мѣрѣ озабочена и необходимостью осушить Эгъ-Мортскія болота и сдѣлать ихъ пригодными для земледѣльческой культуры. Но больше всего она сосредоточила вниманіе на дорогахъ: вновь открыла для движенія или привела въ исправное состояніе всѣ пути сообщенія, пересѣкающіе Лангедокъ и ведущіе въ другія части королевства; отремонтировала даже тѣ дороги, по которымъ сообщаются между собою только города и мѣстечки Лангедока. Всѣ эти разнообразные пути прекрасны даже зимою и представляютъ рѣзкій контрастъ съ твердыми, ухабистыми и плохо содержимыми дорогами большинства сосѣднихъ провинцій — Дофинэ, Керси, Бордосскаго округа (pays d'élection, замѣчено при этомъ). Тутъ записка ссылается на отзывъ купцовъ и путешественниковъ; и это правильно, такъ какъ Артуръ Юнгъ, путешествуя по странѣ 10 лѣтъ спустя, занесъ въ свои путевыя замѣтки такія слова: „Лангедокъ, pays d'états; хорошія дороги, проложенныя безъ барщиннаго труда".

Если будетъ на то соизволеніе короля, продолжаетъ записка, то штаты на этомъ не остановятся: они предпримутъ исправленіе общинныхъ, проселочныхъ дорогъ, которыя не менѣе важны, чѣмъ и всѣ остальныя. „Потому что,—прибавлено далѣе,—если хозяйственные продукты не могутъ быть привезены изъ погребовъ хозяина на рынокъ, то какая же польза

отъ того, что ихъ нетрудно везти дальше и доставлять на большія разстоянія?—Взглядъ сословій на общественныя работы,—продолжаетъ записка,—всегда состоялъ въ томъ, что необходимо критиковать не размѣры работъ, а ихъ полезность". Рѣки, каналы, дороги, которыя повышаютъ стоимость всѣхъ продуктовъ земледѣлія и индустріи, открывая возможность перевозить ихъ въ любое время и сравнительно недорого туда, гдѣ на нихъ есть спросъ, — всѣ пути сообщенія, благодаря которымъ торговля можетъ проникнуть въ каждый уголокъ провинціи, обогащаютъ страну, несмотря на дороговизну ихъ оборудованія. Но и этого мало: подобныя работы, предпринимаемыя въ различныхъ частяхъ территоріи одновременно, приблизительно по одному плану и съ соблюденіемъ умѣренности, поддерживаютъ всюду размѣръ заработной платы и являются помощью для бѣдныхъ элементовъ населенія. „Королю нѣтъ нужды устраивать въ Лангедокѣ на свой счетъ дома трудолюбія, какъ онъ это сдѣлалъ въ остальныхъ провинціяхъ Франціи, — говоритъ въ заключеніе записка не безъ чувства гордости. — Мы не напрашиваемся на эту милость; ее замѣняютъ, снабжая населеніе производительнымъ трудомъ, тѣ полезныя работы, которыя мы сами организовываемъ каждый годъ".

Чѣмъ больше я изучаю изданные штатами Лангедока съ разрѣшенія короля, но, обыкновенно, помимо его иниціативы, общіе регламенты, относящіеся къ той области общественнаго самоуправленія, которая была предоставлена вѣдѣнію сословій,—тѣмъ болѣе я удивляюсь той мудрости, справедливости и кротости, которыя при этомъ вырисовываются; въ моихъ глазахъ все выше становится образъ дѣйствій мѣстнаго управленія въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я наблюдалъ въ провинціяхъ, управлявшихся единоличною властью короля.

Провинція дѣлится на общины (городскія или сельскія), на административные округа, называемые діосезами; наконецъ, на три большихъ департамента или сенешальства. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свое особое представительство и отдѣльное небольшое управленіе, которое дѣйствуетъ

подъ руководствомъ либо штатовъ, либо короля. Если дѣло касается общественныхъ работъ, устраиваемыхъ въ интересахъ одного изъ этихъ небольшихъ политическихъ организмовъ, то такія работы могутъ быть предприняты не иначе, какъ по его требованію. Если работа общины можетъ быть полезна округу, то онъ долженъ взять часть расходовъ на себя. Если заинтересовано сенешальство (цѣлый департаментъ), то и оно, со своей стороны, должно оказать поддержку. Наконецъ, округъ, департаментъ и провинція обязаны прійти на помощь общинѣ даже и въ томъ случаѣ, если дѣло касается ея частныхъ интересовъ, лишь бы предпринятая работа была ей дѣйствительно необходима и превышала ея силы; такъ какъ, повторяютъ постоянно собранія, „основной принципъ нашего управленія требуетъ, чтобы всѣ части Лангедока были безусловно солидарны и помогали по очереди другъ другу"...

Работы, предпринятыя провинціей, должны быть заранѣе подготовлены и отданы на разсмотрѣніе всѣхъ низшихъ сословій, которымъ предстоитъ принимать въ нихъ участіе; работы должны вестись не иначе, какъ на наличныя деньги: барщина въ такихъ случаяхъ неизвѣстна. Я уже говорилъ, что въ pays d'élection за земли, взятыя у помѣщиковъ для общественныхъ работъ, обычно платили плохо; иногда же плата за нихъ слишкомъ запаздывала, а иногда за нихъ и вовсе ничего не платили. Эта одна изъ главныхъ жалобъ, которую принесли провинціальныя собранія, когда ихъ созвали въ 1787 году. Нѣкоторыя изъ нихъ замѣчали, что у нихъ даже отняли возможность платить долги, сдѣланные такимъ образомъ, такъ какъ безъ предварительной оцѣнки уничтожали или искажали предметъ пріобрѣтенія. Въ Лангедокѣ каждая частица земли, взятая у владѣльца, должна была тщательно оцѣниваться до начала работъ, и платить за нее должны были въ первый же годъ производства работъ.

Регламентъ собраній, относящійся къ общественнымъ работамъ, изъ котораго я извлекаю эти подробности, показался

такъ хорошо составленнымъ центральному управленію, что, не подражая, онъ восхищался имъ. Королевскій совѣтъ, разрѣшивъ ввести его въ дѣйствіе, приказалъ напечатать его въ государственной типографіи и разослать всѣмъ интендантамъ какъ справочную книгу.

Сказанное мною по поводу общественныхъ работъ еще болѣе относится къ другой, не менѣе важной отрасли провинціальнаго управленія, — ко взиманію налоговъ. Въ этомъ отношеніи королевство и провинція Лангедокъ такъ различны, что едва вѣрится, что находишься въ одномъ и томъ же государствѣ.

Я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ, что пріемы, употреблявшіеся въ Лангедокѣ при развертскѣ и взиманіи тальи, отчасти походили на тѣ, къ которымъ и мы прибѣгаемъ нынѣ при взиманіи налоговъ. Возвращаться къ этому здѣсь я не буду; прибавлю только, что провинція въ данномъ случаѣ видѣла такое сильное преимущество въ своей системѣ взиманія налоговъ, что всякій разъ, какъ король создавалъ новые налоги, провинція, не задумываясь, покупала очень дорого право взиманія ихъ по своему способу и при посредствѣ только своихъ агентовъ.

Несмотря на всѣ расходы, послѣдовательно перечисленные мною, дѣла въ Лангедокѣ были въ такомъ порядкѣ, кредитъ его былъ такъ проченъ, что центральное правительство нерѣдко прибѣгало къ нему и отъ имени провинціи занимало деньги на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на какихъ ему самому никогда ихъ не дали бы. Мнѣ удалось установить, что въ послѣднее время Лангедокъ занялъ за своимъ личнымъ поручительствомъ, но за счетъ короля, 73.200.000 ливровъ.

Однако, правительство и министры смотрѣли весьма недоброжелательно на эти мѣстныя вольности. Ришелье сначала ихъ обезобразилъ, а потомъ отмѣнилъ. Мягкій и лѣнивый Людовикъ XIII, не любившій ничего, ненавидѣлъ эти вольности; привилегіи провинцій вызывали въ немъ такое отвращеніе, говоритъ Boulainvilliers, что гнѣвъ разгорался въ

немъ при одномъ упоминаніи названія этихъ провинцій. Трудно вообразить ту силу, съ какой слабые люди способны ненавидѣть то, что заставляетъ ихъ сдѣлать усиліе. Они соединяютъ все мужество, на какое только способны, и въ своей ненависти почти всегда кажутся сильными, какъ бы дряблы ни были во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. По счастливой случайности старая конституція Лангедока была возстановлена во время дѣтства Людовика XIV, который относился къ ней съ уваженіемъ, смотря на нее, какъ на свое созданіе. Людовикъ XV пріостановилъ ея дѣйствіе на два года, но потомъ далъ ей возродиться.

Учрежденіе продажныхъ муниципальныхъ должностей подвергало Лангедокъ хотя и не такимъ непосредственнымъ, но не менѣе серьезнымъ опасностямъ. Результатомъ дѣйствія этого гнуснаго института было не только уничтоженіе самоуправленія въ городахъ, но и изуродованіе провинціальныхъ конституцій. Не знаю, избирались ли когда-либо въ данномъ случаѣ депутаты третьяго сословія въ избирательныя собранія, но такія собранія давно уже больше не созывались; городскіе муниципальные чиновники были въ нихъ по праву единственными представителями буржуазіи и народа.

Отсутствіе спеціальныхъ полномочій, данныхъ примѣнительно къ интересамъ извѣстнаго момента, не замѣчалось, пока города избирали своихъ должностныхъ лицъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, обыкновенно на очень короткій срокъ. Мэръ, консулъ или синдикъ въ то время являлись въ собраніи такими вѣрными выразителями воли населенія, отъ имени котораго они говорили, какъ если бы они были избраны ими нарочно для этого. Понятно, не то было, если въ собраніе являлось лицо, за деньги купившее право управлять своими согражданами. Оно являлось защитникомъ своихъ личныхъ интересовъ или, самое большее, мелкихъ интересовъ и страстей своей партіи. Тѣмъ не менѣе, купившему свои полномочія съ публичнаго торга предоставлялись тѣ же права, что и избранному. Новый порядокъ сразу измѣнилъ весь характеръ учрежденія. Дворянство и духовенство, вмѣсто

того, чтобы видѣть въ провинціальномъ собраніи рядомъ съ собой и противъ себя избранныхъ представителей народа, встрѣчало лишь нѣсколькихъ разрозненныхъ, робкихъ и безсильныхъ буржуа, и третье сословіе въ дѣлѣ государственнаго самоуправленія становилось въ подвластное положеніе въ то самое время, какъ въ обществѣ съ каждымъ днемъ росло его богатство и вліяніе. Не то мы видимъ въ Лангедокѣ; какъ только король учреждалъ новыя продажныя должности, провинція всегда стремилась немедленно ихъ выкупить. Заемъ, сдѣланный ею для этой цѣли, въ одномъ только 1773 году достигъ суммы свыше 4 милліоновъ ливровъ.

Другія болѣе могущественныя причины содѣйствовали проникновенію новаго духа въ эти древнія учрежденія и давали сословнымъ собраніямъ Лангедока неоспоримое превосходство передъ всѣми остальными.

Въ этой провинціи, какъ и въ большей части южныхъ провинцій, талья была реальной, а не личной, т.-е. раскладывалась сообразно цѣнности имущества, а не общественному положенію владѣльца. Правда, существовали нѣкоторыя земли, пользовавшіяся привилегіей не платить совсѣмъ тальи. Когда-то эти земли принадлежали дворянству; но съ теченіемъ времени, благодаря развитію промышленности, случилось такъ, что часть этихъ имѣній перешла въ руки разночинцевъ; съ другой стороны, и многіе дворяне сдѣлались владѣльцами имѣній, обложенныхъ тальей. Привилегія, перенесенная такимъ образомъ съ лицъ на предметы, была еще безсмысленнѣе, но зато ощущалась меньше, такъ какъ, стѣсняя, все же не унижала. Не будучи болѣе неразрывно связанной съ идеей сословій, не создавая ни для одного изъ нихъ интересовъ, безусловно чуждыхъ или противоположныхъ интересамъ другихъ сословій, она уже не препятствовала тому, чтобы всѣ классы вмѣстѣ занимались управленіемъ страны. И дѣйствительно, въ Лангедокѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, всѣ сословія смѣшались и находились на совершенно равной ногѣ.

Въ Бретани дворяне имѣли право лично являться въ провинціальныя собранія, что нерѣдко превращало послѣднія въ своего рода польскіе сеймы. Въ Лангедокѣ дворяне являлись въ собраніе лишь въ лицѣ своихъ представителей; 23 человѣка замѣняли всѣхъ остальныхъ; духовенство въ лицѣ двадцати трехъ архіепископовъ провинціи и, на что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе,—города имѣли въ нихъ столько же голосовъ, сколько и два первыя сословія.

Такъ какъ собраніе было общимъ, и голосованіе въ немъ происходило не по сословіямъ, а поголовно, то третье сословіе, естественно, пріобрѣло въ немъ большое значеніе; постепенно его специфическій духъ проникъ во все учрежденіе. Мало того: три должностныхъ лица, которыя, подъ именемъ генеральныхъ синдиковъ, были уполномочены отъ имени провинціальнаго собранія вести текущія дѣла, всегда избирались изъ среды юристовъ и, слѣдовательно, принадлежали къ разночинцамъ. Дворянство, достаточно сильное еще для того, чтобы поддерживать интересы своего сословія, не находило въ себѣ больше силы для единовластнаго управленія. Со своей стороны, духовенство, хотя и состояло въ значительной части изъ дворянъ, на собраніяхъ бывало въ полномъ согласіи съ третьимъ сословіемъ; оно горячо присоединялось къ большинству его проектовъ, дружно работало съ нимъ надъ поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія всѣхъ гражданъ, стремилось содѣйствовать развитію ихъ промышленности и торговли, постоянно прибѣгая при этомъ къ своему глубокому знанію людей и рѣдкой ловкости въ веденіи дѣлъ. Почти всегда, когда нужно было отправить депутата въ Версаль для переговоровъ съ министрами по поводу спорныхъ вопросовъ, возбуждавшихъ конфликтъ между королевской властью и провинціальными собраніями, выбирали обыкновенно духовное лицо. Можно сказать, что въ теченіе всего послѣдняго столѣтія Лангедокъ управлялся буржуазіей, которую контролировали дворяне и которой помогало духовенство.

Благодаря этому особому устройству Лангедока, духъ новаго времени могъ мирно проникнуть въ его древнія учрежденія и, не разрушая ничего, все въ нихъ преобразовать.

То же самое могло бы случиться и всюду. Части той настойчивости и усилій, которыя государи употребили на то, чтобы разрушить или обезобразить провинціальныя собранія, хватило бы на усовершенствованія и приспособленія ихъ къ требованіямъ современной цивилизаціи, если бы эти государи всегда были воодушевлены только однимъ желаніемъ—сдѣлаться и оставаться всегда полновластными господами.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Страница 28, стр. 16.

Могущество римскаго права въ Германіи. Какимъ образомъ оно замѣнило германское право.

Къ концу среднихъ вѣковъ римское право становится главнымъ и почти единственнымъ предметомъ изученія нѣмецкихъ законовѣдовъ. Большинство изъ нихъ въ эту эпоху даже получило свое воспитаніе внѣ Германіи, въ итальянскихъ университетахъ. Эти законовѣды, не будучи руководителями политическаго общества, но имѣя своею обязанностью разъясненіе и примѣненіе законовъ, если и не могли отмѣнить германское право, то успѣли, по крайней мѣрѣ, такъ его видоизмѣнить, что оно насильственно вошло въ рамки римскаго права. Они примѣняли римскіе законы ко всему тому, что въ германскихъ учрежденіяхъ напоминало имъ хоть сколько-нибудь законодательство Юстиніана. Они ввели такимъ образомъ новый духъ, новые обычаи въ національное законодательство, и послѣднее, мало-по-малу, было такъ преобразовано, что стало неузнаваемымъ: въ XVII столѣтіи его уже, можно сказать, не знали совсѣмъ. Германское право было замѣнено чѣмъ-то, что было еще германскимъ по названію, но римскимъ на дѣлѣ.

Я имѣю поводъ думать, что при такой работѣ нѣмецкихъ

законовѣдовъ положеніе многихъ сословій стараго германскаго общества ухудшилось, а особенно положеніе крестьянъ. Многіе изъ тѣхъ, кто до того времени сохранилъ всѣ или часть своихъ вольностей или свои владѣнія, потеряли ихъ вслѣдствіе теоретическаго уподобленія ихъ положенія положенію рабовъ или римскихъ долгосрочныхъ арендаторовъ (эмфитевтовъ).

Это постепенное преобразованіе національнаго права и безполезныя усилія, потраченныя съ цѣлью ему противодѣйствовать, ясно обнаруживаются въ исторіи Виртемберга.

Со времени нарожденія графства этого имени въ 1250 г. и до образованія изъ него герцогства въ 1495 году законодательство носитъ здѣсь совершенно мѣстный характеръ: оно слагается изъ обычаевъ, мѣстныхъ законовъ, выработанныхъ городами или помѣщиками, изъ статутовъ, обнародованныхъ чинами; одни лишь церковныя дѣла подчиняются иному каноническому праву.

Начиная съ 1495 года, характеръ законодательства мѣняется: римское право начинаетъ уже проникать въ Германію; доктора,—такъ называли тѣхъ, кто изучалъ право въ иностранныхъ университетахъ, — вступаютъ въ управленіе и становятся во главѣ высшихъ судовъ. Въ теченіе всего начала и до половины XVI вѣка общество поддерживаетъ противъ нихъ такую же борьбу, какая происходила въ ту же эпоху въ Англіи, но съ совершенно инымъ успѣхомъ. На Тюбингенскомъ сеймѣ въ 1514 и въ послѣдующіе годы выборные отъ городовъ заявляютъ всевозможные протесты противъ происходящаго въ странѣ: они нападаютъ на законодателей, которые вторгаются во всѣ суды и мѣняютъ духъ или букву всѣхъ обычныхъ правъ и всѣхъ законовъ. Побѣда оказывается сначала, повидимому, на ихъ сторонѣ: они заручаются обѣщаніями правительства, что отнынѣ въ высшіе суды будутъ назначать почтенныхъ и просвѣщенныхъ лицъ, взятыхъ изъ дворянства и изъ чиновъ герцогства, а не изъ числа докторовъ права; составятъ изъ уполномоченныхъ правительства и представителей сословій коммиссію для выработки проекта кодекса, который могъ бы служить нормою во всей странѣ. Напрасныя

усилія! Римское право вскорѣ совершенно вытѣсняетъ туземное право въ большей части отдѣловъ законодательства и пускаетъ корни даже на той почвѣ, гдѣ существующія права остаются еще въ силѣ.

Это торжество и преобладаніе права иностраннаго надъ правомъ мѣстнымъ приписывается многими нѣмецкими историками двумъ причинамъ: 1) движенію, которое увлекало тогда всѣ умы къ изученію языковъ и литературы античнаго міра, а также тому презрѣнію, которое это движеніе вызвало къ умственнымъ произведеніямъ національнаго генія; 2) идеѣ, которая всегда занимала нѣмцевъ въ теченіе среднихъ вѣковъ и проникла даже въ законодательство. Идея эта заключалась въ томъ, что Священная Имперія есть продолженіе Римской Имперіи, и что законодательство Священной Имперіи есть наслѣдіе Римской Имперіи.

Но этихъ причинъ недостаточно для объясненія того, что римское право въ ту же эпоху было введено на всемъ континентѣ Европы одновременно. Я думаю, что это произошло потому, что въ то время абсолютная власть правителей прочно устанавливалась на развалинахъ старыхъ вольностей средневѣковой Европы, и потому римское право, право, въ основѣ котораго лежитъ рабство, великолѣпно подходило ко взглядамъ этихъ абсолютныхъ государей.

Римское право, которое вездѣ дало совершенныя формы гражданскому обществу, повсюду стремилось унизить и ослабить общество политическое, такъ какъ оно было дѣтищемъ весьма цивилизованнаго, но порабощеннаго народа. Короли поэтому приняли его съ восторгомъ и установили повсюду, гдѣ они были властелинами. Толкователи этого права во всей Европѣ стали ихъ министрами или главными агентами.

Легисты, по мѣрѣ надобности, доставляли имъ поддержку этого права противъ него самого же. Съ тѣхъ поръ они дѣйствовали такъ: возлѣ верховнаго властелина, который нарушилъ законъ, почти всегда появлялся какой-нибудь легистъ, который увѣрялъ, что ничего не можетъ быть законнѣе подобныхъ нарушеній, и доказывалъ самымъ научнымъ образомъ,

что въ данномъ случаѣ насиліе было справедливо, а человѣкъ, угнетенный этимъ насиліемъ, является дѣйствительно виновнымъ.

Страница 30, строка 16.

Переходъ монархіи феодальной въ монархію демократическую.

Въ виду того, что всѣ монархи въ одну и ту же эпоху стали абсолютными, и ничто не указываетъ на то, чтобы такая перемѣна строя зависѣла отъ какого-нибудь особаго обстоятельства, случайно имѣвшаго мѣсто въ одно и то же время во всѣхъ государствахъ, то нужно думать, что всѣ подобныя и одновременныя событія были вызваны одной общей причиной, которая одинаково и одновременно дѣйствовала повсюду.

Этой общей причиной являлся переходъ одного общественнаго строя въ другой, переходъ отъ феодальнаго неравенства къ демократическому равенству.

Дворяне были уже принижены, а народъ еще не достаточно поднялся; одни оказались слишкомъ низко, а другіе не успѣли настолько подняться, чтобы стѣснить развитіе абсолютной власти. Полтора столѣтія прошло, какъ золотой вѣкъ для абсолютныхъ государей; въ теченіе этого времени положеніе ихъ было устойчиво, и въ то же время они пользовались всемогуществомъ—два обстоятельства, обыкновенно исключающія другъ друга. Властители сдѣлались настолько священными особами, насколько это подобаетъ наслѣдственнымъ главамъ феодальной монархіи, и настолько абсолютными, насколько являются таковыми руководители демократическаго общества.

Страница 31, строка 6.

Паденіе свободныхъ городовъ въ Германіи. Имперскіе города (Reichstätten).

По свидѣтельству нѣмецкихъ историковъ, наибольшимъ блескомъ эти города отличались въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Въ нихъ тогда сосредоточивались богатство, искусство, знанія, торговля Европы, и они являлись самыми могучими центрами цивилизаціи. Подъ конецъ, особенно въ сѣверной и южной Германіи, соединяясь съ сосѣдними рыцарями, они образовали независимые союзы (конфедераціи), подобно тому, какъ въ Швейцаріи такіе союзы заключались между городами и крестьянами.

Въ XVI вѣкѣ города еще поддерживали свое благосостояніе, но эпоха упадка уже наступила. Тридцатилѣтняя война ускорила ихъ паденіе; не осталось ни одного города, который не былъ бы уничтоженъ или разрушенъ въ теченіе этого періода.

Однако, Вестфальскій договоръ называетъ ихъ положительно прежнимъ именемъ и удерживаетъ за ними характеръ непосредственныхъ, иммедіатныхъ владѣній, зависящихъ только отъ императора. Но, съ одной стороны, владѣтельные князья, бывшіе ихъ сосѣдями, а съ другой—самъ императоръ, власть котораго со времени тридцатилѣтней войны могла распространиться лишь на этихъ мелкихъ вассаловъ имперіи, постепенно ограничиваютъ ихъ самостоятельность. Въ XVIII вѣкѣ они еще существуютъ въ количествѣ 51-го; они занимаютъ двѣ скамьи въ сеймѣ и имѣютъ въ немъ законное право голоса, но на самомъ дѣлѣ они уже не могутъ вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ. Въ своей внутренней жизни всѣ эти города обременены долгами. Долги эти отчасти происходятъ отъ того, что съ нихъ продолжаютъ взыскивать имперскіе налоги, основываясь на ихъ прежнемъ блескѣ и богатствѣ, отчасти же отъ того, что они очень плохо управляются. И замѣчательно то, что такое плохое управленіе зависитъ, повидимому, отъ какого-то внутренняго недуга, общаго всѣмъ этимъ городамъ, независимо отъ формы ихъ общественнаго устройства. Будетъ ли оно аристократическое или демократическое, оно даетъ поводъ, если не къ однороднымъ, то одинаково жгучимъ жалобамъ. При аристократическомъ строѣ говорятъ, что правительство состоитъ изъ нѣсколькихъ знатныхъ семействъ, что заве-

лось кумовство, причемъ протекція, интересы личные и частные опредѣляютъ все.

При демократическомъ строѣ все зиждется на происках и продажности. Въ обоихъ случаяхъ жалуются на недобросовѣстность и полное равнодушіе правительства къ общественнымъ нуждамъ. Императору безпрестанно приходится вмѣшиваться въ дѣла имперскихъ городовъ и пытаться возстановить въ нихъ порядокъ. Населеніе ихъ уменьшается, они бѣднѣютъ. Они уже перестаютъ быть центромъ германской цивилизаціи; искусства ихъ оставляютъ, чтобы въ полномъ блескѣ появиться въ новыхъ городахъ, созданныхъ государями и представляющихъ собою уже новый міръ.

Торговля отъ нихъ уходитъ; ихъ прежняя энергія, ихъ патріотическій пылъ исчезаютъ. Одинъ лишь Гамбургъ остается крупнымъ центромъ богатства и просвѣщенія, но и то только вслѣдствіе особыхъ благопріятныхъ ему причинъ.

Страница 36, строка 9.

Когда въ Германіи прекратилось крѣпостное состояніе?

Изъ слѣдующей таблицы будетъ видно, что отмѣна крѣпостного состоянія въ большей части областей Германіи проведена лишь недавно:

1) Въ Баденской провинціи только въ 1783 году.
2) Въ Гогенцоллернѣ—въ 1789 году.
3) Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи—въ 1804 году.
4) Въ Нассау—въ 1808 году.
5) Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I уничтожилъ съ 1717 года крѣпостное право въ государственныхъ имѣніяхъ. Особый кодексъ Фридриха Великаго, какъ мы уже говорили, какъ будто отмѣнялъ крѣпостное состояніе во всемъ королевствѣ. Но въ дѣйствительности, онъ только отмѣнилъ его самую жестокую форму, Leibeigenschaft, и сохранилъ крѣпостное состояніе въ болѣе смягченной формѣ, Erbunterthänigkeit. Только въ 1809 году совершенно прекратились крѣпостныя отношенія.
6) Въ Баваріи крѣпостное право отмѣнено въ 1808 году.
7) Декретъ Наполеона изъ Мадрита въ 1808 году отмѣнилъ крѣпостное право въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ и въ разныхъ другихъ мелкихъ владѣніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Эрфуртѣ, Байратѣ и др.
8) Въ Вестфальскомъ королевствѣ крѣпостное право уничтожено въ 1808—1809 г.
9) Въ княжествѣ Липпе-Детмольдъ —съ 1809 года.
10) Въ Шаумбургъ-Липпе—съ 1810 года.
11) Въ Помераніи также съ 1810 года.
12) Въ Гессе-Дармштадтѣ--съ 1809 и съ 1811 года.
13) Въ Вюртембергѣ—съ 1817 года.
14) Въ Мекленбургѣ—съ 1820 года.
15) Въ Ольденбургѣ—съ 1814 года.
16) Въ Саксоніи (для Лужицкой области)—съ 1832 года.
17) Въ Гогенцоллернъ-Зигмарингенѣ только съ 1832 года.
18) Въ Австріи—съ 1811 года. Съ 1782 года Іосифъ II уничтожилъ Leibeigenschaft, но оставилъ крѣпостное состояніе въ его смягченной формѣ, Erbunterthänigkeit, длившемся до 1811 года.

Страница 36, строка 9.

Нѣкоторыя изъ областей, нынѣ нѣмецкихъ, какъ, напр., Бранденбургъ, старая Пруссія, Силезія, вначалѣ были населены славянами, а впослѣдствіи завоеваны и отчасти заселены нѣмцами.

Въ этихъ областяхъ крѣпостное право существовало въ еще болѣе жестокой формѣ и къ концу XVIII вѣка оставило по себѣ болѣе замѣтные слѣды, чѣмъ въ Германіи.

Страница 37, строка 26.

Кодексъ Фридриха Великаго.

Среди дѣлъ Фридриха Великаго наименѣе извѣстнымъ, даже въ его государствѣ, и наименѣе обращающимъ на себя вниманіе является кодексъ, составленный по его приказанію

и обнародованный его наслѣдникомъ. Тѣмъ не менѣе я не знаю, существуетъ ли среди твореній Фридриха что-либо, что ярче характеризовало бы личность этого человѣка и его время и лучше указывало бы на ихъ взаимодѣйствіе, чѣмъ этотъ кодексъ.

Кодексъ Фридриха представляетъ настоящую конституцію въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову. Цѣль его заключается не только въ регулированіи отношеній гражданъ между собою, но и въ регулированіи отношеній гражданъ къ государству. Кодексъ этотъ является одновременно и гражданскимъ кодексомъ, и уголовнымъ, и хартіей.

Онъ основывается или, вѣрнѣе, кажется,—что основывается на извѣстномъ числѣ общихъ принциповъ, выраженныхъ въ очень философской и очень отвлеченной формѣ. Принципы эти во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ тѣ, что легли въ основу извѣстной „декларації правъ человѣка“ въ конституціи 1791 года. Въ кодексѣ всзвѣщается, что благо государства и его населенія есть цѣль общества и предѣлъ закона; что законы могутъ ограничивать свободу и права гражданъ лишь въ видахъ ихъ единенія и общенія, что каждый членъ государства долженъ работать для общаго блага, сообразно своему положенію и средствамъ, что права отдѣльной личности должны приноситься въ жертву общему благу.

Нигдѣ нѣтъ рѣчи о наслѣдственномъ правѣ государя, его семьи, ни даже о частномъ правѣ, которое отличалось бы отъ права государственнаго. Названіе „государство“ является единственнымъ, какимъ пользуются для обозначенія королевской власти.

Напротивъ, въ этомъ кодексѣ говорится объ общемъ правѣ всѣхъ людей: это общечеловѣческое право основано на естественной свободѣ каждаго поступать въ интересахъ собственнаго блага, поскольку это не мѣшаетъ праву ближняго. Всѣ дѣйствія, не воспрещенныя естественнымъ или положительнымъ государственнымъ закономъ, считаются доступными.

Каждый житель государства можетъ потребовать отъ него защиты своей личности и своей собственности и имѣетъ право

защищаться самъ собственными силами, если государство не приходитъ къ нему на помощь.

Установивъ эти великіе принципы, законодатель, вмѣсто того, чтобы вывести изъ нихъ, какъ въ конституціи 1791 года, ученіе о верховной власти народа и организацію народнаго правительства въ свободномъ обществѣ, круто поворачиваетъ и приходитъ къ другому, также демократическому, но не либеральному выводу. Онъ считаетъ государя единственнымъ представителемъ государства и даетъ ему всѣ права, какія признаны за обществомъ.

Государь уже въ этомъ кодексѣ не является представителемъ Бога; онъ является лишь представителемъ общества, его агентомъ, его слугою, какъ это буквально высказалъ Фридрихъ Великій въ своихъ сочиненіяхъ. Но онъ одинъ представитель общества, онъ одинъ пользуется всѣми прерогативами власти.

Глава государства,—говорится въ предисловіи,—долгъ котораго заботиться объ общемъ благѣ, единственной цѣли общества, уполномоченъ управлять и регулировать всѣми дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, имѣя въ виду эту единственную цѣль.

Жители деревень, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ и мѣстностей, поставлены въ положеніе наслѣдственной крѣпостной зависимости, которая не ограничивается одной барщиной и повинностями, неразрывно связанными съ владѣніемъ извѣстными землями, но, какъ мы видѣли, распространяется и на самую личность владѣльца.

Большая часть привилегій землевладѣльцевъ вновь санкціонируется кодексомъ; можно даже сказать, противорѣчитъ самому кодексу, такъ какъ въ кодексѣ говорится, что въ случаяхъ разногласія между мѣстнымъ обычаемъ и новымъ законодательствомъ нужно отдавать предпочтеніе первому. Формально заявляется, что государство не можетъ уничтожить ни одну изъ этихъ привилегій иначе, какъ выкупивъ ихъ согласно судебнымъ формамъ.

Правда, кодексъ утверждаетъ, что крѣпостное право въ собственномъ смыслѣ слова (Leibeigenschaft), поскольку оно

устанавливаетъ личное рабство, отмѣнено; но наслѣдственное подчиненіе (Erbunterthänigkeit), замѣняющее его, все еще остается видомъ крѣпостной зависимости, какъ это можно видѣть изъ текста закона.

Въ томъ же кодексѣ горожанинъ тщательно отгороженъ отъ крестьянина; между буржуазіей и дворянствомъ въ кодексѣ можно различить нѣчто вродѣ промежуточнаго класса, состоящаго изъ высшихъ чиновниковъ не дворянскаго происхожденія, клириковъ, преподавателей учебныхъ заведеній, гимназій и университетовъ.

Впрочемъ, обособленные отъ остальной буржуазіи, представители этого городского сословія не смѣшиваются и съ дворянствомъ: напротивъ, по сравненію съ нимъ, они находятся въ низшемъ положеніи. Какъ общее правило, они не имѣютъ права ни покупать рыцарскихъ имѣній, ни занимать высшихъ постовъ по гражданской службѣ.

Они не были также hoffähig, т.-е. не имѣли права пріѣзда ко двору, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, и никогда съ семействомъ. Какъ и во Франціи, это униженіе оскорбляло ихъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ этотъ классъ людей становился просвѣщеннѣе и вліятельнѣе; государственные чиновники изъ горожанъ, если и не занимали самыхъ блестящихъ должностей, то замѣщали такія мѣста, гдѣ было больше дѣла, и притомъ наиболѣе полезнаго дѣла. Возмущеніе противъ привилегій дворянства, такъ сильно содѣйствовавшее у насъ, во Франціи, революціи, подготовляло въ Германіи то одобреніе, съ какимъ революція была вначалѣ здѣсь встрѣчена. Между тѣмъ, главнымъ редакторомъ кодекса былъ буржуа; но, безъ сомнѣнія, онъ слѣдовалъ приказаніямъ своего господина.

Старый общественный строй въ этой части Германіи былъ еще не настолько разрушенъ, чтобы Фридрихъ, несмотря на все свое презрѣніе къ нему, думалъ, что наступило время уничтожить его обломки.

Въ общемъ, онъ ограничивается отнятіемъ у дворянъ права корпоративнаго самоуправленія и собранія и каждому

лицу въ отдѣльности сохраняетъ его привилегіи, лишь ограничивая и регулируя пользованіе ими. Такимъ образомъ, кодексъ, составленный по указаніямъ ученика нашихъ философовъ и проведенный въ жизнь послѣ того, какъ разразилась французская революція, является новѣйшимъ и самымъ достовѣрнымъ законодательнымъ документомъ, дающимъ законное обоснованіе тѣмъ самымъ феодальнымъ неравенствамъ, которыя революція разрушила во всей Европѣ.

Дворянство объявляется главнымъ сословіемъ въ государствѣ; дворяне, говорится въ кодексѣ, должны по преимуществу назначаться на всѣ почетныя должности, если только способны ихъ выполнять. Они одни могутъ владѣть дворянскими имѣніями, создавать порядокъ наслѣдованія, пользоваться правами охоты и суда, присущими дворянскимъ имуществамъ, такъ же какъ и правомъ патроната надъ церквами; они одни могутъ называться по имени земель, принадлежащихъ имъ.

Буржуа, получившіе въ силу особаго исключенія право владѣть дворянскими имѣніями, могутъ пользоваться лишь въ точныхъ границахъ даннаго имъ права преимуществами, связанными съ такимъ землевладѣніемъ. Горожанинъ, хотя бы онъ и владѣлъ дворянскимъ имѣніемъ, можетъ оставить его въ наслѣдство горожанину лишь въ томъ случаѣ, если послѣдній является наслѣдникомъ по первой степени. Въ случаѣ, если не нашлось бы такихъ наслѣдниковъ, или наслѣдниковъ дворянскаго происхожденія, имѣніе должно было продаваться съ публичнаго торга.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ отдѣловъ кодекса Фридриха является присоединенное къ нему уложеніе о наказаніяхъ по политическимъ дѣламъ.

Преемникъ Фридриха Великаго Фридрихъ-Вильгельмъ II, видѣвшій въ этомъ произведеніи своего дяди революціонныя тенденціи, несмотря на феодальный и абсолютистскій характеръ законодательства, обзоръ котораго нами только что сдѣланъ, откладывалъ его обнародованіе до 1794 года и, какъ говорятъ, успокоился лишь при мысли о превосходныхъ каратель-

ныхъ постановленіяхъ, которыми исправляются заключающіеся въ кодексѣ дурные принципы. И, дѣйствительно, никогда, даже впослѣдствіи, не появлялось ничего въ этомъ родѣ болѣе полнаго; не только бунты и заговоры здѣсь строжайше наказываются, но и неуважительная критика дѣйствій правительства влечетъ не менѣе суровую кару. Тщательно запрещается покупка и распространеніе опасныхъ сочиненій: типографщикъ, издатель и распространитель отвѣчаютъ за проступокъ автора. Общественные балы, маскарады и другія развлеченія объявляются публичными собраніями и устраиваются съ разрѣшенія полиціи. То же правило относится и къ обѣдамъ въ публичныхъ мѣстахъ. Свобода печати и слова сильно связана произвольнымъ надзоромъ. Ношеніе огнестрѣльнаго оружія воспрещено.

Во всемъ этомъ произведеніи, наполовину заимствованномъ у среднихъ вѣковъ, проглядываютъ опредѣленія, которыя по своему крайне централизаторскому характеру граничатъ съ соціализмомъ. Такъ, напримѣръ, заявляется, что на обязанности государства лежитъ наблюденіе за пропитаніемъ, занятіемъ и заработкомъ всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ содержать себя самъ и не имѣетъ права ни на помощь сеньора, ни на пособіе общины: такимъ лицамъ должна быть обезпечена работа сообразно ихъ силамъ и способностямъ. Государство должно создать учрежденія для борьбы съ бѣдностью гражданъ. Кромѣ того, государству дается право прекращать дѣйствіе учрежденій, которыя способствуютъ развитію лѣни, и самому распредѣлять между бѣдняками деньги, находившіяся въ распоряженіи этихъ учрежденій.

Смѣлость и новизна въ теоріи, робость на практикѣ, характерныя черты творенія Фридриха Великаго, проглядываютъ въ немъ всюду. Съ одной стороны, провозглашается великій принципъ новаго общества, согласно которому всѣ подлежатъ одинаково налоговому обложенію; съ другой—остаются въ силѣ мѣстные законы, содержащіе исключенія изъ этого правила. Утверждается, что всякій процессъ между подданнымъ и государемъ разбирается въ тѣхъ же формахъ и согласно

тѣмъ предписаніямъ, которыя указаны для другихъ тяжебныхъ дѣлъ; на самомъ же дѣлѣ, это правило никогда не исполнялось, если интересы или страсти короля шли съ нимъ въ разрѣзъ. Тщеславно выставлялся эпизодъ съ мельницей въ Санъ-Суси, тогда какъ во многихъ другихъ случаяхъ правосудіе негласно попиралось.

Доказательствомъ того, какъ много этотъ кодексъ обѣщалъ новаго съ внѣшней стороны и какъ мало онъ далъ въ дѣйствительности, служитъ то, что прусская нація едва замѣтила его обнародованіе. Одни лишь законовѣды его изучали, и въ наше время есть много весьма просвѣщенныхъ людей, которые его никогда не читали. Это и вызываетъ такой большой интересъ къ кодексу во всѣхъ желающихъ изучить и имѣть представленіе объ истинномъ положеніи общества въ этой части Германіи къ концу XVIII вѣка.

Стр. 39, строка 30.

Крестьянскія имѣнія въ Германіи.

Среди крестьянъ часто встрѣчались такія семьи, которыя были не только свободны и обладали собственностью, но имѣнія которыхъ составляли нѣчто вродѣ вѣчнаго маіората. Земли, которыми они владѣли, были недѣлимы и переходили по наслѣдству къ одному сыну; обыкновенно это былъ младшій, какъ и въ Англіи, по нѣкоторымъ обычнымъ правамъ. Онъ долженъ былъ только выдать приданое сестрамъ и братьямъ.

Эти крестьянскія Erbgüter были болѣе или менѣе распространены по всей Германіи, такъ какъ нигдѣ вся земля не была включена въ феодальную систему. Въ Силезіи, гдѣ дворянство до сихъ поръ сохранило громадныя земельныя владѣнія, въ составъ которыхъ входило большинство деревень, тѣмъ не менѣе встрѣчались цѣлыя селенія, которыми всецѣло владѣли ихъ жители и которыя были совершенно свободны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тироля и Фрисландіи господ-

ствующимъ фактомъ являлось владѣніе крестьянами землей въ формѣ Erbgüter.

Но въ громадномъ большинствѣ областей Германіи эта форма землевладѣнія являлась болѣе или менѣе частымъ исключеніемъ. Въ селахъ, гдѣ встрѣчались такія исключенія, мелкіе собственники этой категоріи образовали среди крестьянъ своего рода аристократію.

Страница 40, стр. 4.

Положеніе дворянства и распредѣленіе земли по Рейну.

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстахъ и улицъ, жившихъ при старомъ порядкѣ, слѣдуетъ, что, напр., въ Кельнскомъ курфюршествѣ, было много селъ безъ господъ, управлявшихся чиновниками князя (курфюрста); что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дворянство существовало, его административная власть была весьма ограничена; что его положеніе было болѣе блестяще, чѣмъ могущественно (по крайней мѣрѣ, каждаго въ отдѣльности); что оно пользовалось многими почестями, раздѣляло повинности князя, но непосредственной и дѣйствительной власти надъ народомъ не имѣло Съ другой стороны, я удостовѣрился, что въ томъ же самомъ курфюршествѣ собственность была очень раздроблена, и значительное число крестьянъ являлись собственниками, что объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ стѣсненнымъ и полунищенскимъ состояніемъ, въ которомъ давно уже находились многія дворянскія семьи. Это заставляло ихъ постоянно отчуждать небольшіе участки своихъ земель, которые пріобрѣтались крестьянами или на условіи уплаты ренты или за наличныя деньги. Я имѣлъ въ рукахъ списокъ населенія Кельнскаго архіепископства начала XVIII вѣка, гдѣ находятся данныя относительно землевладѣнія въ ту эпоху; и я увидѣлъ, что съ этого времени треть земель принадлежала крестьянамъ. Изъ этого факта вытекала совокупность чувствованій и идей, которая приближала къ революціи населеніе этой мѣстности несравненно больше, чѣмъ обитателей другихъ областей Германіи, гдѣ эти особенности не выступали еще такъ сильно.

Страница 40, стр. 18.

Какимъ образомъ законъ о ссудахъ подъ проценты ускорилъ раздробленіе земель?

Законъ, запрещавшій отдачу денегъ въ ростъ, каковы бы ни были проценты, былъ еще въ силѣ въ концѣ XVШ столѣтія. Тюрго говоритъ даже, что въ 1769 году онъ соблюдался во многихъ мѣстахъ. Эти законы существуютъ, говоритъ онъ, хотя ихъ часто и нарушаютъ. Консульскіе судьи допускаютъ уплату процентовъ безъ отчужденія капитала, тогда какъ обыкновенные судьи ихъ отвергаютъ. Встрѣчаются и недобросовѣстные должники, которые привлекаютъ своихъ кредиторовъ къ уголовной отвѣтственности за сдѣланную имъ ссуду даже безъ отчужденія капитала.

Независимо отъ того вліянія, какое не могло не оказать это законодательство на торговлю и вообще на промышленные нравы, оно имѣло большое вліяніе на распредѣленіе земель и виды владѣнія ими. Оно до безконечности увеличило количество вѣчныхъ рентъ, какъ земельныхъ, такъ и необезпеченныхъ земельною собственностью; оно заставило прежнихъ землевладѣльцевъ вмѣсто того, чтобы занимать, по мѣрѣ надобности продавать за умѣренную цѣну свои владѣнія небольшими участками, частью за наличныя деньги, частью въ постоянную ренту; значительно способствовало, съ одной стороны—раздробленію земель, а съ другой—чрезмѣрному обремененію мелкой собственности множествомъ постоянныхъ повинностей.

Страница 44, стр. 10.

Примѣры страстей, вызываемыхъ уплатой десятины еще за 10 лѣтъ до революціи.

Въ 1779 году одинъ адвокатъ изъ Люсе жалуется въ очень ѣдкомъ тонѣ, въ которомъ уже чувствуется приближеніе

революціи, что священники и другія лица, пользующіяся десятиной, продаютъ за непомѣрно высокую цѣну солому, доставляемую имъ въ качествѣ десятины земледѣльцами, тѣмъ же земледѣльцамъ, которые въ ней страшно нуждаются для удобренія земли.

Страница 44, стр. 10.

Примѣръ того, какъ духовенство отдѣляло отъ себя народъ, пользуясь своими привилегіями.

Въ 1780 году настоятель и каноники Лавальскаго пріората жаловались на то, что ихъ хотятъ заставить платить опредѣленный по тарифу налогъ на предметы потребленія и на необходимые для починки ихъ построекъ матеріалы. Они говорили, что тарифные налоги представляютъ собою видъ пошлины, а они освобождены отъ пошлины, то они не должны ничего платить. Министръ направляетъ жалобниковъ въ податной округъ (élection) и даетъ имъ право прибѣгнуть къ суду, рѣшающему спорныя дѣла о налогѣ (cour des aides).

Страница 44, стр. 12.

Феодальныя права священниковъ и одинъ примѣръ изъ тысячи. Аббатство Шербурга (1753).

Это аббатство обладало правомъ взиманія сеньоральныхъ рентъ, уплачиваемыхъ деньгами или съѣстными продуктами, почти со всѣхъ приходовъ предмѣстій Шербурга; съ одного только прихода получало оно 306 мѣръ пшеницы. Это аббатство включало въ свои владѣнія баронію св. Женевьевы, баронію и помѣщичью мельницу Ба-дю Рулъ, баронію Neuville au Plein, расположенныя на разстояніи 10 лье отъ него; кромѣ того оно получало десятину съ 12 приходовъ полуострова, изъ которыхъ многіе были на очень далекомъ отъ него разстояніи.

Страница 47, стр. 11.

Раздраженіе, вызванное у крестьянъ феодальными правами вообще и феодальными правами духовенства въ особенности.

Приводимъ письмо, посланное не задолго до революціи однимъ писателемъ самому интенданту. Оно не можетъ служить авторитетнымъ свидѣтельствомъ для удостовѣренія точности содержащихся въ немъ фактовъ, но оно ясно указываетъ на состояніе умовъ въ то время въ сословіи, къ которому принадлежитъ авторъ этого письма.

„Хотя у насъ“, пишетъ онъ, „мало дворянъ въ странѣ, но не слѣдуетъ думать, что поэтому имѣнія менѣе обременены налогами; наоборотъ, почти всѣ помѣстья принадлежатъ собору, архіепископству, братству Санъ-Мартенъ, бенедектинцамъ въ Нуармутьѣ, въ Санъ-Жюльенѣ и другимъ духовнымъ лицамъ, у которыхъ платежи никогда не опредѣляются и у которыхъ постоянно появляются заплѣсневѣлые пергаменты, происхожденіе которыхъ извѣстно лишь одному господу Богу!

„Вся эта страна наводнена налогами: большая часть земель должна выплачивать ежегодно седьмую часть сбора пшеницы съ десятины, другія восьмую, одни должны отдавать четверть плодовъ, слѣдуемыхъ сеньоріи, другіе пятую часть и пр. всегда съ предварительнымъ взносомъ десятины. Десятина же равняется у одного 12-й, у другого 13-й части. Всѣ эти платежи такъ разнообразны, что я знаю примѣры ихъ въ размѣрѣ отъ четвертой до сороковой части сбора плодовъ.

„Что думать обо всѣхъ этихъ платежахъ во всѣхъ видахъ,—зернами, овощами, деньгами, живностью, барщиной, лѣсомъ, плодами, свѣчами? Я знакомъ съ этими странными налогами, взимаемыми хлѣбомъ, воскомъ, яйцами, свиными тушами, букетами розъ и фіалокъ, золотыми шпорами и пр. Имѣется еще много другихъ поборовъ въ пользу сеньоровъ. Почему Франція не освобождена отъ всѣхъ этихъ нелѣпыхъ платежей? На-

конецъ-то начинаютъ открывать глаза, и нужно надѣяться на мудрость нынѣшняго правительства; оно наконецъ протянетъ руку помощи этимъ бѣднымъ жертвамъ вымогательства стараго фискальнаго управленія, вызываемаго сеньоральными сборами, не подлежащими ни отчужденію, ни продажѣ.

„Что сказать еще о пошлинахъ съ продажи земель (lods et ventes)? Покупатель растрачиваетъ свои средства на пріобрѣтеніе и обязанъ нести крупныя издержки на формальности по присужденію и заключенію контракта по вводу во владѣніе, протоколамъ, записыванію въ нихъ, долженъ платить сотый денье, восемь су съ ливра и т. д. И кромѣ всего этого нужно, чтобы онъ представилъ заключенный контрактъ своему сеньору, который заставитъ его заплатить пошлину за свое пріобрѣтеніе въ размѣрѣ той или другой части капитальной суммы пріобрѣтенія. Извѣстны случаи, когда заставляли уплачивать треть капитальной суммы. Нѣтъ, самыя свирѣпыя и самыя варварскія націи вселенной никогда не могли изобрѣсть такое вымогательство въ такихъ разнообразныхъ видахъ, какъ наши тираны, взвалившіе ихъ на нашихъ предковъ (Въ его философско-литературной тирадѣ отсутствуетъ ороографія).

„Какъ! Развѣ возможно, чтобы покойный король разрѣшилъ выкупъ земельныхъ рентъ на наслѣдства, расположенныя въ городахъ, и не включилъ тѣхъ, которыя расположены въ деревняхъ? Вотъ съ послѣднихъ-то и слѣдовало бы начать. Почему не позволить бѣднымъ землевладѣльцамъ разбить свои цѣпи, внести выкупной платежъ и освободиться отъ множества сеньоральныхъ и земельныхъ рентъ, причиняющихъ столько зла вассаламъ и такъ мало выгоды помѣщикамъ? Относительно выкупныхъ платежей не слѣдовало бы дѣлать различія между городами и деревнями, между сеньорами и простыми людьми.

„Управляющіе владѣльцевъ церковныхъ имуществъ при каждой перемѣнѣ хозяевъ грабятъ и облагаютъ податями всѣхъ фермеровъ. Мы можемъ привести примѣръ изъ недавняго прошлаго. Управляющій нашего новаго архіепископа, по прибытіи, приказалъ выселиться всѣмъ фермерамъ г. Флери, предшественника архіепископа, объявивъ недѣйствительными всѣ заключенные съ нимъ договоры и выбрасывая на улицу всѣхъ тѣхъ, кто не захотѣлъ удвоить договорную плату и дать взятку, которую они уже давали управляющему г. Флери. Такимъ образомъ ихъ лишили пользованія въ теченіе 7—8 лѣтъ землями, на которыя они имѣли право согласно заключенному условію, и заставили немедленно, наканунѣ Рождества, въ самое критическое время года, по причинѣ трудности добыванія корма для скота,—выселиться, не зная, гдѣ найти убѣжище. Прусскій король не поступилъ бы хуже“.

Дѣйствительно, оказывается, что по отношенію къ имѣніямъ духовенства договоры, заключенные съ прежнимъ обладателемъ церковнаго сана, не являлись законнымъ обязательствомъ для его преемника. Авторъ письма, замѣчая, что феодальныя ренты въ городахъ подлежали выкупу, а въ деревняхъ нѣтъ, констатируетъ достовѣрный фактъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ того заброшеннаго состоянія, въ которомъ находился тогда крестьянинъ, и, напротивъ, показываетъ, какъ всякій, стоявшій надъ нимъ, находилъ возможность выпутываться изъ затрудненій.

Стр. 47, стр. 11.

Всякое долго господствовавшее учрежденіе, утвердившись въ своей природной сферѣ, выходитъ за ея предѣлы и подъ конецъ оказываетъ сильное вліяніе даже въ той области законодательства, гдѣ оно не царитъ; феодализмъ, хотя и относился въ началѣ къ области права государственнаго, преобразовалъ все гражданское право и глубоко измѣнилъ положеніе имуществъ и людей во всемъ, что касается частной жизни. Онъ воздѣйствовалъ на порядокъ наслѣдованія неравенствомъ при раздѣлахъ, и этотъ принципъ проникъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (примѣръ—Нормандія) даже въ третье сословіе. Феодализмъ, такъ сказать, опуталъ всю земельную собственность, потому что не было земель, которыя находились бы вполнѣ его предѣловъ, владѣльцы которыхъ не испытали бы противодѣйствія его законовъ. Онъ оказывалъ вліяніе не только

на собственность частныхъ лицъ, но и коммунъ; воздѣйствовалъ на промышленность поборами, взимаемыми съ нея, отражался на доходахъ неравенствомъ обложенія и вообще отражался на денежныхъ интересахъ людей почти во всѣхъ дѣлахъ: на собственниковъ воздѣйствовалъ путемъ оброковъ, рентъ, барщинъ; на земледѣльцевъ—множествомъ способовъ, и среди другихъ—монополіями, пошлинами съ продажи имѣній, поземельными рентами и мн. др.; на купцовъ—налогами на право торговли, на коммерсантовъ—дорожными пошлинными сборами (peàges) и т. д. Сокрушая феодальный строй, революція проявилась: она сразу коснулась, такъ сказать, всѣхъ чувствительныхъ мѣстъ въ сферѣ частныхъ интересовъ.

Стр. 56, стр. 22.

Общественная благотворительность государства. Фаворитизмъ.

Въ 1748 году король отпустилъ для раздачи 20.000 фунтовъ рису (это былъ годъ страшной нужды и голода, какихъ много было въ XVIII вѣкѣ). Архіепископъ Турскій настаиваетъ на томъ, что это ему удалось добиться помощи, и пособіе должно быть распредѣлено не иначе, чѣмъ черезъ него, и только въ его епархіи. Интендантъ заявляетъ, что пособіе отпущено для всего округа и должно распредѣляться имъ по всѣмъ приходамъ. Послѣ продолжительной борьбы король, чтобы примирить всѣхъ, удваиваетъ количество риса, предназначеннаго имъ къ раздачѣ въ округѣ, для того, чтобы архіепископъ и интендантъ каждый могъ распредѣлить половину всего количества риса. Впрочемъ, оба согласны, что раздача должна производиться черезъ священниковъ. Ни о сеньорахъ, ни о синдикахъ (старшинахъ) нѣтъ рѣчи. Изъ переписки интенданта съ главнымъ контролеромъ видно (согласно словамъ перваго), что архіепископъ хотѣлъ распредѣлить рисъ лишь между лицами, пользующимися его покровительствомъ, а именно—большую часть въ приходахъ, принадлежащихъ герцогинѣ Рошфоръ. Съ другой стороны, въ этой связкѣ можно найти письма знатныхъ вельможъ, которые особенно просятъ за свои приходы, и письма главнаго контролера, который указываетъ на приходы извѣстныхъ лицъ. Эта узаконенная благотворительность, какова бы ни была ея система, сопровождается злоупотребленіями. Но она неосуществима, когда производится центральнымъ правительствомъ на разстояніи и безъ гласности.

Страница 56, стр. 22.

Примѣръ того, какимъ образомъ осуществлялась эта законная благотворительность.

Въ докладѣ, представленномъ провинціальному собранію въ Haute Guyenne въ 1778 году, мы читаемъ: „Изъ суммы въ 385.000 ливровъ, къ которой относятся суммы, ассигнованныя Его Величествомъ нашему округу, начиная съ 1773 года, времени устройства благотворительныхъ работъ, до 1779 года включительно, податной округъ Монтобана, главнаго города и резиденціи г. интенданта, болѣе 240.000 ливровъ было истрачено на одинъ только этотъ округъ, причемъ наибольшая часть этой суммы досталась самой Монтобанской общинѣ“.

Страница 57, строка 9.

Власть интенданта въ дѣлѣ регламентаціи промышленности.

Архивы интендантствъ полны дѣлъ, относящихся къ регламентаціи промышленности.

Въ то время промышленность не только подчинялась ограниченіямъ, предписываемымъ ей цехами, институтами мастеровъ и др., но была отдана на произволъ правительства, представляемаго чаще всего въ общихъ узаконеніяхъ—королевскимъ совѣтомъ, а въ частныхъ примѣненіяхъ этихъ узаконеній—интендантами. Мы видимъ, что послѣдніе постоянно заняты

опредѣленіемъ длины, которую должны имѣть матеріи, выборомъ тканей, методовъ ихъ обработки; постоянно придумываютъ, какъ избѣжать погрѣшностей при производствѣ. Подъ своимъ начальствомъ интенданты имѣли, независимо отъ субделегатовъ, мѣстныхъ инспекторовъ промышленности. Съ этой стороны централизація простиралась еще дальше, чѣмъ въ наше время; при этомъ она отличалась большей прихотливостью и большимъ произволомъ; она плодила безчисленное множество общественныхъ чиновниковъ и порождала всевозможныя привычки подчиненія и зависимости.

Замѣтьте, что эти привычки особенно были свойственны буржуазіи—торговцамъ, купцамъ, которымъ предстояло въ скоромъ времени торжествовать; имъ—больше, чѣмъ тѣмъ, кому пришлось быть побѣжденными. Итакъ, революція, вмѣсто того, чтобы разрушить эти привычки, должна была содѣйствовать ихъ преобладанію и распространенію.

Всѣ предыдущія замѣтки вызваны чтеніемъ многочисленной переписки и сочиненій, озаглавленныхъ: Мануфактуры и фабрики, суконная торговля, москательная торговля и встрѣчающихся среди уцѣлѣвшихъ бумагъ въ архивахъ интендантства Иль-де-Франсъ. Тутъ же находятся многочисленные и подробные доклады, посылавшіеся инспекторами интендантамъ относительно посѣщеній ихъ фабрикантами для удостовѣренія въ томъ, что правила, предписанныя для фабрикаціи, исполняются; затѣмъ, различные указы Совѣта, изданные, согласно мнѣнію интенданта, для запрещенія или разрѣшенія производства или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, или извѣстныхъ матерій, или, наконецъ, по извѣстному способу.

Въ наблюденіяхъ этихъ инспекторовъ, свысока относящихся къ фабриканту, преобладаетъ мысль, что право и обязанность государства—принуждать послѣдняго къ наилучшему производству не только ради общей пользы, но и своей собственной. Поэтому они считаютъ своей обязанностью заставлять фабриканта слѣдовать наилучшему способу, вмѣстѣ съ нимъ вникать въ малѣйшія подробности производства и все это сопровождать

многочисленными указаніями на нарушеніе закона и наложеніемъ громадныхъ штрафовъ.

Страница 58, стр. 16.

Духъ управленія Людовика XI.

Лучшимъ документомъ для оцѣнки истиннаго духа управленія Людовика XI служатъ многочисленныя учредительныя грамоты, дарованныя имъ городамъ. Я имѣлъ случай изучить очень подробно тѣ изъ нихъ, которыми ему обязаны города Анжу, Мэнъ и Турэнъ. Всѣ эти конституціи составлены приблизительно по одному образцу и ясно обнаруживаютъ одинаковые замыслы. Въ нихъ личность Людовика проявляется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ та, которая намъ извѣстна.

Вообще этого государя принято считать врагомъ дворянства и искреннимъ, хотя и немного грубымъ, другомъ народа. Тутъ обнаруживается его одинаковая ненависть какъ къ политическимъ правамъ народа, такъ и дворянства. Онъ въ равной степени пользуется буржуазіей какъ для униженія тѣхъ, кто выше ея, такъ и для подавленія тѣхъ, кто ниже; въ одно и то же время онъ и врагъ аристократіи, и врагъ демократіи: это—король буржуазіи по преимуществу. Онъ осыпаетъ именитыхъ гражданъ городовъ привилегіями, желая увеличить ихъ вліяніе; онъ щедро раздаетъ имъ дворянскіе титулы, цѣнность которыхъ понижаетъ этимъ, и въ то же время разрушаетъ народно-демократическій характеръ городского управленія и сосредоточиваетъ управленіе въ рукахъ немногихъ фамилій, сочувствующихъ его реформѣ и привязанныхъ къ его власти, вслѣдствіе безчисленныхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ.

Страница 59, стр. 6.

Примѣръ городского управленія въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

Я извлекаю изъ справки, сдѣланной въ 1764 году по вопросу о городскомъ управленіи, дѣло, касающееся Анжера:

въ немъ мы найдемъ административный строй этого города разобраннымъ, подвергнутымъ нападкамъ и защищеннымъ послѣдовательно уѣзднымъ судомъ, городскимъ служебнымъ персоналомъ, субделегатомъ и интендантомъ. Такъ какъ тѣ же самые факты повторяются во многихъ другихъ мѣстахъ, то въ приводимой картинѣ нужно видѣть нѣчто большее, чѣмъ единичный случай.

Меморій уѣзднаго суда о настоящемъ положеніи муниципальнаго устройства Анжера и о необходимыхъ въ немъ преобразованіяхъ.

„Городская администрація Анжера, говоритъ уѣздный судъ, почти никогда не совѣщается со всѣмъ населеніемъ въ его совокупности, даже по поводу самыхъ важныхъ мѣропріятій, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда она обязывается къ этому особыми приказами; эта администрація неизвѣстна всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ городскому управленію, даже городскимъ засѣдателямъ, эшевенамъ, которые имѣютъ о ней лишь весьма поверхностное представленіе.

(Дѣйствительно, всѣ эти мелкія городскія олигархіи стремились какъ можно меньше спрашивать мнѣнія тѣхъ, кого можно назвать совокупностью населенія).

„Городской административный персоналъ состоитъ въ силу регламента отъ 29 марта 1861 года изъ двадцати одного чиновника:

„Одного мэра, который получаетъ дворянское достоинство и исполняетъ свои обязанности въ теченіе четырехъ лѣтъ;

„Четырехъ засѣдателей (эшевеновъ), которые остаются въ должности два года;

„Двѣнадцати совѣтниковъ (conseillerséchevins), которые, будучи избраны одинъ разъ, остаются постоянно;

„Двухъ городскихъ прокуроровъ;

„Одного прокурора съ правомъ преемничества;

„Одного регистратора.

„Они пользуются различными привилегіями и, между прочимъ, слѣдующими: ихъ поголовное обложеніе опредѣленно и умѣренно; они освобождены отъ воннаго постоя, доставки войскамъ пищи, фуража и контрибуцій; пользуются льготами по платежу налоговъ, при переѣздѣ черезъ двойныя и тройныя заставы, по платежу стараго и новаго акциза, добавочнаго налога на предметы потребленія, даже добровольнаго пожертвованія, отъ котораго они нашли возможнымъ освободиться собственной властью,—говоритъ президіалъ; кромѣ того, они получаютъ вознагражденіе свѣчами, а нѣкоторые—жалованье и квартиры".

По изложеннымъ подробностямъ видно, что въ тѣ времена было выгодно исполнять обязанности постоянаго засѣдателя въ Анжерѣ. Обратите вниманіе на господствующую всюду систему, согласно которой всегда освобождаются отъ налоговъ самые богатые. Въ той же меморіи мы читаемъ дальше слѣдующее: „Этихъ должностей домогаются самые богатые граждане, стремящіеся такимъ образомъ значительно уменьшить свою налоговую подать, вся тяжесть которой тѣмъ сильнѣе ложится на другихъ. Сейчасъ существуетъ нѣсколько муниципальныхъ чиновниковъ, поголовное обложеніе которыхъ выражается въ суммѣ 30 ливровъ, тогда какъ они должны были бы платить отъ 250 до 300 ливровъ; одинъ изъ нихъ даже, соотвѣтственно своему состоянію, могъ бы платить, по меньшей мѣрѣ, 1000 ливровъ поголовной подати".

Въ другомъ мѣстѣ той же записки читаемъ, „что въ числѣ богатѣйшихъ горожанъ находится болѣе сорока чиновниковъ или вдовъ чиновниковъ (бывшихъ на службѣ), должности которыхъ даютъ имъ привилегію не принимать участія въ платежѣ крупной суммы налоговой подати, лежащей на городѣ; вся тяжесть этой подати падаетъ на безконечное множество бѣдныхъ ремесленниковъ, считающихъ себя несправедливо обремененными; они постоянно жалуются на чрезмѣрность своихъ платежей и почти всегда безъ основанія, такъ какъ нѣтъ неравенства въ распредѣленіи тѣхъ податей, которыя остаются на долю города".

Общее собраніе состоитъ изъ семидесяти шести лицъ:

Мэра.

Двухъ депутатовъ отъ капитула.

Одного синдика приходскаго духовенства.
Двухъ депутатовъ отъ уѣзднаго суда.
Депутата отъ университета.
Главнаго начальника полиціи.
Четырехъ эшевеновъ (засѣдателей).
Двѣнадцати совѣтниковъ.
Королевскаго прокурора при уѣздномъ судѣ.
Городского прокурора.
Двухъ депутатовъ отъ управленія водами и лѣсами.
Двухъ отъ податного округа (élection).
Двухъ отъ соляныхъ амбаровъ.
Двухъ отъ откуповъ.
Двухъ отъ монетнаго двора.
Двухъ отъ корпораціи адвокатовъ и прокуроровъ.
Двухъ отъ судей-консуловъ.
Двухъ отъ нотаріусовъ.
Двухъ отъ корпораціи торговцевъ.

Наконецъ, изъ депутатовъ, посылаемыхъ по два отъ каждаго изъ 16 приходовъ.

Эти послѣдніе считаются представителями народа въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ частности—промышленныхъ корпорацій. Изъ сказаннаго выше видно, что все было устроено такъ, чтобы въ собраніи они всегда были въ меньшинствѣ.

Когда въ средѣ городской администраціи освобождаются мѣста, общее собраніе избираетъ трехъ кандидатовъ на каждую вакансію.

Большая часть должностей въ городской ратушѣ не зависитъ отъ принадлежности къ извѣстному сословію, какъ я это видѣлъ въ нѣкоторыхъ другихъ муниципальныхъ конституціяхъ,—т.-е. избиратели не обязаны избирать непремѣнно чиновника или адвоката и т. д., что, по мнѣнію членовъ президіала, очень дурно.

По словамъ того же президіала, одушевленнаго, мнѣ кажется, сильнѣйшей завистью къ городскому совѣту и считающаго, какъ я сильно подозрѣваю, скверным въ муниципальной конституціи то, что ему тамъ пожаловано недостаточно

привилегій,—„общее собраніе, слишкомъ многочисленное и частью состоящее изъ лицъ мало интеллигентныхъ, должно созываться на совѣщаніе лишь въ случаяхъ отчужденія общиннаго имущества, займа, назначенія акцизовъ и выборовъ муниципальныхъ чиновниковъ. Всѣ остальныя дѣла могли бы рѣшаться въ меньшемъ собраніи, состоящемъ только изъ нотаблей. Не могли бы быть членами такого собранія лишь главный намѣстникъ сенешальства, королевскій прокуроръ и двѣнадцать другихъ нотаблей, взятыхъ изъ шести группъ: духовенства, магистратуры, дворянства, университета, купечества, буржуазіи и другихъ, не принадлежащихъ къ перечисленнымъ группамъ. Избраніе нотаблей въ первый разъ слѣдовало бы предоставить общему собранію, а затѣмъ—собранію нотаблей или тѣхъ группъ, отъ которыхъ они должны быть избраны“.

Всѣ эти государственные чиновники, входящіе въ качествѣ обладателей извѣстныхъ должностей или нотаблей въ составъ муниципальныхъ совѣтовъ стараго порядка, нерѣдко напоминаютъ современныхъ намъ наименованіемъ должности, которыя они исполняютъ, а иногда даже и самымъ характеромъ этой должности; но они глубоко отличаются отъ послѣднихъ своимъ положеніемъ, на что необходимо всегда обращать вниманіе, чтобы не прійти къ совершенно невѣрнымъ выводамъ. Почти всѣ эти чиновники были, дѣйствительно, нотаблями города, до того, какъ на нихъ возложили общественныя обязанности, или стремились получить ихъ для того, чтобы стать нотаблями; у нихъ не было мысли оставить свой постъ, ни надежды подняться выше: этого было достаточно для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ чиновниковъ, не похожихъ на нашихъ.

Записка муниципальныхъ чиновниковъ. Изъ нея видно, что городское управленіе было создано въ 1747 году Людовикомъ XI на развалинахъ стараго демократическаго устройства городовъ въ полномъ согласіи съ вышеуказанной системой, т.-е. онъ сосредоточивалъ большую часть политическихъ правъ въ рукахъ одного лишь средняго сословія, удаляя или ослабляя народную массу, увеличивая число муниципальныхъ должностныхъ лицъ, съ цѣлью заинтересовать

въ проведеніи своей реформы больше лицъ; щедро раздавалъ дворянскіе титулы и жаловалъ всякаго рода привилегіи той части буржуазіи, которая правила.

Въ той же запискѣ указывается на жалованныя грамоты преемниковъ Людовика XI, которыя, ограничивая еще болѣе власть народа, признаютъ эту новую городскую конституцію. Въ этой запискѣ мы находимъ, что въ 1485 году жалованныя грамоты, дарованныя въ этомъ смыслѣ Карломъ VII, были опротестованы передъ парламентомъ жителями Анжера, подобно тому, какъ въ Англіи перенесли бы въ судъ процессы, возникшіе по поводу хартіи, данной какому-нибудь городу. Въ 1601 году новый указъ парламента опредѣляетъ политическія права, вытекающія изъ королевской хартіи. Но съ этихъ поръ въ этой роли фигурируетъ лишь королевскій совѣтъ.

Изъ той же записки слѣдуетъ, что не только для замѣщенія вакансіи мэра, но и всѣхъ другихъ должностей по городскому управленію, общее собраніе представляетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ король выбираетъ одного въ силу постановленія совѣта отъ 22 іюня 1708 года. Далѣе видно, что согласно постановленіямъ совѣта отъ 1733 и 1741 года купцы имѣли право требовать для себя одно мѣсто эшевена или совѣтника (это—постоянные эшевены). Наконецъ, мы открываемъ, что на обязанности городского управленія лежала раскладка общей суммы поголовной подати, распредѣленіе войскъ по казармамъ, содержаніе бѣдныхъ, военныхъ, береговой стражи и подкинутыхъ дѣтей.

За этимъ слѣдуетъ длинный перечень тѣхъ трудовъ, которые несутъ муниципальные чиновники и которые, по ихъ мнѣнію, вполнѣ оправдываютъ привилегіи и безсмѣнность; послѣднихъ, какъ видно, они очень боятся потерять.

Нѣкоторые доводы, приводимые въ доказательство трудности ихъ обязанностей, любопытны; между прочимъ, слѣдующіе: „Ихъ главное занятіе, говорятъ они, состоитъ въ разсмотрѣніи финансовыхъ дѣлъ, число которыхъ постоянно растетъ вслѣдствіе увеличенія налоговъ, соляной пошлины, контролированія, записыванія актовъ, недозволеннаго взиманія налоговъ въ регистраціи и съ franc-fief (помѣстій, находящихся во владѣніи мѣщанъ). Споры, постоянно возбуждаемые финансовыми компаніями по поводу этихъ разнообразныхъ налоговъ, заставляютъ ихъ (членовъ городской администраціи) отъ имени города возбуждать процессы въ различныхъ судебныхъ инстанціяхъ, парламентѣ или королевскомъ совѣтѣ съ цѣлью противостоять притѣсненіямъ, подъ тяжестью которыхъ имъ приходится стонать.

„Тридцатилѣтняя дѣятельность и опытъ имъ показываетъ, что едва хватаетъ человѣческой жизни на то, чтобы избѣжать сѣтей и ловушекъ, безпрестанно разставляемыхъ гражданину уполномоченными всевозможныхъ откуповъ въ цѣляхъ сохраненія за собой взятыхъ на себя должностей“.

Любопытно, что всѣ эти вещи пишутся самому главному контролеру для того, чтобы расположить его въ пользу поддержанія привилегій тѣхъ, кто ему это говоритъ,— настолько было сильно обыкновеніе смотрѣть на компаніи, обязанныя взимать налоги, какъ на противника, на котораго можно нападать со всѣхъ сторонъ, такъ какъ никто не находитъ, что это дурно. Эта привычка, распространяясь и укореняясь все болѣе и болѣе, привела къ тому, что въ казнѣ стали видѣть ненавистнаго и недобросовѣстнаго тирана, не слугу, а общаго врага.

„Соединеніе всѣхъ должностей“, прибавляетъ та же записка, „произошло впервые въ городскомъ совѣтѣ на основаніи указа королевскаго совѣта отъ 4 сентября 1694 года за сумму во 22.000 ливровъ“; это значитъ, что должности были выкуплены въ этомъ году за означенную сумму. Указомъ 26 апрѣля 1723 года были присоединены къ городскому административному персоналу муниципальныя должности, созданныя эдиктомъ 24 мая 1722 года; въ другіе сроки городу было предоставлено право ихъ выкупить. Новымъ указомъ 24 мая 1723 года городу было разрѣшено занять 120000 ливровъ для пріобрѣтенія названныхъ должностей. Другой указъ отъ 26 іюля 1728 года разрѣшалъ сдѣлать заемъ въ 50.000 ливровъ для выкупа должности регистратора-секретаря городского совѣта. „Городъ“, сказано въ запискѣ, „заплатилъ эти деньги для того, чтобы

сохранить свободу выборовъ и предоставить своимъ должностнымъ лицамъ, избраннымъ на два года или пожизненно, прерогативы, связанныя съ ихъ обязанностями". „Въ виду того, что часть муниципальныхъ должностей была возстановлена ноябрьскимъ эдиктомъ 1733 года, по прошенію мэровъ и эшевеновъ къ нему былъ присоединенъ указъ совѣта отъ 11 января 1751 года, по которому назначалась выкупная цѣна въ 170.000 ливровъ, и для уплаты ея разрѣшалось отсрочить взиманіе городскихъ акцизовъ на пятнадцать лѣтъ".

Это—прекрасный образчикъ администраціи стараго порядка по отношенію къ городамъ. Ихъ заставляютъ дѣлать долги, а затѣмъ, чтобы освободиться отъ долговъ, предлагаютъ устанавливать чрезвычайные и временные налоги. И къ этому нужно прибавить, что позднѣе временные налоги превращаютъ въ постоянные, что я не разъ наблюдалъ, и тогда правительство получаетъ изъ нихъ свою долю.

Записка продолжаетъ: „муниципальные чиновники были лишены широкихъ судебныхъ полномочій, данныхъ имъ Людовикомъ XI, только благодаря учрежденію королевскихъ судебныхъ установленій. До 1669 года включительно они занимались разборомъ распрей между хозяевами и мастерами. Отчетъ по акцизамъ предоставляется, согласно всѣмъ приказамъ о введеніи или отсрочкѣ вышеупомянутыхъ акцизовъ, интенданту".

Мы видимъ также изъ этой записки, что депутаты шестнадцати приходовъ, о которыхъ была рѣчь выше, и которые присутствуютъ въ общемъ собраніи, избираются компаніями, корпораціями или обществами и являются непосредственными уполномоченными той маленькой группы, которая ихъ избираетъ. По каждому дѣлу имъ даны инструкціи, которыми они связаны.

Наконецъ, вся эта записка показываетъ, что въ Анжерѣ, какъ и всюду въ другихъ мѣстахъ, каковы бы ни были расходы, они производятся съ разрѣшенія интенданта или совѣта; и нужно признать, что когда управленіе какимъ-нибудь городомъ всецѣло ввѣряется извѣстнымъ лицамъ, и эти лица получаютъ, вмѣсто опредѣленнаго содержанія, привилегіи,

избавляющія ихъ лично отъ послѣдствій, которыя ихъ управленіе можетъ навлечь на частное имущество ихъ согражданъ,— при такихъ условіяхъ административная опека можетъ казается необходимостью.

Вся эта записка, къ тому же довольно плохо составленная, обнаруживаетъ чрезвычайное опасеніе чиновниковъ, какъ бы не измѣнился существующій порядокъ вещей. Всевозможныя доказательства, удачныя и неудачныя, нагромождаются ими ради поддержанія statuquo.

Записка субделегата. Интендантъ, получивъ двѣ противоположныя по смыслу записки, желаетъ знать мнѣніе своего субделегата. Послѣдній высказывается въ свою очередь:

„Записка муниципальныхъ совѣтниковъ не стоитъ того, чтобы на ней останавливаться; у ней одна только цѣль— удержать привилегіи своихъ чиновниковъ. Записка президіала можетъ съ пользою быть принята къ свѣдѣнію; но нѣтъ необходимости давать этимъ магистратамъ всѣ прерогативы, на какія они заявляютъ притязанія".

Уже давно, по мнѣнію этого субделегата, управленіе городского совѣта нуждается въ улучшеніи. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ льготъ, которыми пользовались муниципальные чиновники Анжера, мы узнаемъ, что мэръ, во время исполненія своихъ обязанностей, занималъ даромъ квартиру, стоимостью, по меньшей мѣрѣ, въ 600 франковъ наемной платы; затѣмъ, получалъ 50 франковъ жалованья и 100 франковъ на почтовые расходы; кромѣ того, жетоны. Прокуроръ-синдикъ и регистраторъ имѣли также готовыя квартиры. Для того, чтобы освободиться отъ платежа пошлинъ на съѣстные припасы и акцизовъ, городскіе чиновники устанавливали заранѣе для каждаго изъ нихъ размѣръ пищевого потребленія: каждый имѣлъ право ввозить въ городъ, въ теченіе года не платя за это пошлины, опредѣленное количество бочекъ вина; то же относилось и къ другимъ съѣстнымъ припасамъ.

Субделегатъ не предлагаетъ отнять у муниципальныхъ совѣтниковъ ихъ льготы по платежу налоговъ; но онъ хотѣлъ бы, чтобы ихъ поголовное обложеніе, неизмѣнное и слишкомъ не-

достаточное, ежегодно опредѣлялось интендантомъ. Онъ желаетъ, чтобы эти чиновники, какъ и всѣ другіе, подчинялись внесенію добровольнаго дара, отъ котораго они себя освободили неизвѣстно подъ какимъ предлогомъ.

Муниципальные чиновники, говорится далѣе въ запискѣ, обязаны составлять списки жителей для платежа поголовной подати; они дѣлаютъ это невнимательно и произвольно; поэтому ежегодно на имя интенданта получается множество жалобъ и прошеній. Желательно было бы, чтобы впредь эта раскладка производилась, въ интересахъ каждой компаніи или каждаго общества, его членами по единообразной и опредѣленной системѣ; на обязанности городскихъ чиновниковъ осталось бы только составленіе податного списка горожанъ и нѣкоторыхъ лицъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ корпорацій, каковы, напр., нѣкоторые ремесленники и слуги всѣхъ привилегированныхъ лицъ.

Записка субделегата подтверждаетъ то, что уже было сказано муниципальными чиновниками: городскія повинности были выкуплены городомъ въ 1735 г. за сумму въ 170.000 ливровъ.

Письмо интенданта къ главному контролеру. Вооружившись всѣми этими документами, интендантъ пишетъ министру: „Необходимо“, говоритъ онъ, „въ интересахъ гражданъ и общественнаго блага уменьшить численность городской администраціи, слишкомъ большое количество которой всей своей тяжестью ложится на общество по причинѣ привилегій, которыми должностныя лица пользуются. Я пораженъ“, прибавляетъ интендантъ, „громадными суммами, постоянно уплачиваемыми въ Анжерѣ ради выкупа муниципальныхъ должностей. Вся эта сумма, истраченная на полезныя предпріятія, принесла бы выгоду городу, который, напротивъ того, до сихъ поръ испытывалъ одно лишь бремя власти и привилегій своихъ чиновниковъ.

„Внутреннія злоупотребленія этой администраціи заслуживаютъ полнаго вниманія совѣта“, добавляетъ интендантъ. „Независимо отъ жетоновъ и свѣчъ, поглощающихъ ежегодно

изъ общей суммы 2127 ливровъ (сумма, опредѣленная для такихъ расходовъ нормальнымъ бюджетомъ, налагавшимся время отъ времени на города королемъ), общественныя деньги растрачиваются и употребляются по произволу этихъ чиновниковъ на секретныя нужды, и королевскій прокуроръ, занимающій свое мѣсто уже тридцать или сорокъ лѣтъ, до такой степени сталъ хозяиномъ въ управленіи, всѣ пружины котораго хорошо извѣстны лишь ему одному, что остальное населеніе во всѣ времена не имѣло никакой возможности добиться какихъ-либо свѣдѣній относительно расходованія общинныхъ доходовъ“. Вслѣдствіе этого интендантъ проситъ министра ограничить городской служебный персоналъ однимъ мэромъ, назначаемымъ на четыре года, шестью засѣдателями (эшевенами), назначаемыми на шесть лѣтъ, королевскимъ прокуроромъ, назначаемымъ на восемь лѣтъ, и однимъ безсмѣннымъ регистраторомъ и сборщикомъ.

Впрочемъ, устройство, предложенное имъ для городского управленія, совершенно сходно съ тѣмъ, которое въ другомъ мѣстѣ тотъ же интендантъ предлагаетъ для Тура. По его мнѣнію, необходимо:

1. Сохранить общее собраніе, но только въ качествѣ избирательнаго учрежденія, предназначеннаго для производства выборовъ муниципальныхъ чиновниковъ;

2. Учредить чрезвычайный совѣтъ нотаблей, на обязанности котораго лежало бы исполненіе всѣхъ функцій, возложенныхъ, повидимому, эдиктомъ 1764 г. на общее собраніе,— совѣтъ, состоящій изъ двѣнадцати членовъ съ полномочіями на шесть лѣтъ, избираемыми не общимъ собраніемъ, а двѣнадцатью общественными группами, считающимися именитыми (каждая группа выбираетъ своего представителя). Онъ считаетъ такими именитыми общественными группами слѣдующія:

Уѣздный судъ (présidial),
Университетъ,
Податной округъ (élection),
Управленіе водами и лѣсами,
Вѣдомство соляного амбара,

Вѣдомство откуповъ,
Управленіе монетнымъ дворомъ,
Адвокаты и прокуроры,
Судьи-консулы,
Нотаріусы,
Купцы,
Горожане.

Какъ видно, почти всѣ эти нотабли были общественными чиновниками, и всѣ общественные чиновники были нотаблями; изъ этого, какъ и изъ тысячи другихъ примѣровъ въ такихъ документахъ, можно заключить, что среднее сословіе, какъ и въ наше время, было жадно до должностей и не искало поля своей дѣятельности внѣ предѣловъ общественной работы. Единственная разница, какъ я уже говорилъ въ текстѣ этой книги, заключалась въ томъ, что тогда покупалось то маленькое значеніе, которое придавали эти должности, а теперь просители, какъ милости, добиваются того, чтобы это значеніе было дано имъ даромъ.

Въ этомъ проектѣ мы видимъ, что вся дѣйствительная муниципальная власть находится въ рукахъ чрезвычайнаго совѣта, что окончательно замыкаетъ администрацію въ предѣлахъ тѣснаго буржуазнаго кружка, т. к. единственное собраніе, гдѣ народъ продолжалъ хоть изрѣдко появляться, имѣетъ лишь право избирать муниципальныхъ чиновниковъ, но не давать имъ указаній. Къ тому же нужно еще замѣтить, что интендантъ обнаруживаетъ еще болѣе ограничительныя и враждебныя народу тенденціи, чѣмъ король, присвоивавшій, повидимому, въ своемъ эдиктѣ главныя функціи по городскому управленію общему собранію; что со своей стороны интендантъ либеральнѣе и демократичнѣе буржуазіи, по крайней мѣрѣ, поскольку можно судить объ этомъ по докладу, цитированному мною въ текстѣ, докладу, въ которомъ нотабли другого города намѣрены отрѣшить народъ даже отъ выборовъ муниципальныхъ чиновниковъ, тогда какъ король и интендантъ оставляютъ за нимъ это право.

Можно было замѣтить, что интендантъ пользуется терми-

нами буржуа и купецъ для обозначенія двухъ различныхъ категорій нотаблей; не безполезно дать точное опредѣленіе этихъ двухъ понятій для того, чтобы показать, на сколько мелкихъ частей была раздроблена буржуазія и какимъ мелкимъ тщеславіемъ она волновалась.

Слово буржуазія употреблялось въ широкомъ и узкомъ смыслѣ: оно обозначало членовъ средняго сословія, а кромѣ того внутри этого третьяго сословія извѣстное количество людей. „Буржуа—тѣ люди, которые по своему рожденію и своему состоянію имѣютъ возможность жить прилично, не занимаясь никакимъ прибыльнымъ трудомъ“, говорится въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ во время 1764 г. Судя по окончанію доклада, слово буржуа не должно примѣняться къ тѣмъ людямъ, которые являются членами промышленныхъ компаній или корпорацій; но сказать точнѣе, къ кому этотъ терминъ долженъ примѣняться,—трудно. „Потому что“, замѣчается въ томъ же докладѣ, „среди людей, присваивающихъ себѣ наименованіе буржуа (горожанъ), часто встрѣчаются лица, которымъ это названіе подходитъ только по причинѣ ихъ праздности; лишенные состоянія, они ведутъ некультурную и безвѣстную жизнь. Настоящіе же буржуа, напротивъ, должны всегда выдѣляться по своему состоянію, рожденію, способностямъ, нравамъ и образу жизни. Ремесленники, составлявшіе цехи, никогда не носили званія нотаблей“.

Купцы, какъ и горожане (bourgeois), составляли второй разрядъ людей, не принадлежавшихъ ни къ компаніямъ, ни къ цехамъ: каковы же были границы этого небольшого класса людей? „Слѣдуетъ ли“, говорится въ томъ же докладѣ, „смѣшивать купцовъ низкаго происхожденія, ведущихъ мелкую торговлю, съ крупными оптовыми торговцами?“ Чтобы разрѣшить эти трудности, въ докладѣ предлагается поручить эшевенамъ (старшинамъ) ежегодно составлять списокъ всѣхъ именитыхъ купцовъ и этотъ списокъ передавать ихъ старшинѣ или синдику съ тѣмъ, чтобы онъ призывалъ къ обсужденію дѣлъ въ городскомъ совѣтѣ лишь внесенныхъ въ списокъ. Надо будетъ заботиться, чтобы въ послѣдній не былъ вне-

сенъ никто изъ прислуги, разносчиковъ, извозчиковъ или кто-либо изъ людей другихъ низкихъ сословій.

Страница 61, стр. 34.

Одной изъ наиболѣе выдающихся чертъ XVIII вѣка въ дѣлѣ городского управленія является не столько уничтоженіе всякаго представительства и всякаго вмѣшательства общества въ дѣла, сколько чрезвычайное непостоянство правилъ, которымъ это управленіе было подчинено: права давались, отнимались, снова возвращались, расширялись, уменьшались, измѣнялись безпрестанно и на тысячу ладовъ.

Ничто не указываетъ лучше на тотъ упадокъ, въ какой пришли эти мѣстныя вольности, благодаря постоянному измѣненію опредѣляющихъ ихъ законовъ, измѣненію, на которое, повидимому, никто не обращалъ вниманіе. Его одного было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякую оригинальную мысль, любовь къ воспоминаніямъ, всякій мѣстный патріотизмъ въ учрежденіяхъ, казавшихся наиболѣе расположенными вызывать эти чувства. Такимъ образомъ подготовлялось великое разрушеніе прошлаго надвигающейся революціей.

Страница 63, стр. 20.

Сельская администрація въ XVIII в. Извлеченіе изъ бумагъ интендантства Ильде-Франса.

Дѣло, о которомъ я буду говорить, извлечено мною изъ числа многихъ другихъ, съ цѣлью ознакомить на примѣрѣ съ нѣкоторыми порядками дѣлопроизводства, принятыми приходской администраціей, дать понятіе о медлительности, характеризующей ихъ нерѣдко, и, наконецъ, показать, что представляло изъ себя въ XVIII вѣкѣ общее собраніе прихода.

Рѣчь идетъ о поправкѣ дома священника и колокольни въ сельскомъ приходѣ Иври, провинціи Иль-де-Франсъ. Къ кому обратиться, чтобы достигнуть того, чтобы эти поправки

были сдѣланы? Какъ опредѣлить, на кого долженъ пасть расходъ? Какъ достать необходимыя деньги?

1. Прошеніе священника интенданту; въ немъ говорится, что колокольня и священническій домъ нуждаются въ неотложныхъ исправленіяхъ; что его предшественникъ, придѣлавъ къ дому ненужныя постройки, совершенно измѣнилъ и обезобразилъ характеръ мѣстности, и, такъ какъ жители это допустили, — они же должны нести расходы по приведенію всего въ прежнее положеніе, или же пусть они взыщутъ необходимую сумму съ наслѣдниковъ прежняго священника.

2. Приказъ интенданта (29 августа 1747 года), который повелѣваетъ созвать по просьбѣ синдика (старшины) собраніе для обсужденія вопроса о необходимости указанныхъ перестроекъ.

3. Постановленіе жителей, заявляющихъ, что противиться передѣлкѣ священническаго дома они не будутъ, но протестуютъ противъ перестройки колокольни, такъ какъ послѣдняя построена надъ хорами, и священникъ, какъ получающій самую крупную десятину, обязанъ исправлять хоры. „Постановленіе королевскаго совѣта въ концѣ предыдущаго вѣка (въ апрѣлѣ 1695 года), дѣйствительно, предписывало исправлять хоры тому, кто является обладателемъ десятиннаго сбора съ прихода; прихожане же обязаны были поддерживать только церковный корабль“.

4. Новый приказъ интенданта, который командируетъ, въ виду противорѣчивыхъ фактовъ, господина Кордье, архитектора, для производства осмотра и описанія дома и колокольни, составленія смѣты и разслѣдованія дѣла на мѣстѣ.

5. Протоколъ всѣхъ этихъ дѣйствій, въ особенности констатирующій то, что, при разслѣдованіи, къ посланному интенданта явилось извѣстное число собственниковъ Иври, принадлежавшихъ, повидимому, къ сословію мѣстныхъ дворянъ, горожанъ и крестьянъ, которые заставили занести въ протоколъ ихъ заявленіе за или противъ притязаній священника.

6. Новое распоряженіе интенданта, доводящее до свѣдѣнія, что смѣта, составленная посланнымъ имъ архитекторомъ, бу-

детъ сообщена собственникамъ и всѣмъ жителямъ на собраніи, вновь созываемомъ по заявленію синдика.

7. Новое приходское собраніе, созванное согласно этому распоряженію; на немъ жители продолжаютъ настаивать на своемъ прежнемъ рѣшеніи.

8. Приказъ интенданта, предписывающій: 1) произвести въ присутствіи его субделегата въ Корбелѣ, въ помѣщеніи послѣдняго, отдачу съ торговъ работъ, означенныхъ въ смѣтѣ; эта отдача должна состояться въ присутствіи священника, синдика и главныхъ обитателей прихода; 2) въ виду того, что всякая отсрочка будетъ пагубна, возложить всю потребную по смѣтѣ сумму на всѣхъ прихожанъ, включая и тѣхъ, кто настаиваетъ на томъ, что колокольня составляетъ часть хоровъ и должна исправляться за счетъ получателя крупнѣйшей десятины, и предоставить послѣднимъ право вести дѣло обычнымъ судебнымъ порядкомъ.

9. Повѣстка, посланная всѣмъ сторонамъ, съ требованіемъ явиться въ помѣщеніе субделегата въ Корбелѣ, гдѣ будетъ производиться отдача торговъ съ аукціона.

10. Прошеніе священника и нѣсколькихъ обывателей о томъ, чтобы расходы по административной процедурѣ не были, по обыкновенію, возложены на берущаго подрядъ съ торговъ, такъ какъ расходъ этотъ очень великъ и можетъ помѣшать найти желающаго взять подрядъ.

11. Приказъ интенданта, заявляющій, что всѣ издержки по производству отдачи съ торговъ будутъ утверждены субделегатомъ и что итогъ составитъ часть упомянутой отдачи съ торговъ и обложенія жителей.

12. Полномочія, данныя нѣкоторыми знатными гражданами господину X, для присутствія при отдачѣ съ торговъ, и изъявленія ихъ согласія на производство торговъ по смѣтѣ архитектора.

13. Удостовѣреніе синдика въ томъ, что обычныя публикаціи и извѣщенія были сдѣланы.

14. Протоколъ отдачи съ торговъ.

Сумма, необходимая на ремонтныя работы.	487 ливр.
Издержки по производству торговъ.	227 ливр. 18 су, 6 д.
	724 ливр. 18 су, 6 д.

15. Въ заключеніе, приговоръ совѣта (23 іюля 1748 года), утверждающій обложеніе жителей налогомъ, предназначеннымъ на покрытіе этой суммы.

Легко замѣтить, что не разъ въ теченіе всей этой процедуры поднимался вопросъ о созваніи приходскаго собранія. Вотъ протоколъ одного состоявшагося собранія; онъ покажетъ читателю, какъ вообще велись дѣла въ подобныхъ случаяхъ.

Актъ, записанный у нотаріуса: „Сегодня, по окончаніи приходской службы, въ обыкновенномъ и привычномъ мѣстѣ, послѣ колокольнаго звона, предстали въ собраніе, устроенное обитателями упомянутаго прихода въ присутствіи X, нотаріуса въ Корбейлѣ, нижеподписавшагося и нижепоименованныхъ свидѣтелей, господинъ Мишо, виноторговецъ, синдикъ названнаго прихода, представившій приказъ интенданта, разрѣшавшій собраніе, далъ прочитать этотъ приказъ и потребовалъ удостовѣреніе въ томъ, что исполнилъ свои обязанности.

„И тотчасъ же выступилъ одинъ обитатель этого прихода, который сказалъ, что колокольня построена надъ хорами, и, слѣдовательно, заботиться о ней долженъ священникъ; выступили также (слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыя, напротивъ, соглашались удовлетворить прошеніе священника)...

„Затѣмъ, появляется пятнадцать крестьянъ, работниковъ, каменщиковъ, виноградарей, которые заявляютъ, что присоединяются къ сказанному предыдущими ораторами. Выступилъ также и господинъ Рембо, винодѣлъ, заявившій, что онъ всецѣло предоставляетъ это дѣло рѣшенію господина интенданта. Появился также и господинъ X, докторъ Сор-

бонны, священникъ, настаивавшій на показаніяхъ и искахъ своего прошенія.

„Въ этомъ и всемъ происшедшемъ присутствующіе потребовали удостовѣренія. Состоялось и происходило въ указанномъ мѣстѣ Иври, противъ кладбища названнаго прихода, въ присутствіи нижеподписавшагося; редактированъ этотъ актъ съ одиннадцати часовъ утра до двухъ часовъ дня".

Мы видимъ, что это приходское собраніе—не болѣе какъ административное разслѣдованіе по формѣ и съ издержками судебнаго слѣдствія; что оно никогда не оканчивается голосованіемъ и, слѣдовательно, не выясняетъ волю прихода; что оно является выразителемъ единичныхъ мнѣній и ничуть не сковываетъ волю правительства. И, дѣйствительно, множество другихъ документовъ намъ показываютъ, что приходское собраніе устраивалось для выясненія рѣшенія интенданта, не для того, чтобы ему ставить преграды, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось исключительно интересовъ прихода.

Мы замѣчаемъ также въ тѣхъ же документахъ, что это дѣло даетъ поводъ къ тремъ слѣдствіямъ: одному—въ присутствіи нотаріуса, второму—въ присутствіи архитектора и третьему—въ присутствіи двухъ нотаріусовъ для выясненія того, настаиваютъ ли прихожане на своихъ прежнихъ заявленіяхъ.

Налогъ въ размѣрѣ 724 ливр. 18 су, предписанный указомъ 23 іюля 1748 года, падаетъ на всѣхъ собственниковъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ, какъ это почти всегда бывало при расходахъ такого рода; но основаніе для опредѣленія степени участія каждаго—различно. Для платящихъ талью онъ опредѣляется пропорціонально ихъ тальѣ, для привилегированныхъ—сообразно ихъ предполагаемому состоянію, что даетъ послѣднимъ громадное преимущество надъ первыми.

Наконецъ, изъ того же дѣла слѣдуетъ, что раскладка налога въ 724 ливр. 18 су производилась двумя сборщиками, мѣстными жителями, не выборными или принявшими на себя

эту обязанность вслѣдствіе наступленія ихъ очереди, но избранными и оффиціально утвержденными субделегатомъ и интендантомъ.

Страница 63, строка 17.

Предлогомъ, которымъ воспользовался Людовикъ XIV для разрушенія муниципальной свободы городовъ, было дурное управленіе ихъ финансами. Между тѣмъ то же явленіе, какъ основательно замѣчаетъ Тюрго, наблюдается и даже ухудшается со времени реформы, произведенной этимъ государемъ. „Большая часть городовъ въ настоящее время сильно обременена долгами", прибавляетъ онъ: „отчасти вслѣдствіе займовъ, сдѣланныхъ ими у правительства, отчасти вслѣдствіе расходовъ или украшенія города, производимаго муниципальными чиновниками, распоряжающимися чужими деньгами и не отдающими въ нихъ отчета населенію, не получающими отъ послѣдняго никакихъ указаній,—въ цѣляхъ личнаго прославленія, а иногда и обогащенія.

Страница 67, строка 30.

Государство въ одинаковой степени опекало какъ монастыри, такъ и общины; примѣръ такой опеки.

Главный контролеръ, уполномочивая интенданта выдать сумму въ 15.000 ливровъ Кармелитскому монастырю, которому слѣдовало уплатить за убытки, рекомендуетъ интенданту, удостовѣриться въ томъ, что эти деньги, представляющія значительный капиталъ, будутъ употреблены съ пользою. Факты, аналогичные этому, встрѣчаются на каждомъ шагу.

Страница 74, строка 12.

Какимъ образомъ въ Канадѣ можно было бы лучше всего оцѣнить административную централизацію стараго порядка?

По колоніямъ лучше всего можно судить о физіономіи управленія въ метрополіи, такъ какъ именно здѣсь его характер-

ныя черты обыкновенно усиливаются и выступаютъ рѣзче. Если я хочу оцѣнить духъ управленія Людовика XIV и его недостатки, я долженъ обратиться къ Канадѣ. Тогда уродливость предмета обнаружится передъ нами, какъ въ микроскопѣ.

Въ Канадѣ не существовало той массы препятствій, которыя внутреннія причины или старый соціальный порядокъ противопоставляли, отчасти явно, отчасти тайно, свободному развитію правительственнаго духа. Дворянства тамъ почти не было, или, по крайней мѣрѣ, оно утратило тамъ почти всѣ свои корни; церковь не играла господствующей роли; феодальныя традиціи были затеряны или затушеваны; судебная власть тамъ не укоренилась въ древнихъ институтахъ или старыхъ правахъ. Здѣсь ничто не мѣшало центральной власти предаваться всѣмъ своимъ природнымъ наклонностямъ и видоизмѣнять всѣ законы сообразно одушевлявшей ее мысли. Поэтому въ Канадѣ нѣтъ ни тѣни муниципальныхъ или провинціальныхъ учрежденій, никакой коллективной дозволенной силы, никакой разрѣшенной частной иниціативы. Интендантъ занималъ здѣсь болѣе преобладающее положеніе, чѣмъ равные ему во Франціи; администрація вмѣшивается въ еще большее количество дѣлъ, чѣмъ въ метрополіи, и желаетъ изъ Парижа руководить всѣмъ, несмотря на отдѣляющія ихъ 1800 миль; она никогда не примѣняетъ тѣхъ великихъ принциповъ, которые могутъ сдѣлать колонію населенной и цвѣтущей, а, напротивъ, прибѣгаетъ къ всевозможнымъ мелочнымъ и искусственнымъ пріемамъ и мелкой стѣснительной регламентаціи для увеличенія численности населенія и его распространенія въ странѣ: обязательная обработка земли, всѣ процессы, происходящіе отъ пожалованія земель, изъятые изъ вѣдѣнія обычныхъ судовъ и подчиненные суду одной администраціи, обязательство обрабатывать землю по извѣстному способу, принужденіе селиться на опредѣленныхъ мѣстахъ предпочтительно передъ другими и т. д.—все это происходитъ во время царствованія Людовика XIV; эдикты по этому поводу скрѣплены Кольберомъ. Можно было бы подумать, что находишься въ Алжирѣ, въ эпоху современной намъ полнѣйшей централизаціи. И дѣйствительно, Канада—

точное воспроизведеніе того, что мы всегда наблюдали тамъ. Въ обоихъ случаяхъ ощущается присутствіе администраціи, почти такой же многочисленной, какъ само населеніе, господствующей, дѣйствующей, регламентирующей, принуждающей, стремящейся все предвидѣть, берущей все на себя, заботящейся всегда объ интересахъ управляемыхъ больше, чѣмъ они сами, неутомимо дѣятельной и безплодной.

Въ Соединенныхъ Штатахъ англійская система децентрализаціи въ противоположность этому уклоняется въ другую крайность: общины дѣлаются почти независимыми муниципалитетами, чѣмъ-то вродѣ демократическихъ республикъ. Республиканскій элементъ, лежащій въ основѣ англійскаго управленія и нравовъ, безпрепятственно проявляется и развивается. Администрація въ собственномъ смыслѣ мало дѣлаетъ въ Англіи, частныя лица—много; въ Америкѣ администрація, можно сказать, не вмѣшивается ни во что, а отдѣльныя лица, объединяясь, дѣлаютъ все. Отсутствіе высшихъ сословій, ставящее жителя Канады въ еще болѣе подчиненное по отношенію къ правительству положеніе, чѣмъ былъ въ то же самое время житель Франціи, дѣлаетъ жителей англійскихъ провинцій все болѣе и болѣе независимыми отъ властей.

Въ обѣихъ колоніяхъ въ заключеніе складывается вполнѣ демократическое общество; но въ первой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока Канада принадлежитъ Франціи, равенство соединяется съ абсолютной властью; во второй—сочетаются равенство и свобода. Что же касается матеріальныхъ послѣдствій двухъ методовъ колоніальной политики, то мы знаемъ, что въ 1763 году, въ годъ завоеванія англичанами, населеніе Канады равнялось 60.000 душъ, а населеніе англійскихъ провинцій—3.000.000.

Страница 74, строка 59.

Одинъ изъ множества примѣровъ общихъ распоряженій, постоянно издаваемыхъ государственнымъ совѣтомъ и имѣющихъ силу закона во всей Франціи; они создаютъ особые виды преступленій, единственными судьями которыхъ являются административные суды.

Я привожу первые изъ попавшихся мнѣ подъ руку примѣровъ. Приказъ совѣта отъ 29 апрѣля 1779 года устанавливаетъ, что на будущее время во всемъ королевствѣ земледѣльцы и торговцы овцами обязаны будутъ мѣтить своихъ овецъ извѣстнымъ способомъ подъ страхомъ уплаты штрафа въ 300 ливровъ; его величество уполномочиваетъ интендантовъ слѣдить за исполненіемъ настоящаго приказа,—говорится въ немъ; изъ этого слѣдуетъ, что интенданту предоставляется право наложенія штрафа за нарушеніе закона. Другой примѣръ: приказъ совѣта отъ 21 декабря 1788 года запрещаетъ ломовымъ и легковымъ извозчикамъ складывать товары, которыми они нагружены, подъ страхомъ пени въ 300 ливровъ; наблюденіе надъ этимъ его величество возлагаетъ на главнаго начальника полиціи и интендантовъ.

Страница 85, строка 22.

Провинціальное собраніе Верхней Гюйенны настоятельно требуетъ учрежденія новыхъ бригадъ объѣздной стражи (maréchaussée), точь въ точь, какъ въ наше время генеральный совѣтъ Авейрана или Лота требуетъ, безъ сомнѣнія, учрежденія новыхъ жандармскихъ бригадъ. Всегда господствуетъ одна мысль: жандармерія — это порядокъ, а порядокъ вмѣстѣ съ жандармами можетъ исходить только отъ правительства. Докладъ прибавляетъ: „ежедневно слышатся жалобы на то, что въ селахъ совсѣмъ нѣтъ полиціи (откуда ей тамъ и взяться?). Дворяне ни во что не вмѣшиваются, горожане живутъ въ городахъ, а община, представляемая грубыми крестьянами, не имѣетъ къ тому же никакой власти; и нужно согласиться съ тѣмъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ кантоновъ, въ которыхъ справедливые и благодѣтельные сеньоры пользуются своимъ вліяніемъ на вассаловъ, доставляемымъ имъ ихъ положеніемъ, для предупрежденія насилій, къ которымъ деревенскіе жители естественно склонны по грубости своего нрава и жестокости характера,—во всѣхъ другихъ мѣстахъ почти не существуетъ никакого средства для того, чтобы сдерживать этихъ невѣжественныхъ, грубыхъ и вспыльчивыхъ людей".

Вотъ какъ дворяне провинціальнаго собранія позволяли говорить о себѣ, и какъ члены третьяго сословія, составлявшіе одни половину собранія, говорили о народѣ въ оффиціальныхъ документахъ.

Страница 86, строка 20.

Табачныя бюро при старомъ порядкѣ являлись такимъ же предметомъ исканій, какъ и теперь. Самые именитые люди добивались ихъ для своихъ любимцевъ. Я знаю примѣры, когда эти мѣста давались по рекомендаціи знатныхъ дамъ; есть и такія которыя были даны по просьбѣ архіепископовъ.

Страница 87, строка 18.

Полное прекращеніе всякой мѣстной общественной жизни въ то время превосходило всякое вѣроятіе. Одна изъ дорогъ, ведущихъ изъ Мэна въ Нормандію, была непроѣздна. Кто же ходатайствуетъ объ ея исправленіи? Турэнскій округъ, который она пересѣкаетъ? Провинція Нормандія или Мэнъ, такъ сильно заинтересованныя въ торговлѣ скотомъ, слѣдующимъ по этому пути? Наконецъ, какой-нибудь кантонъ, особенно страдающій отъ дурного состоянія этой дороги? Округъ, провинція, кантоны не имѣютъ голоса. Нужно, чтобы купцы, которые ѣздятъ по этой дорогѣ и вязнутъ въ ней, позаботились бы сами привлечь на нее вниманіе центральнаго правительства,

Они пишутъ въ Парижъ генеральному контролеру и просятъ помочь имъ.

Страница 96, строка 5.

Большая или меньшая важность оброковъ или поземельныхъ пошлинъ, смотря по провинціямъ.

Тюрго говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Я долженъ обратить вниманіе на то, что эти виды оброковъ имѣютъ совсѣмъ особенное значеніе въ богатыхъ провинціяхъ, каковы Нормандія, Пикардія и окрестности Парижа. Въ послѣднихъ главное богатство составляютъ продукты, получаемые отъ земли, площадь которой образуетъ крупныя фермы; ихъ владѣльцы получаютъ крупные доходы. Владѣльческія ренты съ самыхъ большихъ земель составляютъ небольшую статью дохода, и эта статья считается почетной. Въ провинціяхъ наименѣе богатыхъ, гдѣ при обработкѣ земли пользуются различными способами, сеньоры и дворяне почти не имѣютъ собственныхъ земель; сильно раздробленныя наслѣдства обременены крупными оброками въ видѣ зерна, которые платятъ всѣ арендаторы, связанные круговой порукой. Эти ренты поглощаютъ нерѣдко лучшіе продукты земледѣлія, и доходы сеньоровъ почти исключительно составляются изъ нихъ“.

Страница 102, строка 12.

Противосословное вліяніе въ общемъ обсужденіи дѣлъ.

На основаніи не особенно важныхъ трудовъ сельско-хозяйственныхъ обществъ XVIII вѣка можно судить о вліяніи, противномъ сословному духу, какое имѣло общее обсужденіе общихъ интересовъ. Хотя эти собранія происходили за тридцать лѣтъ до революціи, при полномъ господствѣ стараго режима, и рѣчь шла лишь о теоріяхъ, но только потому, что на нихъ дебатировались вопросы, въ которыхъ различныя сословія чувствуютъ себя заинтересованными и которые они вмѣстѣ обсуждаютъ, сразу чувствуется сближеніе и смѣшеніе людей; видно, что идеи разумныхъ реформъ одинаково захватываютъ какъ привилегированныхъ лицъ, такъ и другихъ; а между тѣмъ рѣчь идетъ лишь о сохраненіи существующаго и о земледѣліи.

Я убѣжденъ, что нѣтъ правительства, которое, подобно правительству стараго порядка, всегда стремилось черпать силы лишь въ самомъ себѣ и, разъединяя людей, могло поддерживать то смѣшное и безсмысленное неравенство, что существовало во Франціи въ моментъ революціи; малѣйшее соприкосновеніе съ *self-gouvernement* (самоуправленіемъ) его глубоко измѣнило бы и быстро передѣлало или разрушило.

Страница 102, строка 33.

Провинціальныя вольности могутъ существовать нѣкоторое время при отсутствіи національной свободы, если эти вольности древняго происхожденія, связаны съ привычками, нравами и воспоминаніями, и если деспотизмъ, напротивъ, недавняго происхожденія; но было бы неразумно думать, что можно, по желанію, создавать мѣстныя вольности или ихъ долго поддерживать когда уничтожена общая свобода.

Страница 104, строка 7.

Тюрго въ одной запискѣ, поданной королю, слѣдующимъ образомъ и, какъ мнѣ кажется, весьма точно резюмируетъ настоящій размѣръ привилегій дворянства по отношенію къ налогамъ:

1. Лица привилегированныя могутъ добиться освобожденія отъ всякаго оброчнаго обложенія фермы въ четыре сохи, платящей обыкновенно въ окрестностяхъ Парижа 2000 франковъ налога.

2. Тѣ же привилегированные совсѣмъ ничего не платятъ за лѣса, луга, виноградники, пруды, равно какъ и за ого-

роженныя земли, примыкающія къ ихъ замкамъ, какого бы размѣра онѣ ни были. Есть кантоны, главные продукты производства которыхъ зависятъ отъ луговъ или виноградниковъ; тогда дворянинъ, предоставляющій завѣдываніе своими землями управляющему, освобождается отъ платежа всякаго налога, который всей своей тяжестью падаетъ на лицо податного сословія,—второе громадное преимущество!

Страница 104, строка 22.

Косвенная привилегія въ области налоговъ.—Различіе въ способахъ сбора податей даже при равенствѣ податного бремени.

Тюрго и въ этой области также создаетъ картину, которую я вправѣ, на основаніи подлинныхъ бумагъ, считать точною передачею дѣйствительности:

„Косвенныя льготы, даруемыя привилегированнымъ лицамъ по отношенію къ поголовной подати, очень велики. Поголовная подать по своей природѣ есть обложеніе произвольное; невозможно разверстать ее между всѣми гражданами страны иначе, какъ наугадъ. Было признано болѣе удобнымъ взять за основаніе разверстки размѣры общихъ податей, списки которыхъ оказались совершенно готовыми. Составили отдѣльный списокъ для привилегированныхъ; но такъ какъ они выгораживаютъ свои интересы, тогда какъ податныя сословія лишены защитниковъ, которые распинались бы за нихъ, то вышло, что поголовная подать первыхъ достигла въ провинціи мало-по-малу чрезвычайно скромныхъ размѣровъ, а поголовное обложеніе послѣднихъ выросло почти до величины оброка“.

Страница 104, строка 22.

Другой примѣръ неравномѣрнаго сбора податей при однородной системѣ обложенія.

Извѣстно, что мѣстные налоги собирались со всего населенія; „каковыя суммы“, сказано въ постановленіяхъ совѣта,

утверждающихъ этотъ видъ расходовъ, „будутъ взысканы со всѣхъ подлежащихъ налогу, изъятыхъ и неизъятыхъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ, безъ малѣйшаго исключенія, совмѣстно съ поголовною податью или въ соотвѣтствіи съ ея размѣрами“.

Замѣтьте, что такъ какъ поголовный сборъ съ податныхъ лицъ, согласуемый съ общимъ обложеніемъ (съ тальей), оказывался всегда сравнительно болѣе высокимъ, чѣмъ сборъ съ привилегированныхъ, то неравенство обнаруживалось даже при такихъ обстоятельствахъ, которыя, можно было думать, дѣлали его менѣе всего возможнымъ.

Страница 104, строка 22.

По тому же поводу.

Въ проектѣ эдикта 1764 года, стремящагося установить равенство налоговаго бремени, я нахожу рядъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью выгородить привилегированнымъ особое положеніе въ системѣ взиманія сборовъ; я замѣчаю, что всѣ мѣры для оцѣнки облагаемаго сборомъ имущества, если послѣднее принадлежитъ привилегированному, могутъ примѣняться не иначе, какъ въ присутствіи его самого или его довѣреннаго.

Страница 104, строка 22.

Какъ само правительство признавало, что привилегированные пользовались преимуществами при сборѣ податей даже при однородной системѣ обложенія.

„Я вижу, пишетъ министръ въ 1766 году, что наиболѣе трудно взимать ту часть налоговъ, которая причитается съ дворянства и привилегированныхъ плательщиковъ; причина—то отсутствіе настойчивости, та деликатность, которую сборщики считаютъ своимъ долгомъ соблюдать по отношенію къ

этимъ лицамъ; а изъ-за этого по счету ихъ поголовныхъ податей и двадцатыхъ долей (налоги, платившіеся ими наравнѣ съ народомъ) накопляются очень старыя и чрезвычайно, даже слишкомъ крупныя недоимки".

Страница 115, строка 20.

Въ „ *Путешествіи Артура Юнга въ 1789 году*" есть небольшая картинка, которая такъ удачно изображаетъ и такъ хорошо выставляетъ на видъ это состояніе двухъ обществъ, что я не могу воздержаться отъ желанія помѣстить эту картинку здѣсь.

Проѣзжая по Франціи въ дни перваго волненія, вызваннаго взятіемъ Бастиліи, Юнгъ былъ остановленъ въ одной деревнѣ толпой народа, который, не видя на немъ банта, хотѣлъ отвести его въ тюрьму. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ вздумалъ обратиться къ толпѣ съ такою краткою рѣчью:

„Господа, сказалъ онъ, вы слышали, будто налоги должны уплачиваться, какъ и прежде. Налоги, конечно, нужно платить, но не такъ, какъ раньше. Надо ихъ платить, какъ платятъ въ Англіи. У насъ есть много налоговъ, которыхъ вы не вѣдаете; но третье сословіе—народъ—не платитъ ихъ; они взимаются только съ богачей. У насъ все оплачивается; но тотъ, у кого только шесть оконъ въ домѣ, не платитъ ничего. Богатый помѣщикъ платитъ и двадцатыя доли, и тальи; но мелкій собственникъ какого-нибудь сада не платитъ ничего. Богачъ платитъ и за своихъ лошадей, и за кареты, и за прислугу; онъ платитъ даже за право охоты на своихъ собственныхъ куропатокъ; но мелкаго собственника не касаются всѣ эти налоги. Мало того! У насъ въ Англіи установленъ налогъ, которымъ обложенъ богатый для вспомоществованія бѣдняку. Значитъ, если надо продолжать уплату налоговъ, то нужно дѣлать это иначе. Англійскій способъ гораздо лучше.

„Такъ какъ мой ломаный французскій языкъ, прибавляетъ Юнгъ, довольно близко подходилъ къ ихъ простонародному говору, то они отлично поняли меня; въ этой рѣчи не было ни одного слова, которое они оставили бы безъ одобренія; они рѣшили, что мнѣ ничто не мѣшаетъ быть порядочнымъ человѣкомъ, а я подтвердилъ имъ это, закричавши: „Да здравствуетъ третье сословіе!" Тогда они съ крикомъ „ура" пустили меня продолжать путь".

Страница 117, строка 30.

Церковь въ Х., округа Шолле, обращалась въ развалины; былъ возбужденъ вопросъ объ ея возстановленіи по способу, опредѣленному приказомъ 1684 года (16 дек.), т.-е. на средства, полученныя отъ обложенія всѣхъ жителей. Когда сборщики начали взимать налогъ, маркизъ Х., сеньоръ прихода, объявилъ, что такъ какъ онъ берется на собственныя средства отремонтировать хоры церкви, то не желаетъ уплачивать свою долю налога; другіе поселяне совершенно основательно возражали, что, какъ сеньоръ и владѣлецъ значительной десятины (онъ несомнѣнно пользовался феодальными десятинами), онъ обязанъ исправить хоры за свой счетъ; слѣдовательно, это исправленіе не освобождаетъ его отъ участія въ уплатѣ налога наравнѣ съ другими. На это послѣдовало распоряженіе интенданта, признавшее маркиза неправымъ и уполномочивающее сборщиковъ взыскать съ него деньги. Въ производствѣ сохранилось болѣе десяти писемъ этого маркиза, одно настойчивѣе другого; въ нихъ маркизъ чрезвычайно энергично требуетъ, чтобы его долю уплатили другіе прихожане, и, съ цѣлью повліять на благопріятный исходъ дѣла, удостоиваетъ интенданта званія *monseigneur*'а и даже *умоляетъ* его.

Стр. 119, строка 5.

Примѣръ, показывающій, какъ правительство стараго порядка уважало пріобрѣтенныя права, формальные договоры и вольности городовъ или сообществъ.

Данныя находимъ въ декларацiи короля, которая „пріостанавливаетъ на время войны уплату по всѣмъ займамъ, сдѣ-

ланнымъ городами, мѣстечками, коллегіями, обществами, больничными управленіями, благотворительными учрежденіями, союзами искусствъ и ремеслъ и др., которые расплачиваются и пополняютъ свои средства акцизными сборами или взиманіемъ налоговъ, утвержденныхъ нами (такъ сказано въ декларации) для цѣли покрытія упомянутыхъ займовъ; проценты же по займамъ непрерывно наростаютъ“,

Это была не простая пріостановка своевременной уплаты по займамъ, обусловленной договоромъ съ кредиторами: это убыточно отражалось и на залогѣ, который давался въ обезпеченіе долга. Никогда подобныя мѣры (а онѣ въ такомъ изобиліи примѣнялись при старомъ режимѣ) не могли бы имѣть мѣсто при правительствѣ, дѣятельность котораго предается гласности и подвержена общественному контролю. Стоитъ сравнить эти факты съ обычными правительственными мѣропріятіями при подобныхъ обстоятельствахъ въ Англіи и даже въ Америкѣ. Здѣсь такъ же разительно презрѣніе къ праву, какъ и къ мѣстнымъ вольностямъ.

Стран. 120, строка 30.

Далеко не одинъ лишь приведенный здѣсь въ текстѣ случай показываетъ, что привилегированныя лица увидѣли, какъ феодальное право не только ложится бременемъ на крестьянина, но нарушаетъ и ихъ интересы. Вотъ что высказывало, за тридцать лѣтъ до революціи, одно сельско-хозяйственное общество, цѣликомъ состоявшее изъ людей привилегированныхъ:

„Непогашаемость рентъ, какъ земельныхъ, такъ и феодальныхъ, тяготѣющихъ надъ помѣстьями, при мало-мальски значительномъ ихъ размѣрѣ становится такимъ бременемъ для плательщика, что разоряются и онъ самъ, и его имѣніе вслѣдъ за нимъ. Онъ вынужденъ запускать хозяйство, такъ какъ не можетъ найти источниковъ для заключенія займа, обезпечиваемаго черезчуръ обремененнымъ имѣніемъ, ни отыскать покупателей, если захочетъ его продать. Если бы эти

ренты могли быть погашены, то разорившійся владѣлецъ ихъ имѣлъ бы полную возможность призанять на погашеніе или отыскать желающаго выкупить и землю, и ренту. Всякій охотно станетъ поддерживать и улучшать свободное добро, считая себя мирнымъ владѣльцемъ его. Найти осуществимые способы для преобразованія непогашаемыхъ рентъ въ погашаемыя—значило бы оказать крупную поддержку земледѣлію. Многіе обладатели леновъ, проникнувшись этою истиной, охотно пошли бы навстрѣчу такимъ соглашеніямъ. Такимъ образомъ, было бы чрезвычайно цѣлесообразно найти и выработать доступные способы, чтобы добиться этого раскрѣпощенія поземельныхъ рентъ“.

Стран. 122, строка 16.

Всѣ общественныя должности, даже такія, какъ агентура по откупнымъ дѣламъ, пользовались, въ видѣ вознагражденія, правомъ не платить налоговъ; эта привилегія была имъ присвоена приказомъ 1681 г. Въ письмѣ, адресованномъ однимъ интендантомъ министру въ 1782 г., сказано: „Среди привилегированныхъ группъ населенія нѣтъ разряда болѣе многочисленнаго, чѣмъ всѣ служащіе по соляному сбору, по пошлинамъ, по завѣдыванію государственными землями, по почтовымъ учрежденіямъ, по сбору налоговъ и по всевозможнымъ иным установленіямъ. Мало можно указать приходовъ, гдѣ отсутствовали бы такія должности, а въ нѣкоторыхъ ихъ насчитывается по двѣ по три“.

Рѣчь шла о томъ, чтобы отговорить министра, собиравшагося предложить совѣту выступить съ приказомъ, которымъ свобода отъ налоговъ была бы распространена и на служащихъ и прислужниковъ этихъ привилегированныхъ агентовъ; такого распространенія свободы отъ налоговъ, по словамъ интенданта, постоянно домогаются главные откупщики, желающіе избавиться отъ необходимости оплачивать трудъ своихъ агентовъ.

Стран. 122, строка 23.

Такія должности не были совершенно чужды и другимъ странамъ. Въ Германіи нѣкоторые мелкіе князьки учредили ихъ по нѣскольку, но въ небольшомъ количествѣ и въ маловажныхъ отрасляхъ общественнаго управленія. Въ широкихъ же размѣрахъ эта система практиковалась только во Франціи.

Стран. 126, строка 34.

Не слѣдуетъ удивляться, какъ бы это ни казалось и ни было въ дѣйствительности страннымъ, что при старомъ порядкѣ должностныя лица, нерѣдко принадлежащія къ администраціи въ собственномъ смыслѣ, принимаютъ участіе въ парламентскихъ преніяхъ, чтобы выяснить, каковы границы ихъ разнообразныхъ полномочій. Дѣло объясняется, если принять во вниманіе, что всѣ эти вопросы касались не только государственнаго управленія, но и частной собственности. То, въ чемъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть усмотрѣнъ захватъ судебной власти, было лишь слѣдствіемъ ошибки, допущенной правительствомъ когда послѣднее создавало изъ общественныхъ должностей оффиціи (продажныя мѣста). Такъ какъ мѣста держались на откупѣ, и каждый чиновникъ пользовался вознагражденіемъ въ соотвѣтствіи съ производимой имъ работой, то нельзя было измѣнять существенныя черты его обязанностей, не нарушая его правъ, перекупленныхъ имъ у предшественника. Приведу примѣръ, одинъ изъ тысячи примѣровъ: полицеймейстеръ Манса ведетъ продолжительный процессъ противъ финансоваго бюро этого города, чтобы доказать, что, завѣдуя порядкомъ на улицахъ, онъ долженъ также быть уполномоченъ на веденіе всѣхъ работъ, связанныхъ съ ихъ замощеніемъ, и получать плату за этотъ трудъ. На это бюро отвѣчаетъ, что мощеніе улицъ принадлежитъ ему, бюро, по самому существу его задачъ. На этотъ разъ споръ рѣшается не королевскимъ совѣтомъ; такъ какъ дѣло касается,

главнымъ образомъ, доходовъ съ капитала, затраченнаго на пріобрѣтеніе мѣста (office), то постановленіе дѣлаетъ парламентъ. Такъ административное дѣло преобразуется въ гражданскій процессъ.

Стран. 128, строка 9.

Разборъ дворянскихъ cahiers.

Французская революція является, мнѣ кажется, единственнымъ переворотомъ, въ началѣ котораго различные классы могли сдѣлать достояніемъ исторіи, каждый въ отдѣльности, тѣ подлинныя мысли, которыя ими были осознаны, и дать огласку тѣмъ чувствамъ, которыя ихъ воодушевляли, прежде чѣмъ эта революція успѣла изуродовать или измѣнить эти чувства и мысли. Такое свидѣтельство было увѣковѣчено, какъ всѣмъ извѣстно, въ тетрадяхъ—*cahiers*—составленныхъ тремя сословіями въ 1789 г. Эти cahiers, или наказы, обрабатывались совершенно свободно, въ условіяхъ полнѣйшей гласности, каждымъ изъ сословій, котораго они касались; они долго обсуждались заинтересованными сторонами и зрѣло обдумывались своими редакторами; вѣдь правительство того времени, обращаясь къ мнѣнію націи, не считало себя обязаннымъ одновременно съ вопросомъ предрѣшать и отвѣтъ на него. Когда наказы были составлены, ихъ основной матеріалъ былъ собранъ въ три тома, которые были отпечатаны и имѣются теперь во всѣхъ библіотекахъ. Подлинные документы составили достояніе національныхъ архивовъ, и съ ними вмѣстѣ хранятся журналы собраній, ихъ обрабатывавшихъ, и, отчасти, переписка, которую велъ въ это время Неккеръ со своими агентами по поводу этихъ собраній. Коллекція эта представляетъ длинную серію томовъ in-folio. Она является наиболѣе цѣннымъ документомъ, дошедшимъ до насъ отъ старой Франціи; съ нимъ должны постоянно справляться тѣ, кто хочетъ познакомиться съ направленіемъ мысли нашихъ отцовъ въ тотъ моментъ, когда разразилась революція.

Мнѣ казалось, что, быть можетъ, извлеченіе, напечатанное въ трехъ томахъ, о которыхъ я выше сказалъ, явилось партійнымъ произведеніемъ и не даетъ точнаго изображенія характера этой огромной анкеты; но, сравнивая извлеченіе съ первоисточниками, я нашелъ полнѣйшее сходство между большою картиною и уменьшенною копіею.

Извлеченіе изъ *дворянскихъ* cahiers, приводимое здѣсь мною, точно знакомитъ насъ съ настроеніемъ значительнаго большинства этого сословія. Мы ясно видимъ, какую часть своихъ давнихъ привилегій оно упорно старалось удержать за собой, какими привилегіями оно почти соглашалось поступиться и какія изъ своихъ льготъ само приносило въ жертву. Особенно хорошо документъ обнаруживаетъ, какими чувствами было воодушевлено въ ту пору все это сословіе по отношенію къ политической свободѣ. Интересная и грустная картина!

Личныя права. Дворяне требуютъ, прежде всего, чтобы была выработана точная декларація правъ, принадлежащихъ всѣмъ людямъ, и чтобы эта декларація подтвердила ихъ свободу и удостовѣрила неприкосновенность ихъ личности.

Свобода личности. Дворяне желаютъ, чтобы было отмѣнено прикрѣпленіе къ землѣ тамъ, гдѣ оно еще существуетъ, и чтобы изысканы были средства для уничтоженія работорговли и самаго рабства негровъ; чтобы каждый обладалъ свободой передвиженія и выбора мѣстожительства, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ предѣловъ королевства, и не могъ быть арестованъ по чьему-либо произволу; чтобы были прекращены злоупотребленія по вѣдомству полиціи и чтобы послѣдняя находилась впредь въ рукахъ судей, даже въ случаѣ народнаго волненія; чтобы никто не могъ быть арестованъ и судимъ иначе, какъ своими естественными, закономъ установленными судьями; чтобы, вслѣдствіе этого, государственныя тюрьмы и другія мѣста незаконнаго заключенія были упразднены. Нѣкоторые настаиваютъ на разрушеніи Бастиліи. Парижское дворянство особенно сильно этого домогается.

Всѣ тайные или запечатанные приказы объ арестахъ (lettres de cachet) должны быть запрещены.—Если опасность, грозящая государству, дѣлаетъ необходимымъ арестъ гражданина безъ установленной непосредственной передачи его въ руки правосудія, то нужно принять мѣры для предотвращенія злоупотребленія, либо сообщая государственному совѣту о задержаніи, либо пользуясь иными способами.

Дворянство желаетъ, чтобы всѣ особыя комиссіи, всѣ чрезвычайные и исключительные суды, всѣ привилегіи *committimus*, приказы объ отсрочкахъ и пр. были упразднены, и чтобы всякій, отдавшій или приведшій въ исполненіе незаконное распоряженіе, карался высшею мѣрою наказанія; чтобы въ обычномъ судопроизводствѣ (а только этотъ типъ судопроизводства и долженъ быть сохраненъ) принимались всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія личной свободы, особенно по отношенію къ подсудимому; чтобы правосудіе отправлялось безплатно и безполезная волокита не имѣла больше мѣста. „Чиновники поставлены для народа, а не народъ—для чиновниковъ“, заявляетъ одинъ наказъ. Выдвигается даже требованіе, чтобы въ каждомъ судебномъ округѣ былъ учрежденъ совѣтъ и организована безплатная адвокатура для бѣдныхъ, чтобы слѣдствіе производилось публично и чтобы тяжущимся сторонамъ было предоставлено право самозащиты; чтобы при уголовномъ судопроизводствѣ обвиняемый могъ все время сообщаться съ защитникомъ, и чтобы при всѣхъ стадіяхъ процесса наряду съ судьею присутствовали въ нѣкоторомъ количествѣ граждане того сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый; они должны быть облечены обязанностью произнесенія приговора о наличности состава преступленія или проступка въ дѣяніи подсудимаго: въ этомъ отношеніи наказъ ссылается на аглійскую конституцію; наказаніе должно соотвѣтствовать преступности дѣянія и быть равнымъ для всѣхъ; смертная казнь должна примѣняться рѣже, и всѣ тѣлесныя наказанія, пытки и пр. должны быть отмѣнены; наконецъ, положеніе узниковъ и, особенно, подслѣдственныхъ необходимо улучшить.

Cahiers указываютъ на необходимость выработать мѣры, которыя заставили бы уважать личную свободу при наборѣ

сухопутныхъ войскъ и морскихъ командъ. Слѣдуетъ дозволить замѣну обязательной военной службы денежнымъ откупомъ, приступать къ вынутію жеребьевъ не иначе, какъ въ присутствіи депутаціи отъ трехъ соединенныхъ сословій, наконецъ, согласовать правила дисциплины и субординаціи съ правами гражданина и свободнаго человѣка. Удары саблею плашмя должны быть запрещены.

Свобода и неприкосновенность собственности. Дворянство требуетъ, чтобы собственность была неприкосновенна и чтобы право собственности нарушалось только тогда, когда этого потребуетъ общественное благо. Въ такомъ случаѣ правительство должно будетъ немедленно выдавать вознагражденіе по повышенной расцѣнкѣ. Конфискація должна быть уничтожена.

Свобода торговли, труда и промышленности. Свобода промышленности и торговли должна быть обезпечена. Поэтому подлежатъ уничтоженію цехи (патенты, монополіи) и другія привилегіи, предоставленныя нѣкоторымъ компаніямъ; таможенныя линіи должны быть перенесены къ границамъ государства.

Свобода религіи. Только католическая религія будетъ признаваться господствующею во Франціи; но каждому должна быть предоставлена свобода совѣсти; всѣхъ не-католиковъ необходимо возстановить въ ихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ.

Свобода печати, ненарушимость почтовой тайны. Свободу печати надлежитъ гарантировать, законъ же долженъ предопредѣлить тѣ ограниченія, которымъ печать можетъ быть подвергнута въ интересахъ общества. Духовной цензурѣ должны быть подчинены только книги, касающіяся вопросовъ о догматахъ; въ остальныхъ случаяхъ достаточно принимать предосторожности, необходимыя для того, чтобы знать авторовъ и издателей. Рядъ требованій гласитъ, что проступки печати должны подлежать компетенціи только суда присяжныхъ.

Наказы особенно единодушно настаиваютъ на томъ, чтобы тайны, довѣренныя почтѣ, соблюдались свято и ненарушимо

и чтобы письма не могли служить для цѣлей обвиненія. Cahiers говорятъ безъ обиняковъ, что вскрытіе писемъ—самое отвратительное шпіонство, ибо оно основано на нарушеніи общественнаго довѣрія.

Образованіе, воспитаніе. Дворянскіе cahiers ограничиваются требованіемъ дѣятельной разработки мѣръ, покровительствующихъ просвѣщенію, которое должно быть распространено на города и деревни и направляемо на началахъ, согласованныхъ съ будущею жизнью и дѣятельностью дѣтей; особенно же важно дѣтямъ получить національное воспитаніе, выясняющее имъ ихъ гражданскія права и обязанности. Выражено даже желаніе, чтобы для дѣтей былъ составленъ катехизисъ, излагающій въ доступной для нихъ формѣ основы государствовѣдѣнія. Впрочемъ, средства для облегченія и распространенія образованія не указаны,—cahiers ограничились требованіемъ объ устройствѣ воспитательныхъ учрежденій для дѣтей бѣдныхъ дворянъ.

Заботы о нуждахъ населенія. Многіе cahiers настаиваютъ на необходимости удѣлять больше вниманія народу. Нѣкоторые наказы высказываются противъ злоупотребленій полицейской власти, которая, сплошь и рядомъ, произвольно и безъ законнаго суда бросаетъ въ тюрьмы, смирительные дома и пр. цѣлое множество ремесленниковъ и другихъ полезныхъ гражданъ, часто за ничтожные проступки или даже просто по подозрѣнію, что является поношеніемъ естественной свободы. Всѣ cahiers требуютъ, чтобы барщина была окончательно отмѣнена. Большинство уѣздовъ (baillages) желаетъ, чтобы былъ дозволенъ выкупъ спеціальныхъ помѣщичьихъ правъ (banalités) и дорожныхъ пошлинъ. Многіе требуютъ, чтобы было облегчено взиманіе нѣкоторыхъ феодальныхъ налоговъ и отмѣнено обложеніе дворянскихъ земель, практикуемое при покупкѣ ихъ не-дворянами. Правительство заинтересовано, встрѣчаемъ въ одномъ cahier, въ облегченіи сдѣлокъ по закупкѣ и продажѣ земель. Именно этотъ доводъ высказывается въ пользу единовременной отмѣны всѣхъ сеньоріальныхъ правъ взиманія налоговъ, въ пользу разрѣшенія

къ продажѣ неотчуждаемыхъ помѣстій. Многіе cahiers желаютъ, чтобы право на содержаніе голубятенъ менѣе вредно отражалось на земледѣліи. Что же касается учрежденій, предназначенныхъ для сохраненія королевской дичи и извѣстныхъ подъ названіемъ capitaineries, то cahiers требуютъ немедленнаго уничтоженія ихъ, какъ нарушающихъ право собственности.—Высказано пожеланіе, чтобы дѣйствующіе налоги были замѣнены новыми, менѣе обременительными для народа.

Дворянство требуетъ изысканія путей для распространенія довольства и благосостоянія по деревнямъ; требуетъ открытія въ селеніяхъ прядильныхъ и ткацкихъ мастерскихъ, въ которыхъ сельское населеніе нашло бы занятія въ нерабочую пору года; требуетъ учрежденія въ каждомъ уѣздѣ (baillage) общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ подъ наблюденіемъ провинціальной администраціи, съ цѣлью предупрежденія голодовокъ и поддержанія на извѣстномъ уровнѣ цѣнъ на потребляемые продукты; требуетъ усовершенствованія земледѣльческой культуры и общаго улучшенія сельскаго быта; расширенія общественныхъ работъ и, въ частности, организаціи осушки болотъ и сооруженія приспособленій, предупреждающихъ наводненія, и т. д.; наконецъ, распредѣленія между провинціями пособій для вспомоществованія торговлѣ и земледѣлію.

Cahiers хотѣли бы, чтобы больницы образовали сѣть мелкихъ учрежденій и устраивались въ каждомъ округѣ (district), чтобы были упразднены убѣжища для нищихъ и замѣнены домами трудолюбія; чтобы были учреждены кассы вспомоществованія подъ управленіемъ провинціальныхъ штатовъ, и чтобы хирурги, врачи и акушерки были распредѣлены по волостямъ (arrondissement) на средства провинцій, для оказанія безплатной помощи бѣднякамъ; чтобы правосудіе отправлялось для народа всегда безплатно; наконецъ, чтобы были приняты мѣры для устройства домовъ призрѣнія слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ, дѣтей-найденышей и т. д.

Впрочемъ, по всѣмъ этимъ вопросамъ дворянское сословіе ограничивается общимъ выраженіемъ своихъ пожеланій въ области реформъ, не входя въ особенныя детали выполненія.

Видно, что дворянство меньше низшаго духовенства жило среди низшихъ слоевъ населенія и, менѣе соприкасаясь съ ихъ нуждой, не такъ много размышляло надъ способами борьбы съ нею.

О допущеніи къ общественнымъ должностямъ, объ іерархіи чиновъ и о почетныхъ привилегіяхъ дворянства. Больше всего или, вѣрнѣе, только въ томъ, что относится къ іерархіи чиновъ и къ различію званій, дворянство отступаетъ отъ общаго духа требуемыхъ имъ реформъ и, дѣлая, правда, нѣкоторыя важныя уступки, все-таки цѣпляется за основы стараго порядка. Оно чувствуетъ, что бьется здѣсь за самый корень своего существованія. Поэтому его наказы настоятельно требуютъ сохраненія духовенства и дворянства, какъ сословій обособленныхъ. Дворяне желаютъ даже, чтобы были найдены способы сохраненія дворянскаго сословія во всей его чистотѣ; чтобы, такимъ образомъ, было запрещено пріобрѣтать за деньги звачіе дворянина; чтобы это званіе не присваивалось болѣе нѣкоторымъ опредѣленнымъ должностямъ, чтобы его можно было получить не иначе, какъ заслуживши долгою и полезною службою государству. Далѣе, признано желательнымъ, чтобы всѣ, не по праву выдающіе себя за дворянъ, подвергались разысканію и преслѣдованію. Наконецъ, всѣ cahiers настаиваютъ, чтобы за дворянствомъ были удержаны всѣ его почетныя отличія. Нѣкоторые желаютъ, чтобы дворяне получили право на ношеніе особаго значка, съ которымъ ихъ можно было бы узнавать по внѣшнему виду.

Немыслимо вообразить себѣ ничего болѣе характернаго, чѣмъ подобное требованіе, и ничего болѣе доказательнаго, чтобы убѣдиться въ полномъ сходствѣ, существовавшемъ уже между знатнымъ и разночинцемъ, несмотря на различіе ихъ званій. Вообще, въ своихъ наказахъ дворянство, довольно уступчивое въ нѣкоторыхъ областяхъ своихъ выгодъ и преимуществъ, ревниво и безпокойно хватается за свои почетныя привилегіи. Оно желаетъ сохранить всѣ тѣ изъ нихъ, которыми уже обладаетъ, и хотѣло бы придумать еще такія, кото-

рыхъ никогда не имѣло,—такъ оно уже чувствуетъ себя вовлеченнымъ въ бурное море демократіи и боится раствориться въ немъ. Странно! Оно инстинктивно чуетъ эту опасность, но не имѣетъ конкретнаго представленія о ней.

Относительно распредѣленія должностей дворяне требуютъ, чтобы продажа мѣстъ была прекращена для судебныхъ должностей; поскольку дѣло касается этого рода службы, всѣ граждане должны пользоваться правомъ быть представленными націей королю и получить отъ него назначеніе на равныхъ основаніяхъ, сообразно лишь возрасту и способностямъ. Относительно военныхъ чиновъ большинство полагаетъ, что третье сословіе не должно быть лишено права на ихъ полученіе, и что всякій военный, выслужившійся передъ отечествомъ, долженъ имѣть доступъ хоть къ самымъ высокимъ постамъ. „Дворянское сословіе не одобряетъ ни одного закона, закрывающаго третьему сословію доступъ къ военнымъ должностямъ,"—такъ гласятъ лишь нѣкоторые изъ cahiers; дворяне желаютъ, чтобы только за ними было сохранено право вступать въ полкъ въ офицерскомъ званіи безъ предварительнаго прохожденія низшихъ ступеней службы. Впрочемъ, почти всѣ cahiers требуютъ установленія опредѣленныхъ, ко всѣмъ приложимыхъ правилъ для распредѣленія воинскихъ званій; чинопроизводство не должно быть всецѣло предоставлено милостивому усмотрѣнію, и право старшинства должно доводить не только до званія старшаго офицера, но и дальше.

Что касается духовныхъ должностей, то cahiers требуютъ возстановленія выборнаго начала при распредѣленіи бенефицій или, по крайней мѣрѣ, учрежденія королевскою властью комитета, который помогалъ бы королю совѣтами при раздачѣ этихъ бенефицій.

Наконецъ, они говорятъ, что пенсіи отнынѣ должны назначаться съ большимъ разборомъ, что впредь не слѣдуетъ сосредоточивать ихъ въ рукахъ опредѣленныхъ семействъ, и что ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права получать болѣе одной пенсіи или располагать окладомъ болѣе, нежели отъ одной

должности заразъ. Преемничество по службѣ должно быть уничтожено.

Церковь и духовенство. Когда дѣло касается не правъ дворянства, не особенностей его устройства, а привилегій и организаціи церкви,—дворянское сословіе уже не такъ близоруко; здѣсь его глаза широко открыты на злоупотребленія.

Дворянство желаетъ, чтобы духовенство не пользовалось никакими привилегіями по уплатѣ податей и выполняло свои долговыя обязательства, не взваливая ихъ на спину народа; монашескіе ордены нуждаются въ глубокомъ преобразованіи. Большинство cahiers констатируетъ, что эти учрежденія отклоняются отъ духа, присущаго имъ съ самаго возникновенія.

Большинство уѣздовъ хочетъ, чтобы десятины ($^1/_{10}$ дохода) приносили меньше убытковъ земледѣлію; много голосовъ раздается даже въ пользу отмѣны десятинъ „Большая часть десятинъ, читаемъ въ одномъ cahier, взимается тѣми священниками, которые менѣе всего утруждаютъ себя оказаніемъ народу духовной помощи". Такъ мало второе сословіе щадило первое въ своей критикѣ. Не болѣе почтительно отзываются cahiers и о самой церкви. Нѣкоторые уѣзды (baillages) формально признаютъ за генеральными штатами право упразднять извѣстные религіозные ордены и давать ихъ имуществу новое назначеніе. Семнадцать уѣздовъ заявляютъ, что генеральные штаты правомочны для регулированія церковной дисциплины. Нѣкоторые cahiers высказываютъ, что праздничныхъ дней слишкомъ много, а это вредитъ земледѣлію и благопріятствуетъ развитію пьянства; поэтому нужно отмѣнить много праздниковъ и перенести ихъ на воскресенія.

Политическія права. Въ отношеніи политическихъ правъ cahiers признаютъ за всѣми французами право соучастія въ управленіи, какъ активное, такъ и пассивное, т.-е. право избирать и быть избираемымъ, съ сохраненіемъ, однако, іерархіи чиновъ; такимъ образомъ, всякій можетъ вручать и получать мандаты не иначе, какъ среди своего же сословія.

Основываясь на этомъ принципѣ, система представитель-

ства должна быть построена такимъ образомъ, чтобы гарантировать всѣмъ сословіямъ націи возможность принимать серьезное участіе въ управленіи государственными дѣлами.

Что касается способа голосованія въ собраніи генеральныхъ штатовъ, то мнѣнія расходятся; большинство желаетъ отдѣльнаго голосованія для каждаго сословія; одни при этомъ полагаютъ, что изъ этого общаго положенія необходимо сдѣлать исключенія для голосованія налоговъ; наконецъ, другіе требуютъ, чтобы дѣло всегда происходило слѣдующимъ образомъ: «Голоса должны считаться поголовно, а не по сословіямъ, ибо это—единственно-разумный способъ: онъ одинъ можетъ искоренить и свести на-нѣтъ сословный эгоизмъ, единственный источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ; этотъ только способъ въ состояніи сблизить людей и привести ихъ къ тому результату, котораго нація вправѣ ожидать отъ трудовъ собранія, озаряющаго свѣтомъ знанія свой патріотизмъ и другія высокія достоинства.“ И все-таки, такъ какъ слишкомъ внезапное проведеніе въ жизнь этого новшества могло бы представить опасности при наличномъ состояніи умовъ,—нѣкоторые считаютъ его пріемлемымъ лишь съ предосторожностями и находятъ, что собраніе должно обсудить, не благоразумнѣе ли отложить поголовное голосованіе до слѣдующей сессіи генеральныхъ штатовъ. Во всякомъ случаѣ, дворянство требуетъ, чтобы каждому сословію было сохранено достоинство, признаваемое за всякимъ французомъ, и чтобы, такимъ образомъ, были отмѣнены тѣ унизительныя условности, которыми было опутано третье сословіе при старомъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, опусканіе на колѣни, ибо, гласитъ одинъ cahier, „видъ человѣка, стоящаго на колѣняхъ передъ другимъ, оскорбляетъ человѣческое достоинство и означаетъ наличность между двумя равными по природѣ существами подчиненности, несовмѣстимой съ ихъ существенными правами.“

О системѣ, подлежащей проведенію въ основы правительственнаго строя, и о принципахъ конституціи. Говоря о формѣ правленія, дворянство желаетъ сохраненія монархическаго строя, удержанія

за особою короля власти законодательной, судебной и исполнительной, но, въ то же время, изданія основныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію правъ націи при примѣненіи ея полномочій въ жизни.

Вслѣдствіе этого, всѣ cahiers заявляютъ, что нація имѣетъ право образовывать, въ лицѣ своихъ представителей, собранія генеральныхъ штатовъ, составляемыхъ изъ числа членовъ, достаточнаго для обезпеченія независимости собранія. Они хотятъ, чтобы эти штаты собирались отнынѣ періодически, въ опредѣленные сроки, такъ же, какъ и при каждомъ новомъ вступленіи на престолъ, и чтобы, такимъ образомъ, никогда не было надобности въ созывныхъ грамотахъ. Многіе уѣзды высказываютъ даже, что желательно было бы обратить такія собранія въ постоянныя. Если созывъ генеральныхъ штатовъ не объявленъ въ теченіе срока, указаннаго закономъ,—народу должно принадлежать право отказываться отъ уплаты податей. Небольшое число голосовъ считаетъ нужнымъ, чтобы въ промежуточный періодъ, отдѣляющій одну сессію штатовъ отъ другой, учреждалась временная комиссія, обязанная наблюдать за администраціей королевства; но значительное большинство cahiers формально возстаетъ противъ учрежденія подобной комиссіи, заявляя, что она совершенно противорѣчила бы конституціи. Любопытна причина, на которую они опираются при этомъ: они боятся, какъ бы такое незначительное собраніе, оставшись наединѣ съ правительствомъ, не было сбито съ пути его ловкими наущеніями.

Дворянство хочетъ, чтобы министры не имѣли права распускать собраніе, и чтобы они несли законную кару за нарушеніе правильнаго хода засѣданій своими происками; чтобы ни одно должностное лицо, ни одинъ человѣкъ, зависящій какимъ-либо образомъ отъ правительства, не могъ быть депутатомъ; чтобы личность депутатовъ была неприкосновенна и чтобы народные представители не могли подвергаться преслѣдованіямъ за высказанныя ими мнѣнія; наконецъ, чтобы засѣданія собранія были публичны, и чтобы печатные отчеты

о нихъ распространялись для возбужденія въ народѣ интереса къ дѣятельности штатовъ.

Дворянство требуетъ единодушно, чтобы принципы, которыми должно быть проникнуто управленіе государствомъ, нашли приложеніе и въ управленіи различными частями территоріи; такимъ образомъ, въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ, въ каждомъ приходѣ должны быть образованы собранія изъ членовъ, свободно избранныхъ на опредѣленный срокъ.

Нѣкоторые cahiers находятъ, что должности интендантовъ и главныхъ сборщиковъ податей должны быть уничтожены; всѣ признаютъ, что отнынѣ только провинціальныя собранія должны быть уполномочены на распредѣленіе податей и на охрану частныхъ интересовъ своей провинціи. Такія же права признаются и за собраніями окружными и приходскими, которыя впредь должны зависѣть исключительно отъ провинціальныхъ штатовъ.

Разграниченіе полномочій. Власть законодательная. Въ отношеніи распредѣленія власти между представительнымъ собраніемъ и королемъ дворянство требуетъ, чтобы ни одинъ законъ не могъ войти въ силу безъ согласія генеральныхъ штатовъ и короля и безъ внесенія въ списокъ судебныхъ установленій, обязанныхъ наблюдать за его выполненіемъ; генеральнымъ штатамъ должно принадлежать исключительное право опредѣлять и устанавливать размѣръ обложенія; налоги, утвержденные штатами, должны взиматься не долѣе, какъ въ теченіе періода, протекающаго отъ одной сессіи до другой; тѣ же налоги, которые будутъ взиматься или устанавливаться безъ согласія штатовъ, должны объявляться незаконными, а министры и сборщики, которые станутъ назначать и взимать подобные налоги,—преслѣдоваться, какъ лихоимцы.

Точно такъ же ни одинъ заемъ не долженъ быть заключенъ безъ согласія генеральныхъ штатовъ; штаты должны только открыть опредѣленный кредитъ, изъ котораго правительство могло бы черпать средства въ случаѣ войны и великихъ бѣдствій (на первыхъ порахъ) съ тѣмъ, чтобы въ ближайшее же время созвать генеральные штаты;

Всѣ національныя кассы должны быть подчинены контролю штатовъ; ими же должны опредѣляться расходы каждаго департамента; въ то же время необходимо принять самыя вѣрныя мѣры къ тому, чтобы расходы не превышали вотированныхъ средствъ.

Большая часть cahiers настаиваетъ на отмѣнѣ обременительныхъ налоговъ, извѣстныхъ подъ названіями сбора за занесеніе въ протоколъ, сотаго денье, утвержденій (entérinements),—объединенныхъ общимъ именемъ управленія королевскими владѣніями. „Достаточно одного имени этого управленія, чтобы оскорбить націю, такъ какъ этимъ какъ бы объявляются собственностью короля предметы, составляющіе извѣстную часть общенароднаго достоянія“,—такъ сказано въ одномъ cahier; всѣ королевскія владѣнія, которыя не будутъ отчуждены, должны подлежать вѣдѣнію провинціальныхъ штатовъ, и ни одно распоряженіе, ни одинъ приказъ о наложеніи чрезвычайной подати не долженъ состояться безъ согласія трехъ сословій націи.

Дворянство, очевидно, исходитъ изъ желанія передать народу, черезъ посредство генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ, все управленіе финансами, какъ въ смыслѣ заключенія займовъ и назначенія налоговъ, такъ и въ смыслѣ взиманія этихъ налоговъ.

Судебная власть. Въ организаціи судебнаго дѣла дворянство точно такъ же старается установить, по крайней мѣрѣ, въ значительной мѣрѣ, зависимость судейской власти отъ представительнаго собранія. Нѣкоторые cahiers дѣлаютъ такое заявленіе:

„Чиновники судебнаго вѣдомства должны нести отвѣтственность за выполненіе служебнаго долга передъ національнымъ собраніемъ“; они не должны подвергаться увольненію безъ согласія генеральныхъ штатовъ; ни подъ какимъ видомъ ходъ занятій какого бы то ни было трибунала не можетъ быть нарушаемъ безъ согласія этихъ штатовъ; незаконныя же дѣй-

ствія кассаціоннаго суда, равно какъ и парламентовъ, должны быть судимы генеральными штатами. Согласно большинству cahiers, судьи должны получать назначеніе отъ короля не иначе, какъ по представленію народа.

Исполнительная власть. Исполнительная власть сохраняется исключительно за королемъ; но ея дѣятельности опредѣляются границы, необходимыя для предотвращенія злоупотребленій.

Такъ, касаясь администраціи, cahiers выставляютъ требованіе, чтобы состояніе счетовъ различныхъ департаментовъ предавалось гласности путемъ печати и чтобы министры были отвѣтственны передъ національнымъ собраніемъ; равнымъ образомъ, прежде чѣмъ примѣнять военную силу для внѣшней обороны, король долженъ опредѣленно сообщать о своихъ намѣреніяхъ генеральнымъ штатамъ. Внутри отечества войска не могутъ быть направлены противъ гражданъ, если этого не потребуютъ генеральные штаты. Количественный составъ войскъ долженъ быть ограниченъ, и въ наличномъ составѣ второго разряда въ мирное время должно остаться только двѣ трети солдатъ. Что же касается иностранныхъ войскъ, которыя правительство можетъ нанимать на свои средства, то ихъ оно должно увести изъ центра королевства и переставить на границы.

Больше всего изумляетъ при чтеніи дворянскихъ cahiers, но не можетъ быть передано никакими извлеченіями,—то, до какой степени эти дворяне сжились со своимъ временемъ: они пропитаны его духомъ, они очень удачно пользуются его языкомъ. Они говорятъ о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о принципахъ, выдвигаемыхъ общественнымъ договоромъ. Поскольку дѣло касается личности, они обыкновенно разсуждаютъ о ея правахъ, но чуть заходитъ рѣчь объ обществѣ,—они говорятъ объ его обязанностяхъ. Принципы политики представляются имъ такими же абсолютными, какъ и принципы морали, и какъ тѣ, такъ и другіе покоятся на общемъ основаніи—разумѣ. Если они хотятъ уничтожить остатки рабства, то рѣчь идетъ о томъ, какъ

замести послѣдніе слѣды уничиженія человѣческаго рода. Они неоднократно называютъ Людовика XVI королемъ-гражданиномъ и на всевозможные лады твердятъ о преступленіи оскорбленія націи, которое позднѣе имъ же самимъ такъ часто будетъ инкриминироваться. По ихъ мнѣнію, какъ и по мнѣнію всѣхъ другихъ, можно разсчитывать на самые яркіе результаты со стороны общественнаго воспитанія дѣтей, и государство должно стать во главѣ этого дѣла. Генеральные штаты, читаемъ въ одномъ cahier, должны стремиться сообщить національный характеръ, при помощи измѣненія педагогическихъ пріемовъ въ воспитаніи дѣтей. Какъ и другіе ихъ современники, дворяне обнаруживаютъ живое и непрестанное стремленіе къ единообразію въ законодательствѣ, за исключеніемъ, однако, того, что касается сословнаго быта. Они желаютъ единства администраціи, единства мѣръ и пр. настолько же, какъ и третье сословіе; они намѣчаютъ всевозможныя реформы и при этомъ считаютъ, что онѣ должны быть радикальными. По ихъ словамъ, всѣ безъ исключенія налоги должны быть отмѣнены или преобразованы; вся система судопроизводства подлежитъ коренным измѣненіямъ, за исключеніемъ лишь помѣщичьихъ судовъ, которые нуждаются только въ усовершенствованіи. Для нихъ, какъ и для всѣхъ остальныхъ французовъ, Франція представляетъ опытное поле, своего рода образцовую ферму для занятій политикою, гдѣ все должно быть перерыто и перепробовано, кромѣ того маленькаго уголка, въ которомъ развиваются ихъ сословныя привилегіи; но къ ихъ чести необходимо еще добавить, что и этотъ уголокъ они охраняютъ не такъ ужъ усердно.

Стран. 166, строка 1.

Примѣръ духовнаго управленія епархіей въ серединѣ XVIII столѣтія.

1. Архіепископъ.
2. Семь главныхъ викаріевъ.

3. Два церковныхъ суда, такъ называемыхъ officialités: одинъ, подъ именемъ officialité métropolitaine (архіепископскій судъ), вѣдаетъ приговоры викаріевъ; другой, по названію— officialité diocésaine (епархіальный судъ), вѣдаетъ: 1) личныя дѣла, возникающія среди духовенства; 2) дѣла о законности браковъ по отношенію къ таинству.

Этотъ послѣдній судъ представленъ тремя судьями. Кромѣ того, въ его составъ входятъ нотаріусы и прокуроры.

4. Два фискальныхъ суда.

Одинъ изъ нихъ, т. наз. епархіальное бюро, разбираетъ въ первую голову всѣ дѣла, относящіяся къ обложенію духовенства въ епархіи (Извѣстно, что духовенство пользовалось правомъ самообложенія). Этотъ судъ состоитъ изъ шести духовныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа.

Другой судъ судитъ по апелляціи дѣла, уже разбиравшіяся въ другихъ епархіальныхъ бюро церковной провинціи. Во всѣхъ этихъ судахъ имѣютъ право голоса адвокаты, и ведутся пренія сторонъ.

Стран. 166, строка 24.

Настроеніе духовенства въ провинціальныхъ штатахъ и собраніяхъ.

То, что я говорю здѣсь въ текстѣ о штатахъ Лангедока, вполнѣ приложимо также и къ провинціальнымъ собраніямъ, имѣвшимъ мѣсто въ 1779 и 1787 г.г., особенно въ Верхней Гюйеннѣ. Въ этомъ провинціальномъ собраніи члены отъ духовенства относятся къ группѣ наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе либеральныхъ. Какъ разъ епископъ родезскій предлагаетъ предавать гласности протоколы собранія.

Страница 168, строка 16.

Либеральное политическое настроеніе духовенства, наблюдаемое въ 1789 году, было обусловлено не только возбужденіемъ минуты; его можно было наблюдать уже въ гораздо болѣе ранній періодъ. Такое настроеніе проявляется особенно въ Берри, начиная съ 1779 года, когда мѣстное духовенство добровольно принесло въ даръ 68.000 ливровъ подъ единственнымъ условіемъ сохраненія провинціальной администраціи.

Стран. 171, строка 3.

Обратите вниманіе на то, что въ политическомъ отношеніи общество совершенно не было сплочено, тогда какъ въ гражданскомъ отношеніи оно еще не утратило связывающихъ элементовъ. Во внутренней организаціи классовъ люди были связаны другъ съ другомъ; не порвался еще даже остатокъ той тѣсной связи, которая существовала между сеньерами и народомъ. Но хотя это явленіе совершалось въ гражданскомъ обществѣ, его послѣдствія косвенно отражались и на обществѣ политическомъ: люди, объединенные такою связью, составляли массы, правда, нестройныя и неорганизованныя, но зато непокорныя подъ десницею власти. Революція, порвавши эти соціальныя узы и не замѣнивши ихъ политическими, явилась одновременно колыбелью и равенства, и рабства.

Стран. 172, строка 15.

Примѣръ формы, въ которой выражались приговоры судовъ по поводу нѣкоторыхъ актовъ произвола.

Изъ одной записки, доложенной въ 1781 году генеральному контролеру интендантомъ парижскаго округа, видно, что въ приходахъ этого округа имѣлось обыкновенно два синдика, изъ коихъ одинъ избирался прихожанами, собиравшимися для

этой цѣли подъ предсѣдательствомъ субделегата, другой же назначался интендантомъ и имѣлъ наблюденіе надъ первымъ. Въ Рюэйльскомъ приходѣ между двумя такими синдиками возникъ споръ, такъ какъ избранный синдикъ не пожелалъ подчиниться назначенному. Интендантъ выпросилъ у де-Бретеля позволеніе засадить избраннаго синдика на пятнадцать дней въ крѣпость; синдикъ былъ, дѣйствительно, арестованъ, затѣмъ отрѣшенъ отъ должности, а другой былъ назначенъ на его мѣсто. Вслѣдъ за этимъ въ парламентѣ, куда подалъ жалобу заключенный синдикъ, начинается процессъ, продолженія котораго я не нашелъ; въ сохранившихся документахъ сказано, что тюремное заключеніе апеллирующаго и кассація его избранія не могутъ быть названы иначе, какъ *акты произвольные и деспотическіе*. Правосудіе въ тѣ времена бывало иногда дерзко на языкъ!

Стран. 176, строка 22.

При старомъ режимѣ просвѣщенные и зажиточные классы населенія были далеки отъ притѣсненнаго и порабощеннаго состоянія, и можно сказать, что всѣ они, до буржуазіи включительно, располагали часто слишкомъ широкою возможностью дѣлать все, что имъ было выгодно, такъ какъ королевская власть не рѣшалась препятствовать ихъ членамъ, постоянно выгораживавшимъ себѣ обособленное положеніе въ ущербъ народу, и почти всегда считала нужнымъ отдавать народъ въ ихъ распоряженіе, чтобы привлечь къ себѣ ихъ благорасположеніе или парализовать ихъ недоброжелательство. Можно сказать, что въ XVIII вѣкѣ французъ, принадлежавшій къ одному изъ этихъ классовъ, часто могъ гораздо легче сопротивляться правительству, вынуждая послѣднее щадить его, чѣмъ могъ бы достигать того же англичанинъ этой эпохи, находясь въ подобномъ положеніи. Власть считала иногда необходимымъ проявлять больше умѣренности и дѣйствовать болѣе мягко по отношенію къ такимъ гражданамъ, чѣмъ сочло бы нужнымъ поступать въ подобномъ случаѣ англійское правительство въ

отношеніи своего подданнаго той же категоріи: такъ ошибочно это смѣшеніе понятій независимости и свободы. Нѣтъ ничего менѣе независимаго, нежели свободный гражданинъ.

Стран. 183, строка 10.

Причины, заставлявшія часто въ старомъ обществѣ сдерживаться абсолютную правительственную власть.

Достаточно одного только увеличенія старыхъ налоговъ или, въ особенности, установленія новыхъ для того, чтобы въ обычное время создать большія затрудненія для правительственной власти и вызвать волненіе въ народѣ. При старомъ финансовомъ порядкѣ Европы, когда государь имѣлъ страсть къ расточительности, когда онъ бросался въ политику авантюръ, когда приводилъ въ разстройство свои финансы или же нуждался въ деньгахъ для того, чтобы удержаться на престолѣ,—и съ этой цѣлью привлекалъ къ себѣ симпатіи множества лицъ, предоставляя имъ большія выгоды или крупные оклады, получаемые послѣдними незаслуженно, содержа многочисленную армію, устраивая обширныя работы и т. д.,—ему тотчасъ же приходилось прибѣгать къ налогамъ; а это немедленно вызывало волненіе и броженіе во всѣхъ классахъ, особенно въ томъ, кто производитъ насильственные перевороты—въ народѣ. Въ наше время въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ займамъ, непосредственное дѣйствіе которыхъ проходитъ почти незамѣченнымъ и конечные результаты отражаются на послѣдующемъ поколѣніи.

Стран. 139, строка 29.

Среди многихъ другихъ примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль, я остановлюсь на слѣдующемъ: главныя помѣстья, расположенныя въ Майеннскомъ податномъ округѣ, отдавались на откупъ главнымъ арендаторамъ, которые въ свою очередь передавали ихъ другимъ съемщикамъ, — мелкимъ несчастнымъ

арендаторамъ, у которыхъ не было ничего собственнаго, и которыхъ приходилось всѣмъ снабжать, до необходимой утвари включительно. Понятно, что подобные главные арендаторы не жалѣли мызниковъ или должниковъ прежняго феодальнаго владѣльца, поставившаго ихъ на свое мѣсто, и феодализмъ въ ихъ рукахъ часто могъ казаться болѣе суровымъ, чѣмъ въ средніе вѣка.

Стран. 139, строка 29.

Другой примѣръ.

Жители Монтбазона внесли въ податной списокъ управляющихъ герцогства, принадлежащаго князю де-Раганъ, несмотря на то, что управляющіе эксплоатировали имѣніе только отъ имени князя. Этотъ князь (безъ сомнѣнія, очень богатый) не только пріостанавливаетъ *это злоупотребленіе*, какъ онъ его называетъ, но получаетъ разрѣшеніе вчинить искъ въ размѣрѣ 5,344 ливровъ 15 су, незаконно съ него взысканныхъ и подлежащихъ раскладкѣ на жителей.

Страница 142, строка 28.

Примѣръ того, какимъ образомъ денежныя права духовенства отталкивали отъ него сердца тѣхъ, кто по своему изолированному положенію долженъ былъ бы сблизиться съ нимъ.

Священникъ изъ Нуазе утверждаетъ, что жители обязаны исправлять его ригу и виноградный прессъ, и проситъ для этого установить мѣстный налогъ. Интендантъ отвѣчаетъ, что прихожане обязаны исправлять только священническій долгъ, а забота о починкѣ риги и винограднаго пресса остается на обязанности пастыря, болѣе занятаго своей фермой, чѣмъ своей паствой (1767).

Стран. 145, строка 24.

Въ одной изъ записокъ, посланныхъ крестьянами въ 1788 году въ отвѣтъ на справку, наведенную однимъ провинціальнымъ собраніемъ, запискѣ, написанной съ ясностью и умѣреннымъ тономъ, мы находимъ слѣдующее: „Къ злоупотребленіямъ при взиманіи податей присоединяется еще злоупотребленіе со стороны экзекуціонныхъ сыщиковъ. Они пріѣзжаютъ обыкновенно пять разъ во время сбора податей. Эти обязанности по большей части исполняютъ солдаты-инвалиды или швейцарцы. Во время каждой изъ своихъ поѣздокъ они остаются въ теченіе четырехъ—пяти дней въ приходѣ, и бюро по взиманію податей опредѣляетъ ихъ содержаніе въ 36 су въ сутки. Что же касается раскладки податей, то мы не будемъ говорить о произволѣ злоупотребленій, слишкомъ хорошо извѣстныхъ, ни о дурныхъ результатахъ составленія списковъ по обязанности чиновниками, часто неспособными и почти всегда партійными и мстительными. Однако, такіе списки бывали источникомъ возмущенія и распрей. Они вызывали процессы, очень невыгодные для тяжущихся и весьма прибыльные для окружныхъ судовъ“.

Стран. 146, строка 22.

Превосходство порядковъ, царившихъ въ pays d'é'tats, признаваемое и чиновниками центральнаго правительства.

Въ конфиденціальномъ письмѣ, написанномъ 3 іюня 1772 года директоромъ податного обложенія интенданту, говорится: „Въ провинціяхъ съ земскими чинами (pays d'ètats) обложеніе представляетъ неизмѣнную величину, и каждый платящій подати обязанъ вносить ихъ и вносить дѣйствительно. При разверсткѣ податей дѣлаютъ надбавку на общую сумму, пропорціонально надбавкѣ, требуемой королемъ (напримѣръ, 1 мил-

ліонъ вмѣсто 900,000 ливровъ). Это—простая операція; вмѣсто этого въ округѣ (généralité) раскладка податей носитъ личный, такъ сказать, произвольный характеръ; одни платятъ то, что обязаны платить, другіе—только половину; третьи—одну треть или четверть или совсѣмъ ничего. Какимъ же образомъ разложить на всѣхъ надбавку, равную девятой долѣ обложенія?“

Стран. 149, строка 7.

О томъ, какъ вначалѣ понимали привилегированные процессъ цивилизаціи посредствомъ улучшенія дорогъ.

Въ письмѣ къ интенданту графъ Х. жалуется на то, что мало спѣшатъ съ прокладкой дороги по сосѣдству съ его имѣніемъ. Это, говоритъ онъ, вина субделегата, который дѣйствуетъ не достаточно энергично при исполненіи своихъ обязанностей и не принуждаетъ крестьянъ нести барщину.

Стран. 149, строка 30.

Заключеніе въ тюрьму по произволу за барщину.

Примѣръ читаемъ въ письмѣ главнаго старшины въ 1748 году: „Вчера я приказалъ заключить въ тюрьму трехъ человѣкъ по требованію г. С., помощника инженера, за неисполненіе ими барщинныхъ работъ. По этому поводу произошло волненіе среди крестьянокъ, кричавшихъ: „Смотрите! о бѣдныхъ людяхъ думаютъ, когда дѣло касается барщины,—и совсѣмъ не заботятся о томъ, чтобы дать имъ возможность жить“.

Стран. 49, строка 37.

Средства для прокладки дорогъ были двоякія: 1) Главнымъ средствомъ по отношенію ко всѣмъ крупнымъ работамъ, требовавшимъ одного только труда, являлась барщина; побочнымъ средствомъ служило общее налоговое обложеніе, сумма

котораго поступала въ распоряженіе управленія путей сообщенія на производство болѣе искусныхъ работъ. Привилегированные, т.-е. крупнѣйшіе владѣльцы, болѣе всѣхъ заинтересованные въ устройствѣ дорогъ, не участвовали въ отправленіи барщины и, даже болѣе того, были избавлены отъ мостового и дорожнаго обложенія, которое присоединялось къ общей подати и взималось на равныхъ съ нею основаніяхъ.

Страница 150, строка 13.

Примѣръ натуральной повинности для перевозки каторжниковъ.

Изъ письма, адресованнаго въ 1761 году интенданту комиссаромъ, надзирателемъ каторжной полиціи, видно, что крестьяне были принуждены перевозить въ повозкахъ каторжниковъ, что они исполняли съ большой неохотой, и что часто съ ними дурно обращалась конвойная охрана „въ виду того“, говоритъ комиссаръ, „что конвойные—люди грубые и необразованные, а крестьяне, исполняющіе эту повинность противъ своей воли,—часто бываютъ дерзки“.

Страница 150, строка 16.

Тюрго такими красками описываетъ неудобство и жестокость натуральной повинности, употребляемой при перевозкѣ войскового имущества, что послѣ чтенія документовъ, относящихся къ этому вопросу, онѣ мнѣ не кажутся преувеличенными; между прочимъ, онъ говоритъ, что первое ея неудобство заключается въ чрезвычайно неравномѣрномъ распредѣленіи повинности, самой по себѣ весьма тягостной. Всей своей тяжестью она ложится на небольшое число приходовъ, которымъ, благодаря невыгодному мѣстоположенію, приходится ее вести. Разстояніе, которое приходится проѣзжать, часто равняется пяти, шести, а иногда даже десяти и пятнадцати лье; въ такихъ случаяхъ приходится тратить три дня на поѣздку

туда и обратно. Плата, установленная для собственниковъ, оплачиваетъ только одну пятую ихъ труда. Временемъ несенія этой натуральной повинности почти всегда бываетъ лѣто, пора жатвы. Волы при этомъ почти всегда надрываются, часто заболѣваютъ, такъ что значительное число владѣльцевъ предпочитаетъ уплатить 15 или 20 ливровъ, чѣмъ доставить повозку съ четырьмя волами. При этомъ всегда царитъ неизбѣжный безпорядокъ; крестьянинъ постоянно подвергается насиліямъ со стороны военныхъ. Офицеры почти всегда требуютъ большаго, чѣмъ имъ полагается; иногда они силой заставляютъ возчиковъ запрягать верховыхъ лошадей въ повозки, рискуя ихъ покалѣчить. Солдаты заставляютъ везти себя на повозкахъ, и безъ того сильно перегруженныхъ; иногда выведенные изъ терпѣнія медленностью воловъ, они ихъ колятъ своими шпагами, и если крестьянинъ вздумаетъ какъ-нибудь протестовать, ему придется плохо.

Страница 150, строка 20.

Примѣръ того, какимъ образомъ натуральная повинность (барщина) примѣнялась ко всему.

Начальникъ флота въ Рошфорѣ жалуется на нежеланіе крестьянъ, обязанныхъ, въ видѣ натуральной повинности, перевозить строевой лѣсъ, скупленный поставщиками флота въ различныхъ провинціяхъ. Изъ переписки по этому поводу дѣйствительно видно, что крестьяне еще привлекались (въ 1775 году) къ отправленію этой повинности, причемъ интендантъ назначалъ плату.

Морской министръ, отправляя это письмо Турскому интенданту, заявляетъ ему, что нужно добиться поставки требуемыхъ повозокъ. Г. Дюклюзель, интендантъ, отказывается утвердить этотъ видъ натуральной повинности. Морской министръ пишетъ ему угрожающее письмо, въ которомъ говоритъ, что ему придется отвѣчать передъ королемъ за свое сопротивленіе. Интендантъ немедленно, 11 декабря 1775 года,

отвѣчаетъ съ твердостью, что въ теченіе десяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ назначенъ интендантомъ въ Туръ, онъ никогда не хотѣлъ давать своего согласія на эту повинность вслѣдствіе неизбѣжныхъ злоупотребленій, вызываемыхъ ею, злоупотребленій, тяжесть которыхъ не можетъ уменьшить назначенная за повозки цѣна; „такъ какъ часто“, говоритъ онъ, „животныя калѣчатся подъ тяжестью громадной клади, которую имъ приходится везти по дорогамъ, такимъ же дурнымъ, какъ и то время года, когда ихъ заставляютъ отправлять эту повинность“. Такую твердость придаетъ интенданту, повидимому, письмо Тюрго, присоединенное къ дѣлу, датированное 30 іюля 1774 года — время его вступленія въ министерство,—въ которомъ послѣдній говоритъ, что никогда не дозволялъ подобныхъ повинностей въ Лиможѣ и совѣтуетъ Дюклюзелю такъ же поступать въ Турѣ.

Изъ другихъ частей этой переписки видно, что поставщики лѣса нерѣдко требовали отправленія этой повинности, не будучи на это уполномоченными купчей, заключенной между ними и государствомъ, такъ какъ при этомъ имъ удавалось съэкономить, по крайней мѣрѣ, треть всѣхъ расходовъ по перевозкѣ. Примѣръ такой прибыли приводитъ одинъ субделегатъ: „Разстояніе для перевозки лѣса отъ мѣста его рубки до рѣки, по почти непроходимымъ проселочнымъ дорогамъ, равняется, по его словамъ, шести лье; время, затрачиваемое на поѣздку туда и обратно,— двумъ днямъ. Считая, при вычисленіи вознагражденія несущимъ повинность, одинъ кубическій футъ клади по шесть ліаровъ за лье, получится 13 франковъ 10 су за всю поѣздку; этого едва хватаетъ на покрытіе издержекъ мелкаго собственника, его помощника и расходовъ на содержаніе воловъ или лошадей, которыми должна быть запряжена повозка. Его трудъ, время, работа его скота — все это для него пропадаетъ даромъ“. 17 мая 1776 года рѣшительный приказъ короля—заставлять населеніе нести эту повинность—сообщается министромъ интенданту. Г. Деклюзель уже умеръ, а его преемникъ г. Эскалопье спѣшитъ повиноваться и публикуетъ распоряженіе, гласящее, что „суб-

делегатъ распредѣлитъ повинность между приходами, послѣ чего каждый изъ подлежащихъ ей жителей названнаго прихода обязаны явиться въ назначенный имъ старшинами день и часъ на мѣсто нахожденія лѣса и перевезти его по цѣнѣ, опредѣленной субделегатомъ".

Страница 156, строка 11.

Образецъ того, какъ часто поступали по отношенію къ крестьянамъ.

1768 г. король жалуетъ 2000 франковъ скидки съ подати приходу Chapelle Blanche возлѣ Сомюра. Священникъ хочетъ, чтобы часть этой суммы была отдѣлена на постройку колокольни, такъ какъ, по его словамъ, онъ желаетъ избавиться отъ звона колоколовъ, который его безпокоитъ въ священническомъ домѣ. Прихожане протестуютъ и жалуются. Субделегатъ принимаетъ сторону священника и почью приказываетъ арестовать и посадить въ тюрьму трехъ главныхъ жителей.

Другой примѣръ: приказъ короля предписываетъ заключить въ тюрьму на двѣ недѣли женщину, оскорбившую двухъ всадниковъ дозорной команды. Другой приказъ присуждаетъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію вязальщика чулокъ, который дурно отзывался о объѣздной командѣ. Интендантъ отвѣчаетъ министру, что онъ уже приказалъ заключить этого человѣка въ тюрьму,—за что министръ высказываетъ ему свое одобреніе.

Оскорбленія по адресу объѣздной команды были произнесены по случаю насильственнаго ареста нищихъ, мѣры, которая, повидимому, возмущала народъ. Субделегатъ, распорядившись арестовать вязальщика, по его словамъ, показываетъ этимъ публикѣ, что тѣ, кто осмѣлится еще оскорблять объѣздную команду, будетъ еще строже наказанъ.

Изъ переписки субделегатовъ и интенданта (1760—1770) явствуетъ, что индендантъ приказывалъ имъ задерживать вредныхъ людей не для того, чтобы ихъ судить, а для того, чтобы заключать въ тюрьму. Субделегатъ проситъ у интенданта разрѣшенія подвергнуть пожизненному тюремному заключенію двухъ опасныхъ нищихъ, схваченныхъ по его приказанію. Одинъ отецъ протестуетъ противъ ареста его сына, задержаннаго въ качествѣ бродяги потому только, что онъ путешествовалъ безъ бумагъ. Одинъ землевладѣлецъ изъ X. проситъ арестовать одного человѣка, его сосѣда, который, по его словамъ, поселился въ его приходѣ, которому онъ, по его словамъ, помогъ, но который очень дурно ведетъ себя по отношенію къ нему и безпокоитъ его. Парижскій индендантъ проситъ Руанскаго оказать эту услугу названному землевладѣльцу, его другу.

Лицу, высказывающему пожеланіе, чтобы нищіе были выпущены на свободу, индендантъ отвѣчаетъ, что „домъ призрѣнія нищихъ не слѣдуетъ принимать за тюрьму, а надо считать домомъ, предназначеннымъ сдерживать путемъ административнаго исправленія нищенствующихъ и бродягъ". Эта мысль проникла даже въ уложеніе о наказаніяхъ,—настолько хорошо сохранились въ этомъ отношеніи традиціи стараго порядка.

Страница 161, строка 12.

Говорятъ, что характеръ философіи XVIII вѣка отличается своеобразнымъ обоготвореніемъ человѣческой природы, безпредѣльной вѣрой въ ея всемогущество въ дѣлѣ преобразованія, по своему усмотрѣнію, законовъ, учрежденій и нравовъ. Однако, относительно этого надо столковаться: по правдѣ говоря, нѣкоторые изъ философовъ того времени не столько обожествляли человѣческій разумъ вообще, сколько свой собственный разумъ. Никогда никто не обнаруживалъ меньше довѣрія къ общечеловѣческой мудрости. Я могу назвать нѣкоторыхъ изъ ихъ среды, презиравшихъ почти одинаково какъ толпу, такъ и Бога. По отношенію къ нему они проявляли гордость соперниковъ, по отношенію же къ толпѣ — высокомѣріе выскочекъ. Истинное и почтительное подчиненіе волѣ большинства имъ

было такъ же мало знакомо, какъ и подчиненіе божественной волѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ революціонеры проявляли этотъ двойственный характеръ. Отъ него далеко до уваженія, оказываемаго англичанами и американцами чувствамъ большинства изъ согражданъ. У послѣднихъ разумъ гордъ и самонадѣянъ, но не высокомѣренъ; вотъ почему онъ и привелъ къ свободѣ, тогда какъ нашему разуму только и удалось изобрѣсть новыя формы рабства.

Страница 175, строка 26.

Фридрихъ Великій пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Фонтенелли и Вольтеры, Гоббсы, Коллинсы, Шефтсбюри, Болингброки—всѣ эти великіе люди нанесли смертельный ударъ религіи. Люди начали присматриваться къ тому, что они безсмысленно обожали; разумъ поразилъ суевѣріе; человѣчество почувствовало отвращеніе къ баснямъ, которымъ вѣрило. Деизмъ создалъ многочисленныхъ послѣдователей сектъ. Если эпикуреизмъ оказался гибельнымъ для идолопоклонническаго культа язычниковъ, то деизмъ въ наши дни сталъ не менѣе гибельнымъ для іудейскихъ бредней, раздѣлявшихся нашими предками. Свобода мысли, царившая въ Англіи, много способствовала прогрессу философіи“.

Изъ только что приведеннаго отрывка видно, что въ то время, какъ Фридрихъ Великій писалъ эти строки, т.-е. въ серединѣ XVIII вѣка, онъ считалъ еще Англію очагомъ антирелигіозныхъ ученій. Но въ его словахъ можно замѣтить нѣчто еще болѣе поразительное: одинъ изъ государей, наиболѣе искушенныхъ въ знаніи людей и дѣлъ, не подозрѣваетъ, повидимому, политической пользы религій, настолько умственные недостатки его учителей исказили качества его ума.

Страница 194, строка 8.

Духъ прогресса, обнаруженный во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, въ то же время проявлялся и въ Германіи и

всюду онъ одинаково сопровождался желаніемъ измѣнить учрежденія. Вглядитесь въ изображеніе, сдѣланное однимъ германскимъ историкомъ, изображеніе того, что происходило тогда на его родинѣ:

„Во второй половинѣ XVIII вѣка“, говоритъ онъ, „новый духъ времени шагъ за шагомъ проникаетъ даже въ церковныя области. Здѣсь начинаются реформы. Промышленность и терпимость проникаютъ всюду; просвѣщенный абсолютизмъ, завладѣвшій уже большими государствами, обнаруживается также и здѣсь. Нужно сказать, что ни въ одну эпоху XVIII вѣка не было въ этихъ церковныхъ областяхъ болѣе замѣчательныхъ и болѣе достойныхъ уваженія государей, чѣмъ какъ разъ въ послѣднія десятилѣтія, предшествовавшія французской революціи“.

Нужно замѣтить, насколько только-что изображенная картина походила на то, что представляла Франція, гдѣ стремленіе къ улучшеніямъ и прогрессу начинается въ то же время, и гдѣ люди, наиболѣе достойные управлять, появляются въ тотъ самый моментъ, когда революція собирается поглотить все.

Нужно признать и то, до какой степени вся эта часть Германіи была очевидно вовлечена въ просвѣтительное и политическое движеніе Франціи.

Страница 194, строка 38.

Революція произошла не въ силу этого благоденствія; но духъ, который долженъ былъ произвести революцію, духъ дѣятельный, безпокойный, разумный, новаторскій, честолюбивый, демократическій духъ новыхъ обществъ началъ все одушевлять, и у него хватило силы, прежде чѣмъ моментально ниспровергнуть старое общество, расшевелить его и развить.

Страница 195, строка 27.

Какимъ образомъ судебныя установленія англичанъ доказываютъ, что въ учрежденіяхъ можетъ быть много второстепенныхъ недостатковъ, не препятствующихъ имъ достигать главной цѣли, руководившей при ихъ основаніи.

Способность націй процвѣтать, несмотря на несовершенства, встрѣчающіяся во второстепенныхъ частяхъ ихъ институтовъ, когда главные принципы, самый духъ, оживляющій эти институты, плодотворны,—это явленіе нигдѣ не проявляется замѣтнѣе, чѣмъ при разсмотрѣніи судебной организаціи англичанъ въ прошломъ столѣтіи, въ томъ видѣ, какъ ее описываетъ Блакстонъ.

При этомъ насъ прежде всего поражаютъ двѣ группы крупныхъ разнообразій:

1. Разнообразіе законовъ;
2. Разнообразіе примѣняющихъ эти законы судовъ.

I. Разнообразіе законовъ. 1. Существуютъ различные законы для Англіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, для Шотландіи, Ирландіи, нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ владѣній Великобританіи, какъ, напр., островъ Манъ, нормандскіе острова и др., наконецъ, для колоній.

2) Въ Англіи, въ тѣсномъ смыслѣ, нужно различать четыре вида законовъ: обычное право, статуты, римское право, справедливость. Обычное право подраздѣляется на общіе обычаи, принятые во всемъ государствѣ, обычаи, составляющіе особенность нѣкоторыхъ сеньорій, нѣкоторыхъ городовъ, иногда даже только отдѣльныхъ классовъ, какъ, напр., обычное право купцовъ. Иногда эти обычаи сильно различаются между собой; напр., тѣ, которые въ противоположность общей тенденціи англійскихъ законовъ требуютъ равнаго раздѣла имущества между дѣтьми и, что кажется еще болѣе страннымъ, даютъ право первородства самому младшему.

II. Разнообразіе судовъ. Законъ, по словамъ Блакстона, установилъ удивительное разнообразіе многихъ судовъ; объ этомъ можно судить, анализируя слѣдующій весьма краткій перечень:

1) Прежде всего мы видимъ трибуналы, учрежденные за предѣлами собственной Англіи, каковы суды Шотландіи и Ирландіи, не всегда зависимые отъ высшихъ судовъ Англіи, хотя въ концѣ концовъ, я думаю, всѣ они были подчинены палатѣ лордовъ.

2) Что же касается собственно Англіи, то, если мнѣ не измѣняетъ память, согласно классификаціи Блакстона, я нахожу слѣдующія категоріи:

1) Одиннадцать разрядовъ судебныхъ палатъ, существующихъ согласно обычному праву (common law), изъ которыхъ четыре, правда, повидимому, уже вышли изъ употребленія;

2) Три разряда палатъ, юрисдикція которыхъ распространяется на всю страну, но примѣняется лишь въ извѣстныхъ случаяхъ;

3) Десять разрядовъ судовъ, имѣющихъ спеціальный характеръ. Одинъ изъ этихъ разрядовъ составляется изъ мѣстныхъ судовъ, учрежденныхъ различными парламентскими актами или существующихъ въ силу традиціи въ Лондонѣ или въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ провинцій. Послѣдніе такъ многочисленны и представляютъ столько разнообразія въ своемъ устройствѣ и своихъ порядкахъ, что авторъ отказывается подвергнуть ихъ детальному разсмотрѣнію.

Такимъ образомъ, въ одной только собственной Англіи, ссылаясь на текстъ Блакстона, существовало въ то время, когда онъ писалъ, т.-е. во второй половинѣ 18 вѣка, двадцать четыре категоріи трибуналовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя подраздѣлялись на множество разновидностей, изъ которыхъ каждая имѣла свою особую физіономію. Если изъ этого числа исключить тѣ разряды, которые съ тѣхъ поръ, повидимому, почти исчезли, то все же останется еще восемнадцать или двадцать категорій.

Теперь, если мы разсмотримъ эту систему судебнаго устрой-

ства, то безъ труда замѣтимъ, что она страдаетъ множествомъ несовершенствъ.

Несмотря на множество трибуналовъ, ощущался недостатокъ въ мелкихъ судахъ первой инстанціи, находящихся близко отъ подсудныхъ имъ лицъ и предназначенныхъ разбирать немедленно и при малыхъ затратахъ мелкія дѣла; а это дѣлало судопроизводство затруднительнымъ и дорого стоющимъ. Одни и тѣ же дѣла подсудны компетенціи нѣсколькихъ судовъ, что придаетъ непріятную неопредѣленность распредѣленію инстанцій.

Почти всѣ апелляціонные суды выносятъ первый приговоръ по апелляціи, иногда въ качествѣ судовъ общаго права, а иногда—судовъ справедливости. Апелляціонные суды весьма разнообразны. Единственнымъ центральнымъ пунктомъ является палата лордовъ. Административныя тяжебныя дѣла совсѣмъ не отдѣлялись отъ обыкновенныхъ, что въ глазахъ большинства нашихъ законодателей было бы большой несообразностью. Наконецъ, всѣ эти суды черпаютъ основанія для своихъ рѣшеній въ четырехъ различныхъ законодательствахъ, изъ которыхъ одно основывается только на прецедентахъ, другое,—справедливость,—ни на чемъ точно установленномъ, такъ какъ его задача чаще всего состоитъ въ томъ, чтобы идти противъ обычая или статутовъ и по волѣ судьи исправлять то, что въ статутѣ или обычаѣ является слишкомъ устарѣлымъ или жестокимъ.

Вотъ въ чемъ заключаются недостатки, и если мы сравнимъ эту громадную и ветхую машину англійской юстиціи съ новымъ механизмомъ нашей судебной системы, то простота, гармонія, взаимная связь, замѣчаемая въ послѣдней, наряду со сложностью, безсвязностью, наблюдаемыми въ первой, еще сильнѣе покажутъ намъ недостатки англійской системы. Между тѣмъ, нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы со времени Блакстона великая цѣль правосудія осуществлялась бы полнѣе, чѣмъ въ Англіи, другими словами, гдѣ бы каждый человѣкъ, какого бы общественнаго положенія онъ ни былъ и противъ кого онъ ни начиналъ бы тяжбу, противъ ли частнаго

лица или князя могъ бы быть болѣе увѣренъ въ томъ, что его выслушаютъ и что онъ найдетъ во всѣхъ судахъ своей страны лучшія гарантіи для защиты своего состоянія, своей свободы и жизни.

Это не значитъ, что недостатки англійской системы судопроизводства содѣйствуютъ тому, что я называю великой цѣлью правосудія; это только доказываетъ, что во всякой организаціи судопроизводства существуютъ второстепенные недостатки, которые могутъ лишь слегка вредить этой конечной цѣли правосудія, и другіе, главные недостатки, которые не только вредятъ, но разрушаютъ ее, хотя бы они и соединялись со многими второстепенными усовершенствованіями.

Первые недостатки замѣчаются легче всего: они-то и поражаютъ обыкновенно прежде всего умы толпы; бросаются въ глаза, какъ говорятъ. Вторые часто бываютъ болѣе скрыты, и не всегда юрисконсульты и другіе профессіоналы являются людьми, раскрывающими и отмѣчающими ихъ.

Замѣтьте, кромѣ того, что одни и тѣ же качества могутъ быть существенными или второстепенными въ зависимости отъ времени и политической организаціи общества. Въ эпохи господства аристократіи, неравенства, все, что клонится къ ограниченію привилегій извѣстныхъ лицъ передъ судомъ, къ обезпеченію гарантій слабѣйшаго изъ тяжущихся противъ сильнѣйшаго, къ установленію преобладающаго вліянія государства, естественно безпристрастнаго, когда дѣло касается только спора между двумя подданными,—все это носитъ характеръ существеннаго качества, но теряетъ свое значеніе по мѣрѣ того, какъ соціальный порядокъ и политическій строй склоняются къ демократіи.

Если мы будемъ изучать согласно съ этими принципами англійскую систему судебнаго устройства, то найдемъ, что, оставляя въ силѣ всѣ недостатки, которые могли дѣлать правосудіе у нашихъ сосѣдей темнымъ, запутаннымъ, медленнымъ, дорогимъ и неудобнымъ, въ англійской системѣ были приняты безконечныя предосторожности для того, чтобы сильный никогда не могъ достигнуть болѣе выгоднаго положенія на счетъ слабаго,

государство—цѣною интересовъ частнаго лица; по мѣрѣ того, какъ мы будемъ углубляться въ разсмотрѣніе подробностей англійскаго законодательства, мы увидимъ, что въ немъ каждому гражданину дается оружіе всѣхъ видовъ въ цѣляхъ самозащиты, и что все въ немъ направлено къ тому, чтобы обезпечить за каждымъ возможно больше гарантій противъ пристрастія, взяточничества судей, въ собственномъ смыслѣ слова, и противъ другого, болѣе обычнаго и тѣмъ болѣе опаснаго вида продажности,—во времена демократіи вытекающаго изъ раболѣпства судовъ передъ народной властью.

Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія англійская система судоустройства, несмотря на встрѣчающіеся въ ней многочисленные второстепенные недостатки, стоитъ, по моему мнѣнію, выше нашей, правда, не страдающей почти ни однимъ изъ этихъ недостатковъ, но, равнымъ образомъ, и не обладающей присущими ей главными качествами; превосходная въ смыслѣ гарантій, предоставляемыхъ ею каждому гражданину въ спорахъ, возникающихъ между частными лицами, наша система болѣе слаба съ той стороны, которую надо всегда углублять въ такомъ демократическомъ обществѣ, какъ наше, а именно—со стороны гарантіи личности противъ государства.

Страница 196, строка 25.

Преимущества, которыми пользовался Парижскій округъ.

Этотъ округъ пользовался такими же преимуществами относительно правительственныхъ милостей, какъ и относительно взиманія податей; примѣръ: письмо генеральнаго контролера къ интенданту округа Иль-де-Франсъ, помѣченное 22 мая 1787 года, извѣщаетъ послѣдняго, что король назначилъ Парижскому округу сумму въ 172.800 ливровъ въ годъ на организацію благотворительныхъ работъ. Кромѣ того, 100.000 ливровъ предназначаются на пріобрѣтеніе коровъ для раздачи земледѣльцамъ. Изъ этого

письма видно, что сумму въ 172.800 ливровъ долженъ былъ распредѣлить интендантъ самостоятельно, при условіи соблюденія общихъ правилъ, доведенныхъ до его свѣдѣнія правительствомъ, и утвержденія росписи распредѣленія главнымъ контролеромъ.

Страница 197, строка 11.

Администрація стараго порядка состояла изъ множества различныхъ властей, созданныхъ въ разное время, чаще всего въ цѣляхъ фискальныхъ, а не собственно административныхъ, и имѣвшихъ иногда одно и то же поле для своей дѣятельности. Путаницы и борьбы можно было избѣжать только при условіи, чтобы каждая изъ этихъ властей мало проявляла свою дѣятельность или совсѣмъ ея не проявляла. Съ того момента, какъ онѣ захотѣли выйти изъ этого состоянія недѣятельности, онѣ стали стѣснять и спутывать другъ друга. Отсюда проистекаетъ то, что жалобы на сложность административнаго колеса и спутанность вѣдомствъ живѣе въ годы непосредственно предшествовавшіе революціи, чѣмъ за тридцать-сорокъ лѣтъ до нея. Политическія учрежденія не ухудшились; напротивъ, они значительно улучшились; но политическая жизнь стала болѣе активной.

Страница 202, строка 13.

Произвольное повышеніе податей.

То, что король здѣсь говоритъ о тальи, онъ могъ бы сказать съ такимъ же основаніемъ относительно двадцатыхъ долей, поскольку можно объ этомъ судить по слѣдующей перепискѣ. Въ 1772 году генеральный контролеръ Терре настоялъ на значительной надбавкѣ, равной 100.000 ливровъ, на общую сумму сбора двадцатыхъ долей въ Турскомъ округѣ. Огорченіе и затруднительное положеніе, въ какое эта мѣра поставила

Г. Дюклюзеля, ловкаго администратора и хорошаго человѣка, выражается имъ въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ, гдѣ онъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія, легкость, съ какою были даны 250.000 ливровъ (предыдущая надбавка), содѣйствовала жестокому толкованію и обнародованію іюньскаго письма“.

Въ весьма конфиденціальномъ письмѣ, написанномъ интенданту по тому же поводу главноуправляющимъ податными сборами, послѣдній говоритъ: „если требуемыя повышенія податного сбора вамъ кажутся такимъ непосильнымъ бременемъ, такими возмутительными по сравненію съ общей нищетой, какъ вы изволили это мнѣ засвидѣтельствовать, то было бы желательно для провинціи, которая находитъ защитника и покровителя лишь въ вашемъ великодушномъ сердцѣ, чтобы вы могли бы, по крайней мѣрѣ, избавить ее отъ реестра дополнительныхъ требованій всегда ненавистнаго обложенія, оказывающаго обратное вліяніе“.

Изъ той же переписки мы видимъ, насколько недоставало во всемъ этомъ твердаго основанія, и какой произволъ здѣсь царилъ (даже при честныхъ намѣреніяхъ). Интендантъ такъ же, какъ и министръ, возлагалъ всю тяжесть сверхсмѣтнаго налога то на земледѣліе болѣе, чѣмъ на промышленность, то на извѣстный видъ земледѣльческаго труда болѣе, чѣмъ на другой (напр., на винодѣліе), въ зависимости отъ того, что, по ихъ мнѣнію, промышленность или какая-либо отрасль земледѣлія нуждается въ болѣе снисходительномъ обложеніи.

Страница 204, строка 13.

Какъ выражается Тюрго о сельскомъ населеніи въ предисловіи къ объяснительной запискѣ, поданной королю.

„Сельскія общины“, говоритъ онъ, „состоятъ въ значительной части государства изъ бѣдныхъ, невѣжественныхъ и грубыхъ крестьянъ, неспособныхъ къ самоуправленію“.

Страница 208, строка 20.

Какъ революціонныя идеи естественно развивались въ умахъ при полномъ господствѣ стараго порядка.

Въ 1779 году одинъ адвокатъ обращается къ королевскому совѣту съ просьбой издать указъ, который установилъ бы максимумъ цѣны на солому во всемъ государствѣ.

Страница 208, строка 3.

Главный инженеръ пишетъ въ 1781 году интенданту по поводу одного прошенія о дополнительномъ возмѣщеніи убытковъ: „Проситель не обращаетъ вниманія на то, что жалуемое вознагражденіе за убытки составляетъ особую милость для Турскаго округа, и что весьма счастливъ тотъ, кому удается получить хоть часть вознагражденія за понесенные убытки. Если бы мы стали вознаграждать по способу, указанному просителю, то четырехъ милліоновъ не хватило бы на это“.

Страница 216, строка 22.

Борьба различныхъ административныхъ властей въ 1767 году.

Примѣръ такой борьбы: „Посредническая комиссія провинціальнаго собранія въ Иль-де-Франсѣ требуетъ передачи въ свои руки управленія домомъ призрѣнія нищихъ. Интендантъ хочетъ оставить управленіе за собой „такъ какъ этотъ домъ“, по его словамъ, „не содержится на средства провинціи“. Во время этого спора посредническая комиссія обратилась къ посредническимъ комиссіямъ другихъ провинцій для того, чтобы узнать ихъ мнѣніе по этому вопросу. Между прочими отвѣтами на сдѣланный запросъ находится отвѣтъ посреднической ко-

миссіи въ Шампани, гласящій, что и ей воздвигаютъ такія же затрудненія, и что она оказываетъ имъ такое же сопротивленіе.

Страница 221, строка 32.

Я нахожу въ протоколѣ перваго провинціальнаго собранія Иль-де-Франса слѣдующее выраженіе, произнесенное устами докладчика одной комиссіи: „До сихъ поръ обязанности синдика, гораздо болѣе обременительныя, чѣмъ почетныя, должны были отталкивать всѣхъ тѣхъ, кто соединялъ достатокъ съ просвѣщеніемъ,—качества, соотвѣтствующія этой должности“. (Примѣчаніе, относящееся къ нѣсколькимъ мѣстамъ этой книги).

Феодальные поборы, существовавшіе еще въ эпоху революціи, по описанію знатоковъ феодализма того времени.

Я не имѣю здѣсь намѣренія писать трактатъ о феодальныхъ поборахъ, ни тѣмъ болѣе заниматься изслѣдованіемъ вопроса о ихъ происхожденіи; я хочу только указать на тѣ изъ нихъ, которые еще дѣйствовали въ XVIII вѣкѣ. Эти обложенія играли тогда такую большую роль и сохранили впослѣдствіи такое важное мѣсто въ воображеніи даже тѣхъ людей, которымъ не приходится больше терпѣть отъ нихъ, что мнѣ казалось интереснымъ выяснить, что они представляли изъ себя именно въ то время, когда революція всѣ ихъ уничтожила. Съ этой цѣлью я сначала изучилъ извѣстное количество поземельныхъ списковъ или реестровъ сеньорій, останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которые помѣчены болѣе позднимъ числомъ. Эта система изученія не привела меня ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ феодальныя повинности, хотя и регулировались однимъ и тѣмъ же законодательствомъ во всей феодальной Европѣ, но безконечно измѣнялись въ своихъ разновидностяхъ, смотря по провинціи или даже кантонамъ. Единственной системой, показавшейся мнѣ поэтому, по самому своему существу, пригодной для приблизительнаго указанія мнѣ того, что я искалъ, была слѣдующая.—Феодальныя обложенія были причиной возникновенія всякаго рода спорныхъ дѣлъ. Нужно было изслѣдовать, какъ эти феодальныя права обложеній пріобрѣтались, какъ они утрачивались, въ чемъ состояли, какія изъ нихъ пріобрѣтались только въ силу данной королемъ привилегіи, какія изъ нихъ могли основываться только на частныхъ документахъ, какія, напротивъ, не нуждались въ формальныхъ документахъ и могли взиматься на основаніи мѣстныхъ обычныхъ правъ или въ силу своего продолжительнаго примѣненія. Наконецъ, когда являлось желаніе продать эти феодальныя права, нужно было знать способъ ихъ оцѣнки, и какую цѣнность представляли по степени своей важности ихъ различныя формы. Всѣ эти пункты, связанные съ тысячей денежныхъ интересовъ, были предметомъ постоянныхъ споровъ, и даже создалось цѣлое сословіе легистовъ, единственнымъ занятіемъ которыхъ было ихъ разъясненіе. Многіе изъ нихъ писали во второй половинѣ XVIII вѣка, нѣкоторые даже при самомъ приближеніи революціи. Это, собственно говоря, не юрисконсульты, а практики, единственной цѣлью которыхъ было указывать знатокамъ дѣла тѣ правила, какими нужно было руководствоваться въ столь спеціальной и столь привлекательной части права. Изучая внимательно сочиненія этихъ знатоковъ феодальнаго права, удается, наконецъ, составить довольно подробное и ясное представленіе о предметѣ, запутанность и объемъ котораго сначала поражаютъ. Ниже я привожу самую краткую сводку, какую я могъ сдѣлать изъ своей работы. Замѣтки эти извлечены, главнымъ образомъ, изъ работъ Эдма де Фременвилля, писавшаго около 1750 года, и изъ сочиненія Ренольдона, написаннаго въ 1765 году и озаглавленнаго: *Историческій и практическій трактатъ о владѣльческихъ правахъ* (Traite' historique et pratique des Droits seigneuriaux).

Цензъ (т.-е. вѣчная поземельная подать, уплачиваемая натурой или деньгами и связанная, по феодальнымъ законамъ

съ владѣніемъ извѣстными землями) въ XVIII вѣкѣ еще сильно мѣняетъ положеніе многихъ собственниковъ. Цензъ (чиншъ) по прежнему остается недѣлимымъ, это значитъ, что можно обратиться къ кому угодно изъ владѣльцевъ недвижимой собственности, отданной въ чиншевое владѣніе, и потребовать у него выдачи чинша сполна. Его нельзя просрочивать. Владѣлецъ недвижимости, обложенный чиншемъ, не можетъ ее продать, не подвергаясь чиншевому выкупу, т. е. не обязавшись вернуть собственность по продажной цѣнѣ; но это принято только въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ мѣстностей. Парижское обычное право, самое распространенное, не признаетъ этого правила.

Пошлины съ продажи помѣстій. Въ странѣ обычнаго права считается общимъ правиломъ, что продажа всякаго оброчнаго наслѣдства влечетъ за собою уплату этой пошлины; сеньору выплачивается пошлина съ продажи. Пошлины эти болѣе или менѣе значительны, смотря по обычаямъ, но повсюду довольно велики; онѣ существуютъ также и въ странахъ съ писанымъ правомъ. Здѣсь онѣ обыкновенно составляютъ шестую часть продажной цѣны и называются *lods*. Но въ этихъ странахъ сеньору предоставляется опредѣленіе размѣра пошлины. Какъ на мѣстахъ съ писанымъ, такъ и съ обычнымъ правомъ, цензъ создаетъ для владѣльца привилегію, устраняющую привилегію всѣхъ другихъ кредиторовъ.

Хлѣбная подать или хлѣбный оброкъ, agrier, tasque. Это—извѣстная часть плодовъ, взимаемая владѣльцемъ съ наслѣдства, даннаго въ цензъ; количество измѣняется сообразно контрактамъ и обычаямъ. Эта пошлина встрѣчалась еще довольно часто въ XVIII вѣкѣ. Я думаю, что хлѣбная подать, даже при обычномъ правѣ, должна была взиматься на основаніи документа. Она бывала владѣльческой или поземельной. Нѣтъ надобности выяснять здѣсь признаки, которые опредѣляютъ эти двѣ разновидности; достаточно сказать, что поземельная подать теряетъ свою силу черезъ тридцать лѣтъ, подобно поземельной рентѣ, тогда какъ владѣльческая составляетъ неотъемлемое право. Нельзя закладывать землю, подлежащую платежу земельной подати, безъ согласія сеньора.

Bordelage. Эта повинность существовала только въ Нивернэ и Буроннэ и состояла въ ежегодномъ оброкѣ деньгами, зерномъ или живностью, приносимомъ за цензовое владѣніе. Этотъ оброкъ имѣлъ весьма суровыя послѣдствія; неплатежъ его въ теченіе трехъ лѣтъ вызывалъ конфискацію (commise) имѣнія въ пользу владѣльца. Сверхъ того, должникъ долженъ былъ терпѣть множество стѣсненій въ своемъ владѣніи; иногда владѣлецъ могъ наслѣдовать имѣніе, хотя бы и существовали правомочные наслѣдники. Такой договоръ былъ самымъ суровымъ явленіемъ феодальнаго права, и юриспруденція въ концѣ концовъ ограничила его одними крестьянскими наслѣдствами; „такъ какъ крестьянинъ всегда является муломъ, готовымъ нести всякое бремя“, говоритъ авторъ.

Marciege. Это особый сборъ, взимавшійся лишь въ немногихъ мѣстахъ съ владѣльцевъ цензовыхъ помѣстій или земель и состоявшій въ платежѣ извѣстнаго оброка, вносившагося только въ случаѣ смерти владѣльца помѣстья.

Десятины феодальныхъ помѣстій. Въ XVIII вѣкѣ существовало еще много феодальныхъ десятинъ. Но вообще онѣ зависятъ отъ условія и не могутъ требоваться на основаніи одного факта существованія господской власти.

Parciere. Это—налогъ, взимаемый со сбора плодовъ, выросшихъ на наслѣдственныхъ земляхъ. Въ значительной степени похожій на хлѣбный оброкъ или феодальную десятину, онъ практикуется главнымъ образомъ въ Бурбоннэ и Овернѣ.

Carpot. Практикуемый въ Бурбоннэ, этотъ налогъ представляетъ то же самое по отношенію къ виноградникамъ, что хлѣбный оброкъ—по отношенію къ воздѣланнымъ полямъ; другими словами, это—право удержанія извѣстной части урожая, равнявшейся четверти виноградного сбора.

Крѣпостное состояніе. Cutumes serves принято называть обычныя права, сохранившія еще нѣкоторые слѣды крѣпостного состоянія; они немногочисленны. Въ провинціяхъ, управляемыхъ на основаніи такого обычнаго права, совсѣмъ нѣтъ или почти не существуетъ земель, гдѣ бы не были замѣтны нѣкоторые слѣды стараго крѣпостного состоянія (это

написалось въ 1765 году). Крѣпостное состояніе или прикрѣпленіе, какъ его называетъ авторъ, было или личное или поземельное (reelle.)

Прикрѣпленіе личное было неразрывно связано съ личностью человѣка и слѣдовало за нимъ всюду. Куда бы крѣпостной ни уѣхалъ, куда бы ни перенесъ свое благопріобрѣтенное имущество, господинъ могъ его вытребовать обратно въ силу права преслѣдованія. Авторы приводятъ нѣсколько указовъ, утверждающихъ это право, между прочими, указъ 17 іюня 1760 года, которымъ судъ отказываетъ одному владѣльцу изъ Нивернэ въ искѣ о наслѣдованіи въ силу крѣпостного права послѣ смерти скончавшагося въ Парижѣ Петра Трюше, сына преслѣдуемаго, по обычному праву Ниверна, крѣпостного, женившагося на свободной женщинѣ въ Парижѣ и скончавшагося, какъ и его сынъ. Но рѣшеніе суда, повидимому, основывается на томъ, что Парижъ былъ мѣстомъ убѣжища, гдѣ *преслѣдованіе* не могло имѣть силы. Если право убѣжища препятствовало господину воспользоваться имуществомъ, которымъ крѣпостные владѣли на мѣстѣ своего убѣжища, то ничто не мѣшало ему получить по наслѣдству имущество, оставленное въ предѣлахъ его владѣній.

Поземельное прикрѣпленіе было результатомъ владѣнія извѣстной земли и могло прекратиться въ случаѣ оставленія ея и переселенія на новое мѣсто.

Барщины. Это—право господина надъ своими подданными, въ силу котораго онъ можетъ использовать въ своихъ интересахъ извѣстное число рабочихъ дней ихъ самихъ, ихъ воловъ и лошадей. Барщина по волѣ, т.-е. по произвольному желанію господина, была уже совершенно отмѣнена и давно уже сведена къ извѣстному числу рабочихъ дней въ году.

Барщина могла быть личной или поземельной. Личную барщину обязаны нести, соотвѣтственно своему ремеслу, рабочіе люди, жилище которыхъ находится на землѣ помѣщика. Земельныя барщины связаны съ владѣніемъ извѣстными землями. Дворяне, духовенство, клирики, юристы,

адвокаты, доктора, нотаріусы, банкиры, именитые граждане должны быть освобождены отъ несенія барщины. Авторъ цитируетъ постановленіе 13 августа 1735 г., которымъ освобождается отъ барщины одинъ нотаріусъ; владѣлецъ, на землѣ котораго послѣдній жилъ, хотѣлъ заставить его являться къ себѣ въ теченіе трехъ дней для безплатнаго совершенія актовъ, которые нужно было составить въ его сеньоріи. Другое постановленіе, 1750 г., разъясняетъ, что, если барщина должна отбываться либо личнымъ трудомъ, либо деньгами, выборъ той или другой предоставляется обязанному отбывать ее. Тотъ и другой видъ барщины долженъ быть основанъ на письменномъ документѣ. Помѣщичья барщина въ XVIII вѣкѣ встрѣчалась уже рѣдко.

Хозяйственныя, торговыя и другія привилегіи помѣщиковъ—banalités. Однѣ только провинціи Фландрія, Артуа и Гено не имѣли этихъ привилегій. Парижское обычное право строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы пользованіе этими привилегіями было основано на письменномъ разрѣшеніи. Всѣ, живущіе на территоріи дѣйствія исключительныхъ помѣщичьихъ правъ, обязаны были имъ подчиняться, и даже, чаще всего, дворяне и священники.

Независимо отъ помѣщичьей монополіи на мукомольныя мельницы и хлѣбныя печи, существовало еще много другихъ монополій:

1) Право помѣщика на промышленныя мельницы, каковы сукновальни, мельницы для выдѣлки бересты, пеньки. Обычное право нѣкоторыхъ мѣстностей—между прочимъ, Анжу, Мэна и Бретани—устанавливаетъ ихъ.

2) Монополія на виноградный прессъ. Обычное право рѣдко упоминаетъ о ней; оно существуетъ въ Лотарингіи и Мэнѣ.

3) Помѣщичій быкъ-производитель. Нигдѣ обычное право не говоритъ о немъ, но нѣкоторые документы устанавливаютъ эту привилегію. То же относится и къ помѣщичьей скотобойнѣ.

Вообще двѣ послѣднія привилегіи, о которыхъ мы только

что говорили, встрѣчаются значительно рѣже и вызываютъ менѣе благосклонное отношеніе правительства, чѣмъ другія; онѣ могутъ быть введены только на основаніи очень яснаго текста обычнаго права или, за отсутствіемъ его, на основаніи формальнаго документа.

Преимущество по устройству виноградnаго сбора (Ban des vendanges) было распространено въ XVIII в. еще во всемъ королевствѣ; это было чисто полицейское право, находящееся въ связи съ отправленіемъ высшаго суда. Для пользованія имъ владѣлецъ, высшій судья, не нуждается ни въ какомъ документѣ Ban des vendanges обязателенъ для всѣхъ. Бургундское обычное право даетъ владѣльцу привилегію начинать сборъ винограда на день раньше всѣхъ другихъ собственниковъ виноградниковъ.

Преимущество по продажѣ вина (Droit de banoin). Этимъ правомъ пользуется, по выраженію авторовъ, множество владѣльцевъ, опираясь на обычное право или на особые документы; оно состоитъ въ продажѣ вина, изготовляемаго въ ихъ владѣніяхъ, въ теченіе извѣстнаго времени (обычно, мѣсяца или сорока дней) раньше всѣхъ другихъ винодѣловъ. Изъ крупныхъ обычныхъ правъ только кутюмы Тура, Анжу, Мэна, Марна устанавливаютъ и регулируютъ преимущество по продажѣ вина. Указъ суда по дѣламъ о налогахъ отъ 28 августа 1751 г., въ видѣ исключенія, разрѣшаетъ кабатчикамъ въ теченіе указаннаго періода продавать вино, но только иноземцамъ; къ тому же это должно быть вино владѣльца, получаемое съ его земли.

Кутюмы, устанавливающіе и опредѣляющіе это право, обыкновенно требуютъ, чтобы оно опиралось на документъ.

Пастбищное обложеніе (Droit de blairie). Это преимущество принадлежитъ владѣльцу съ высшимъ судомъ и состоитъ въ правѣ взиманія сбора съ мѣстныхъ жителей за разрѣшеніе пасти скотъ въ предѣлахъ подсудной владѣльцу территоріи или же на пустыхъ и невоздѣланныхъ земляхъ. Эта привилегія неизвѣстна въ странахъ съ писанымъ правомъ,

но имѣетъ широкое распространеніе въ странахъ съ обычнымъ правомъ.

Мы встрѣчаемъ се подъ разными именами, особенно въ Бурбоннэ, Ниверпэ, Оверньи и Бургундіи. На основаніи существованія этого права приходится предполагать, что вначалѣ право собственности на всю землю принадлежало сеньору, но послѣ того, какъ онъ лучшія земли отдалъ въ ленное, чиншевое владѣніе и въ другіе виды земельныхъ концессій, приносящихъ оброки, у него остались еще нѣкоторые участки, пригодные лишь для выгона, которые онъ отдаетъ во временное пользованіе. Blairie устанавливается нѣсколькими кутюмами; но только сеньоръ, обладающій правомъ высшаго суда, можетъ притязать на этотъ сборъ, который, однако, долженъ быть основанъ на особомъ документѣ или, по меньшей мѣрѣ, на старыхъ свидѣтельствахъ, подкрѣпленныхъ фактомъ долгаго пользованія.

Дорожная пошлина (péages). Вначалѣ, говорятъ авторы, существовало безчисленное множество помѣщичьихъ заставъ для взиманія пошлинъ на мостахъ, рѣкахъ, дорогахъ. Людовикъ XIV уничтожилъ значительное количество ихъ. Въ 1724 г. комиссія, назначенная для разсмотрѣнія всѣхъ документовъ на дорожныя пошлины, отмѣнила 12000 такихъ документовъ, и до настоящаго времени продолжаютъ ежедневно упразднять ихъ (1765 г.). Реноденъ говоритъ, что первымъ принципомъ въ этомъ дѣлѣ является то, что дорожная пошлина, будучи налогомъ, должна не только основываться на документѣ, но непремѣнно на документѣ, исходящемъ отъ государя. Въ его заголовкѣ стоятъ слова: De par le roi. Однимъ изъ условій дорожнаго сбора является предъявленіе помѣщикомъ разрѣшенія на утвержденіе того тарифа, по которому будетъ взиматься пошлина съ каждаго вида товаровъ.

Этотъ тарифъ всегда нуждается въ утвержденіи по указу королевскаго совѣта. За разрѣшеніемъ должно слѣдовать, по словамъ автора, непрерывное обладаніе дарованнымъ правомъ. Несмотря на предосторожности, принятыя законодателемъ, объемъ нѣкоторыхъ дорожныхъ пошлинъ въ новѣйшее время

сильно увеличился. „Мнѣ извѣстна, прибавляетъ онъ, одна застава, отдававшаяся на откупъ сто лѣтъ тому назадъ за 100 ливровъ, а теперь доходъ съ нея равняется 1400 ливрамъ; другая застава, приносившая 39000 ливровъ сбора, теперь даетъ 90.000“. Главными постановленіями или эдиктами, утверждающими права на дорожный сборъ, были 29 глава повелѣнія 1669 года и эдикты 1683, 1693, 1724 и 1775 г.г.

Цитируемые мною авторы, хотя въ общемъ и относятся довольно благосклонно къ феодальнымъ правамъ, однако признаютъ, что при взиманіи дорожныхъ пошлинъ бываютъ большія злоупотребленія.

Паромы. Пошлина за переправу на паромѣ замѣтно отличалась отъ дорожнаго сбора. Послѣдній взимался только съ товаровъ, паромный же сборъ распространялся и на людей, на животныхъ, на повозки. Для пользованія этимъ правомъ необходимо было также королевское разрѣшеніе, а размѣръ сбора долженъ былъ опредѣляться указомъ совѣта, который его впервые устанавливалъ или утверждалъ.

Droit de leyde (въ разныхъ мѣстностяхъ носитъ различныя названія)—налогъ, установленный на товары, привозившіеся на ярмарки или базары. Многіе сеньоры считаютъ право на этотъ сборъ исключительной принадлежностью лицъ, имѣющихъ привилегію творить верховный судъ, и при этомъ считаютъ правомъ чисто владѣльческимъ,—такъ говорятъ авторы, на которыхъ я ссылаюсь,—но они ошибаются, такъ какъ этотъ налогъ требуетъ королевскаго утвержденія. Во всякомъ случаѣ, онъ принадлежитъ только владѣльцамъ, пользующимся правомъ верховнаго суда, которые и взыскиваютъ полицейскіе штрафы связанные съ этимъ правомъ. Между тѣмъ, оказывается, что, хоть и въ теоріи droit de leyde можетъ исходить только отъ короля, на практикѣ оно очень часто основывалось на одномъ только феодальномъ документѣ и на продолжительномъ пользованіи этимъ правомъ.

Извѣстно, что ярмарки могли устраиваться не иначе какъ съ разрѣшенія короля.

Владѣльцы не нуждались ни въ формальномъ документѣ, ни въ концессіи со стороны короля для опредѣленія того, какими мѣрами и вѣсами должны пользоваться ихъ вассалы на рынкахъ ихъ сеньоріи. Достаточно, чтобы это право было основано на обычаѣ и постоянномъ пользованіи. Всѣ короли, послѣдовательно стремившіеся ввести единообразіе въ систему мѣръ и вѣсовъ, потерпѣли неудачу, говорятъ авторы. Все осталось въ томъ же видѣ, какъ оно существовало со времени обнародованія обычнаго права.

Дороги. Права, которыми пользовались владѣльцы относительно дорогъ.

Большія дороги, называвшіяся королевскими, на самомъ дѣлѣ принадлежали только государямъ; проведеніе, содержаніе ихъ, преступленія, совершающіяся на нихъ,—все это внѣ компетенціи владѣльцевъ или ихъ судей. Что же касается частныхъ дорогъ, прилегающихъ въ территоріи сеньоріи, то онѣ несомнѣнно принадлежатъ владѣльцамъ съ верховнымъ судомъ. Послѣдніе пользуются по отношенію къ нимъ всѣми правами дорожнаго и полицейскаго надзора; ихъ судьи вѣдаютъ всѣ преступленія, совершающіяся на этихъ дорогахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію королевской власти. Когда-то на обязанности владѣльцевъ лежала забота о благоустройствѣ большихъ дорогъ, пересѣкающихъ ихъ владѣнія, и въ цѣляхъ покрытія расходовъ по починкѣ этихъ дорогъ имъ было дано право взиманія дорожнаго сбора, установленія межевыхъ границъ, загражденій; но впослѣдствіи общее управленіе большими дорогами перешло въ вѣдѣніе короля.

Воды. Всѣ судоходныя и годныя для сплава рѣки, хотя и протекаютъ черезъ владѣльческія земли, принадлежатъ королю, не взирая ни на какія свидѣтельства противоположнаго содержанія (указъ 1669 г.). Если владѣльцы и взимаютъ съ этихъ рѣкъ извѣстный сборъ, то это пошлина на рыбную ловлю, мельницы, паромы, перевозъ и т. д., въ силу концессій, непремѣнно данныхъ имъ королемъ. Нѣкоторые владѣльцы присваиваютъ себѣ еще право суда и полицейское

право по отношенію къ этимъ рѣкамъ; но это результатъ явной узурпаціи или вынужденной концессіи.

Маленькія рѣки принадлежатъ безспорно владѣльцамъ, черезъ земли которыхъ онѣ протекаютъ. По отношенію къ нимъ владѣльцамъ принадлежитъ то же право собственности, суда и полиціи, какъ королю по отношенію къ судоходнымъ рѣкамъ. Всѣ владѣльцы съ высшимъ судомъ повсемѣстно являются господами несудоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по ихъ территоріи. Чтобы получить право собственности на эти рѣки, они не нуждаются ни въ какомъ другомъ документѣ, кромѣ того, который имъ даетъ верховный судъ. Обычное право нѣкоторыхъ мѣстностей, напр., беррійское, разрѣшаетъ частнымъ лицамъ воздвигать безъ разрѣшенія сеньера мельницу на владѣльческой рѣкѣ, пересѣкающей ихъ помѣстье. Бретанское обычное право жаловало эту привилегію только частнымъ лицамъ дворянскаго происхожденія. По общему праву очевидно, что одному только владѣльцу съ высшимъ судомъ принадлежитъ право разрѣшать постройку мельницы въ предѣлахъ его подсудности. На владѣльческой рѣкѣ запрещено было дѣлать загражденія безъ разрѣшенія владѣльческихъ судей для охраны своихъ владѣній.

Фонтаны, колоды, ямы для мочки льна, пруды. Дождевыя воды, протекающія по большимъ дорогамъ, принадлежатъ владѣльцамъ съ верховнымъ судомъ; послѣднимъ предоставляется право исключительнаго пользованія ими. Владѣлецъ съ высшимъ судомъ можетъ соорудить прудъ въ предѣлахъ своей судебной компетенціи, даже въ наслѣдственныхъ земляхъ лицъ подсудныхъ ему, выплачивая послѣднимъ стоимость участка, покрытаго водой. Это—точное опредѣленіе обычнаго права нѣкоторыхъ мѣстностей, между прочимъ, Труа и Ниверне. Что касается частныхъ лицъ, то они могутъ копать пруды только на собственной землѣ и, по обычному праву извѣстныхъ мѣстностей, въ такихъ случаяхъ обязаны испрашивать разрѣшеніе сеньера. Обычное право, обязывавшее испрашивать разрѣшенія у сеньера разрѣшенія, принуждало послѣдняго давать на это разрѣшеніе, и давать его безвозмездно.

Рыбная ловля. Право рыбной ловли въ судоходныхъ и пригодныхъ для сплава рѣкахъ принадлежитъ исключительно королю; только онъ можетъ даровать кому-либо это право. Только его судьямъ подсудны правонарушенія по рыболовству. Однако, есть много сеньеровъ, имѣющихъ право рыбной ловли въ рѣкахъ этого типа; но право это либо пожаловано имъ королемъ, либо самовольно захвачено ими. Что же касается несудоходныхъ рѣкъ, то на нихъ нельзя заниматься не только рыбными промыслами, но даже уженьемъ рыбы, безъ разрѣшенія сеньера—высшаго судьи, черезъ угодья котораго протекаетъ рѣка. Приказъ 30 апрѣля 1749 года выноситъ осужденіе одному рыбаку, нарушившему этотъ законъ. Впрочемъ, сеньеры и сами, ловя рыбу, должны подчиняться общимъ постановленіямъ, выработаннымъ для рыболовства. Сеньеръ, обладающій высшимъ судомъ, можетъ предоставлять право рыбной ловли въ своей рѣкѣ другимъ лицамъ въ ленное или чинше-вое владѣніе.

Охота. Охота не подлежитъ отдачѣ на откупъ, какъ рыбная ловля. Это—личное право. Принято считать охоту королевскимъ правомъ, которымъ даже дворяне пользуются въ предѣлахъ подсудной имъ территоріи и на своемъ ленѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія короля. Таковъ смыслъ приказа 1669 года, главы 30. Судьи владѣльца могутъ разбирать всѣ правонарушенія въ области охоты, за исключеніемъ охоты на рыжихъ животныхъ (это, я полагаю, крупныя животныя—олени, лани), по которой злоупотребленія подсудны только королю.

Права охоты болѣе, чѣмъ кто-либо, лишены разночинцы, которые не получаютъ этого права даже тогда, когда владѣютъ собственными землями. Король не даетъ имъ разрѣшеній охотиться на его угодьяхъ. Даже ни одинъ помѣщикъ не смѣетъ пускать ихъ для этой цѣли въ свои лѣса, такъ ненарушимъ этотъ принципъ, такъ строго охраняется право. И все же нерѣдко мы видимъ, какъ владѣльцы разрѣшаютъ охоту не только дворянамъ, но и разночинцамъ. Владѣлецъ—высшій судья—можетъ охотиться на всемъ протяженіи подсудной ему

мѣстности, но только онъ одинъ. Въ этой мѣстности онъ имѣетъ право выпускать какія угодно постановленія, запрещенія, создавать препятствія для охоты. Всѣ владѣльцы леновъ, хотя бы и не обладающіе правомъ высшаго суда, могутъ охотиться на территоріи своихъ леновъ. Дворяне, не имѣющіе ни леновъ, ни судебныхъ полномочій, также могутъ охотиться на принадлежащихъ имъ земляхъ, прилегающихъ къ ихъ домамъ. Одного разночинца, владѣвшаго паркомъ на территоріи, подвѣдомственной высшему суду, приговоромъ суда обязали держать паркъ открытымъ, чтобы сеньеръ могъ тамъ развлекаться охотой; но этотъ приговоръ очень давняго происхожденія—1668 года.

Кроличьи садки. Въ тѣ времена ихъ нельзя было устраивать безъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Разночинцамъ устройство такихъ садковъ было дозволено, какъ и дворянамъ; но послѣдніе пользовались исключительнымъ правомъ держать хорьковъ.

Голубятни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычное право предоставляетъ устройство голубятенъ на подставкахъ только сеньерамъ съ высшимъ судомъ; въ другихъ—всѣмъ владѣльцамъ леновъ. Въ Дофинэ, Бретани, Нормандіи всѣмъ разночинцамъ запрещено имѣть и большія, и маленькія голубятни и птичники; только знатнымъ разрѣшается имѣть голубей. Кары за убіеніе голубей очень суровы: нерѣдко виновные несутъ тѣлесныя наказанія.

Таковы, по словамъ приведенныхъ авторовъ, важнѣйшія феодальныя повинности, еще налагавшіяся на населеніе во второй половинѣ XVIII вѣка. „Поборы, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, прибавляютъ авторы, относились къ числу общихъ повсемѣстныхъ установленій. Было еще цѣлое множество другихъ налоговъ и ограниченій, менѣе извѣстныхъ и менѣе распространенныхъ, существовавшихъ мѣстами въ силу обычнаго права въ нѣкоторыхъ сеньеріяхъ—даже на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ мѣстнымъ владѣльцамъ". Эти рѣдкія и ограниченныя территоріей привиллегіи, о которыхъ говорятъ здѣсь авторы и которыя они переименовываютъ, достигаютъ числомъ 99 и преимущественно ложатся бременемъ непосредственно на земледѣліе, предоставляя сеньерамъ извѣстныя права на урожаи или устанавливая дорожные сборы съ торговли сельско-хозяйственными продуктами, равно какъ и съ ихъ провоза. Авторы говорятъ, что нѣкоторые изъ этихъ поборовъ фактически не существовали уже въ ихъ время; однако, я думаю, что многіе изъ нихъ еще, должно быть, взимались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ 1789 году.

Познакомившись въ изложеніи феодистовъ XVIII вѣка съ тѣми главнѣйшими феодальными повинностями, которыя еще существовали въ то время, я пожелалъ еще узнать, насколько велико было ихъ значеніе въ глазахъ современниковъ, по крайней мѣрѣ—съ точки зрѣнія интересовъ тѣхъ, кто пользовался взимаемыми поборами, и тѣхъ, кто самъ несъ повинности.

Одинъ изъ авторовъ, о которыхъ я только что говорилъ Ренодонъ, даетъ намъ разъясненія, излагая тѣ правила, которыми должны руководствоваться исполнители закона, опредѣляя по имущественнымъ описямъ размѣръ различныхъ феодальныхъ сборовъ, существовавшихъ еще въ 1765 году, т.-е за 24 года до революціи. По словамъ этого законовѣда, въ этомъ отношеніи надлежало соблюдать слѣдующія правила:

Судебные сборы. „Обычное право нѣкоторыхъ изъ нашихъ мѣстностей опредѣляетъ сборы на высшій, низшій и средній судъ въ одну десятую дохода отъ земли. Сеньеріальная юстиція имѣла въ то время огромное значеніе; Эдмъ де Фремэнвилль полагаетъ, что въ наши дни на отправленіе правосудія не слѣдуетъ взимать больше двадцатой части земельныхъ доходовъ; я и эту оцѣнку считаю еще слишкомъ высокою".

Почетные сборы. Какъ ни трудно оцѣнивать эти привилегіи владѣльцевъ, однако, благоразуміе требуетъ отъ вѣдающихъ это дѣло установленія самой умѣренной расцѣнки,—такъ утверждаетъ нашъ авторъ, человѣкъ весьма положительный и не увлекающійся внѣшними данными.

Сеньеріальная барщина. Авторъ приводитъ правила для опредѣленія размѣра этихъ барщинъ; это показываетъ, что барщинное право еще примѣнялось время отъ времени; онъ оцѣниваетъ рабочій день вола въ 20 су, человѣка—въ 5 су, прибавляя сюда корма и харчи. Это довольно хорошо обрисовываетъ уровень заработной платы въ 1765 году.

Дорожные сборы. По поводу оцѣнки этой повинности авторъ говоритъ: „Нѣтъ владѣльческихъ сборовъ, которые слѣдуетъ устанавливать по такой низкой расцѣнкѣ, какъ дорожныя пошлины; онѣ весьма случайны; такъ какъ содержаніе наиболѣе полезныхъ для торговыхъ сношеній дорогъ и мостовъ составляетъ въ настоящее время заботу короля и провинцій, то множество дорожныхъ заставъ утратило свое значеніе,—ихъ упраздняютъ теперь сплошь и рядомъ".

Право рыбной ловли и охоты. Право рыбной ловли можетъ отдаваться на откупъ и можетъ подвергаться оцѣночнымъ изслѣдованіямъ; право охоты носитъ чисто личный характеръ и не подлежитъ передачѣ на откупъ; оно, такимъ образомъ, относятся къ числу почетныхъ, а не доходныхъ правъ, и оцѣнщики не могутъ дѣлать его предметомъ своихъ изслѣдованій.

Авторъ говоритъ, далѣе, въ частности, о помѣщичьихъ поборахъ—banalités, объ обложеніи продажи винъ (ban vin), ярмарочной и рыночной торговли (leyde), права пользованія пастбищами (blairie); отсюда видно, что именно эти привилегіи чаще всего осуществлялись и имѣли наибольшее значеніе. Авторъ прибавляетъ: „Существуетъ еще множество другихъ владѣльческихъ поборовъ, взимаемыхъ время отъ времени, и было бы слишкомъ долго, даже невозможно перечислить ихъ здѣсь; но въ только что приведенныхъ нами примѣрахъ опытные спеціалисты найдутъ указанія, достаточныя для опредѣленія размѣра тѣхъ налоговъ, о которыхъ мы не говоримъ".

Оцѣнка чиншеваго сбора. Въ большинствѣ случаевъ обычное право опредѣляетъ чиншевый сборъ въ 30 денье. Эта оцѣнка чинша такъ высока потому, что чиншевое

право даетъ, кромѣ собственно чинша, еще и побочные выгоды, какъ, напримѣръ, пошлины съ продажи помѣстій.

Феодальныя десятины, хлѣбная подать. Феодальныя десятины оцѣниваются не менѣе, чѣмъ въ 25 денье, такъ какъ этотъ видъ имущества не требуетъ ни заботъ, ни обработки, ни затратъ. Когда хлѣбная подать или хлѣбный оброкъ влечетъ за собою обязанность платить пошлину въ случаѣ продажи земли, т.-е. когда поле, обложенное хлѣбною податью, не можетъ быть продано безъ уплаты пошлины владѣльцу, обладающему верховною властью, за передачу земли въ другія руки, то эта случайность должна вызывать повышеніе оброка до 30 денье; если же это обстоятельство отсутствуетъ, то размѣръ оброка приравнивается къ оцѣнкѣ десятины.

Поземельныя ренты, не влекущія за собою ни уплаты пошлины въ случаѣ продажи имѣнія, ни права первенства при его покупкѣ (т.-е. ренты, лишенныя характера владѣльческихъ), должны оцѣниваться въ 20 денье.

Оцѣнка разнаго рода помѣстій, существовавшихъ во Франціи передъ революціей.

Мы знаемъ во Франціи, говоритъ авторъ, только три рода помѣстій:

1) Бѣлое помѣстье. Это свободное наслѣдственное имѣніе, не несущее никакихъ обязательствъ и не связанное никакими ни доходными, ни почетными владѣльческими повинностями или поборами.

Есть бѣлыя помѣстья дворянскія и бѣлыя помѣстья недворянскія. Дворянское бѣлое помѣстье отправляетъ правосудіе, отъ него зависятъ или лены, или чинши—оброчные округа; оно подчиняется законамъ феодальнаго права при раздѣлѣ. Недворянское бѣлое помѣстье не имѣетъ ни права суда, ни леновъ, ни чиншевъ и подвергается раздѣлу по обычаямъ разночинцевъ. Авторъ считаетъ полными собственниками земельныхъ угодій только владѣльцевъ бѣлыхъ помѣстій.

Оцѣнка наслѣдства, считающагося бѣлымъ помѣстьемъ. Такое наслѣдство должно получить самую высокую оцѣнку. Обычное право Оверни и Бургундіи доводитъ эту оцѣнку до 40 денье. Авторъ полагаетъ, что 30 денье было бы точнымъ опредѣленіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что недворянскія бѣлыя помѣстья, расположенныя на территоріи, подвѣдомственной владѣльческому суду, подлежали также этому суду. Это было подчиненіемъ не особѣ сеньера, а судебному установленію, замѣнявшему государственные трибуналы.

2) Второй родъ помѣстій составляли наслѣдственныя земли, содержимыя на правахъ леновъ.

3) Третій родъ помѣстій слагался изъ земель, содержимыхъ на основаніи чиншеваго права и называвшихся, на языкѣ юристовъ, roturеs.

Оцѣнка наслѣдства, управляемаго на правахъ лена. Чѣмъ больше надъ нимъ тяготѣетъ феодальныхъ повинностей, тѣмъ меньше должна быть его оцѣнка.

1. Въ мѣстностяхъ, обладавшихъ писанымъ правомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на основаніи обычнаго права, лены не требовали ничего, кромѣ устъ и рукъ, т.-е. подданническаго долга.

2. По обычному праву другихъ мѣстъ, лены, кромѣ устъ и рукъ, подвержены т. наз. опасности (danger), какъ въ Бургундіи, и подлежатъ commise, или феодальной конфискаціи, въ томъ случаѣ, когда новый собственникъ вступаетъ во владѣніе, не присягнувши на вѣрность и не засвидѣтельствовавши своихъ подданническихъ чувствъ.

3. Далѣе, обычное право Парижа и много другихъ связываютъ ленъ не только присягой и долгомъ подданства, но еще ленной податью, сборомъ пятины и пятой доли пятины.

4. Наконецъ, мѣстами, напр., въ Пуату и другихъ провинціяхъ, обычное право подчиняетъ ленъ оброку, конной повинности (поставка рабочихъ лошадей) и пр.

Наслѣдство первой категоріи должно оцѣниваться выше остальныхъ.

Обычное право Парижа устанавливаетъ оцѣнку въ 20 денье, что, повидимому, говоритъ авторъ, достаточно соотвѣтствуетъ имуществу.

Оцѣнка наслѣдственныхъ земель недворянскихъ и чиншевыхъ. Чтобы произвести такую оцѣнку, нужно раздѣлить эти земли на три класса:

1. Помѣстья содержатся на основаніи чиншеваго права;

2. Кромѣ чинша, они могутъ быть связаны другими формами зависимости;

3. Они могутъ составлять неотчуждаемую собственность, подлежать поземельному обложенію, сбору bordelage.

Изъ этихъ трехъ названныхъ нами видовъ недворянской собственности первый и второй были очень распространены въ XVIII столѣтіи; третій видъ встрѣчался рѣдко. Оцѣнка помѣстій, говоритъ авторъ, становится все ниже по мѣрѣ приближенія ко второму и, особенно, къ третьему классу. Владѣльцы имѣній третьяго класса не являются даже, въ сущности, собственниками, такъ какъ они не могутъ отчуждать земли безъ разрѣшенія сеньера.

Поземельная роспись наслѣдственнаго помѣстья. Привожу изложенныя названными выше феодистами правила, опредѣляющія способъ составленія и возобновленія сеньеріальныхъ реестровъ, такъ называемыхъ terriers, о которыхъ я неоднократно говорилъ въ текстѣ. Terrier представлялъ собою, какъ извѣстно, единственный реестръ, въ которомъ были переименованы всѣ документы, свидѣтельствующіе о правахъ сеньеріи—правахъ какъ владѣльческихъ, такъ и почетныхъ—поземельныхъ, личныхъ и смѣшанныхъ. Сюда обыкновенно включали всѣ заявленія чиншевиковъ, описанія обычаевъ сеньеріи, договоры съ чиншевиками и пр. По парижскому обычному праву, говорятъ наши авторы, сеньеры могли возобновлять свои terriers черезъ каждыя тридцать лѣтъ въ ущербъ чиншевикамъ. Но тутъ же добавлено: „Тѣмъ не менѣе, въ лучшемъ случаѣ можно найти по одному terrier на цѣлое столѣтіе“. Нельзя возобновить эту поземельную роспись (а это предпріятіе было очень стѣснительно для всѣхъ зависѣвшихъ отъ

сеньеріи), не получивши полномочія или такъ наз. lettres à terrier,—отъ главной канцеляріи, если дѣло касается сеньерій, расположенныхъ на земляхъ, подвѣдомственныхъ различнымъ парламентамъ, или отъ парламента—въ обратномъ случаѣ. Нотаріусъ назначается судомъ. Къ этому нотаріусу должны являться всѣ вассалы, дворяне и разночинцы, чиншевики, эмфитевты (долгосрочные аредаторы) и всѣ, подсудные сеньеріи. Къ поземельной росписи долженъ быть приложенъ планъ сеньеріи.

Независимо отъ поземельной росписи, въ сеньеріи имѣлись и другіе реестры, такъ наз. lièves, въ которые владѣльцы или ихъ откупщики вносили суммы, полученныя ими отъ чиншевиковъ, съ ихъ подписями и обозначеніемъ дня выдачи имъ росписки.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	3

Книга первая.

ГЛАВА I.

Противоположныя мнѣнія, высказанныя по поводу революціи при ея возникновеніи 14

ГЛАВА II.

Цѣль революціи не заключалась, какъ это думали, въ томъ, чтобы уничтожить религіозную власть и ослабить власть политическую 18

ГЛАВА III.

Какъ и почему революція, будучи политической, по своимъ пріемамъ походила на религіозную 23

ГЛАВА IV.

Какъ почти вся Европа имѣла совершенно однородныя учрежденія, и какъ эти учрежденія повсюду исчезли. 28

ГЛАВА V.

Въ чемъ заключалась главная задача французской революціи 33

Книга вторая.

ГЛАВА I.

Почему феодальныя права стали болѣе ненавистными народу во Франціи, чѣмъ въ другихъ странахъ . . 36

ГЛАВА II.

Административная централизація есть учрежденіе стараго порядка, а не продуктъ революціи или имперіи, какъ утверждаютъ 47

ГЛАВА III.

Какимъ образомъ то, что называется теперь административной опекой, называется учрежденіемъ стараго порядка 57

ГЛАВА IV.

О томъ, что административная юстиція и судебныя изъятія въ пользу чиновниковъ представляютъ учрежденія стараго порядка 68

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ централизація могла проникнуть въ среду старыхъ властей и занять ихъ мѣста, не уничтожая ихъ въ то же время 73

ГЛАВА VI.

Объ административныхъ правахъ при старомъ порядкѣ . 76

ГЛАВА VII.

Какъ столица пріобрѣла во Франціи уже при старомъ порядкѣ такое преобладаніе надъ провинціями и поглощала силы всего государства, какъ нигдѣ въ Европѣ 88

ГЛАВА VIII.

О томъ, что Франція стала страной, въ которой люди были болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, похожими другъ на друга. 93

ГЛАВА IX.

О томъ, что, несмотря на все свое сходство, эти люди были болѣе, чѣмъ когда-либо, раздѣлены на небольшія, чуждыя и равнодушныя другъ къ другу группы. 98

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ разрушеніе политической свободы и разобщеніе общественныхъ классовъ породили почти всѣ недуги, благодаря которымъ погибъ старый порядокъ 114

ГЛАВА XI.

О томъ видѣ свободы, который существовалъ при старомъ порядкѣ, и о его вліяніи на революцію . . 125

ГЛАВА XII.

О томъ, что, несмотря на успѣхи цивилизаціи, положеніе франц. крестьянина иногда бывало хуже въ XVIII в., чѣмъ въ XIII 139